

Леонид Люкс

**Два облика тоталитаризма.
Сравнительные очерки об истоках и
характере большевизма и
национал-социализма**

**Исторические исследования.
Книжное приложение к журналу
«Форум новейшей восточноевропейской
истории и культуры».
Том 1.**

Айхштетт 2014

Леонид Люкс

Два облика тоталитаризма.
Сравнительные очерки об истоках
и характере большевизма и
национал-социализма

Исторические исследования.
Книжное приложение к журналу
«Форум новейшей восточноевропейской
истории и культуры»

Том 1, 2014

Адрес редакции:
Zentralinstitut für Mittel- und Osteuropastudien
Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt
Ostenstraße 27
D-85072 Eichstätt
E-Mail: zimos@ku.de

Содержание

Вместо вступления	
Особые пути России и Германии	5
I. Истоки тоталитарных движений в России и Германии	
«Еврейский вопрос» в публицистике Ф.М. Достоевского и Г. фон Трейчке	9
Программные манифесты двойной тоталитарной революции 20-го века – <i>Основы XIX века</i> Чемберлена и <i>Что делать?</i> Ленина	31
Тоталитарная личность в контексте Новейшей истории России и Германии	63
II. Тоталитарные утопии у власти	
Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? Заметки к одной дискуссии	81
О двойственности сталинизма и национал-социализма	94
Итальянский фашизм и национал-социализм: Краткая заметка о параллелях и различиях (По поводу интервью проф. В. И. Михайленко в <i>Известиях УРФУ</i> «Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена»)	100
III. Коминтерн и фашизм	
Реакция Коминтерна на возникновение и приход к власти итальянского фашизма (1920-1923)	103
Коминтерн и правый экстремизм в Германии в 1923 году	147

„Демон русской революции“ или ее последний романтик? –
Троцкий в борьбе против Сталина и Гитлера 170

Коммунистические теоретики о фашизме (1921-1935):
озарения и просчеты 177

IV. Русские мыслители о тоталитарных утопиях у власти

Семен Франк о тоталитарных соблазнах XX века 205

Против левого и правого тоталитаризма – эмигрантский журнал
Новый Град о европейском кризисе 1930-х годов 224

Парадоксы Сталинграда – *Жизнь и судьба* Василия
Гроссмана (1905-1964) 233

V. Миф о «еврейском большевизме»

О книге Александра Солженицына *Двести лет вместе (1795-1995)*,
два тома, Москва, Русский Путь, 2001-2002 гг. 241

Мифы о причинах и следствиях большевистской революции 247

VI. Тоталитарные вызовы в неустойчивых демократиях

Демократия, которая не сумела себя защитить –
к 95-тилетию Февральской революции 253

Призрак фашизма в посткоммунистической России 261

«Веймарская Россия?» – заметки об одном спорном понятии 268

Коротко о книге 287

Коротко об авторе 288

Вместо вступления – Особые пути России и Германии*

XX столетие, окончившееся в Европе победоносным шествием либерально-демократических идей, начиналось с бунта против плюралистически устроенных обществ и отстаиваемых ими ценностей. В своем радикализме бунт этот превзошел все предшествующие волнения подобного рода. Германия и Россия образовали центр этого восстания против ценностей, которые принято ассоциировать с Западом. Конечно, необходимо иметь в виду, что этот бунт в Германии, с одной стороны, и в России с другой вдохновлялся диаметрально противоположными идеями. В Германии антизападное восстание было направлено в первую очередь против идеалов Французской революции, против так называемых «идей 1789 года». Этим идеалам противопоставил дух лета 1914 года – начала Первой мировой войны. Казалось, что Германии удалось создать некую альтернативу западной модели: ею стало обновленное военной эйфорией 1914 года немецкое общество. В своем патриотическом воодушевлении немцы, словно бы преодолели все политические, конфессиональные, социальные и региональные конфликты. Расколотая прежде нация объединилась. Она более «не знала никаких партий».

Несмотря на то, что Германия была частью западного мира, радикальная критика многих конститутивных для этого мира ценностей являлась традиционным элементом немецкой культурной истории. Еще Федор Достоевский назвал Германию «страной протестующей». В «Дневнике писателя» за май-июнь 1877 г. он писал:

«Характернейшая ... черта этого великого, гордого, особого народа, с самой первой минуты его появления в историческом мире, состояла в том, что он никогда не хотел соединиться в призвании своем ... с крайне-западным миром, т.е. со всеми преемниками древне-римского призвания. Он *протестовал* против этого мира все две тысячи лет, и хоть и не представил ... Своего Слова ... взамен древнеримской идеи, но кажется всегда был убежден, что в состоянии представить это Новое Слово»¹

Антрополог Гельмут Плесснер объяснял немецкий протест против Запада, достигший своей первой кульминации в 1914 году, среди прочего тем, что Германия «упустила» из-за опустошительной Тридцатилетней войны XVII век, эпоху, когда началось победное шествие просвещения и политического гуманизма. В немалой степени это «упущение» было виной тому, что Германия оказалась

* Сокращенная немецкая версия этого сборника статей была опубликована в кёльнском издательстве Бёлау (Luks Leonid. *Zwei Gesichter des Totalitarismus. Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich. 16 Skizzen.* Köln: Böhlau Verlag, 2007).

Автор выражает благодарность издательству Бёлау за разрешение на публикацию расширенной русской версии этого сборника.

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год. Умса-Press Paris. С. 209-210.

«опоздавшей» нацией превратившись в противника Запада и сформировавших Запад идей.²

Иначе обстояло дело в начале XX века в России. Здесь отталкивание от Запада вдохновлялось западными же идеями, прежде всего идеями 1789 года. В 1917 году казалось, что России суждено стать новым прибежищем идеалов 1789 года, которые якобы предала западная буржуазия.

Во второй половине XIX и в начале XX веков Россия относилась к тем сравнительно немногим европейским странам, где непрерывно усиливались социальные конфликты. В Западной и в Центральной Европе они, напротив, утихали. Революционная эпоха там закончилась после неудавшейся революции 1848 года. Западные правительства, до 1848 года одержимые постоянным страхом перед призраком революции, теперь могли, наконец, вздохнуть спокойно. После событий 1848-49 годов в западном мире усилился процесс общественной интеграции и консолидации. При этом национализм служил объединяющей идеей, успешно отвлекавшей все более широкие слои общества от внутренних конфликтов.

Какой контраст с Россией! 1848 год практически не затронул страну, поэтому здесь не наступило и разочарование в революционной идее. В то время, как на Западе многие из прежних радикалов, стали все больше склоняться к национальной идее, в России становился все привлекательней революционный идеал. Любая критика этого идеала воспринималась радикально настроенной частью российских образованных кругов как предательство, писал в 1924 году русский философ Семен Франк. В предреволюционной России требовалось немалое гражданское мужество, чтобы открыто признаться в приверженности политике компромиссов.³ Как утверждает историк Теодор Шидер, бескомпромиссность и абсолютизм революционных убеждений русской интеллигенции на Западе были практически неизвестны.⁴

Тот факт, что после «неудавшейся революции» 1905 года впервые в истории России было введено разделение властей, что страна сделала громадный шаг к созданию правового государства, не произвел почти никакого впечатления на приверженцев радикальных социальных программ. Их интересовала не эволюция, а революция, решительное уничтожение старого общества, крах старого несовершенного мира и создание социального «рая на земле». В сторонниках либеральной модели, понимавших политику как искусство возможного, социальные утописты видели наиболее опасных врагов, куда опаснее консерваторов, защитников *Ancien régime*. Либералы старались смягчить классовые противоречия и приглушить народный гнев. Этим они, по мнению леворадикальных критиков либерализма, в первую очередь большевиков, лишь способствовали продлению жизни обреченного на гибель порядка. Большевики играли на глубоко укоренен-

² Plessner Helmuth. Die verspätete Nation. Stuttgart, 1974.

³ Франк Семен. Крушение кумиров. Berlin, 1924. С. 15-16.

⁴ Schieder Theodor. Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert / Idem. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. 2. Aufl., München, 1970. P. 11-57.

ном в народных слоях стремлении к социальной справедливости, прежде всего к социальному равенству. Российская этика – эгалитаристская и коллективистская, указывал в этой связи русский историк и публицист Георгий Федотов; из всех форм справедливости равенство стоит для русских на первом месте.⁵

Результатом восстаний против ассоциируемых с Западом идей было возникновение тоталитарных режимов в России и в Германии, а также «полутоталитарного» режима в Италии. Цели, которых эти режимы пытались достичь, были сформулированы еще некоторыми радикальными мыслителями XIX в., однако по характеру своему эти цели были совершенно утопическими. В XX в. выяснилось, однако, что эти утопии не столь далеки от жизни, как это представлялось вначале.

Тоталитарные режимы совершая беспримерные в истории преступления, действовали как бы от ее имени, считали, что они олицетворяют смысл истории, и что они являются победителями в исторической борьбе. Однако в середине XX века их победоносное шествие было приостановлено, а в конце столетия они потерпели полный крах. Анализу причин их успехов и поражений, их сходствам и различиям, а также их идеологическим истокам будут посвящены статьи данного сборника.

Так как статьи вошедшие в сборник публиковались ранее в разных изданиях независимо друг друга, они содержат иногда некоторые повторения, которых полностью избежать не удалось. Кроме того хочу подчеркнуть, что тексты сборника, это, как правило, эссе и зарисовки, которые не претендуют на то, чтобы полностью исчерпать заданные темы, а пытаются к ним лишь приблизиться.

⁵ Федотов Георгий. Народ и власть // Вестник РСХД. 1969. № 94. С. 89.

I. Истоки тоталитарных движений в России и Германии

«Еврейский вопрос» в публицистике Ф.М. Достоевского и Г. фон Трейчке*

В 70-е – начале 80-х годов XIX в. в Германии и России шли дискуссии по «еврейскому вопросу», повлиявшие на дальнейшие русско-еврейские и немецко-еврейские отношения. Кипение вызванных этими дискуссиями в обществе страстей было не в последнюю очередь связано с тем, что их главными действующими лицами стали властители дум тех времен - Ф.М. Достоевский и Г. фон Трейчке.

Если сравнивать аргументы Достоевского и Трейчке, бросается в глаза их поразительное сходство. И это несмотря на то, что положение немецких евреев принципиально отличалось от ситуации, в которой находились их русские единовверцы. Если в Германии к тому времени процесс эмансипации евреев почти завершился, то в России при царе-освободителе Александре II он только начинался. Тем не менее, и русский, и немецкий авторы были убеждены в том, что евреи образуют внутри современных наций неинтегрируемое «государство в государстве» («status in statu»), представляющее огромную опасность для соответствующих стран. Чем же объясняются эти параллели в мышлении Достоевского и Трейчке? Вероятно, что их юдофобия была вызвана тем, что они мечтали о всеобщем национальном примирении и рассматривали евреев как главную помеху на этом пути. Этот вопрос находится в центре внимания данной статьи. Однако сначала мы рассмотрим внутривнутриполитическое положение России и Германии в 1870-е – начале 1880-х годов, в то время, когда развернулись упомянутые споры по «еврейскому вопросу».

К национальным особенностям Германии и России на протяжении столетий относился глубокий внутренний раскол обеих наций. В Германии он имел, прежде всего, политико-конфессиональные, а в России – социально-культурные основы. Во второй половине XIX в. обе страны пережили короткие фазы национального

* Расширенная версия статьи, опубликованной в журнале *Вопросы философии* (2012. № 6). Ранее опубликовано в: *Deutschland, Rußland und das Baltikum. Beiträge zu einer Geschichte wechselvoller Beziehungen. Festschrift zum 85. Geburtstag von Peter Krupnikow / Ed. F. Anton, L. Luks. Köln, 2005. P. 155-186.*

примирения. Они были связаны с революциями «сверху». В России, как и Германии, как тогда казалось, были осуществлены давние мечты о преодолении социального и политического разрыва внутри нации. В Российской империи либеральный монарх Александр II (1855-1881) возглавил Великие реформы, основой которых была отмена крепостного права. В Германии канцлер Отто фон Бисмарк преодолел политическую раздробленность страны и решил задачу, которую не смогла решить революция 1848 г. Оба подарка «сверху» были сначала с благодарностью приняты тогдашним обществом. Всеобщее примирение правителей и их подданных казалось очень близким, еще сохранявшиеся внутривнутриполитические противоречия начинали сглаживаться. В России под влиянием этой временной атмосферы национального единства оказались даже радикальные противники существовавшего строя, такие, как анархист Михаил Бакунин. Он призвал политические группировки, желавшие продолжения революционной борьбы, к ее замедлению¹.

Здесь надо упомянуть, что наряду с пропастью, разделявшей господствующую бюрократию и силы, критически настроенные по отношению к режиму, русский образованный слой сотрясал также и ожесточенный спор между западниками и славянофилами, который особенно обострился после публикации «Философического письма» Петра Чаадаева в 1836 году в журнале «Телескоп». Западники считали «открытие» России в Европу, совершенное Петром Великим, благом, славянофилы – проклятием. Во время «оттепели» первых лет правления Александра II были попытки преодолеть эту пропасть. С особой страстью за примирение между обоими идеологическими лагерями выступала группировка почвенников, наиболее видными представителями которой были поэт Аполлон Григорьев, Федор Достоевский и его брат Михаил². Почвенники вскрывали недостатки концепций западников и славянофилов и указывали на недоразумения, способствовавшие появлению противоречий между ними.

Канадский историк В. Даулер, глубоко изучивший программу почвенников, указывал на то, что честолюбие этой группы и ее печатного органа «Время» играть во внутрирусском споре роль своего рода арбитра, воспринималось самими участниками полемики как проявление дерзости. Вместо того чтобы примирить обе партии между собой, почвенники втянулись в своего рода борьбу на два фронта – как против радикалов-западников, так и против славянофилов³.

Быстрый восход и скорый закат почвенничества был одинаково символичен для кратковременных либеральных надежд первых лет правления Александра II и последовавших затем разочарований. Вместо преодоления внутренних разногласий и всеобщего примирения, Россия пошла по пути, ведущему к всеобщей конфронтации. Революционная интеллигенция, непримиримая противница царизма, неуклонно радикализировалась, несмотря на тот факт, что правительство

¹ Полонский В. Жизнь Михаила Бакунина 1814-1873. 3-е изд. Ленинград, 1926.

² См. об этом: Dowler W. Dostoevsky, Grigor'ev, and Native Soil Conservatism. Toronto, 1982.

³ Ibid.

в Петербурге одно за другим выполняло требования, на протяжении поколений выдвигаемые критиками русского самодержавия: освобождение крестьян, ослабление цензуры, судебная реформа, создание относительно независимого самоуправления. Для радикальных противников монархии это не имело значения. Более того: чем либеральнее был существовавший режим, тем радикальнее боролась против него интеллигенция. Вера в целительную силу революции, которая на Западе после поражения революции 1848-1849 гг. все более слабела, лишь теперь в полной мере охватила оппозиционно настроенное русское общество. В предреволюционной России требовалось особое гражданское мужество, чтобы открыто отстаивать политику компромисса, отмечал русский философ Семен Франк⁴. Кёльнский историк Теодор Шидер добавлял в этой связи: «Безусловность и абсолютизм, которые характеризовали революционные убеждения русской интеллигенции, были практически неизвестны на Западе»⁵.

В 1869 г., в то время, когда правительство Александра II кардинально обновляло Россию, изменяя ее почти до неузнаваемости, один из самых радикальных противников режима Сергей Нечаев опубликовал так называемый «Катехизис революционера», в котором писал: «Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией [...] Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить»⁶.

Непримиримый экстремизм, революционный самообман части русской интеллигенции Достоевский беспощадно разоблачает в «Бесах» - одном из великих романов мировой литературы. Достоевский имел дело лишь с первыми проявлениями этого извращенного мировоззрения, но он как наблюдатель с ранее невиданной точностью разглядел, к каким разрушительным последствиям может привести такой образ мысли.

Достоевский рассматривал фанатическое самопожертвование, с которым борники революции служили своим идеалам, своей непоколебимой вере в грядущий рай на земле, как извращенную религиозность, своего рода идолопоклонство. Для таких революционеров социализм имел лишь внешние черты социально-политической доктрины. Гораздо важнее политических амбиций было его

⁴ Франк С. Крушение кумиров. Berlin, 1924. С. 15-16.

⁵ Schieder T. Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert / Idem. Staat und Gesellschaft im Wandel der Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. München, 1970. P. 11-57. Цит. р. 42-43.

⁶ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Ред. Е.Л. Рудницкая. М., 1997. <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/nechaev.htm>.

стремление стать альтернативой христианству⁷. Хотя такое понимание социализма претендовало на универсальную значимость, оно в первую очередь относилось к России, а не к Западу.

Достоевский в «Бесах» разоблачает не только социалистических, но и националистических кумиров. Автор впутывает Шатова, протагониста идеи избранности русской нации, в спор с главным героем романа Ставрогиным: «Низвожу бога до атрибута народности? - вскричал Шатов, - напротив, народ возношу до бога [...]. Народ - это тело божие. Всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения; пока верует в то, что своим богом победит и изгонит из мира всех остальных богов [...]. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ "богоносец" – это - русский народ». Когда после этой тирады Ставрогин задал Шатову вопрос: „Веруете вы сами в бога или нет?“ Шатов в исступлении залепетал: „Я... я буду веровать в бога“⁸.

Ввиду столь яркого разоблачения автором националистических заблуждений одного из героев своего романа, идеология, отстаиваемая в публицистике Достоевского, представляется нам тем более непонятной. Она во многом напоминает концепцию Шатова, так как Достоевский пытается преодолеть расколовшие Россию социальные и национальные противоречия с помощью проповеди национальной идеи. В январе 1877 г. в своем «Дневнике писателя» Достоевский выдвинул следующий постулат: «Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной»⁹.

Эта вера, которая возвышала Древний Рим, Францию и Германию, продолжает свою мысль Достоевский, естественно, отличала также русский народ, прежде всего, славянофилов, которые верили в то, что «Россия вкупе со славянством и во главе его, скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал, и что это слово именно будет заветом общечеловеческого единения, и уже не в духе личного эгоизма, которым люди и нации искусственно и неестественно единятся теперь в своей цивилизации»¹⁰.

Достоевский связывал большие надежды с началом в 1877 г. русско-турецкой войны, которую гёттингенский историк Рихард Виттрам охарактеризовал как первую и единственную панславистскую войну России¹¹. Достоевский надеялся,

⁷ См. романы Ф.М. Достоевского «Бесы» и «Идиот».

⁸ Достоевский Ф.М. Бесы / Он же. Собрание сочинений в 15-ти т. Т. 7. Л., 1990.

⁹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб., 2010. С. 250.

¹⁰ Там же. С. 254-255.

¹¹ Wittram R. Das russische Imperium und sein Gestaltwandel // Historische Zeitschrift. 1959. Vol. 187. P. 568-593, здесь p. 588.

что эта война за освобождение южных славян, восставших против гнета турок-осман, сможет объединить разобщенное русское общество: «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь “братьев-славян“, измученных турками, поднимаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим [...]. Мудрецы кричат и указывают, что мы погибаем и задыхаемся от наших собственных внутренних неустройств, а потому не войны желать нам надо, а, напротив, долгого мира [...]. Любопытно в таком случае, [...] каким образом сами-то они приобретут себе честь явным бесчестием?»¹².

Этим русским скептикам, но также западным противникам России, Достоевский решительно заявляет: «И начало теперешней *народной* войны, и все недавние предшествовавшие ей обстоятельства показали лишь наглядно всем, кто смотреть умеет, всю народную целость и свежесть нашу и до какой степени не коснулось народных сил наших то растление, которое загноило мудрецов наших[...]. Проглядели они весь русский народ, как живую силу, и проглядели колоссальный факт: союз царя с народом своим! Вот *только это* и проглядели они!»¹³.

Поразительно, насколько Достоевский, который в своих литературных произведениях дальновидно и с беспрецедентной остротой предвидел трагедии XX века, был далек от реальности в своей публицистике. Его вводила в заблуждение иллюзия национальной сплоченности, сопровождавшей войну 1877-1878 гг.; он проглядел фактический масштаб тогдашнего раскола нации.

Через четыре года после того, как Достоевский писал о «единении царя со своим народом», самый либеральный в новейшей русской истории царь был убит террористами из организации «Народная воля». Победоносная война против Турции никоим образом не способствовала национальному примирению. Наоборот, процесс поляризации русского общества стал после этого события еще более радикальным.

Германия, также как и Россия, переживала в то время стадию своего развития, которая не особенно радовала сторонников национальной гармонии. Объединение Германии, воспринимавшееся многими немцами как своего рода завершение национальной истории, было связано с эйфорическими ожиданиями. Некоторые даже спрашивали себя, почему именно их поколение заслужило честь быть свидетелем эпохальных изменений. Историк Генрих фон Сюбелль в письме своему коллеге Герману Баумгартену от 27 января 1871 г. точно выразил это состояние:

¹² Достоевский. Дневник писателя. С. 305; см. также: Виноградов В.Н. Канцлер М. Горчаков в водовороте восточного кризиса 70-х годов XIX века // Славяноведение. 2003. № 5. С. 16-24. Цит. с. 18.

¹³ Достоевский. Дневник писателя. С. 307-308.

«Чем мы заслужили милость божью переживать столь великие грандиозные события? Как же нам жить после этого? То, что 20 лет было содержанием всех желаний и стремлений, теперь сбылось бесконечно великолепным образом! Как же теперь жить дальше, где в мои годы найти новый смысл, необходимый для продолжения жизни?»¹⁴.

Однако история, в противоположность тезису современного американского политолога Фрэнсиса Фукуямы, не имеет конца – она продолжается. Эйфория в Германии очень быстро пошла на убыль, так как ожидавшееся национальное примирение, несмотря на беспрецедентные внешнеполитические успехи Бисмарка, так и не состоялось. Более того, курс „железного канцлера“, направленный на внутривнутриполитическую конфронтацию, на сталкивание в духе Макиавелли одних политических течений с другими, обострил уже наличествующие и не преодоленные противоречия и конфликты интересов. Все новые группировки – католики, социал-демократы, сторонники партикуляризма – попадали в категорию врагов империи. После консервативного поворота, совершенного рейхсканцлером в 1878 г., даже национал-либералы, прежде всего их левое крыло, (представители тех групп общественности, которые с особенной благодарностью приняли «подарок» Бисмарка немцам – создание Германской империи), в конце концов, поссорились с правительством.

Депрессивному настроению также поспособствовал «дар данайцев» – неожиданно быстрая уплата побежденными французами наложенных на них военных контрибуций, что способствовало биржевому краху эпохи грюндерства 1873 г. Тогда стремительный процесс модернизации страны, который сопровождал бисмарковскую революцию «сверху», получил первый удар. Многие начинали сомневаться в смысле модернизации и ставить под вопрос, прежде всего, либеральные ценности, которые рассматривались как синоним модерна: «[Либеральная] манчестерская политика опасна для общества и государства, - писал вскоре после краха грюндерства журналист Отто Глагау, один из самых радикальных критиков либеральных идей. - Все честные и доброжелательные люди должны энергично преодолевать ее и объединяться с этой целью, вне зависимости от того, к какому партийному направлению они принадлежат»¹⁵.

Бурную кампанию против либерального мировоззрения проводил тогда и востоковед Пауль де Лагард, который в своих культурно-пессимистичных «Немецких письмах» в определенной степени предопределил ход мысли идеологов «консервативной революции» Веймарских времен¹⁶.

¹⁴ Цит. по: Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. Frankfurt/Main, 1980. P. 467.

¹⁵ Claussen. D. Vom Judenhaß zum Antisemitismus. Materialien einer verleugneten Geschichte. Darmstadt, 1987. P. 97.

¹⁶ О «консервативной революции» см.: Rauschnig H. The Conservative Revolution. N.Y., 1941; Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland. Der Grundriß ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950; Sontheimer K. „Der Tatkreis“ // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1958. № 6. P. 229-260; idem. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968; Kuhn H. Das geistige Gesicht der Weimarer Republik // Zeitschrift für Politik. 1961. № 8. P. 1-10; Klemperer von.

Лагард и его единомышленники считали евреев важнейшими распространителями либерализма; таким образом, инспирированное ими сопротивление модернизации было направлено в первую очередь против евреев. В 1881 г. Лагард пришел к следующему выводу: «Евреи и либералы - это естественные союзники, так как они - не натуральные, а искусственные продукты. Кто не хочет, чтобы в Германской империи действовали гомункулы, [...] тот должен бороться с евреями и либералами»¹⁷. Идентифицируя модернизацию с евреями, Лагард и его единомышленники, очевидно, пытались разорвать порочный круг: безнадежная битва со всемогущими и анонимными силами модернизации превращалась в борьбу против конкретных и чрезвычайно уязвимых евреев. Победа над евреями или их «удаление» автоматически должно было привести к установлению патриархальной идиллии и восстановлению органического единства нации, которых стране мучительно не хватало. Так намечались контуры беспрецедентной «биологистической» или расистской революции. Израильский историк Яков Талмон характеризовал ее следующим образом: «Расистский антисемитизм был направлен исключительно против евреев как уничтожителей целостности нации (или расы) и разрушителей ее безошибочных природных инстинктов. Еврей, капиталист или социалист, объявлялся носителем чуждых абстрактных ценностей, разрушителем национальной солидарности, поджигателем классовой войны и подстрекателем внутренней смуты; еврей был эксплуататором-космополитом, вступившим в заговор ради мирового господства. Устранить евреев предполагалось ради социальной и национальной революции и морального возрождения нации. В общепринятом понимании еврей со времен Моисея был призван выступать в качестве вечного подстрекателя „низов“ против национальной элиты и высшей расы»¹⁸.

Какими же методами борцы против мнимого «еврейского засилия» в бисмарковской империи хотели способствовать внутренней консолидации и «выздоровлению» немецкой нации? Отто Глагау предлагал «терапию» такого рода: «Я не хочу ни уничтожать евреев, ни изгонять их из страны; и я ничего не хочу брать у них из того, чем они владеют, но я хочу изменить наше отношение к ним, изменить до основания. Наша фальшивая толерантность и сентиментальность, слабость сострадания и страх не должны больше сдерживать нас, христиан, от протеста против вывертов, выходов и незаконных притязаний еврейства. Мы не можем дольше терпеть то, что евреи толпятся всюду, постоянно вырываясь на пе-

K. Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1962; Stern F. Kulturpessimismus als politische Gefahr. Bern, 1963; Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993; Luks L. „Eurasier“ und „Konservative Revolution“. Zur antiwestlichen Versuchung in Rußland und in Deutschland // Deutschland und die Russische Revolution 1917-1924 / Ed. G. Koenen, L. Kopelew. München, 1998, P. 219-239.

¹⁷ Lagarde de P. Deutsche Schriften. 5. Aufl. Göttingen, 1920. P. 349; о Лагарде см., напр., Stern. Kulturpessimismus; Pulzer Peter G.J. Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867-1914. Gütersloh, 1966. P. 75-76; Nipperdey Thomas. Deutsche Geschichte 1866-1918. Vol. 1. Arbeitswelt und Bürgergeist. München, 1990. P. 825-826.

¹⁸ Talmon J. The Myth of the Nation and the Vision of Revolution. The Origins of Ideological Polarisation in the Twentieth Century. L., 1981. P. 13.

редний план, на вершину, захватывают руководство, берут себе главное слово. Они постоянно отодвигают нас, христиан, в сторону, прижимают нас к стенке, лишают нас воздуха и дыхания [...]. Всемирная история не знает другого такого примера, чтобы народ без отечества, принадлежащий к физически и психически решительно дегенерировавшей расе, лишь обманом и хитростью, ростовщицеством и махинациями управлял всем земным шаром»¹⁹.

Пауль де Лагард добавлял: «Каждое чужеродное тело, живущее внутри другого, вызывает неприятные ощущения, болезнь, часто даже нагноение и смерть [...]. Евреи как таковые – чужаки в каждом европейском государстве и, как чужаки, не несут с собой ничего иного, кроме разложения. Если они хотят быть членами нееврейского государства, то они должны от всего сердца и изо всех сил отвергнуть закон Моисеев, цель которого - сделать их чужими всюду, кроме Иудеи [...]. Этот закон и вытекающее из него озлобляющее высокомерие превращает их в чуждую расу. Однако мы не можем так просто терпеть нацию внутри нации»²⁰.

Эта кампания против «еврейских нарушителей спокойствия», якобы препятствующих достижению столь призрачного национального согласия, достигла наибольшей силы, когда к ней примкнул Генрих фон Трейчке, выдающийся немецкий историк и влиятельный публицист своего времени.

В статье от 15 ноября 1879 г. под названием «Наши перспективы», открывшей новую главу в истории вражды немцев к евреям, Трейчке сначала выступил против так называемого «скандального антисемитизма»; при этом он задавался вопросом: «так уж беспричинен народный гнев, направленный против евреев, и давал на него такой ответ: „Нет, в действительности инстинкт масс правильно распознал большую опасность, высокий риск причинения евреями ущерба новой немецкой жизни. Если сегодня говорят о еврейском вопросе в Германии, то это не пустые слова”». Затем Трейчке сделал выводы, оказавшие еще более разрушительное воздействие на дальнейшее развитие политической культуры Германии, чем некоторые провокационные призывы «скандальных антисемитов»; он писал: «[Это] уже хорошо, что зло, которое чувствовал каждый, но никто не хотел его касаться, обсуждается теперь открыто. ... Лица с высшим образованием, люди, которые с отвращением отвергли бы всякую мысль о религиозной нетерпимости

¹⁹ Claussen. Vom Judenhaß zum Antisemitismus. P. 103-104.

²⁰ Lagarde. Deutsche Schriften. P. 278; об антисемитизме в кайзеровской империи см.: Pulzer. Die Entstehung des politischen Antisemitismus; Jochmann W. Gesellschaftskrise und Judenfeindschaft in Deutschland 1870-1945. Hamburg, 1991; Zechlin E. Die deutsche Politik und die Juden im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 1969; Stern F. Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder. Frankfurt/Main, 1980; Volkov S. Jüdisches Leben und Antisemitismus im 19. und 20. Jahrhundert. Zehn Essays. München, 1990; Poliakov L. Geschichte des Antisemitismus. Vol. 7. Worms, 1988. P. 13-43.

или национальном высокомерии, сегодня все как один утверждают: евреи - это наше несчастье!²¹».

Критика Трейчке, направленная против евреев, в некоторых пунктах совпадала с аналогичными высказываниями «скандальных антисемитов»: их даже можно было спутать друг с другом. Так, Трейчке писал: «Бесспорно, семиты - в большой мере соучастники лжи и обмана, дерзкой жадности и бесчинств эпохи грюндерства. Они несут тяжелую совиновность за гнусный материализм наших дней, любую работу они рассматривают лишь как источник прибыли [...]; в тысячах немецких деревень сидит еврей, который богатеет, скупая имущество своих соседей. Среди ведущих деятелей искусства и науки число евреев не очень велико; тем активнее толпа третьестепенных талантов, состоящая из семитов [...]. Однако наиболее опасен несправедливый перевес иудеев в ежедневной печати»²².

Как же хотел Трейчке решить так называемый «немецко-еврейский вопрос»? Он был против нового лишения прав евреев, как того требовали многие радикальные антисемиты: «отказ от состоявшейся эмансипации [...] был бы очевидной неправомерностью, отходом от хороших традиций нашего государства и в большей мере обострил бы, чем смягчил, национальные противоречия, которые терзают нас».

Трейчке рассматривал в качестве единственно возможного средства преодоления немецко-еврейских противоречий полную ассимиляцию евреев, совершенный отказ их от собственной идентичности: «Наше требование к согражданам-евреям просто и элементарно: пусть они станут немцами, просто и истинно будут чувствовать себя немцами, не искажая при этом свои старинные, святые для них воспоминания и веру, уважаемую всеми нами. Мы не хотим, чтобы на смену тысячелетней культуре Германии пришла эпоха смешанной еврейско-немецкой культуры»²³. В тоже время Трейчке понимал, что его требование к евреям «безоговорочно стать немцами», никогда не могло быть полностью выполнено: «Издавна между западноевропейской и семитской сущностью была пропасть [...]. Евреи всегда останутся людьми восточного склада, лишь разговаривающими по-немецки»²⁴.

Эти высказывания уважаемого ученого вызвали всеобщее возмущение еврейской общественности, причем не только тех евреев, которых Трейчке отнес к категории «говорящих по-немецки людей восточного склада», но и тех, которым Трейчке даровал почетное наименование «немцев».

²¹ Treitschke H. Unsere Aussichten / Idem. Aufsätze, Reden und Briefe. Vol. 4. Schriften und Reden zur Zeitgeschichte II (далее: Treitschke H. Aufsätze. Vol. 4). Meersburg, 1929. P. 466-482, здесь p. 478, 481.

²² Ibid. P. 480; см. так же: Treitschke H. Briefe / Ed. M. Cornicelius. Vol. 3. Leipzig, 1920. P. 468, 502-503, 515.

²³ Treitschke H. Aufsätze. Vol. 4. P. 479, 481.

²⁴ Ibid. P. 481-482.

Среди последних был и историк Гарри Бреслау. Ход мыслей Трейчке не представлял для Бреслау ничего необычного. В них нашла отражение весьма популярная тенденция «искать „козла отпущения“, взваливая на него как собственную, так и чужую вину. Таким „козлом отпущения“ в Германии издавна были евреи. Их в XIII в. обвиняли в сдаче Германии монголам, в XIV в. – в эпидемии чумы. Сегодня они – также удобный „козел отпущения“ для каждого. Консерваторы приписывают им главную вину за наше либеральное законодательство, сторонники абсолютного авторитета Папы Римского – за культуркампф; на них возлагают ответственность за мнимую коррупцию нашей прессы и книготорговли, за экономический кризис, за общую нужду и упадочные тенденции в музыке»²⁵.

Для Бреслау стало потрясением, что Трейчке, несмотря на свою ученую степень и научный авторитет, мыслит столь популистским образом. Трейчке, гордившийся уверенностью в своей правоте, связывал реакцию Бреслау на свою статью, в которой он, якобы, щадил евреев, – с «патологической преувеличенной чувствительностью» немецких евреев²⁶. Так что даже те евреи, которые чувствовали себя, с точки зрения Трейчке, «безоговорочно немцами», оставались, в конце концов, евреями и, тем самым, являлись в принципе не интегрируемым инородным телом в организме немецкого народа.

За короткое время взгляды Трейчке «по немецко-еврейскому вопросу» становились все более радикальными. В январе 1880 г., лишь через 2 месяца после начала вызванного им самим «спора об антисемитизме», он назвал тезис одного из своих еврейских контрагентов (М. Лазаруса), что «иудаизм является столь же немецким, что и христианство» чудовищным. «Самые благонравные нации современности, западноевропейские, – это христианские народы. То живое сознание общности, которое определяет национальность, как правило, не может возникнуть у людей, которые в корне различно думают о наивысших и самых священных жизненных вопросах», – писал Трейчке²⁷.

Таким образом, евреи, по вердикту ученого, в принципе не имели права на существование на немецкой земле не только как нация, но и как религиозная община. Вместе с тем Трейчке противоречил своим собственным тезисам, которые он представил несколькими неделями раньше, в декабре 1879 г. Тогда он писал: «Наше государство никогда не видело в евреях ничего иного кроме религиозного сообщества, и оно ни при каких обстоятельствах не может отойти от этого принятого юридического понятия; государство лишь признало гражданское равноправие евреев в ожидании, что они будут стараться быть равными своим согражданам. [...] Но если еврейство требует признания своей национальности, то юри-

²⁵ Breßlau H. Zur Judenfrage. Sendschreiben an Herrn Professor Dr. Heinrich von Treitschke // Der Berliner Antisemitismusstreit / Ed. W. Boehlich. Frankfurt/Main, 1965. P. 52-76, здесь p. 74.

²⁶ Treitschke H. Noch einige Bemerkungen zur Judenfrage / Idem. Aufsätze. Vol. 4. P. 494-503, здесь p. 494.

²⁷ Ibid. P. 500-501.

дическое основание эмансипации рушится. [...] На немецкой земле нет места для двойной национальности²⁸».

Через несколько недель Трейчке, как было уже показано, поставил под вопрос статус евреев как религиозной общности. Политический скандал, вызванный антисемитскими тезисами Трейчке, можно в некотором отношении сравнить с разразившимся во Франции полутора десятилетиями позже «делом» Дрейфуса. Причем неудача направленного против Альфреда Дрейфуса заговора антисемитов нередко рассматривается как признак зрелости политической культуры Франции, где идеалы 1789 г. и в конце XIX в. сохраняли свое основополагающее и формирующее идентичность значение.

Но с другой стороны нельзя также забывать, что антисемитские провокации Трейчке побуждали и многих немцев к солидарности с евреями, подвергавшимися нападкам. Написанному в 1898 г. письму Эмиля Золя «J'accuse» («Я обвиняю») соответствовало берлинское заявление 75 человек от 12 ноября 1880 г., которое решительно осуждало антисемитизм и содержало следующие слова: «Неожиданно и глубоко постыдным образом в различных местах империи, в частности в больших городах, вновь возбуждается средневековый фанатизм и расовая ненависть, направленные против наших еврейских сограждан [...]. Если руководители этого движения лишь абстрактно проповедуют зависть и недоброжелательство, то массы не будут медлить с практическими выводами из каждой такой речи. Эти люди, отказывающиеся от завещания Лессинга, [Лессинг призывал к терпимости по отношению к евреям], должны были бы объявить с церковных и университетских кафедр, что наша культура преодолела изолированность того племени, которое впервые дало миру веру в единого Бога»²⁹. Среди подписавших это заявление были ведущие представители либерального направления немецкой общественной жизни, в частности, знаменитые коллеги Трейчке - Теодор Момзен, Иоганн Густав Дройзен, Рудольф Фирхов и Рудольф фон Гнайст.

Однако, призыв немецких либералов к толерантности и признанию универсальной ценности равноправия и прав человека мог только лишь немного смягчить роковые последствия антиеврейской кампании Трейчке. Это было связано с общей эрозией универсальных ценностей и триумфальным шествием так называемого «лингвистического» сепаратистского национализма (Льюис Намьер), которые во второй половине XIX в. наблюдались во всей Европе и не в последнюю очередь - в Германии. Как подчеркивал израильский историк Яков Талмон, европейский национализм был первоначально романтическим и восторженным. Всюду радовались естественной солидарности и братству свободных народов³⁰. Однако во время революции 1848 г. это представление потерпело досадное поражение: победил беспредельный национальный эгоизм, никак не связанный с

²⁸ Treitschke H. Herr Graetz und sein Judentum / Idem. Aufsätze. Vol. 4. P. 483-493, здесь p. 492.

²⁹ Berliner Antisemitismustreit. P. 203; реакцию Трейчке на это заявление см.: Treitschke H. Briefe. Vol. 3. P. 524-525, 528.

³⁰ Talmon J. Political Messianism: The Romantic Phase. L., 1960.

общечеловеческими ценностями. Теперь максимальное проявление власти собственной нации над другой считалось чем-то вроде категоричного императива. Лишь в такой атмосфере могла развиваться концепция «реальной политики» Людвига Августа фон Рохау, бывшего участника революции 1848 г., который после крушения идеалистических мечтаний своего поколения стал, прежде всего, боготворить силу и, как от химер, отрекся от идей, за которыми не стояла никакая мощь³¹.

О правах сначала заявляли слабые и угнетенные, - отмечал в этой связи Яков Талмон. Власть права была для них чем-то вроде охранной грамоты. Однако позже стали говорить о праве силы³².

Так как сторонники универсальных ценностей считали собственную нацию вершиной творения и рассматривали ее максимальную внутреннюю сплоченность и органическую гомогенность в качестве будто бы важнейшего морального завета, они наклеивали на те политические силы, которые не считали эту цель первостепенной, ярлык «людей без отечества». Этот нравоучительный аморализм влиял и на многих противников радикального национализма – они попадали, вопреки всем сомнениям, под воздействие националистических веяний своего времени, которые историк Томас Ниппердей характеризовал так: «Нация - [для них] в их внутренней иерархии – это группа индивидуумов, занимающая самое высокое положение – это не сословие, вероисповедание, территория государства, ландшафт или регион, не класс или политическая партия мировой гражданской войны; нация - это группа, которая может предъявлять и предъявляет претензии на наивысшую лояльность; ради нации оправдана жизнь и смерть; нация несет культуру и воспитание, и, таким образом, по мере исчезновения религии, создает общий миропорядок и придает смысл общественной и индивидуальной жизни [...]. Все это - общеевропейская черта, а [...] не немецкий особый путь»³³.

Однако нужно подчеркнуть, что в Германии пропасть между универсальными и национальными ценностями достигала особой глубины. Это произошло не в последнюю очередь потому, что немецкий национализм праздновал свой самый большой триумф в эпоху, когда реальная политика, прославление силы как таковой достигли апогея.³⁴

Так как столь поздно возникшее национальное государство немцев находилось в поисках своей идентичности, национально ориентированные силы Германии были особенно озабочены внутренней сплоченностью народа и рассматривали

³¹ Rochau v. L.A. Grundzüge der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. Stuttgart, 1853.

³² Talmon J. The Unique and the Universal. L., 1965. P. 165.

³³ Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866-1918. Vol. 2. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992. P. 84; idem. Deutsche Geschichte 1866-1918. Vol. 1. P. 814.

³⁴ См. Nipperdey Th. Grundprobleme der deutschen Parteigeschichte im 19. Jahrhundert / Idem. Gesammelte Aufsätze zur neueren Geschichte. Göttingen, 1976. P. 89-112; Dehio L. Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München, 1955. P.104-105.

открытую всему миру, космополитически настроенную часть нации не в качестве возможности обогащения собственной культуры, а как беспрецедентную опасность для себя. Источниками этой опасности сторонники «органического» единства нации объявили евреев, которые неповторимым образом в одно и то же время сочетали черты и универсального и частного. Удивительно, что страх перед «космополитической опасностью», которую якобы несли с собой евреи, охватил не только таких радикальных националистов как Трейчке, но и некоторых его либеральных противников, например, Теодора Моммзена. Вопреки своему возмущению по поводу антисемитских выпадов со стороны Трейчке, Моммзен требовал от немецких евреев полной ассимиляции и отказа от собственной идентичности: «Вхождение в великую нацию имеет свою цену [...]. Моисей не поведет евреев вновь в Землю Обетованную. [...] Это] их долг, со своей стороны, до тех пор, пока это не противоречит их совести, не щадя своих сил решительно преодолевать все барьеры между собой и остальными согражданами»³⁵.

За это приспособление к лексике радикальных националистов многие немецкие либералы после политического поражения (поворота Бисмарка в 1878 г. к консерватизму) поплатились также и в интеллектуальном плане. В обсуждении «немецко-еврейского вопроса» все больше одерживала верх позиция Трейчке. Это происходило, несмотря на тот факт, что рост антисемитских партий в конце XIX – начале XX вв. не был значительным: они представляли в рейхстаге лишь маргинальное явление. Однако враждебность к евреям внутри политического класса Германии, не в последнюю очередь в академических кругах, принимала угрожающие размеры.

В своей статье «Антисемитизм как культурный код» израильский историк Суламита Волков пишет: «То, что в 70-е годы [XIX в. – Л.Л.] было выковано в жаркой страсти, стало в 90-е годы самоочевидностью. В более ранний период антисемитизм проповедовался с настоящей ненавистью; к концу столетия он стал составной частью культуры»³⁶.

Трейчке, один из самых влиятельных преподавателей Берлинского университета, весьма способствовал тому, чтобы придать внешне приличный вид антисемитским стереотипам. На своих лекциях он описывал мнимые недостатки «еврейского национального характера» с враждебностью, свойственной его публицистике³⁷.

К слушателям Трейчке, которые хорошо усвоили идеи красноречивого университетского профессора, принадлежало много студентов, которые позже стали

³⁵ Mommsen Th. Auch ein Wort über unser Judentum / Berliner Antisemitismusstreit. P. 210-225, цит. p. 225.

³⁶ Volkov S. Antisemitismus als kultureller Code / Idem. Jüdisches Leben und Antisemitismus. P. 13-36, здесь p. 33; см.: Nipperdey. Deutsche Geschichte 1866-1918. Vol. 1. P. 405.

³⁷ Treitschke H. Vorlesungen gehalten an der Universität zu Berlin. Leipzig, 1922. Vol. 1. P. 295. Vol. 2. P. 27; см. также многочисленные антисемитские пассажи в главном труде Трейчке „Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert“ / Ibid. Vol. 2. P. 409-410. Vol. 3. P. 685-694, 697. Vol. 4. P. 287-288, 413 (цит. по лейпцигскому изданию 1927 г.).

активными борцами против так называемой «еврейской опасности», среди них - многолетний председатель Всегерманского союза Генрих Класс³⁸.

Американский историк Георг Иггерс в этой связи писал: «Аудитория [Трейчке] - будущие руководители пангерманистов [...], а также сотни будущих высокопоставленных госслужащих, советников, офицеров. Ему удавалось придать своим обидам, своей ненависти к социалистам, евреям, англичанам и людям с небелым цветом кожи [...] вид научной респектабельности³⁹».

В царской России, примерно в то же время, что и в Германии, шел спор об антисемитизме. Среди его важнейших участников был Достоевский, влияние которого на умы в России сравнимо с авторитетом Трейчке в Германии. В марте 1877 г. в «Дневнике писателя» Достоевский писал, что некоторые его еврейские читатели обвиняли его во враждебности к евреям. Это обвинение Достоевский с негодованием отвергал, что, однако, не удерживало его от того, чтобы затем сразу же начать массивные нападки на иудаизм и «еврейский характер»⁴⁰.

Аргументы Достоевского во многом напоминают точку зрения немецких антисемитов – в частности, позицию Трейчке. Так, Достоевский писал об отказе евреев смешиваться с другими народами и поэтому рассматривал их в качестве инородного тела внутри каждой из окружающих их наций. То, что евреи в течение тысячелетий, несмотря на все преследования, которым они подвергались в диаспоре, смогли сохранить свою самобытность, Достоевский объясняет тем, что внутри каждой нации они образовывали свое «государство в государстве»⁴¹. Таким образом, он косвенно развивает тезисы «Книги Кагала» - опубликованной сначала в 1869 г. в Вильнюсе и затем неоднократно переизданной подделки еврейского отщепенца Якова Брафмана, которая слыла своего рода предшественницей фальшивых «Протоколов сионских мудрецов»⁴².

³⁸ Dorpalen A. Heinrich von Treitschke. New Haven, 1957. P. 234.

³⁹ Iggers G. Heinrich von Treitschke // Deutsche Historiker / Ed. Hans-Ulrich Wehler. Göttingen, 1973. P. 174-188, здесь p. 186; см. также об этом: Langer U. Heinrich von Treitschke. Politische Biographie eines deutschen Nationalisten. Düsseldorf, 1998. P. 335.

⁴⁰ Достоевский. Дневник писателя. С. 277-297; см. также об этом: Гроссман Л. Исповедь одного еврея. М., 1999.

⁴¹ Достоевский. Дневник писателя. С. 287-288. См. об этом также: Fichte. J.G. Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die Französische Revolution. Leipzig, 1922. P. 114-115.

⁴² См. об этом: Klier J. D. Imperial Russia's Jewish Question 1855-1881. Cambridge. P. 169-170, 263-283; о положении евреев и антисемитизме в царской России см. также: Dubnow S.M. Weltgeschichte des jüdischen Volkes. Berlin, 1929. Vol. 9. P. 174-262, 395-451. Vol. 10. P. 119-225, 368-405, 427-437; Poliakov. Geschichte. Vol. 7. P. 85-162; Löwe H.-D. Antisemitismus und revolutionäre Utopie. Russische Konservative im Kampf gegen den Wandel von Staat und Gesellschaft 1890-1917. Hamburg, 1978; Cohn N. Die Protokolle der Weisen von Zion. Der Mythos von der jüdischen Weltverschwörung. Köln u.a., 1969; Hagemeister M. Sergej Nilus und die „Protokolle der Weisen von Zion“. Überlegungen zur Forschungslage // Jahrbuch für

Мнимая, но отстаиваемая Достоевским идея еврейского «государства в государстве» характеризуется им следующими признаками: «Отчужденность и отчужденность на степени религиозного догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность – еврей, а другие хоть есть, но все равно надо считать, что как бы их и не существовало. „Выйди из народов и составь свою особь и знай, что с сих пор ты *един у Бога*, остальных истреби, или в рабов обрати, или эксплуатируй. Верь в победу над всем миром, верь, что все покорится тебе. Строго всем гнушайся и ни с кем в быту своем не общайся. И даже когда лишишься земли своей, политической личности своей, даже когда рассеян будешь по лицу всей земли, между всеми народами – все равно верь всему тому, что тебе обещано, раз навсегда верь тому, что все сбудется, а пока живи, гнушайся, единись и эксплуатируй и – ожидай, ожидай...“»⁴³.

Достоевский считает, что идея «государства в государстве» дает евреям превосходство над всеми людьми; писатель решительно отказывается от предоставления евреям равноправия с другими народами царской России: «Само собою, все, что требует гуманность и справедливость, все, что требует человечность и христианский закон – все это должно быть сделано для евреев. Но если они, во всеоружии своего строя и своей особенности, своего племенного и религиозного отъединения, во всеоружии своих правил и принципов, совершенно противоположных той идее, следуя которой, доселе по крайней мере, развивался весь европейский мир, потребуют совершенного уравнивания *всевозможных* прав с коренным населением, то – не получают ли они уже тогда нечто большее, нечто лишнее, нечто верховное против самого коренного даже населения?»⁴⁴.

В этом отношении риторика Достоевского отличается от аргументации Трейчке, который, в противоположность ряду своих учеников, например, Генриху Классу⁴⁵, не хотел отказываться от уже прошедшей в Германии эмансипации евреев.

Таким образом, тезисы Достоевского содержат противоречие, типичное для рассуждений многих антисемитов: с одной стороны, они требуют от евреев отказаться от своего обособленного существования, с другой стороны – категорически выступают против самой важной предпосылки ассимиляции евреев – предоставления им равноправия.

Как и Трейчке, Достоевский отравляет себя ядом своей антисемитской аргументации; его риторика становится все более радикальной. Если в начале статьи он активно защищается от обвинений в ненависти к евреям, то далее он пишет о

Antisemitismusforschung. 1996. № 5. P. 127-147; Hildermeier M. Die jüdische Frage im Zarenreich. Zum Problem der unterdrückten Emanzipation // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1984. № 32. P. 321-357; Чичерин Б. Польский и еврейский вопросы. Berlin, 1901.

⁴³ Достоевский. Дневник писателя. С. 288; Vierzig Jahrhunderte der Existenz / Ingold F.P. Dostojewskij und das Judentum. Frankfurt/Main, 1981. P. 180-188, здесь p. 181-182.

⁴⁴ Достоевский. Дневник писателя. С. 290.

⁴⁵ Frymann D. (псевдоним: Heinrich Claß). Wenn ich der Kaiser wär'. Politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. 5. Aufl. Leipzig, 1914. P. 74-78.

евреях следующее: «Еврейству там и хорошо, где народ еще невежествен, или несвободен, или мало развит экономически [...] еврей, где ни поселится, там еще пуще унижал и развращал народ [...]. На окраинах наших спросите коренное население: что двигает евреем и что двигало им столько веков? Получите единогласный ответ: *безжалостность*; “двигали им столько веков одна лишь к нам безжалостность и одна только жажда напиться нашим потом и кровью”. И действительно, вся деятельность евреев в этих наших окраинах заключалась лишь в постановке коренного населения сколь возможно в безвыходную от себя зависимость, *пользуясь местными законами*»⁴⁶.

Евреи, загнанные за черту оседлости на западе российской империи, лишенные свободы передвижения, свободного выбора профессии, дискриминируемые законом, представляются Достоевскому не преследуемыми, а безжалостными преследователями: «Укажите на какое-нибудь другое племя из русских инородцев, которое бы, по ужасному влиянию своему, могло бы равняться в этом смысле с евреем? Не найдете такого»⁴⁷.

Достоевский представляет евреев не только как хозяев слабо развитых западных областей царской империи, но и как повелителей высокоразвитого Запада. По Достоевскому, безбожный материализм и необузданный эгоизм стали на Западе доминирующими принципами. Такому развитию определенным образом способствовали евреи; они же извлекают из этого максимальную выгоду: «Недаром же все-таки царят там (на Западе. – Л.Л.) повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита и недаром, повторяю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше – конечно, известно и самим евреям: близится их царство, полное их царство! Наступает полное торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов»⁴⁸.

Такое развитие Достоевский связывает с триумфальным шествием так называемой «*идеи жидовской*, охватывающей весь мир, вместо „неудавшегося“ христианства»⁴⁹. Следует подчеркнуть, что Достоевский здесь говорит не о «еврейской» или «иудейской» идее. Он употребляет «знаковое» для русских антисемитов уничижительное понятие «жид». В письмах и заметках, где Достоевский более свободно, чем в публицистических произведениях, выражает свой антисемитизм, он также как правило, использует слово «жид».

Так, в письме от февраля 1878 г. Достоевский жалуется на дружественное отношение к евреям «седых» русских либералов, которые не в состоянии понять характер новой эпохи, суть которой состоит в том, что не русский «гнетет жида»,

⁴⁶ Достоевский. Дневник писателя. С. 291.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 292-293.

⁴⁹ Там же. С. 294.

а наоборот: «теперь жид торжествует и гнетет русского»⁵⁰. Особую опасность видит Достоевский в якобы засилии евреев в русской прессе: «жид распространяется с ужасающей быстротою. А ведь жид и его кагал - это всё равно, что заговор против русских!»⁵¹.

В другом письме (Юлии Абаза от 15 июня 1880 г.) Достоевский пишет, что евреи «обратились во врагов человечества, отрицая всех, кроме себя, и действительно теперь остаются носителями антихриста и, уж конечно, восторжествуют на некоторое время. Это так очевидно, что спорить нельзя: они ломаются, они идут, они же заполнили всю Европу; все эгоистическое, все враждебное человечеству, все дурные страсти человечества за них, как им не восторжествовать на погибель миру!»⁵².

Читая эти полные ненависти тирады, не совсем понятно, почему Феликс Ингольд в монографии «Достоевский и еврейство» частично ставит под вопрос констатируемую многими авторами однозначно антисемитскую позицию Достоевского, его, по определению Симона Дубнова, «глубокий органический антисемитизм». Факт, что Достоевский, рассуждая о еврейском вопросе в «Дневнике писателя», дает слово своим еврейским контрагентам, как бы сомневаясь в своих полемически заостренных антисемитских тезисах, Ингольд приводит как доказательство дифференцированного отношения Достоевского к евреям, сомнений, которые он якобы пытается разрешить в постоянном диалоге с контрагентами. Таким образом, с точки зрения Ингольда, тексты Достоевского о еврейском вопросе имеют тот же полифонический характер, что и гениальные романы писателя⁵³.

Тем самым Ингольд вступает в противоречие с тезисом знаменитого литературоведа Михаила Бахтина о том, что Достоевский «писал свои публицистические статьи, в противоположность художественной прозе, полностью в „*систематически-монологической*“ или риторически монологической [...] форме, чтобы „только выразить идеи, в которых он был убежден“»⁵⁴.

В действительности Ингольд путает публицистические приемы, которые Достоевский использует в своих текстах по еврейскому вопросу, с подлинной полифонией. Мнимая готовность публициста к диалогу, изложение им аргументов его противников, служила ему лишь для того, чтобы еще более настойчиво дезавуировать своих контрагентов и придать дополнительную достоверность его антисемитской позиции.

Так как едва ли можно спорить о том, был ли Достоевский антисемитом, более важен вопрос, как такой гениальный писатель и тонкий знаток человеческих душ

⁵⁰ Достоевский Ф.М.. Полное собрание сочинений в 30 т. Т.30. Кн.1. Письма 1878-1881 гг. (далее – Достоевский. Письма). Ленинград, 1988. С. 8.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 19-20.

⁵³ Ingold. Dostojewskij und das Judentum. P. 157-161.

⁵⁴ Цит. по: Ingold. Dostojewskij und das Judentum. P. 158.

как Достоевский стал сторонником идеологии, которая привела к одной из величайших катастроф в истории человечества.

Время от времени антисемитизм Достоевского связывают с его ксенофобией вообще. Его литературные и публицистические произведения, как известно, наполнены характерами, которые писатель по национальным или религиозным причинам относит к категории врагов русскости; их образы он рисует карикатурно, с чрезвычайной злобой – это поляки, французы, иногда немцы, католики и так далее. Однако когда речь идет о враждебном отношении к евреям, причем не только у Достоевского, это чувство, как правило, больше, чем просто неприязнь к иностранцам. Евреи часто изображаются как воплощение Зла, которые ответственны за почти все напасти этого мира. В антисемитизме находят воплощение те мистические и мифические черты, которые, как правило, отсутствуют в ксенофобии другого рода. Но особой интенсивности вражда к евреям достигает у сторонников разного рода мессианских идей – эти люди никак не могут примириться с мыслью о еврейской «избранности». Эта мысль, содержащаяся в Святом Писании, представляет собой источник их постоянного раздражения. Чтобы избавиться от «еврейской конкуренции», они пытаются многое «вытеснить» из своего сознания, например, тот факт, что цивилизованное человечество обязано евреям как Десятью Заповедями, так и Нагорной проповедью. Последствия этого процесса «вытеснения» в высшей степени странны, так как евреи считаются для их мессиански настроенных противников все еще «избранным народом» – но не в положительном, а в отрицательном смысле; евреи будто бы являются высшим проявлением разрушительного дьявольского начала.

Антисемитизм Достоевского был тесно связан с его непоколебимой верой в особую миссию русского народа. Идею «особого предназначения» евреев он считает проявлением их «беспримерной надменности», но с высоким пафосом связывает ее с русскостью. Это, в частности, прослеживается в знаменитой пушкинской речи Достоевского 8 июня 1880 г.: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только [...] стать братом всех людей, *всецеловеком*, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей»⁵⁵.

Чего недоставало патетически провозглашенной Достоевским идее «всемирности», так это настоящей универсальности. Так как целью русского человека,

⁵⁵ Достоевский. Дневник писателя. С. 458.

по Достоевскому, должно якобы стать воссоединение лишь «со всеми племенами великого арийского племени [подчеркнуто автором]»⁵⁶.

Эту характерную черту идеи «всечеловечности» Достоевского отмечали такие знатоки его творчества, как Аарон Штейнберг и Феликс Ингольд. Ингольд писал: «Претензии Достоевского на всечеловечность, на всемирное примирение ради великорусской имперской идеи, примирение, которое должно было содействовать, по меньшей мере, “братскому” согласию арийских племен рода человеческого, были утопическими (или же пропагандистскими - с точки зрения евангельского закона) также и потому, что именно евреи исключались из общего братства»⁵⁷.

Отрицательное отношение Достоевского к евреям было, однако, вызвано не только его мессианским мышлением. В антисемитизме Достоевского отразились также лихорадочные поиски тогдашними русскими консерваторами идеологии, которая должна была защитить народ от революционной агитации радикальных противников режима.

Россия переживала в то время беспрецедентную поляризацию общества – по существу, это был пролог будущей гражданской войны. Русские реформаторы, которые после поражения страны в Крымской войне проводили в жизнь Великие реформы, постепенно теряли контроль над событиями. Революционно настроенная часть русской общественности не хотела участвовать в этих реформах: ее целью было не постепенное изменение существующей системы, а ее полная ликвидация. Мышление революционеров было манихейским – царский режим, несмотря на то, что реформы способствовали переменам в России, был для них воплощением зла, а простой русский народ, который они хотели освободить от всякого угнетения, – олицетворением добра⁵⁸.

Многие русские консерваторы связывали рост радикализма части образованного слоя русского общества с либеральными экспериментами Александра II. Реформы привели, якобы, к ослаблению государственных контрольных механизмов и вели к стиранию границ между дозволенным и недозволенным. Особенное возмущение консерваторов вызывали действия учрежденного в 1864 г. суда присяжных, выносившего обвиняемым на многих политических процессах удивительно мягкие приговоры. Таким образом, в 1870-е годы были оправданы 211 подсудимых, в том числе и террористка Вера Засулич, в 1878 г. совершившая покушение на петербургского градоначальника генерала Федора Трепова⁵⁹.

Несмотря на возмущение консерваторов последствиями реформ, у них все же было одно утешение: они были убеждены в том, что простой русский народ ни-

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Ingold. Dostojewskij und das Judentum. P. 138; см. также: Štejnberg A. Dostoevsky and the Jews / History as Experience. N.Y., 1983. P. 247-260, здесь p. 251-252.

⁵⁸ См. Франк С. Этика нигилизм / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 157-158, 178.

⁵⁹ Кулешов С. и др. Наше отечество. В 2-х т. М., 1991. Т. 1. С. 53.

чего не хотел знать о либеральных экспериментах; что народ, в противоположность интеллигенции, абсолютно верен царю.

Поэтому консервативные защитники русской автократии пытались сделать пропасть между интеллигенцией и народом непреодолимой. Им было ясно, что судьба режима зависела от того, кто победит в борьбе за «душу народа». Все более важную роль в этой борьбе за «привязку» народных масс к режиму должен был играть антиеврейский компонент. Всё сильнее было стремление консерваторов объяснить обостряющиеся социальные и внутривластные конфликты, а также и некоторые внешнеполитические неудачи царского режима (Берлинский конгресс 1878 г.) происками «мирового еврейства».

Также и Достоевский, который в 70-е годы XIX в. был одним из виднейших идеологов русского консерватизма (вопреки своему революционному прошлому, которое стоило ему 10 лет заключения и ссылки), склонялся к таким мыслям. Несмотря на факт, что евреи не играли заметной роли в революционном движении 70-х годов, Достоевский в некоторых своих текстах все более подчеркивал их значение. Особенно четко эта интерпретационная модель прослеживается в его письме издателю газеты «Гражданин» Пуцыковичу от 29 августа 1878 г.: «Одесса, город жидов, оказывается центром нашего воюющего социализма. В Европе то же явление: жида страшно участвуют в социализме, а уже о Лассалях, Карлах Марксах и не говорю. И понятно: жиду весь выигрыш от всякого радикального потрясения и переворота в государстве, потому что сам-то он *status in statu*, составляет свою общину, которая никогда не потрясется, а лишь выиграет от всякого ослабления всего того, что не жида»⁶⁰.

Эта аргументация показывает, какая пропасть разделяет литературные произведения Достоевского и его политизированные публицистические тексты. Революция, которая в больших романах писателя принимает форму почти трансцендентной мистерии и рассматривается как следствие человеческого высокомерия и отказа от веры в Бога, в его публицистике обывательски упрощается и объясняется с помощью теории заговора.

Что же связывает политические программы Достоевского и Трейчке? Сначала нужно подчеркивать, что оба автора были «новообращенными» консерваторами – они решительно расстались со своими революционными или либеральными мечтами прежних лет. Либеральные методы, по их мнению, больше не были эффективными в борьбе с врагами обеих империй. Либерализм с его принципом непротивления, вследствие своей универсальной космополитической направлен-

⁶⁰ Достоевский. Письма. С. 43.

ности вел якобы к эрозии государственности, утрате традиционных ценностей, но, прежде всего, к размыванию «органического» единства нации.

Оба мыслителя считали евреев как символом космополитизма (интернационализма) так и, вследствие не ассимилируемых национальных особенностей, источником чрезвычайной опасности. При всех попытках определить, кто такие евреи, они сталкивались с неразрешимыми проблемами, которые британский историк Льюис Намьер объяснял так: «Любая попытка классифицировать евреев наталкивалась на загадки, которые раздражали не евреев. Так как евреи это и нация, и религия, воплощенная во плоти и крови»⁶¹.

Противоречивый характер иудаизма вызывал также большое раздражение Трейчке и Достоевского; это раздражение постепенно превращалось во все усиливавшуюся вражду к евреям. В том, что радикальные критики еврейства прежде были революционерами или либералами, нет ничего необычного. Так, Яков Талмон указывает на то, что многие радикальные антисемиты – это разочаровавшиеся демократы; к ним, например, относится композитор Рихард Вагнер⁶².

Здесь уже говорилось о том, что антисемитизм Достоевского был тесно связан с его верой в особое предназначение собственной нации. Не в последнюю очередь, поэтому он не мог примириться с идеей еврейской избранности. Тоже можно сказать и о Трейчке: он был убежден в особом предназначении немецкого народа⁶³. Для еврейского универсального сознания в его понимании нации не оставалось места.

Эти черты составляют сходство между обоими мыслителями. Теперь кое-что о различиях между ними. Пожалуй, самое важное из них состоит в том, что политическая программа Достоевского в значительной мере потерпела неудачу. Его рецепт выздоровления и обновления России не был принят большей частью русской интеллигенции; им восторгались не как публицистом, а как писателем и знатоком человеческих душ. Религиозно-философский ренессанс, происходивший в России в начале XX в., был, не в последнюю очередь, вдохновлен литературным творчеством Достоевского. Однако его политические идеи, как и взгляды его консервативных единомышленников, не имели успеха, сопоставимого с литературным признанием великого писателя. Охранительные силы в стране, несмотря на попытки с помощью разжигания шовинизма и антисемитизма достичь «близости с народом», были не в состоянии сдержать триумфальное шествие их революционных противников. Это обнаруживалось, в частности, в начале XX в.

⁶¹ Namier L. Facing East. L., 1947. P. 129-141.

⁶² Talmon. The Myth. P. 208.

⁶³ См. об этом также: Treitschke H. Die ersten Versuche deutscher Kolonialpolitik / Idem. Aufsätze. Vol. 4. P. 665-676; Idem. Unser Reich / Ibid. P. 712-731; Bußmann W. Treitschke. Sein Welt- und Geschichtsbild. Göttingen, 1952. P. 352-353; Dorpalen. Treitschke. P. 180-269; Meinecke F. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München, 1924. P. 508-509; Kohn H. Propheten ihrer Völker. Bern, 1948. P. 123-151; Braatz W.A. Antisemitismus, Antimodernismus und Antiliberalismus im 19. Jahrhundert // Politische Studien. 1971. № 22. P. 20-33, здесь p. 31-32; Mordstein F. Heinrich von Treitschkes Etatismus // Zeitschrift für Politik. 1961. № 8. P. 30-53, цит. p. 33.

– примерно через два поколения после ликвидации крепостничества – когда русские социальные «низы» прервали свое «молчание» и были захвачены водоворотом политических страстей. Вера в царя у них все больше сменялась верой в революцию. Русский философ Сергей Булгаков в 1908 г. с иронией отмечал, что неутомимая разъяснительная работа интеллигенции теперь увенчалась успехом. Народ стал разделять мировоззрение интеллигенции – оно, наконец, дошло до народного сознания. Однако этот успех интеллигенции может иметь для России непредвиденные последствия, продолжает Булгаков⁶⁴.

В конце концов, русские социальные «низы», которых консервативные идеологи самодержавия, не в последнюю очередь Достоевский, считали важнейшей опорой царизма, оказалась для него самой большой угрозой. На выборах в Первую и Вторую Государственную Думу в 1906 и 1907 гг., (вследствие революции 1905 г. в России вводилось разделение властей), русское крестьянство голосовало почти исключительно за революционные и другие оппозиционные партии, но не за консерваторов. Политическая мечта Достоевского и его единомышленников о единении народа с царем теперь окончательно лишилась своей основы.

Напротив, шовинистическая и антисемитская программа Трейчке и после его смерти в значительной мере определяла политическую культуру его родины. Причем для многих поклонников Трейчке эта программа не была достаточно радикальной. Однако рассмотрение последующей эволюции этой программы выходит за рамки нашей статьи.

(Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина)

⁶⁴ Булгаков С. Два града. Т. 1-2. М., 1911, здесь т. 2, с. 159-163.

Программные манифесты двойной тоталитарной революции 20-го века – *Основы XIX века* Чемберлена и *Что делать?* Ленина*

Эрозия либеральных идей, наблюдавшаяся в Европе с 70-х 19-го века¹, дополнительно ускорилась в конце столетия. Они снова, как и в 70-х – 80-х гг., подверглись нападению справа и слева. И снова это были не «массы», которых все опасались, а влиятельные представители образованных слоев населения, которые боролись с такими ценностями как толерантность и гуманность с особой радикальностью и ненавистью. Не бунт масс, а восстание интеллектуальной элиты нанесло европейскому гуманизму решающий удар – писал в 1939 г. русский эмигрантский историк Георгий Федотов².

Самые серьезные поражения европейский гуманизм потерпел в борьбе с двумя идейными течениями, которые хоть и являлись порождением в целом либерального 19-го века, но свой разрушительный потенциал смогли развить лишь в тоталитарном 20-м столетии: теория классовой борьбы и расовое учение. основополагающие труды обеих школ – *Манифест Коммунистической партии* Маркса и Энгельса и *Опыт о неравенстве человеческих рас* графа Гобино – появились практически одновременно. Оба труда возникли на границе двух эпох – романтизма с одной стороны, и научно-позитивистского периода с другой – и оказались под влиянием мышлений и верований обоих. Не в последнюю очередь именно этот синтез придавал им особенную привлекательность. Романтические черты носила у Маркса и Энгельса и у Гобино вера в «Золотой век» человечества и в богоподобного спасителя во плоти. Вместе с этим они были убеждены, что открыли непреложные законы истории и научно их подтвердили. С этой верой в науку они уже шли в ногу с позитивистским духом времени, который начал утверждаться к середине 19-го века.

* Опубликовано ранее в: Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2007. Vol. 11. P. 11-52.

¹ См. на эту тему: Der Berliner Antisemitismusstreit / Ed. W. Boehlich. Frankfurt/Main 1965; Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866-1918. Vol. 2. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992. P. 382-408; Pulzer P. G.J. Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867 bis 1914. Gütersloh, 1966; Claußen D. Vom Judenhaß zum Antisemitismus. Materialien einer verleugneten Geschichte. Darmstadt, 1987. P. 94-108; Luks L. Die Sehnsucht nach der „organischen nationalen Einheit“ und die „jüdische Frage“ im publizistischen Werk Fedor Dostoevskijs und Heinrich von Treitschkes // Deutschland, Rußland und das Baltikum. Beiträge zu einer Geschichte wechselvoller Beziehungen. Festschrift zum 85. Geburtstag von Peter Krupnikow / Ed. F. Anton, L. Luks. Köln, 2005. P. 155-186.

² Федотов Г. К смерти или к славе? // Новый Град. 1939. № 14. С. 102.

Как Маркс и Энгельс, так и Гобино были историческими детерминистами, но с одной разницей: концепция авторов *Манифеста Коммунистической партии* отличалась безграничным оптимизмом, а труда Гобино – безграничным пессимизмом.

Маркс и Энгельс были убеждены в том, что нашли в пролетариате нового мессию, свободного от греха эксплуатации человека человеком. Практически ничего больше не связывало промышленного пролетария со старым, пронизанным классовой борьбой миром. Поэтому его предназначением было разрушить этот греховный мир и ввести человечество в «Золотой век» бесклассовости.

Для Гобино спасителем была белая раса: «[История] показывает, что всякая цивилизация берет начало от белой расы и ничто не может долго поддерживаться без ее участия, что общество может быть великим и процветать лишь в той мере, в какой оно сохраняет сотворившую ее благородную группу»³. Что, однако, чрезвычайно огорчало Гобино, так это выявленный им постоянный упадок этого «благороднейшего» рода человеческого, происходящий из-за смешения с другими расами: «смешение, смешение везде, смешение всегда»⁴, – огорченно жаловался один из основателей расовой теории. «Золотой век», который для Маркса и Энгельса должен был прийти лишь в «светлом будущем», находился для Гобино в глубокой древности, и он утверждал: «что брахманы Древней Индии, герои «Илиады» [...] и скандинавские воины являют нам более благородный и прекрасный образ человечества [...], нежели смешанные народы нынешнего времени»⁵.

Однако для расового пуриста Гобино даже «арийские» «герои великих эпох прошлого» не были безупречны: «В их жилах тоже уже не текла чистая кровь»⁶. Еще тревожнее выглядело для Гобино будущее человечества: оно подвергается распаду и неудержимо дегенерирует, так как из-за постоянного смешения белая раса теряет свою чистоту⁷. В конце этого процесса упадка произойдет окончательное вымирание. Но еще страшнее, чем неизбежная гибель человечества, была для Гобино следующая перспектива: «прискорбнейший прогноз это не смерть, а уверенность в том, что мы придем к ней обесчещенными»⁸.

Мрачные прогнозы Гобино напоминают апокалиптические видения испанца Доносо Кортеса и других сторонников теорий декаданса, широко распространенных в середине 19-го века. При этом тогдашние «культурные пессимисты» не делали различия между упадком старой аристократической Европы и упадком европейской культуры как таковой⁹.

³ Graf Gobineau A. Versuch über die Ungleichheit der Menschenrassen. Vol. 1-4. Stuttgart, 1904, зд. vol. 1, p. 285.

⁴ Ibid. Vol. 4. P. 313.

⁵ Ibid. Vol. 1. P. 283f.

⁶ Ibid. Vol. 32, 284.

⁷ Ibid. P. 32.

⁸ Ibid. Vol. 4. P. 323.

⁹ См. также: Luks L. Dekadenzängste und Rußlandfurcht – zwischen Wiener Kongreß und Krimkrieg // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte. 1995. № 24. P. 15-39.

Пессимистически были тогда настроены не только сторонники «старого режима», но и его противники, поскольку их попытка добиться внедрения либеральных, демократических или социалистических принципов после провала революции 1848/49, казалось, потерпела полное фиаско. Таким образом, опыт 1848/49 показал многим противникам старого режима, что существовавший политико-социальный строй нельзя было свергнуть снизу. Часть правящего консервативного истеблишмента, с другой стороны, поняла, что «работа с общественностью» является чрезвычайно важным элементом политики и что в долгосрочной перспективе бороться против господствующих в обществе идей, против «духа времени», бесполезно. Осознание этого привело к компромиссу, позволившему существовавшей системе интегрировать все большее количество ее прежних противников. Националистская идеология стала при этом связующим звеном, отвлекавшим все более широкие слои населения от внутренних конфликтов.

Так практически окончилась революционная эпоха на Западе после 1849. Правящие круги могли облегченно вздохнуть, культурно-пессимистические видения, грозившие потрясти самосознание европейцев в середине 19-го века, появлялись в последующие десятилетия все реже. Вместо этого западная часть европейского континента пережила во второй половине 19-го века мощный процесс индустриализации, модернизации и либерализации.

Также и марксистски ориентированное рабочее движение, последняя влиятельная группировка Запада, принципиально отвергавшая «буржуазное государство», в уходящем 19-м столетии начала интегрироваться в существовавшую систему.

Пролетариат, с которым Маркс и Энгельс связывали свои хилиастические надежды, все меньше и меньше интересовался революцией. Такие события как восстание парижских рабочих в июне 1848 или парижская коммуна остались лишь периферийным явлением.

Успешная индустриальная революция представлялась для классиков марксизма предпосылкой для победы пролетарской революции. Реальное же историческое развитие событий пошло по точно противоположному сценарию. Только там, где индустриальная революция не произошла своевременно, у вдохновленной марксистскими идеями революции был шанс. Не в высокоразвитых индустриальных государствах, а в аграрных и развивающихся странах могли быть реализованы выдвинутые в *Манифесте Коммунистической партии* постулаты. На высокоиндустриальном Западе же наступило смягчение классовых противоречий, которые Маркс считал ранее непреодолимыми. Промышленная революция начала приносить плоды, и рабочие могли уже потерять больше, чем просто их оковы. Не в последнюю очередь из-за этого Эдуард Бернштейн пытался в своей вышедшей в 1899 г. книге *Основы социализма и задачи социал-демократии* привести марксизм в соответствие с действительностью, какой он ее видел. Крах капитализма не предстоит в ближайшем будущем, утверждал он. Поэтому СДПГ должна отказаться от своей революционной риторики и совместно с либераль-

ными группировками начать работать над реформированием существовавшего общества.

Тезисы Бернштейна хотя и были отвергнуты большинством лидеров Социалистического интернационала, но растущее влияние сторонников эволюционного метода в западном рабочем движении нельзя было не заметить.

Между тем, смягчение классовых противоречий на Западе было вызвано не только успешной индустриальной революцией, но косвенно и самим Марксом, точнее, вдохновленным им движением. В своем выступлении на учредительном собрании Первого интернационала в сентябре 1864 Маркс сказал о целях данной организации следующее: рабочий класс может использовать в борьбе за эмансипацию только свою численность, так как других средств у него нет. Но без организации и теоретических знаний численности недостаточно. Если рабочий класс намерен вести с капиталистическим государством успешную борьбу, то ему необходимо противопоставить мощному экономическому и политическому потенциалу государства соответствующую организацию и всеобъемлющую теорию¹⁰.

Основанному в 1864 г. Интернационалу не удалось реализовать эти марксистские постулаты. Он распался как раз из-за организационной слабости и недостатка теоретической гомогенности. Партии основанного в 1889 г. Второго Интернационала, напротив, представляли собой сильные организации с общим объединяющим их теоретическим звеном (марксистской идеологией).

Их организаторская сила и идеологическая гомогенность помогли теперь важнейшим социал-демократическим партиям на Западе добиться значительных политических и экономических успехов. Все меньше стран могло позволить себе отказать рабочим в праве на забастовку, также и всеобщее избирательное право, идущее однозначно на пользу промышленным рабочим, распространялось на все новые государства. Кроме того, марксисты начали все сильнее влиять на политический дискурс в Европе. Они привлекали внимание многих общественных кругов к рабочему вопросу. Даже в Ватикане, хотя и со значительным опозданием, рабочий вопрос стал одним из самых насущных вопросов того времени. Польский теолог Стемпа комментировал подобное положение дел в начале 20-го века так: «Мы должны сравнить две даты. В 1848 г. был опубликован *Манифест Коммунистической партии*, в 1891 г. – энциклика Папы Римского о социальной политике *Rerum novarum*. То есть церковь опоздала на 40 лет. Без этого опоздания сегодняшняя религиозная ситуация, наверное, выглядела бы иначе»¹¹.

Как бы там ни было, к заслугам марксистов, несомненно, относится тот факт, что рабочий вопрос и для не марксистов стал делом чрезвычайной важности. Это существенно повлияло на решение данного вопроса.

¹⁰ Marx K., Engels F. Werke (MEW). Vol. 1-39. Berlin, 1959–1968, зд. vol. 16, p. 5-16.

¹¹ Цит. в.: Żakowski J. Pół wieku pod włos // Magazyn Gazety Wyborczej. 24.3.1995. P. 8.

Атака справа

С другой стороны, как раз успехи рабочего движения возбудили снова апокалиптические ожидания в лагере сторонников существовавшего общественного порядка. Либеральная демократия была, по их мнению, не в состоянии адекватно отреагировать на этот новый вызов. Начался чрезвычайно глубокий кризис идентичности парламентаризма и либерализма. Этот кризис был связан с растущим скепсисом в ведущих интеллектуальных кругах Запада по отношению к позитивистской вере в прогресс и науку и с недоверчивым отношением к рационалистским моделям. Начался поиск альтернатив к парламентско-демократической системе, стремление к обновлению или возрождению правящих элит (В. Парето, Г. Моска). Характерный для либеральной эпохи поиск компромиссов с внутривнутриполитическими противниками критики парламентаризма и либерализма отвергали категорически. Они выступали за *децизионистские* решения, за устранение политического противника, если необходимо, то даже при помощи т.н. «прямого насилия». К одной из опаснейших угроз для европейской цивилизации стилизовалось теперь многими правыми критиками либерализма так называемое «восстание масс». А организованное рабочее движение они считали опаснейшей формой этого восстания. Чтобы противостоять этой идущей снизу опасности некоторые антилиберальные группировки, например, социал-дарвинисты, предлагали пересмотреть традиционные понятия морали. Так, по их мнению, не слабые и дискриминированные должны были быть защищены от сильных, а, наоборот, сильные и лучшие – от слабых, т.е. от массы. Сострадание по отношению к слабым социал-дарвинисты считали полностью отжившим себя обязательством. Они идеализировали законы биологической природы и пытались применить царящее в природе право сильнейшего к обществу¹².

Евреи были для многих воинствующих противников Новой эпохи предводителями «восстания масс». Они, якобы, подстрекали «законопослушные» нижние слои населения на борьбу против сословных привилегий и социальных изъянов. Пущенное Генрихом фон Трейчке в 1879 г. в оборот предложение «Евреи — наше несчастье»¹³ стало на рубеже веков общим достоянием многих группировок по всей Европе. «Респектабельность» Трейчке, казалось, добавляла антисемитским мифам дополнительную достоверность – как, например, мифу о «еврейской прессе», разлагающей нравы, или о «еврейских богохульниках», подстрекающих якобы благочестивых христиан к отказу от их традиционных представлений о вере.

¹² См. кроме прочего также: Zmarzlik H. G. Der Sozialdarwinismus in Deutschland. Ein geschichtliches Problem // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1963. P. 246-273.

¹³ von Treitschke, H. Unsere Aussichten / Idem. Aufsätze, Reden, Briefe. Vol. 4. Schriften und Reden zur Zeitgeschichte II. Meersburg, 1929. P. 466-482.

Предложения Трейчке по поводу решения «еврейского вопроса» оказывались, однако, для многих его «последователей» не достаточно радикальными. Несмотря на свою неприязнь к евреям, становящуюся все более интенсивной, Трейчке все же не полностью освободился от некоторых либеральных представлений и неоднократно повторял, что еврейскую эмансипацию, как таковую, он под вопрос не ставит.

Подобные остатки либерального мышления вызывали у последователей Трейчке только насмешку. По их мнению, решение «еврейской проблемы» требовало совершенно новых методов. С особой решительностью отстаивал подобные новые формы подхода к еврейству англо-немецкий публицист Хьюстон Стюарт Чемберлен, чье произведение *Основы XIX века*, вышедшее в 1899 г., стало как бы обязательным чтением для бесчисленных псевдоинтеллектуальных кругов в Германии и за ее пределами¹⁴.

При этом нельзя забывать, что этот труд, пытавшийся объяснить религиозные, исторические и культурные основы европейской цивилизации, был написан дилетантом, который сам о себе говорил, что он не специалист и не ученый: «Я не только не ученый, а я еще и органически не способен когда-либо стать таковым»¹⁵.

Так было и на самом деле. Псевдонаучная самоделка Чемберлена наткнулась на презрительно-иронические реакции многих специалистов, о чем неоднократно жаловался сам Чемберлен: «Эти профессорские предрассудки в Германии почти уже стали бедствием» – писал он 4 января 1902 г. Кайзеру Вильгельму II.¹⁶, одному из самых больших почитателей *Основ*.

Что же стало причиной чрезвычайной популярности этого «труда», несмотря на крайне скептическую реакцию многих ученых? Это была, без сомнения, претензия Чемберлена на открытие закономерности истории. Практически в марксистской манере он заявлял, что открыл причину причин, *prima causa* исторических процессов, которой явился для него смертельный бой между «чрезвычайно созидательной» арийской и, соответственно, индоевропейской расой и ее «врагом» – семитизмом и, соответственно, еврейством.

Будучи страстным почитателем Рихарда Вагнера, его биографом и ведущим публицистом вагнеровского байройтского кружка (*Bayreuther Kreis*), Чемберлен продолжил борьбу своего наставника против еврейства, которому вменялась ответственность за «упадок нравов» современного мира. С согласием и одобрени-

¹⁴ См. кроме прочего также: Bein A. Die Judenfrage. Biographie eines Weltproblems. Stuttgart, 1980. Vol. 1. P. 228ff.

¹⁵ Chamberlain Houston Stewart: Briefe 1882–1924 und Briefwechsel mit Kaiser Wilhelm II. Vol. 1-2. München, 1927, зд. vol. 1, p. 60. См. также: Ibid. P. 54.

¹⁶ Ibid. Vol. 2. P. 145f.; В своих воспоминания Чемберлен жаловался на то, что «в Германии [...] только квалифицированный специалист может писать историю» (Chamberlain Houston Stewart. Lebenswege meines Denkens. München, 1919. P. 144).

ем Чемберлен цитировал и данное Вагнером определение еврейства, которое композитор называл «пластическим демоном упадка человечества»¹⁷.

Между тем, боевой памфлет Чемберлена шел дальше программы Вагнера, зафиксированной особенно отчётливо в его работе *Еврейство в музыке*. Вагнер призывал евреев отказаться от их еврейства: «совместно с нами стать человеком, для еврея значит, прежде всего, перестать быть евреем»¹⁸.

Чемберлен считал подобную самоликвидацию еврейства абсолютно невозможной, т.к. сущность евреев неразрывно связана с их расой¹⁹.

Хотя и Вагнер под влиянием Гобино, которого он встретил в 1876 г. в Риме, начал все сильнее верить в расовый детерминизм²⁰, у Чемберлена эта вера уже перешла в форму едва ли не непоколебимой догмы. Исключительную убедительность этой аксиоме придавал тот факт, что она маскировалась под «научную теорию».

Соскучившиеся по простым решениям псевдоинтеллектуальные читатели Чемберлена были безмерно благодарны автору за его «ключ» к разгадыванию «смысла истории». Так, Вильгельм II. писал 31 декабря 1901 автору *Основ*: «И тут являетесь Вы, и как прикосновением волшебной палочки Вы вносите порядок в хаос, свет во тьму; цели, к которым надо стремиться; объяснения для смутных догадок, пути, по которым надо пройти во благо немцев и тем самым во благо всего человечества!»²¹.

Козима Вагнер, отреагировавшая почти также эйфорически на книгу, писала Чемберлену 15 февраля 1902: «Ваши *Основы* – наиболее читаемая книга во всех сословиях, и при встрече с его величеством кайзер неоднократно повторял: "Так считает и Чемберлен". Вам удалось достичь чрезвычайного влияния, друг мой»²².

Что, однако, в связи с этим удивляет, так это тот факт, что книга Чемберлена нашла признание не только в кругу бесчисленных дилетантов, но также и среди некоторых ученых, которые, как и малограмотные читатели *Основ*, стремились к одной магической формуле, с помощью которой можно было бы объяснить трудно понятный ход истории. К «соблазненным» этой идеей относился и вероятно самый известный протестантский теолог того времени: Адольф фон Гарнак. Историк церкви Вольфганг Кинциг, выпустивший недавно переписку между Гарнаком и Чемберленом, пишет: «Остается загадкой, как такой мыслящий историк

¹⁷ Chamberlain Houston Stewart. Richard Wagner / Idem. Gesamtausgabe seiner Werke in neun Bänden. Vol. 1, München. P. 224.

¹⁸ Wagner R. Das Judentum in der Musik // Richard Wagners „Das Judentum in der Musik“. Eine kritische Dokumentation als Beitrag zur Geschichte des Antisemitismus / Ed. J.M. Fischer. Frankfurt/Main-Leipzig 2000. P. 173.

¹⁹ Chamberlain Houston Stewart. Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts. Ungekürzte Volksausgabe. München, 1932. P. 382-388.

²⁰ Field G.G. The Evangelist of Race. The Germanic Vision of Houston Stewart Chamberlain. N.Y., 1981. P. 152.

²¹ Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 142.

²² Цит. по: Kinzig W. Harnack, Marcion und das Judentum. Nebst einer kommentierten Edition des Briefwechsels Adolf von Harnacks mit Houston Stewart Chamberlain. Leipzig, 2004. P. 212.

мог "попасться на удочку" пафосной риторики и блестящего шарма философски и теологически во всех отношениях малограмотного Чемберлена». Кинциг добавляет: «Другие, в отличие от Гарнака, были пронизательнее. Достаточно сравнить острые замечания Франца Овербека по поводу Чемберлена, чтобы понять, что было *не обязательно* подпадать под риторическое искусство соблазнения публициста, что можно было распознать в Чемберлене то, чем он являлся: [...] "дилетанта", относящегося к себе самому слишком серьезно, которого поэтому и нельзя было принимать всерьез»²³.

Книга Чемберлена содержала, однако, не только «простые» ответы на сложные вопросы истории человечества, но и руководство к действию. Он показывал, какие средства должны были быть использованы для поворота хода истории, пронизанной борьбой между арийской и семитской расами, в благотворное для арийства направление. Он горячо выступал, как уже упоминалось, за «карфагенское» решение семитского вопроса, т.е. за физическое устранение семитского очага опасности по примеру Рима 146 г. до н.э. Он пишет: «Одно [...] ясно как солнце в полдень: если бы финикийский народ не был бы уничтожен, [...] то человечество никогда не пережило бы этот 19-й век, на который мы сейчас, при всем смиренном признании наших слабостей [...] все-таки с гордостью [...] оглядываемся. При несравнимой стойкости семитов хватило бы и малейшей пощады, чтобы финикийская нация вновь зародилась; в полусожженном Карфагене их огонь жизни продолжал бы тлеть под пеплом, чтобы, как только Римская империя приближалась бы к распаду, снова вспыхнуть ярким пламенем [...]. В евреях мы можем видеть другую, но не менее опасную разновидность яда, пожирающего везде все благородное и продуктивное, и нужно быть слепым или нечестным, чтобы не признавать, что проблема еврейства в нашем обществе относится к наиболее сложным и опасным проблемам современности»²⁴.

И так как евреи после исчезновения финикийцев представляли собой якобы наибольшую оставшуюся опасность для арийской расы, Чемберлен был бесконечно благодарен римлянам за их «подготовительную работу», за их другое разрушительное деяние, которое «для мировой истории обладает, наверное, таким же огромным значением» как и разрушение Карфагена – разрушение Иерусалима: «Без этого поступка [...] христианство едва ли когда-либо вырвалось бы из иудаизма. (...) Мы) получили бы таким образом реформированный христианскими импульсами, правящий миром иудаизм»²⁵.

В этом высказывании содержится одно из самых значительных противоречий и без того запутанной логической модели Чемберлена: этот защитник «истребительной» программы и моральный зачинатель холокоста считал себя христианином! В отличие от многих других расистов того времени, придерживавшихся новоязыческих идей и считавших христианство орудием евреев, служившим раз-

²³ Ibid. P. 231.

²⁴ Chamberlain. Die Grundlagen. P. 162f.

²⁵ Ibid. P. 165.

рушению арийской расы²⁶, Чемберлен, казалось, не так радикально порвал с традиционными европейскими представлениями. И как раз из-за этой кажущейся верности христианским традициям его «послание» почти непреодолимо притягивало к себе многих представителей консервативного истеблишмента в вильгельмовской Германии. Они не отдавали себе отчет в том, что идеи Чемберлена не имели практически ничего общего с христианством. Ибо автор *Основ* выступал за «арийское» и соответственно «германское» христианство, которое должно было быть очищено от «семитского яда» и не в последнюю очередь от «Ветхого Завета»²⁷. Евреев он изображает как насквозь материалистический народ, которому чужды любые религиозные способности²⁸. Уже пророки Ветхого Завета, по его мнению, показали, насколько обреченной была эта нация «идолопоклонников». По этой причине Христос, которого Чемберлен считает самой важной религиозной фигурой человеческой истории²⁹, не мог быть евреем. Как галилеянин он принадлежал к народу, хотя и исповедующему иудаизм, но не смешивающемуся с евреями, утверждал Чемберлен.³⁰

Абсурдная теория Чемберлена о «нееврейском» Христе нашла многих поклонников, прежде всего среди его консервативно настроенных читателей. Уже лишенный власти Вильгельм II. писал Чемберлену 12 марта 1923: «Церковь должна решиться порвать со старым и воспользоваться результатами научных исследований. Я, со своей стороны, думаю так. Прежде всего необходимо порвать с верой в то, что Яхве евреев это наш Господь Бог»³¹.

Другой корреспондент Чемберлена, принц Макс фон Баден, жаловался на «засилие Ветхого Завета в церкви и государстве»³².

Как же Чемберлен мог совместить его веру в Христа с пропагандой «карфагенского» решения, т.е. убийства евреев? Он добился этого посредством переосмысления послания Христова, в центр которого он поставил не любовь к ближнему, а следующие изречения из Евангелия: «Кто не со Мною, тот против Меня» (от Луки 11:23). И «никакое явление в мире не идет так "против Него" как еврейская религия» – добавляет Чемберлен³³. Также и другое предложение из Евангелия цитируется им в данной связи: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» (от Луки 12:51).

²⁶ См. кроме прочего также: Pulzer P. G.J. Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867–1918. Gütersloh, 1966; Jochmann W. Gesellschaftskrise und Judenfeindschaft in Deutschland 1870–1945. Hamburg, 1991; Field. The Evangelist.

²⁷ Chamberlain. Die Grundlagen. P. 649-686.

²⁸ «[Каждый] мистик (хочет он того или нет) – прирожденный антисемит», – пишет он в *Основах* (p. 1046).

²⁹ Ibid. P. 239-245, 859f.

³⁰ Ibid. P. 245-258.

³¹ Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 267.

³² Цит. по: Urbach K., Bucher B. Prinz Max von Baden und Houston Stewart Chamberlain. Aus dem Briefwechsel 1909–1919 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2004. P. 121-177, зд. p. 149, см. также p. 143.

³³ Chamberlain. Die Grundlagen. P. 269.

Не любовь стояла в центре пропагандируемого Чемберленом «арийского» христианства, а ненависть: «Честно говоря, под понятием "любовь" я себе ничего представить не могу, если нет такой вещи, что называется "ненавистью"», – писал он в своем письме Адольфу фон Гарнак. Чемберлен пишет, что ненавидит плохое, постыдное, подлое, «все то, что каждый день, во всех областях, оскверняет, отравляет, разрушает все то, что мне дорого и свято, чтобы все благородное в нашей любимой бедной великой Европе безвозвратно исчезло – я не понимаю призыва любить это; всеми силами моей души я это ненавижу, ненавижу и ненавижу!»³⁴.

«Человеколюбивые сантименты» современного европейца Чемберлен только высмеивал. Они-то якобы и допустили взлет еврейства: «Ведомый идеалистическими представлениями, индоевропеец дружественно открыл свои ворота: как враг ринулся в них еврей. Захватил все позиции и насадил [...] на брешах нашей подлинной самобытности флаг своей, нам навечно чуждой сути»³⁵.

Как Чемберлен собирался противостоять этой с его точки зрения «смертельной опасности», он уже описал в своей главе об уничтожении финикийской нации Римом: «При несравнимой стойкости семитов хватило бы и малейшей пощады, чтобы финикийская нация вновь зародилась»³⁶.

Чемберлен приводит ряд аргументов, почему с еврейской расой надлежало бороться так безжалостно:

«[Их] существование – грех, их существование – преступление против священных законов жизни» (Основы. С. 443).

«Основы еврейской религии включают в себя [...] прямое преступное покушение на все народы мира» (С. 533).

«Преступные надежды этого народа [...] делают из него открытого или тайного врага любого другого человека, опасность для каждой культуры» (С. 535).

«Нельзя понять еврейство и его власть, также как и его жизненную стойкость, [...] пока не узрешь это демонически-гениальное в его основе. Здесь речь идет в самом деле о борьбе одного против всех» (С. 541 и сл.).

Таким образом, Чемберлен лишает евреев человеческого облика. В своей книге о мыслителях-предшественниках национал-социализма Дорис Менделевич так обобщает образ евреев Чемберлена: «Все то, что составляет суть человека, отсутствует у евреев; они не творческие личности, а просто дурные рационалисты и материалисты, их "религиозный инстинкт" недоразвился»³⁷.

³⁴ Idem. Briefe. Vol. 1. P. 217.

³⁵ Idem. Die Grundlagen. P. 382.

³⁶ Ibid. P. 162.

³⁷ Mendelewitsch D. Volk und Held. Vordenker des Nationalsozialismus im 19. Jahrhundert. Rheda-Wiedenbruck, 1988. P. 46.

Этой дегуманизацией евреев Чемберлен по сути дела предвосхитил расистский тезис о «жизни, недостойной жизни», который нацистский режим позже с беспрецедентной эффективностью приведет в исполнение. Не удивительно, что автор *Основ* займет почетное место в «пантеоне» НСДАП³⁸. Чемберлен был «без сомнения самым важным моральным предшественником национал-социалистского движения», писал Герман Кайзерлинг в своих воспоминаниях³⁹.

К пониманию этого Кайзерлинг пришел однако довольно поздно. Его непосредственная реакция на *Основы* выглядела совсем иначе – он назвал их «произведением искусства»⁴⁰. Подобным образом думали и многие его современники, и это несмотря на то, что прославление геноцида являлось красной нитью этого «произведения искусства». Это показывает, насколько распространенным был тогда в Германии антисемитский «культурный код» (Шуламит Волков)⁴¹. Даже Адольф Гарнак, решительно отвергавший расовый антисемитизм, лишь в очень мягкой форме спорил с «посланием» *Основ*. В октябре 1901 он писал Чемберлену: «Не редко я рассматриваю проблемы еще сложнее, чем Вы и поэтому не везде я могу следовать Вашим противоречивым суждениям»⁴².

Яснее Гарнак высказался только спустя 11 лет, когда он обличил расистские пассажи в книге Чемберлена о Гете:

«Вы действительно одержимы антиеврейским демоном, затуманивающим Ваш взгляд и этим пятном обезображивающим Вашу замечательную книгу [...]. Я не думаю, что провидение создало подобный позорный народ; я верю вообще только условно внутри единичных ветвей арийцев и семитов в строгие расовые характеристики.»⁴³

Эта пылкая критика расовой теории в конце письма, однако, смягчалась, в духе уступки уже упомянутому антисемитскому «культурному коду»: «Однако же хватит – за евреем тут не должно остаться последнее слово. Вернее даже, он может и вообще исчезнуть, и между нами останется только убежденность в том широком и глубоком общем, которое Вы так превосходно показали в Гете»⁴⁴.

Амбивалентное отношение Гарнака к еврейскому вопросу и теориям Чемберлена было типичным для вильгельмовской Германии. Предложено Чемберле-

³⁸ См. кроме прочего также: Köhler J. Wagners Hitler. Der Prophet und sein Vollstrecker. München, 1997; Sarkisyanz M. Vision vom Dritten Reich und Dritten Rom. Waren es die Sonderwege Deutschlands und Rußlands, die nach Auschwitz und zum GULAG führten? // Rußland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert. Zwei „Sonderwege“ im Vergleich / Ed. L. Luks, D. O’Sullivan. Köln, 2001. P. 69-92, зд. p. 89f.

³⁹ Цит. по: Kinzig, Harnack. P. 213f.

⁴⁰ Цит. по: Köhler, Wagners Hitler. P. 178.

⁴¹ Volkov Sh. Antisemitismus als kultureller Code / idem. Jüdisches Leben und Antisemitismus im 19. und 20. Jahrhundert. Zehn Essays. München, 1990. P. 13-36.

⁴² Kinzig, Harnack. P. 233.

⁴³ Ibid. P. 263.

⁴⁴ Ibid. P. 266.

ном «карфагенское решение» еврейского вопроса была настолько чудовищным, что многие его почитатели, вероятно, не приняли его всерьез. Так как оно не согласовывалось с европейским образом человека эпохи конца 19-го и начала 20-го века; несмотря на дело Дрейфуса и еврейские погромы в России. До начала Первой мировой войны, оповестившей о конце старой Европы и «долгого 19-го века», программа Чемберлена представляла собой, по сути, только утопический набросок – однако это был набросок, содержащий чрезвычайную революционную взрывную силу и давший несколько лет спустя одному из величайших преступлений в истории человечества программную основу. Ибо в отличие от Гобинно, считавшего упадок арийской расы неизбежным, Чемберлен объявил этому «закону упадка» непримиримую борьбу. Он хотел избавиться от него при помощи устранения важнейшей на его взгляд причины упадка арийства – еврейской расы. Йоахим Келер, детально показавший в своей книге *Wagners Hitler* идеологическую преемственность между *Основами XIX века* и *Mein Kampf* Гитлера, пишет о чрезвычайно простой программе Чемберлена следующее: «Кто [...] распознал причину упадка, тот не может поступить иначе кроме как во имя собственного выживания ее уничтожить», и добавляет: «своевольная, по современным понятиям абсурдная историческая теория Чемберлена должна была только стать прелюдией к великому спасительному делу»⁴⁵.

Спасение арийской расы Чемберлен планировал как «самоспасение». Оно должно было максимально мобилизовать силу воли, чтобы потом с особой последовательностью пойти против ее мнимого «смертельного врага», до его устранения. Этим почти «гностическим» (Эрик Фегелин) «концептом самоспасения»⁴⁶ Чемберлен в сущности провозгласил наступление 20-го века, наполненного идеологиями, провозглашающими истребление людей главным условием построения райских условий на земле.

В связи с этим странно, что Джеффри Филд, относящийся к наилучшим знатокам теорий Чемберлена, в некоторых центральных пунктах недооценивал характер мировоззрения этого непреклонного защитника ненависти к евреям. Так, Филд пишет:

«The anti-Semitism of Chamberlain and other Wilhelminian figures [...] was not exterminatory: their most extreme utterances called vaguely for legislative restrictions which would have reduced Jews to the status of resident aliens with specific positions in society closed to them and no voice in political affairs. Most of the time these anti-Semites offered no solutions at all – their anti-Semitism was more of a ‘defensive’ creed, a language for defining German values and exhorting cultural rebirth, than an offensive prescriptive doctrine demanding specific action against Jews.»⁴⁷

⁴⁵ Köhler. *Wagners Hitler*. P. 176, 179.

⁴⁶ См. также: Voegelin E. *Wissenschaft, Politik und Gnosis*. München, 1959.

⁴⁷ Field. *The Evangelist*. P. 456.

Таким образом, Филд смешивает ненависть к евреям Чемберлена с идеологическими представлениями других антисемитов вильгельмовской эпохи, действительно думавших в первую очередь о правовых ограничениях в отношении евреев. В этой связи можно упомянуть председателя Пангерманский союза Генриха Класа, который под псевдонимом Даниель Фриман в 1912 выпущенной книге *Если бы кайзером был я* хотел решить еврейский вопрос следующим образом:

«Излечение нашего народа [...] возможно только тогда, когда еврейское влияние будет либо совсем элиминировано, либо спадет до уровня терпимого и неопасного. [...] К этому относятся следующие меры: евреи не должны занимать государственных должностей. [...] Они не должны обладать ни активным, ни пассивным избирательным правом. Они не должны заниматься профессией адвоката и учителя; это же касается и руководства театрами. Газеты, в которых заняты евреи, должны быть обозначены таковыми. [...] В обмен на защиту, которая предоставляется чуждым нам евреям, они должны платить вдвое больше налогов, чем немцы»⁴⁸.

Несмотря на свою чрезвычайную гнусность, «программа» Класа имела мало общего с «карфагенским» сценарием Чемберлена. Идентифицируя программы типичных антисемитов вильгельмовской эпохи с «элиминирующим видением» Чемберлена, Филд существенно способствовал недооценке ненависти к евреям автора *Основ XIX века*.

Филд хотя и подчеркивает, что Чемберлену «удалось» преодолеть пессимизм Гобино, т.к. Чемберлен якобы, в отличие от последнего, верил, что остановить гибель арийской расы вполне возможно: «Chamberlain offered a more optimistic and messianic vision»⁴⁹.

Однако Филд обращает мало внимания на тот факт, что оптимизм Чемберлена был связан с убеждением, будто путем «карфагенского решения» можно устранить главную причину гибели арийства.

Неубедителен также и тезис Филда о якобы амбивалентной позиции Чемберлена в еврейском вопросе⁵⁰. Он ссылается при этом на следующие высказывания *Основ XIX века*:

«Не требуется подлинно хеттского носа, чтобы быть евреем. Это слово скорее обозначает определенный способ чувствовать и думать; человек может очень быстро, не будучи израилитом, стать евреем [...]. С другой стороны, бессмысленно настоящего израилита, которому удалось сбросить оковы Эзры и Нехемии, и в

⁴⁸ Frymann Daniel (i.e. Claß Heinrich): Wenn ich der Kaiser wär' – politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. Leipzig, 1914. P. 74, 76.

⁴⁹ Field. The Evangelist. P. 220.

⁵⁰ Ibid. P. 218.

чем разуме нет места закону Моисея, а в сердце – презрению к другим, называть "евреем"» (С. 544 и сл.).

Эти высказывания настолько противоречат тезису Чемберлена о еврейской крови, которая якобы неизлечимо отравляет другие расы⁵¹, что приведенную цитату, обещающую «нееврейским» евреям шанс на выживание, ничем другим как лицемерным отвлекающим маневром назвать нельзя. Подобным же образом следует оценивать и притворное дистанцирование Чемберлена от антисемитизма, которое временами можно наблюдать в его трудах. Так, например, в одном из своих писем 1902 года он пишет: «Агрессивный антисемитизм или презрение ко всему еврейскому мне чужды»⁵².

Если учесть, что эта фраза принадлежит одному из идейных основоположников холокоста, то ее иначе как лицемерной назвать нельзя. Не менее лицемерно и посвящение *Основ XIX века*, этого воззвания к неумолимой борьбе с еврейской расой. Представителю именно этой расы, венскому физиологу Юлиусу Визнеру, который руководил незаконченной диссертацией Чемберлена, здесь выражается «глубокое уважение и благодарность»⁵³.

Чемберлен однозначно вышел за рамки «обывательского» антисемитизма вильгельмовской эпохи, что, впрочем, касается не только его самого, но и некоторых других известных представителей «Байрейтского кружка». Это косвенно подтверждает Филд, повествуя об отношении Козимы Вагнер к антисемитской программе придворного священника и лидера юдофобской Христианско-социальной Партии Адольфа Штекера. Она вначале возлагала большие надежды на Штекера, но потом, разочаровавшись, отдалилась от него: „She found him rather naïv on race questions and rejected his emphasis upon conversion as a solution to the Jewish problem.“⁵⁴

Чемберлен беспрестанно старался популяризировать свою программу «решения еврейского вопроса». В первую очередь в Германии, на второй родине, он надеялся на соответствующий резонанс. От своей родины, Англии, он стал со временем все сильнее отдаляться: «Англичан я считаю народом, уже с давних пор подвергающимся стремительной дегенерации», – писал он вскоре после начала Первой мировой войны⁵⁵.

⁵¹ См. кроме прочего также: Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 152f.; Idem. Die Grundlagen. P. 383ff.

⁵² Chamberlain. Briefe. Vol. 1. P. 111.

⁵³ См. также: Chamberlain. Lebenswege. P. 65f., 108ff., 113-122, 345; Field. The Evangelist. P. 186. В своих воспоминаниях Чемберлен иногда упоминает кроме Визнера и других знакомых-евреев, даже друзей, которые ему, как он говорит, много значили (Lebenswege. P. 191-195, 230f.). Однако это никоим образом не мешало ему выступать за уничтожение еврейской расы, к которой они относились.

⁵⁴ Field. The Evangelist. P. 160.

⁵⁵ Chamberlain. Briefe. Vol. 1. P. 250; см. также: p. 285, 305. Vol. 2. P. 138, 169; Urbach, Bucher. Prinz Max von Baden. P. 151. В Основах он еще довольно-таки позитивно отзывался об Англии: «Англия практически отрезана своим островным положением; [...] и таким образом была

«Англия всецело попала в руки евреев и американцев, – утверждал он в январе 1917 г. в своем письме Вильгельму II. – Поэтому никто не поймет этой войны, если не имеет четкого представления, что это по своей сути война еврейства и родственного ему американизма за господство в мире»⁵⁶.

Так Чемберлен связывал все свои надежды на спасение человечества от «еврейской угрозы» с Германией (начиная с 1885 г., когда ему было 30 лет, и до смерти в 1927 г. Чемберлен жил в немецкоязычных странах): «[Это] мое глубокое внутреннее убеждение [...], что моральное и духовное благополучие человечества зависит от того, что мы называем немецким, – писал он в 1901 г. кайзеру Вильгельму II. – Только на немцев возлагает ныне свои надежды Господь».⁵⁷

Однако надежды Чемберлена, связанные с Германией, сопровождались беспокойством. Дело в том, что многие немцы, по его мнению, в недостаточной мере осознавали масштабы «еврейской угрозы» и придерживались пагубной, с точки зрения Чемберлена, «догмы о равенстве рас»⁵⁸. Особо яркие вспышки гнева вызывали у Чемберлена священники, которые «преподносили нечто в корне неверное в отношении расового вопроса. В данном случае церковное христианство стало настоящим проклятием для человечества»⁵⁹.

Не менее опасной была, по его мнению, деятельность таких «ограниченных умов», как Рудольфа Вирхова и других либерально настроенных профессоров, которые отрицали значение «расы как основы всех незаурядных достижений»⁶⁰.

Тем сильнее было в свою очередь восхищение Чемберлена Рихардом Вагнером, который «выступал с предостережением против растущего влияния евреев в немецком искусстве»⁶¹ и призывал немцев «стать облагораживателями человечества»⁶². (С 1908 г. Чемберлен был женат на дочери Вагнера Еве. Он жил с 1909 г. в Байройте, ставшем под воздействием «идей» Вагнера одним из главных центров антисемитизма в Германии).

Эту цель Вагнера можно достичь, по словам Чемберлена, только тогда, когда немцы сами «станут немцами»⁶³, а именно не только в культурном, но и в расовом плане. К каким «опасным последствиям» может привести несоблюдение расовой чистоты, Чемберлен описал в одном из своих писем Вильгельму II:

«Я знаю человека, полностью ощущавшего себя немцем, который женился на истинно немецкой девушке и теперь в ужасе наблюдает, как этот брак породил детей, которые все до единого выглядят так, будто бы их вылепили по образцу

выращена на данный момент несомненно *сильнейшая* раса Европы» (р. 323, см. также р. 337, 1018-1022).

⁵⁶ Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 252.

⁵⁷ Ibid. P. 137f., 170.

⁵⁸ Ibid. P. 150.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid. P. 151.

⁶¹ Chamberlain. Wagner. P. 226.

⁶² Idem. Briefe. Vol. 1. P. 56.

⁶³ Ibid. P. 57.

ассирийских монументов – явные, отвратительнейшие семитские лица, которые только можно себе представить, и соответствующие задатки. Мать этого доброго человека была, оказывается, "крещеная", и теперь – благодаря смешению – чисто семито-сирийское проявляется намного сильнее, чем раньше»⁶⁴.

Чтобы предотвратить подобные смешения, Чемберлен выступает за «сознательную в расовом отношении [...] однородно организованную и целеустремленную Германию»⁶⁵.

Неудивительно, что за подобные высказывания Гитлер, Розенберг, Гиммлер, Геббельс и другие лидеры национал-социализма считали Чемберлена идейным предшественником своего движения⁶⁶.

Политическое завещание Гитлера от 29 апреля 1945 содержало тезисы, которые могли бы принадлежать Чемберлену. «Фюрер» Третьего Рейха обязывал немцев «к тщательному соблюдению расовых законов и к безжалостной борьбе с отравителем всех народов, международным еврейством»⁶⁷.

До заключительного периода Первой мировой войны Чемберлен связывал свои надежды на осуществление пропагандируемой им расовой революции с высшими кругами Германии. Он гордился тем, что его книги нашли широкий отклик среди высшей немецкой аристократии. Однако эти надежды постепенно ослабли, так как представители высшей аристократии в своем отрицании еврейства не были настолько непреклонны, как Чемберлен. Даже у таких почитателей антисемитских *Основ XIX века*, как принц Макс фон Баден или кайзер Вильгельм II, в числе друзей или сотрудников были евреи. Можно вспомнить хотя бы об Альберте Баллине, Максе Варбурге или Вальтере Ратенау. Макс фон Баден к тому же дискредитировал себя в глазах Чемберлена тем, что стал основоположником парламентаризации вильгельмовской империи. Так как Чемберлен считал парламентскую систему воплощением зла, поведение принца, ставшего в октябре 1918 г. первым канцлером правительства, несущего ответственность перед рейхстагом, явилось для него настоящим шоком⁶⁸.

Несмотря на эту разочаровавшую Чемберлена позицию немецкой аристократии, он и впредь считал Германию главным противником еврейства и верил, как и прежде, в «призвание Германии»: «Вера в германскую сущность [...] является для меня составной частью моей веры в бога, – писал он 21 ноября 1918 г. – Я по-прежнему непоколебимо убежден, что бог создал и вырастил немцев для благородных целей, на благо всему человечеству»⁶⁹.

⁶⁴ Ibid. Vol. 2. P. 152f. (от 20.02.1902).

⁶⁵ Ibid. P. 161.

⁶⁶ Köhler. Wagners Hitler; Sarkisyanz. Vision. P. 87-90.

⁶⁷ Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945 – kommentiert von einem Zeitgenossen. Wiesbaden, 1973. Vol. 2. P. 2239.

⁶⁸ Urbach, Bucher. Prinz Max von Baden. P. 135f.

⁶⁹ Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 62.

И эта надежда начала материализоваться в 20-е годы. Чемберлен встретил политика, который смог бы осуществить в течение десятилетий пропагандируемое им «дело исцеления», – Адольфа Гитлера.

30 сентября 1923 г. в Байройте состоялась встреча обоих единомышленников. Неделю спустя Чемберлен писал лидеру НСДАП:

«Уважаемый и дорогой господин Гитлер. [...] Перед Вами стоит огромная задача. [...] Моя вера в немецкую нацию ни на мгновение не пошатнулась, однако моя надежда – я признаюсь – угасла. Вы враз переменяли состояние моей души. То, что Германия в свой самый тяжелый час породила Гитлера, свидетельствует о том, что она жива. [...] Я мог бы теперь спокойно уснуть, и мне не нужно было бы просыпаться. Да защитит Вас Господь!»⁷⁰

Письмо Чемберлена было для Гитлера бесценно. После выхода *Основ XIX века* Чемберлен считался все-таки «главным идеологом» «Байрейтского кружка»⁷¹. И теперь, благодаря Чемберлену, Байройт лежал у ног Гитлера, что чрезвычайно окрыляло лидера национал-социалистического движения. Гитлер «радовался этому письму, как ребенок», – пишет один из его единомышленников, Йозеф Штольцинг-Черны, в письме к Еве Чемберлен от 17 октября 1923 г.⁷²

«Байройт обладал в консервативном лагере силой, которая измерялась не голосами избирателей, а влиятельными личностями и объединениями, – пишет Йоахим Келер. – Чтобы приблизить конец ненавистной республики, было недостаточно быть фанатичным антисемитом. Байройту нужен был герой, который бы действительно претворил расовый идеал в жизнь»⁷³.

И таким героем был избран Гитлер.

Даже провал Мюнхенского путча не подорвал веру Чемберлена в «призвание» Гитлера. В листовке от 1 января 1924 г. он называет избранного им будущего исполнителя его завещания своего рода «светлым образом»: В отличие от остальных политиков, Гитлер – это «благословение божие», – не «пустослов», а некто, кто продумывает свои мысли до конца и бесстрашно делает из этого выводы⁷⁴.

Гитлер в свою очередь говорил с восхищением о якобы «научно» обоснованных «выводах» Хьюстона Стюарта Чемберлена, которые «официальные правительственные инстанции [...] равнодушно» упустили из виду⁷⁵.

Геббельс же называл Чемберлена «отцом нашего духа», «новатором» и «первопроходцем»⁷⁶.

⁷⁰ Ibid. P. 124ff.

⁷¹ Köhler. Wagners Hitler; Field. The Evangelist.

⁷² Köhler. Wagners Hitler. P. 459.

⁷³ Ibid. P. 19.

⁷⁴ Ibid. P. 20.

⁷⁵ Ibid. P. 289f.

⁷⁶ Ibid. P. 250.

Создание Третьего рейха можно в этом отношении назвать посмертной победой скончавшегося в 1927 г. Чемберлена. Гитлер, прославленный автором *Основ*, действительно обладал способностью связывать слово с делом, которой так восхищался Чемберлен. Сформулированное в рейхстаге 30 января 1939 г. «видение» об «уничтожении еврейской расы в Европе»⁷⁷, которое представляло своего рода завещание Чемберлена, фюрер Третьего рейха спустя два с половиной года начал претворять в жизнь дословно.

Между тем завещание Чемберлена содержало компонент, смущавший лидера НСДАП: «Заблуждение Х. Ст. Чемберлена заключалось в том, что он верил в (духовное значение) христианства», – заявил Гитлер в одном из своих монологов, который был записан 13 декабря 1941⁷⁸. Это было время, когда холокост был уже в полном разгаре. Бригады СД и полиции безопасности, начавшие непосредственно после начала войны 22 июня 1941 г. массово расстреливать евреев-мужчин, приблизительно в конце августа распространили эту кампанию по уничтожению также и на женщин и детей⁷⁹. В лагере смерти Хелмно в так называемом «Вартегау» состоялись первые акции умерщвления евреев газом.

Высказывания Чемберлена в защиту христианства, хотя и в форме так называемого «арийского» христианства, представлялись для исполнителей его завещания препятствием: «Чистое христианство ... ведет к уничтожению человечества, является неприкрытым большевизмом в метафизическом обрамлении», – объявил Гитлер в своем монологе от 14 декабря 1941⁸⁰. Последний «балласт», оставшийся от европейской цивилизации, был, таким образом, отброшен. На пути «окончательного решения еврейского вопроса» теперь уже ничего не стояло.

Разработанная Чемберленом на пороге 20-го века утопия в середине этого «века крайностей», по крайней мере на европейском континенте, была практически воплощена в жизнь. Сущность этого столетия состояла в том, что оно было временем реализации некоторых утопических мечтаний, которые раньше рассматривались как неосуществимые. В 19-м веке часто сожалели и том, что утопии хотя и кажутся красивыми, но их нельзя превратить в жизнь, писал в своей книге *Новое средневековье* Николай Бердяев. В 20-м веке человечество столкнулось с совсем иной проблемой. Утопии оказались намного легче осуществляемы, чем

⁷⁷ Domarus. Hitler. Reden und Proklamationen. Vol. 2. P. 1056ff; Battenberg F. Das europäische Zeitalter der Juden. Zur Entwicklung einer Minderheit in der nichtjüdischen Umwelt Europas. Darmstadt, 1990. Vol. 2. P. 282.

⁷⁸ Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944, aufgezeichnet von Heinrich Heim / Ed. von Werner Jochmann. München, 2000. P. 151.

⁷⁹ См. кроме прочего также: Longerich P. Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung. München, 1998. P. 580; Burrin Ph. Hitler und die Juden. Die Entscheidung für den Völkermord. Frankfurt/Main, 1993. P. 118f.; Friedländer S. Die Jahre der Vernichtung. Das Dritte Reich und die Juden. München, 2006. P. 244f.

⁸⁰ Adolf Hitler. Monologe. P. 152.

предполагалось. И теперь встал вопрос о том, как можно было бы предотвратить реализацию утопий⁸¹.

В самом деле, адепты утопических проектов определили в огромной мере историю 20-го столетия, прежде всего его первую половину, и заставили их либерально-демократических противников, не мыслящих в апокалиптических категориях и понимавших под политикой «искусство возможного», занять оборонительную позицию. Около 1940 г. почти всем европейским континентом правили два тоталитарных левиафана, пытавшихся осуществить утопические видения, которые были развиты в двух программных манифестах, возникнувших на рубеже веков. Наряду с *Основами XIX века* здесь речь идет об опубликованном три года спустя трактате Ленина *Что делать?*

Атака слева

Когда Ленин писал свой труд, весь Второй интернационал находился в ревизионистской борьбе, которая показала, что утопические энергии, которыми марксистское движение обладало еще в предыдущие десятилетия, постепенно иссякали. Западные социал-демократические партии все сильнее занимались парламентскими, профсоюзными или коммунально-политическими вопросами и ни в коем случае не революционными конечными целями. Это погружение в будничную рутину вызывало гнев многих социал-демократов, еще чувствовавших ответственность за исполнение завещания *Коммунистического Манифеста*. Тем не менее, в своих партиях они попадали во все бóльшую изоляцию. Особенно явно это явление проступает на примере политических судеб Розы Люксембург и Александра Гельфанда (Парвуса), относившихся к одним из оригинальнейших социал-демократических теоретикам того времени. Оба с особенной остротой отвергали тезисы Эдуарда Бернштейна. Ревизия основ партии может осуществляться только налево, не направо, писал Парвус в органе СДПГ *Die Neue Zeit*, а именно «на созданной научным социализмом основе социал-революционной пролетарской классовой борьбы, не на им оставленной основе социально-реформаторского утопичества»⁸². Для Розы Люксембург отказ пролетариата от революционной пролетарской классовой борьбы означал примирение с существовавшими отношениями господства, капитуляцию перед ними. Вместе с этим она упрекала Бернштейна в следующем: «[Бернштейн] начал таким образом отказываться от *конечной цели* ради самого движения. Но так как фактически социал-демокр-

⁸¹ Berdjaev N. Das Neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Rußlands und Europas. Tübingen, 1950. P. 122.

⁸² Parvus. Der Opportunismus in der Praxis // Die Neue Zeit. 1900/1901. Vol. 2. P. 746.

атического движения без социалистической конечной цели быть не может, то он неизбежно закончит тем, что откажется и от самого движения»⁸³.

Острота, которую Роза Люксембург и Парвус вносили во внутривнутрипартийную полемику, казалась некоторым западным социал-демократам знаком «русской нетерпимости» (Роза Люксембург была родом из русской части Польши, Парвус родился недалеко от Минска и вырос в Одессе). Оба слыли в СДПГ эксцентриками и не могли завоевать большинство партии для своей точки зрения. Руководство СДПГ неоднократно осуждало Розу Люксембург за ее слишком радикальную позицию⁸⁴. Парвус, разочаровавшись, оставил в 1910 г. Германию и поселился в Турции, чтобы начать совершенно новую страницу своей биографии⁸⁵.

Представления *Коммунистического Манифеста* об устранении частной собственности и создании бесклассового рая на земле вдохновляли около 1914 г., незадолго до начала Первой мировой войны, только немногочисленные радикальные круги рабочего движения. Однако через три года представители этого направления стали единовластными правителями одного из крупнейших государств мира. *Утопия пришла к власти*, так с помощью названия книги русских эмигрантских историков Некрича и Геллера можно охарактеризовать это событие⁸⁶. Почему именно Россия стало полем для экспериментов марксистских утопистов? С точки зрения классиков марксизма Россия совершенно не подходила для воплощения видений *Коммунистического Манифеста*. На рубеже веков она была в сущности еще аграрной страной, в которой промышленные рабочие составляли незначительное меньшинство населения. Кроме того, Россия являлась во времена Маркса и Энгельса самодержавной монархией, не знавшей, если не учитывать независимое правосудие (с 1864 г.), принципа разделения властей. Таким образом, Россия не обладала никакими предпосылками для развития успешного социал-демократического движения по западному образцу. Россия стоит на пороге революции, говорил Энгельс в 1875 г., но это не будет социалистическая революция, потому что российская буржуазия и промышленный пролетариат находятся на чрезвычайно низкой ступени развития. Переворот, намечающийся в России, это бунт против «последнего до сих пор существующего резерва общеевропейской реакции»⁸⁷. Во время революции 1848 г. в своей газете *Neue Rheinische Zeitung* Маркс и Энгельс призывали западные народы к революционному крестовому походу против Российской империи. Энгельс вспоминал: «Внешняя политика [газеты *Neue Rheinische Zeitung* – Л. Л.] была проста: защита каждого

⁸³ Luxemburg R. Politische Schriften. Frankfurt/Main, 1967. Vol. 1. P. 124f.

⁸⁴ Nettl J. P. Rosa Luxemburg. Köln, Berlin, 1969. P. 320-369.

⁸⁵ У размолвки Парвуса и СДПГ были не только идеологические, но и финансовые причины. Следственная комиссия СДПГ (1908/09) объявила Парвусу строгий выговор в связи с расхищением части прибыли российского писателя Максима Горького (Scharlau W.B., Zeman Z.A. *Freibeuter der Revolution. Parvus-Helphand. Eine politische Biographie*. Köln, 1964. P. 132f.; Heresch E. *Geheimakte Parvus. Die gekaufte Revolution. Biographie*. München, 2000. P. 101).

⁸⁶ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней, тт. 1–2. Лондон, 1982.

⁸⁷ MEW. Vol. 18. P. 567.

революционного народа, призыв к всеобщей войне революционной Европы против опоры европейской реакции – России»⁸⁸. Ирония истории, о которой Маркс и Энгельс, следуя Гегелю, так часто говорили, им, однако, отомстила. Ибо именно в этом государстве, которое, по их мнению, было полностью негодным для пролетарской революции, впервые в истории пришла к власти марксистская партия.

Первые марксистские группировки возникли в России в 80-х годах 19-го века. Они находились с самого начала в парадоксальной ситуации. В качестве неумолимых критиков капиталистической системы они должны были в то же время выступать за развитие капитализма в России. Так как только таким образом можно было возвести необходимый фундамент для создания в дальнейшем социалистического общества. Как бескомпромиссные противники буржуазии они должны были в то же время бороться за победу буржуазной революции в России, так как по классическим учебникам марксизма буржуазные революции должны были предшествовать пролетарским. Но в этой буржуазной революции промышленный пролетариат, как это ни парадоксально, должен был играть рушающую роль. В 1891 г. родоначальник русского марксизма, Георгий Плеханов, сказал, что российский промышленный пролетариат представляет собой первую революционную силу в русской истории, которая способна свергнуть самодержавие и ввести Россию в сообщество цивилизованных народов.

Надежды, которые связывали русские марксисты с промышленным пролетариатом, не были безосновательными. Лишенные корней промышленные рабочие были намного мобильнее и восприимчивее к революционной пропаганде, чем крестьяне, находящиеся во власти традиционных взглядов на мир. Распространению революционной пропаганды среди российских промышленных рабочих способствовало и то, что российские заводы часто представляли собой гигантские предприятия с тысячами рабочих⁸⁹. Революционные лозунги могли там распространяться как беглый лесной пожар. Тот факт, что промышленные гиганты настолько сильно формировали русский промышленный ландшафт, связано с запоздалой индустриализацией России. В связи с этим нередко даже говорят о привилегии отсталости. Таким образом, нации, позже начавшие модернизацию, не обязательно должны повторять весь путь развития их предшественников. Они с самого начала опираются на результаты процесса модернизации высокоразвитых стран и сразу перенимают последние технологические достижения. А западные промышленные концерны представляли собой ко времени индустриализации России – т.е. на рубеже веков – последнее слово техники. Российская империя переняла современнейшие технологические структуры Запада, отклонила, однако, модернизацию своих общественных и политических структур. Это также вело к радикализации положения в стране.

⁸⁸ MEW. Vol. 21. P. 22.

⁸⁹ См. Keep J. L.H. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. N.Y., 1976. P. 19; Altrichter H. Rußland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 1997. P. 275.

До революции 1905 г. в России не существовало легальных независимых рабочих организаций. Поэтому канализирование или институционализация общественного протеста были невозможны. Практически каждая демонстрация рабочих вела к жестоким стычкам с полицией. Не в последнюю очередь из-за этого русский промышленный рабочий класс отличался чрезвычайной воинственностью. На таких радикально настроенных промышленных рабочих опиралась созданная в 1898 г. Российская социал-демократическая рабочая партия. После затихания революционных волн на Западе вследствие поражения революции 1848 года, революционный центр континента сместился в Россию. Здесь происходило непрерывное обострение политических конфликтов и поляризация общества, как это предсказывали Маркс и Энгельс для Западной Европы. Несмотря на это, гигантский царский аппарат власти казался в начале 20-го столетия практически непобедимым и неоспоримо превосходящим революционные группировки самой различной направленности. В этих условиях и был создан трактат *Что делать?*, который для истории марксистского движения будет играть не меньшую роль, чем *Коммунистический Манифест*.

Также как и Чемберлен, Ленин верил в закономерность исторического развития, но хотел при этом – и здесь параллель к автору *Основ* – влиять на спонтанные исторические процессы. Эти аналогии в мышлении обоих авторов поражают, если обратить внимание на то, что Чемберлен опирался на мировоззрение, пронизанное безграничным пессимизмом (тезис Гобино о непрерывном процессе разложения белой расы), в то время как Ленин унаследовал от Маркса безграничный оптимизм (неизбежная победа пролетарской революции).

Своей «карфагенской моделью» Чемберлен хотел показать, как уже говорилось, что пессимистические взгляды Гобино были необоснованны. Упадок арийской расы можно было остановить, если избавиться от главной причины этого процесса – еврейства. Он призывал арийскую расу к тому, чтобы сверхчеловеческим усилием воли создать расовый «рай на земле».

Ленин также был воодушевлен видением рая на земле, социального рая, который, как и у Чемберлена, должен был быть создан при помощи волевого акта. Эволюционные решения рабочего вопроса, за которые выступали западные «революционеры» и их русские единомышленники, борющиеся в первую очередь за постепенное улучшение экономического положения пролетариата, Ленин наотрез отклонял. По его мнению, это только отвлекало от подлинной цели – уничтожения существующего общества. Ожидания Ленина были не слишком отличны от Маркса и Энгельса, отраженные в *Манифесте Коммунистической партии*⁹⁰.

⁹⁰ Бертрам Вульф подчеркивает, что в своих трудах Ленин особенно часто цитировал романтического и «волютаристического» Маркса революционного периода (1848–1850) и в меньшей степени позднего «детерминистского» Маркса, занимавшегося прежде всего «законами» экономического развития капиталистической системы (Wolfe B. *Marxism and the Russian Revolution / Idem. An Ideology in Power. Reflections on the Russian Revolution*. N.Y., 1969. P. 3-41, зд. р. 23). Это обстоятельство и неудивительно. Ибо по «открытым» Марксом законам

Он также провозглашал, почти на раннехристианский манер: спасение близко. Но кто был спасителем? Для Маркса и Энгельса пролетариат, свободный от первородного греха – эксплуатации других людей, – олицетворял нового Спасителя. Оба оказались лжепророками. Ибо целью подавляющего большинства промышленных рабочих было не создание «царства свободы» вместо классового общества, а скромное благосостояние внутри существующего общества, которого они на рубеже веков, по крайней мере на Западе, и добились.

Эту эрозию «утопического» Ленин, находившийся с 1900 по 1917 гг. с короткими перерывами в эмиграции на Западе, мог наблюдать своими глазами. Разочарование в марксистском «Спасителе» проходит красной нитью через его труд *Что делать?*. Спонтанно, своими собственными силами пролетарские массы развивают лишь «тредюнионское» сознание, говорил Ленин. Социалистическое сознание, стремление к созданию нового, никогда не существовавшего мира, им привить может только авангард: «Социалистического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне»⁹¹.

Чтобы избавить теорию авангарда от обвинения в ереси, Ленин ссылаясь на одну из важнейших инстанций тогдашнего марксистского движения – на Карла Каутского, который говорил в журнале *Neue Zeit* 1901/02 гг. следующее:

«Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основе глубокого научного знания [...]. Носителем же науки является не пролетариат, а буржуазная интеллигенция; В головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям [...]. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно из нее возникшее»⁹².

Так, скептическое отношение Ленина к способности пролетариата к самостоятельному, осознанному действию было свойственно и другим марксистским теоретикам. Одни только этот скепсис и подчеркивание роли авангарда едва ли могли бы объяснить фундаментальное значение *Что делать?*, сравнимое со значением *Манифеста Коммунистической партии*. Этому в первую очередь способствовали другие тезисы Ленина, прежде всего о революционной тактике. Так как в отличие от *КМанифеста Коммунистической партии* не идеологические, а тактические вопросы составляли ядро *Что делать?*⁹³. При этом Ленин как бы вел

победа «пролетарской революции» в России была, по крайней мере при жизни Ленина, невозможна.

⁹¹ Ленин Н.[sic]. *Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения*. Stuttgart, 1902. С. 20.

⁹² Цит. по: Там же. С. 27.

⁹³ Идеологический каркас движения являлся для Ленина с самого начала не подлежащим сомнению. Николай Валентинов, бывший большевик, рассказывал о своем разговоре с Лениным в 1904 г., в котором Ленин остро спорил с теми большевиками, которые хотели обогатить марксизм новыми философскими учениями: по его словам было недопустимо

«войну на два фронта»: как против идеологической беспомощности масс, так и против организаторской неуклюжести марксистской интеллигенции в России⁹⁴. Последние оказались не в состоянии создать организацию, которая смогла бы повести за собой массы и стать вызовом для царского самодержавия. Поэтому Ленин мечтал о строго дисциплинированной, центрально управляемой заговорщицкой организации профессиональных революционеров: «Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!», пишет Ленин в *Что делать?*⁹⁵

На первый взгляд замысел Ленина казался абсолютно утопичным. Как могло только что возникшее социал-демократическое движение России, не имевшее из-за саможержавного характера царской монархии почти никакой возможности действовать публично, стать вызовом для считавшегося тогда неодолимым царского государственного и полицейского аппарата? Сам Ленин признавался, что законы Бисмарка против социалистов казались по сравнению с репрессивной системой царского режима смехотворными: «Русскому пролетариату [...] предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем»⁹⁶. Несмотря на это, Ленин ни в коем случае не считает положение русских марксистов безвыходным. Потому что в русской истории уже был прецедент, когда маленькая, но четко организованная группа заговорщиков смогла сделать вызов могучему российскому государству и поколебать его основы. Этой группой были *Народники* и не в последнюю очередь основанная в 1879 г. террористическая организация *Народная Воля*, убившая в 1881 г. царя Александра II, вошедшего в русскую историю как «царь-освободитель». Ленин восхищался тактикой *народовольцев* и клеймил лишь их «неправильную» идеологию. Они же не были марксистами⁹⁷. Разработанная в *Что делать?* организация профессиональных революционеров – «партия нового типа» – должна была, напротив, связать революционный порыв, характерный для *Народной Воли*, с марксистской программой, что сделало бы ее непобедимой.

Предсказанию Ленина суждено было сбыться. Соединение хилиастических мечтаний русской интеллигенции с марксистским утопизмом под крышей орга-

исправлять Маркса. Социал-демократическая партия – это не семинар, говорил он, на котором можно обсуждать различные новые идеи. Это боевая организация с определенной программой и четкой иерархией идей. Вступление в эту организацию подразумевает безоговорочное признание этих идей. Марксизм можно развивать только в том направлении, на которое указал сам Маркс (Валентинов Н. [Вольский]. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1979. С. 252 и сл.). Так что для Ленина идеология не подлежала обсуждению. Но он страстно дискутировал о вопросах революционной тактики.

⁹⁴ О критической точке зрения Ленина по отношению к интеллигенции см. напр. Frank V. Lenin und die Intelligentsia // Lenin / Ed. L. Schapiro. Stuttgart, 1969. P. 23-33; Горький Максим. В.И. Ленин. М., 1960.

⁹⁵ Ленин. Что делать? С. 97

⁹⁶ Там же. С. 17.

⁹⁷ Там же.

низации профессиональных революционеров, которую Ленин основал через год после опубликования *Что делать?*, представляло собой один из глубочайших поворотов в истории России и всего рабочего движения. До этого момента СДПГ считалась образцом для всех марксистских партий Европы. Ее организационная сила, ее эффективность делали ее равным соперником прусского государства, на структуры которого, как подчеркивает Томас Ниппердей, она в какой-то степени опиралась⁹⁸. Однако Пруссия и соотв. Германская империя были, несмотря на исключительные антисоциалистические законы Бисмарка, правовым государством, предоставлявшим политическим партиям бесчисленные возможности действовать легально. Все эти возможности не существовали в России до 1905 г. (до Октябрьского манифеста царя, обещавшего подданным предоставление основных прав). Таким образом, разработанная Лениным в 1902 г. «партия нового типа» не могла опираться на легально действующую партию по образцу СДПГ. Это, однако, не было единственной причиной, почему СДПГ не могла рассматриваться Лениным как образец для подражания. Когда он назвал исключительные законы против социалистов, представлявшие вершину преследования немецкого рабочего движения, смехотворными, он как бы хотел сказать, что СДПГ развивалась при «тепличных условиях». Немецкое государство не оказывало достаточного давления, чтобы принудить СДПГ к соответственному революционному противодействию. Подобное противодействие могло возникнуть только в России, так как только здесь репрессии приняли по европейским меркам беспрецедентные масштабы. Эта исключительная ситуация – борьба против «самого могучего бастиона европейской реакции» – придавала российскому пролетариату, по Ленину, особую функцию. Если бы российский пролетариат справился бы с этой задачей, он бы перенял ведущую роль в международном рабочем движении, стал бы его авангардом:

«История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также [...] азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»⁹⁹.

Эти слова Ленина в 1902 г. казались ересью. Для традиционно настроенных западных рабочих партий тогдашние процессы развития в отсталой самодержавной России нельзя было переносить на высокоразвитые индустриальные страны Запада и поэтому они казались по сути несущественными.

Казалось, сам Ленин сформулировал тезис о русском пролетариате как авангарде лишь между прочим. Он его не углублял и неоднократно выражал свое

⁹⁸ Nipperdey Th. Die Organisation der deutschen Parteien vor 1918. Düsseldorf, 1961.

⁹⁹ Ленин. Что делать? С. 17-18.

восхищение СДПГ и мечтал о том, чтобы когда-нибудь и у русских социал-демократов будут свои Бебели и Либкнехты¹⁰⁰. Была ли тогда эта мечта о ведущей роли русского пролетариата лишь кратким эмоциональным всплеском без последствий? Едва ли. Едкая ленинская критика британского тред-юнионизма и немецкого ревизионизма показывает, что он начал все сильнее сомневаться в революционном темпераменте западных марксистов. И эти сомнения не были необоснованными. На рубеже веков марксизм, казалось, все сильнее принимал характер флегматичного экономического учения. Все меньше он звучал революционным пособием к действию, не в последнюю очередь по этой причине царские органы сначала не слишком возражали против распространения марксизма в России, казавшегося по сравнению с некоторыми другими революционными течениями более умеренным и миролюбивым¹⁰¹. Без Ленина и его в 1903 г. основанной большевистской партии – «партии нового типа» – российский марксизм наверно в действительности бы принял похожий реформистский характер, как и на Западе. Противники Ленина на 2-м съезде социал-демократической рабочей партии России, закончившемся расколом партии – «меньшевики» – хотели дословно перенять ориентированные на Запад марксистские модели. Они, а не Ленин, были подлинными ортодоксальными марксистами. Ленин, напротив, проклиная все ревизионистские течения целиком, был на самом деле «ревизионистом». Но для него не могло быть и речи о том, чтобы признать это. Несмотря на принципиальные изменения некоторых основ классического марксизма, он считал себя ортодоксальным марксистом, иногда даже «единственным ортодоксальным марксистом в мире» (Бертрам Вульф)¹⁰². Попыткам меньшевиков приблизиться к «обузданному» западному марксизму Ленин и большевики объявили непримиримую борьбу. И как раз из-за своей непримиримости эта вначале крошечная партия оказывала практически непреодолимую силу притяжения на те группы в стране, которые хотели полностью разрушить существовавший экономический, политический и социальный порядок. Ленину играло на руку и то, что Российская империя находилась примерно со времени потерпевшего неудачу восстания декабристов 1825 г. в состоянии все более радикализирующегося брожения. Не удивительно, что импортированные из Запада учения в России были особенно радикально интерпретированы. Умеренные силы в оппозиционном лагере, предупреждавшие о разрушительных последствиях обожествления революции, не могли предотвратить нарастающую поляризацию в стране. Россия держала курс, хоть и после нескольких передышек, на тотальную конфронтацию между государством и обществом, между верхами и низами. Ленин чувствовал себя в своей стихии. Несмотря на значительную изоляцию большевиков внутри политического класса России им удалось, особенно после падения самодержавия

¹⁰⁰ Там же. С. 92-94.

¹⁰¹ См. Wolfe B. Three who made a Revolution (Lenin, Trotsky, Stalin). A biographical history. N.Y., 1948.

¹⁰² Ibid. P. 13.

в феврале/марте 1917 г., подтолкнуть страну в предполагаемое Лениным направление. Поэтому эмигрировавший из Советского Союза историк Абдурахман Авторханов называет русскую революцию революцией по заготовленному плану, ленинскому плану, первая часть которого была намечена в *Что делать?*¹⁰³. Бертрам Вульф добавляет: «партия нового типа» Ленина была так сконструирована, что для нее не могло быть и речи о терпимости к другим партиям. Подобная партия могла, не принимая во внимание степень зрелости пролетариата, захватить власть, она объявляла себя авангардом пролетариата и навязывала свои собственные условия обществу во имя пролетариата, а пролетариату – во имя его собственного авангарда¹⁰⁴.

Таким образом, для Вульфа и Авторханова, как и для многих других советологов (Л. Хаймсон, М. Файнсод, Л. Шапиро, А. Мейер и др.), является несомненным, что разработанная в *Что делать?* концепция решающим образом повлияла на последующие действия Ленина и созданной им в 1903 г. большевистской партии. Этот подтвержденный бесчисленными фактами из истории большевизма тезис был недавно поставлен под сомнение российским историком Анной Крыловой. С ее точки зрения развитая в *Что делать?* модель представляет собой лишь эпизод в истории русского марксизма и большевизма, окончившийся с революцией 1905 г. В это время Ленин, якобы, научился ценить значение революционных инстинктов пролетариев и пересмотрел свое скептическое отношение к массам¹⁰⁵. Тот факт, что отношение Ленина к революционным инстинктам пролетарских (и крестьянских) масс являлось чисто инструменталистским, Анна Крылова оставляет без внимания. Эти инстинкты должны были быть лишь использованы для разрушения существовавшего порядка и для того, чтобы «партия нового типа» смогла получить единовластие. После достижения этой цели «стихийность» масс стала для партии, намеревавшейся теперь подогнать российскую действительность под марксистскую утопию, помехой, и должна была быть «усмирена». Тех большевиков, которые осуждали попечительство партии, точнее ее руководства над массами, Ленин обвинял в инфантильной позиции. В своем труде *Детская болезнь «левизны» в коммунизме* в мае 1920 Ленин критиковал тех

¹⁰³ Авторханов А. Происхождение партократии. Frankfurt/Main, 1973. P. 35.

¹⁰⁴ Wolfe B. A Party of a New Type. The Foundation Stone of the Communist International // The Comintern: Historical Highlights. Essays, Recollections, Documents / Ed. M.M. Drachkovitch, B. Lazitch. Stanford/Calif., 1966. P. 20-44, зд. p. 42f.

¹⁰⁵ Krylova A. Beyond the Spontaneity-consciousness Paradigm: "Class Instinct" as a Promising Category of Historical Analysis // Slavic Review. 2003. Vol. 62 (1). P. 1-23; см. также: Zelnik R.E. A Paradigm Lost? Response to Anna Krylova // Ibid. P. 24-33; Halfin I. Between Instinct and Mind: The Bolshevik View of the Proletarian Self // Ibid. P. 34-40; Haimson L. Lenin's Revolutionary Career Revisited. Some Observations on Recent Discussions // Kritika 2004. Vol. 1. P. 55-80; Lih L.T. How a Founding Document was Found, or One Hundred Years of Lenin's What Is to Be Done // Ibid. 2003. Vol. 1. P. 5-49; см. также некоторые ранние работы: Haimson L.H. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass., 1955; Treadgold D.W. Lenin and His Rivals: The Struggle for Russia's Future 1898-1906. N.Y., 1955; Meyer A.G. Leninism. Cambridge, Mass., 1957; Keep J. L.H. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963; Schapiro L. Lenin nach fünfzig Jahren / Idem. Lenin. P. 7-22.

коммунистов, которые говорили о «диктатуре партийных вождей», о партийной олигархии. Подобные обвинения свидетельствуют, по мнению Ленина, о «самой невероятной и безысходной путанице мысли». Потом он добавил: « Всем известно, что массы делятся на классы юною, что классами руководят обычно [...] политические партии ..., что политические партии в виде общего правила управляются [...] группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных [...] лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно»¹⁰⁶.

Прямая связь между ходом мыслей Ленина в 1902 и 1920 гг., несмотря на все сомнения А. Крыловой, очевидна. Большевицкая диктатура была действительно предвосхищена в своих принципах уже в *Что делать?*, так же как и очертания холокоста были уже явно видны в *Основах* Чемберлена.

Когда возникли эти два пролога к двойной тоталитарной революции 20-го века, Европа казалась, несмотря на гонку вооружений, шовинистические страсти на Западе и революционные в России, настолько стабильной и могущественной, как никогда прежде. Радикальнейшие противники господствовавшего порядка, прежде всего марксистски ориентированное рабочее движение, были интегрированы – не считая России и Италии – в существовавшую систему. Экономическая конъюнктура находилась после преодоления биржевого кризиса 1873 г. на подъеме. Вместе с США европейские государства практически разделили весь земной шар. В свете этой кажущейся устойчивости существовавшей ситуации представления Чемберлена и Ленина о разрушении старого и создании нового мира представлялись особенно далекими от действительности. Эта стабильность Европы производила впечатление даже на обоих деятелей, сомневавшихся, что они еще успеют увидеть исполнение их мечтаний. Когда Ленин после потерпевшей неудачу революции 1905 г. снова был вынужден эмигрировать в Швейцарию, он сказал, что у него возникло чувство, что он уже сходит в могилу¹⁰⁷. Похожее состояние наступило и Чемберлена в довоенное время, когда многие хотя и читали его книги, но он со своими призываниями к «карфагенскому решению» еврейского вопроса так и не смог вызвать к жизни широкое движение. Лишь после самоубийства старой Европы в результате «катастрофы» 1914-1918 гг. «ужасные упростиатели» (Карл Якоб Буркхардт) довоенного времени получили шанс, своими «видениями» коренным образом изменить мир.

В заключение я еще хотел бы остановиться на вопросе, почему «видения» Чемберлена могли быть реализованы именно в Германии, а Ленина – именно в России. Антисемитские чувства, к которым обращался Чемберлен, были распространены практически во всех европейских странах, а в таких государствах как Франция и Российская империя они проявлялись до 1914 г. в еще более острой форме, чем в Германии (дело Дрейфуса, еврейские погромы). Что же касается

¹⁰⁶ Ленин. ПСС. Т. 41. С. 24.

¹⁰⁷ Krupskaja N.K. Erinnerungen an Lenin. Vol. 1-2. Berlin, Wien, 1929-1933; см. также: Wolfe. Three who made a Revolution; Haimson. The Russian Marxism. P. 218f.

радикальных социалистических фантазий, вдохновлявших Ленина, то и они представляли собой общеевропейский феномен.

Несмотря на такое положение дел, Германия и Россия оказались особенно восприимчивыми к тотальным искушениям, хотя и с разными знаками. Возможно, это было связано с особенно глубоко укорененной тоской в обеих странах по преодолению внутреннего раскола – в Германии национального, в России социального.

Эйфория, настигшая Германию ко времени германских войн за объединение и прежде всего во время германо-французской войны 1870/71 гг., представляла собой своего рода революцию – вместо неудавшейся революции 1848/49 гг., не решившей национального вопроса. Британский историк Льюис Б. Нэмьер назвал войну даже одной из форм немецкой революции¹⁰⁸. Федор Достоевский, внимательно наблюдавший за развитием событий в Германии, находился ко времени начала германо-французской войны в Дрездене. В своем *Дневнике писателя* (1876) он описывает свои тогдашние впечатления:

«[...] смотря на иную проходящую роту, нельзя было не залюбоваться удивительной военной выправкой, стройным шагом, точным, строгим равнением, но в то же время и какой-то необыкновенной свободой, еще и невиданной мною в солдате, сознательной решимостью, выражавшейся в каждом жесте, в каждом шаге этих молодцов. Видно было, что их не гнали, а что они сами шли. Ничего деревянного, ничего палочно-капрального, и это у немцев, у тех самых немцев, у которых мы заимствовали [...] и капрала, и палку! Нет, эти немцы шли без палки, как один человек, с совершенной решимостью и с полной уверенностью в победе. Война была народной: в солдате сиял гражданин, и, признаюсь, мне тогда же стало жутко за французов [...]»¹⁰⁹.

Но пыл 1870/71 гг. быстро остыл. Нация осталась внутренне расколотовой и сотрясаемой религиозными, территориальными и социальными проблемами, до того момента, когда идеи лета 1914 г. спаяли нацию, не знавшую «больше никаких партий», так же как и в 1870/71 гг., казалось, в монолит. Военное вдохновение лета 1914 г. представляло собой, конечно же, общеевропейский феномен, но только в Германии оно стало новым этапом в процессе построения нации. Для борцов за «органическое» единство нации этот процесс, однако шел не так далеко, как им хотелось. То, что «непобедимая на поле боя» армия в конце концов все-таки проиграла эту войну, многие объясняли слабостью на внутреннем фронте. Теперь же борьба за органическое единство нации, за искоренение всего чужеродного, стоявшего на пути этого процесса, приняла истерический характер и потеряла всякую связь с реальностью. Только в этой атмосфере, которую Гер-

¹⁰⁸ Namier L.B. The Course of German History / Idem. Facing East. L., 1947. P. 25-40.

¹⁰⁹ Достоевский. Дневник писателя.

манн Раушнинг называет состоянием горячечного бреда¹¹⁰, могла быть осуществлена все упрощающая «программа» Чемберлена, определявших евреев истинными виновниками всех бед немцев. Захват власти Гитлером, который был напрямую связан с исключением евреев из общественной жизни Германии, рассматривался многими немцами своего рода продолжением начатого в 1864-1871 гг. и обновленного в 1914 г. процесса объединения, своего рода революцией. Это упоение объединением особенно наглядно описано в биографии Гитлера Иоахима К. Феста¹¹¹.

Что касается России, то она пережила похожую эйфорию не в 1914, а в 1917 г. Война в России не была связана, не считая тонкого слоя образованных людей, с ожиданиями блага и спасения, это наступило только с революцией 1917 г.

Обожествление революции имеет в России длинную предысторию. Воплощением этого обожествления была в первую очередь русская интеллигенция – феномен, у которого на Западе, как справедливо подчеркивает Теодор Шидер, не было эквивалента¹¹². Мышление интеллигенции носило манихейские черты. Зло символизировало для них царистское самодержавие, добро – простой русский народ, и они исходили из того, как указывает российский философ Семен Франк, что механическое устранение зла автоматически приведет к победе добра¹¹³. Бескомпромиссная революционная деятельность интеллигенции привела к тому, что она не придавала значения глубоким метафизическим вопросам, так как занятие ими отвлекало, якобы, от борьбы за освобождение народа, добавляет Николай Бердяев. Чистый материализм и атеизм являлись единственным интеллектуальным багажом интеллигенции¹¹⁴.

Лишь «идеалистический поворот», захвативший к началу 20-го века часть русской интеллигенции, привел к постепенному отказу от одержимости революцией. Однако эта смена парадигм наступила слишком поздно, так как хилиастические мечтания интеллигенции, ее вера в исцеляющую силу революции уже заразили простой народ, до этого еще укорененный в допетровском мироощущении. Для народных слоев на протяжении поколений государство воплощал православный царь. Будучи солдатами, они боролись за Веру, Царя и Отечество. Русский историк Федотов указал в связи с этим на то, что понятию Отечество в этой триаде не случайно отводилось последнее место¹¹⁵. Идея современного национального государства, считавшегося независимо от религиозных коннотаций вершиной создания, к началу 20-го века проникло лишь в часть образованного

¹¹⁰ Rauschnig H. The Conservative Revolution. N.Y., 1941. P. 262f.

¹¹¹ Fest J.C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1979. P. 513-570.

¹¹² Schieder Th. Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert / Idem. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. München, 1970. P. 11-57, зд. р. 42ff.

¹¹³ Франк С. Этика нигилизма / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 175-210.

¹¹⁴ Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда / Вехи. С. 1-22.

¹¹⁵ Федотов Г. Революция идет // Современные Записки. 1929. № 39. С. 306-359.

слоя России. Низшие слои российского общества, правда, и пережили процесс модернизации, приведший на рубеже веков к ослаблению их привязанности к церкви и царю; но они так и не нашли привязки к современной идее национального государства. Они находились в подвешенном состоянии между прошлым и будущим, и этот мировоззренческий вакуум все сильнее заполнялся идеей революции. Вера в революцию представляла собой замену тогдашней в значительной мере опустошенной вере в православного царя. Таким образом революционная интеллигенция выиграла свою длящуюся десятилетиями конкурентную борьбу с царской бюрократией за «душу» народа.

Интеллигенция «просветила» народ, чьи традиционные представления были поколеблены, писал в 1908 г. русский философ Сергей Булгаков. Эта «победа», однако, будет иметь для России трагические последствия, продолжал Булгаков¹¹⁶.

При этом необходимо добавить, что современные революционные учения, с помощью которых интеллигенция пыталась «просветить» народ, смешивались с традиционными идеалами справедливости низших слоев российского общества, носящих ярко выраженный эгалитарный характер. «Из всех форм справедливости равенство для русских – на первом месте» – говорил Георгий Федотов¹¹⁷.

После падения царской монархии в 1917 г. эгалитарная эйфория, овладевшая российским населением, приняла масштабы стихийного бедствия и направился против иерархического принципа как такового, являющегося для каждого государства основополагающим принципом построения. Все политические партии России пытались сдержать этот эгалитаристский восторг, грозивший смести всю цивилизаторскую «надстройку» страны, – но только не большевики. Ленин разжигал и дальше стремление к освобождению от всех форм неравенства, созданию «органического», единого социального организма и к уничтожению «буржуазного государства». Ибо он знал, что только на этих руинах могло быть построено воображаемое им «партийное государство нового типа». Для достижения этой цели он даже был готов объединиться с непросвещенными массами. Бертрам Вульф пишет:

«It was Lenin, irreconcilable enemy of the spontaneous and elemental *stikhia*, who understood most clearly that in this gray mass, with its fear of punishment for indiscipline, its desire to avoid transfer to the front, its disorderly use of its weapons, its new-found glorification, its unrest, uncertainty, inexperience, and vulnerability to plausible demagogic slogans, was the dynamite to blow up the infirm foundations of the Provisional Government».¹¹⁸

А Федор Степун добавляет: в 1917 г. Ленин понял, что в определенных ситуациях лидер должен поддаваться воле масс, чтобы победить. Несмотря на то, что

¹¹⁶ Булгаков С. Два града. Т. 1-2. М., 1911, зд. т. 2, с. 159-163.

¹¹⁷ Федотов Г. Народ и власть // Вестник РСХД. 1969. № 94. С. 79-95, зд. с. 89.

¹¹⁸ Wolfe. Marxism and the Russian Revolution. P. 23.

Ленин был человеком необыкновенной силы воли, он послушно шел в направлении, выбранном массами¹¹⁹.

Однако этот союз Ленина с анархичными массами представлял собой лишь краткосрочное явление. Сразу после победы большевистской революции «партия нового типа» стремилась деполитизировать своих «союзников» и превратить их в винтики тоталитарного механизма. Так как опьянение свободой 1917 г. еще очень долго действовало на россиян, при попытке приспособить строптивую российскую действительность к марксистской утопии большевики натолкнулись на существенное сопротивление. Партия ответила террором, которому суждено было стать, с краткими перерывами до 1953 г. (до смерти Сталина) одной из важнейших основ нового режима.

(Авторизованный перевод Антонины Зыковой)

¹¹⁹ Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 342.

Тоталитарная личность в контексте Новейшей истории России и Германии*

Тоталитарные режимы 20-го века стремились создать нового человека. Скептического, борющегося за свою самореализацию индивидуалиста, перенятого ими от либерально-позитивистской эпохи, они хотели превратить в коллективного человека, слепо верующего и безоговорочно повинующегося. Эту цель не легко было осуществить, поскольку начиная с эпохи Просвещения Европа прошла мощный процесс эмансипации, который к середине 19-го века охватил и консервативные монархии Центральной и Восточной Европы. Даже в дотолем самодержавно управляемой Российской Империи были после проигранной Крымской войны начаты грандиозные реформы, напоминавшие петровские реформы начала 18-го века, - реформы, которые могут быть охарактеризованы как вторая модернизация, или европеизация, России. В 1861 году было отменено крепостное право, была значительно ослаблена цензура, в результате судебной реформы 1864 года возникли независимые суды, что создавало первые предпосылки для разделения властей в стране. Многие из тех требований, которые поколениями выдвигали критики российского самодержавия, осуществлялись одно за другим. Однако для радикальных противников монархии – для революционной интеллигенции – эти процессы не имели никакого значения. Напротив: чем либеральнее делалось общественное устройство, тем радикальнее боролась с ним интеллигенция. Эта неадекватная, совершенно иррациональная реакция кажется на первый взгляд поразительной. Но не относится ли неадекватный, иррациональный образ действий к сущности тоталитарного характера? Для начала я хочу заняться одной из его разновидностей – нетерпеливым революционным утопистом, стремящимся к разрушению существующего несовершенного мира, чтобы на его развалинах как можно быстрее построить общественный рай на земле. В России этот человеческий тип проявился в особенно радикальной форме. По словам историка Теодора Шидера, безоговорочность и абсолютность, отличавшие революционную веру русской интеллигенции, были на Западе практически неизвестны.¹

В 1869 году, т. е. как раз в то самое время, когда либеральное правление Александра Второго коренным образом обновляло Россию, больше того преображало ее до неузнаваемости, один из наиболее радикальных противников режима, Сергей Нечаев, пишет «Катехизис революционера», в котором можно было прочесть следующее: «Революционер - человек обреченный. ... Он в глубине своего суще-

* Опубликовано ранее в *Вестнике Европы* (2001. № 3).

¹ Schieder Th. Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert / Idem. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. München, 1971. P. 42-44.

ства, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него - враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить. ... Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория - неотлагаемо осужденных на смерть.» К ним, по мнению Нечаева, относятся самые умные и энергичные представители существующего режима. «Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно (!) жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями ... »²

В этих рассуждениях уже намечаются первые контуры будущего тоталитарного характера – создателя и создания тоталитарных режимов 20-го века. Такой характер ориентирован на тотальную конфронтацию. Поэтому наиболее «умные» представители правительства, воплощающие в себе «человеческое начало» существующего режима, особенно ему ненавистны. Ведь они в состоянии сделать этот несовершенный, обреченный на разрушение мир более выносимым в глазах народа. Деспотические натуры в правительственном лагере ему милее, потому что они не смягчают «искусственно» социальные и политические противоречия, а значит, приближают революционный взрыв.

Революционер, считает Нечаев, не должен испытывать никаких человеческих чувств по отношению к врагам; по сути они для него и не люди, но «скоты». Однако и по отношению к своим соратникам он не должен проявлять слабость или сочувствие, поскольку эти соратники тоже не представляют ценности сами по себе, но являются лишь «революционным капиталом»: «У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела.»³

Таким образом революционный утопист – а Нечаев воплощает его в наиболее чистой форме – склоняется к тому, чтобы лишить человеческого облика не только своих врагов, но и себя самого. Он имеет дело уже не с конкретными людьми, но с абстрактными силами, воплощениями добра и зла. Чувства вины или сомнения, одолевающие человеческую личность, уже не играют для него никакой роли. Революционер превращается в орудие уничтожения, из любви к будущему

² Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Ред. Е.Л.Рудницкая. М., 1997.

³ Там же.

идеальному человечеству ведущее беспощадную борьбу на истребление с представителями существующего несовершенного мира. В духе Нечаева действовала возникшая в 1879 году «Народная воля», важнейшей целью которой было убийство Александра Второго – пожалуй, самого либерального царя в новой русской истории. Нечаев писал: «Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу». Либеральный царь был с точки зрения «Народной воли» прямо-таки создан для этой роли. Организация начала настоящую охоту на царя. Четыре покушения не удались. При пятой попытке – 1 марта 1881 года – террористы добились, наконец, желаемого успеха. Убийство Александра Второго произошло как раз в то самое время, когда царь вместе со своим ближайшим сотрудником М.Т. Лорис-Меликовым работал над документом, в котором России было обещано некое подобие конституции. Члены «Народной воли» смотрели на цареубийство как на своего рода искупительный акт; подобные искупительные фантазии относятся, наряду с тенденцией к дегуманизации противника, к наиболее существенным чертам тоталитарного характера. Ему свойственно манихейское мышление. Он знает лишь абсолютное зло – в случае радикальной интеллигенции это было русское самодержавие – и абсолютное добро – для интеллигенции это был русский простой народ. Интеллигенция, писал в этой связи русский философ Семен Франк, верит в возможность достижения абсолютного счастья на земле путем простого механического устранения врагов обожествляемого ею народа. Вопреки своему безбожию, интеллигенция, по Франку, продолжает мыслить в религиозных категориях – ее «бог» это народ, ее «дьявол» - царское самодержавие.⁴

Искупление, к которому стремилось радикальное крыло русской интеллигенции из лагеря «народников», распространялось, в общем и целом, только на Россию, оно было скорее партикулярным, чем универсальным. Целью народников было в первую очередь освобождение страдающего русского народа, который они хотели повести в райское, «светлое» будущее. Однако этот хилиазм русских революционеров приобрел особую взрывоопасность, когда в конце 19 – начале 20 века он соприкоснулся с марксистским утопизмом. Важнейшим результатом этого синтеза было создание в 1903 году большевистской партии – первой тоталитарной партии новейшей эпохи, не имевшей аналогов на Западе. Эта централизованная, строго дисциплинированная организация профессиональных революционеров принципиально отличалась от всех других партий, входивших в основанный в 1889 году Второй Интернационал. Прототипом этой партии послужила для ее основателя, Владимира Ленина, вовсе не та партия, которая во Втором Интернационале вызывала наибольшее восхищение, именно Социал-Демократическая Партия Германии. Такая партия, как СДПГ, могла развернуть свою

⁴ Франк С. Этика нигилизма / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. 2-е изд. М., 1909. С. 175-201.

деятельность лишь в условиях парламентаризма. Россия же к моменту основания большевистской партии была еще самодержавной монархией без парламента и политических партий. Лишь после революции 1905 года царизм превратился в полуконституционную монархию. Поэтому Ленин искал прообразов для организационной структуры своей партии не на Западе, а в самой России. Такой прообраз он нашел в организации «Народной воли». В качестве ортодоксального марксиста Ленин отвергал индивидуальный террор, но организационная структура «Народной воли» ему импонировала. Это была дисциплинированная и централизованная организация заговорщиков. Именно такую организацию, но действующую по марксистской программе, и хотел создать Ленин: «Дайте нам организацию революционеров - и мы перевернем Россию!», писал он в 1902 в программной работе «Что делать?».⁵ Через пятнадцать лет ему удалось с помощью такой партии создать первый тоталитарный режим Новейшего Времени и тем самым направить историю 20-го века по новому пути.

Тоталитарный характер выкристаллизовался в конце 19-го века не только на левом, но и на правом краю политического спектра. В отличие от левых утопистов, стремившихся искусственно ускорить историческое развитие, чтобы как можно скорее достичь «светлого будущего», правые экстремисты были радикальными противниками современности. «Золотым веком» было для них не будущее, но прошлое по ту сторону индустриализации и Просвещения. Сверхчеловеческим усилием воли они хотели искусственно остановить бурное развитие стремительно меняющегося мира. Начавшийся в эпохи Просвещения процесс эмансипации, победное шествие всеобщего избирательного права, усиливающиеся нивелирование сословных различий – все это они отождествляли с закатом Европы. Одной из опасностей для европейской цивилизации казалось им так называемое «восстание масс»; организованное рабочее движение они считали наиболее опасной формой этого восстания. Ради отражения этой грозящей снизу опасности некоторые из правозэкстремистских группировок, например социал-дарвинисты, готовы были пересмотреть традиционные понятия морали. Так, с их точки зрения, следовало защищать вовсе не слабых и обездоленных от сильных и привилегированных, а как раз наоборот – лучших и сильных от слабых, т.е. от массы. Сострадание к слабым социал-дарвинисты считали совершенно устаревшим требованием. Они идеализировали законы биологической природы и стремились полностью перенести господствующее в природе право сильнейшего на человеческое общество.

Поскольку цель воинствующих противников современности – возврат к доиндустриальному и допросветительскому состоянию вещей – была совершенно утопической и недостижимой, то и разработанные ими методы осуществления этой цели неизбежно должны были приобрести абсурдный характер. В этом контексте может быть рассмотрена и радикализация антисемитских эмоций – эмо-

⁵ Ленин В.И. П.С.С. Т. 6. С. 127.

ций, которым суждено было стать чрезвычайно важной составляющей частью этого восстания против современности. Отождествляя современность с евреями, которых среди поборников модернизации и эманципации было и в самом деле немало, антисемиты по видимости вырывались из некоего порочного круга. Бесперспективная борьба против всемогущих и анонимных сил современности превращалась в борьбу против конкретных и вполне уязвимых евреев. Подчинение или, тем более, уничтожение евреев должно было автоматически привести к восстановлению патриархальной идиллии. Так контуры холокоста наметились уже в конце 19-го – начале 20-го века.

Один из предшественников расового антисемитизма, Хьюстон Стюарт Чемберлен, которого Йозеф Геббельс занес в галерею предков национал-социализма, восхищался непримиримостью, с которой древний Рим боролся со своими противниками-сеμίтами.

В своих «Основах 19го века» (1899) Чемберлен издевается над теми, кто осуждает разрушение Римом Карфагена за безнравственность, и пишет: «Одно ... ясно, как солнце в полдень: если бы финикийский народ не был бы уничтожен, ... человечество никогда не имело бы этого 19 столетия, на которое мы теперь, при всем смиренном сознании наших слабостей... оглядываемся с гордостью. При ни с чем не сравнимой живучести семитов, достаточно было бы малейшего проявления милосердия – и финикийская нация бы воскресла; в полусожженном Карфагене ее огонь тлел бы под пеплом, чтобы снова вспыхнуть ярким пламенем при первых признаках намечающегося распада римской империи. ... В евреях мы видим другую и не менее опасную разновидность этого яда, разъедающего все благородное и творческое. Только слепец или лицемер откажется признать, что проблема еврейства среди нас относится к сложнейшим и опаснейшим проблемам современности.»⁶ Способ решения этой трудной проблемы косвенно намечается Чемберленом. Не случайно говорит он так подробно о судьбе Карфагена. Суровость Рима импонирует ему гораздо больше, чем наивное с его точки зрения великодушие современных европейцев: «Руководствуясь идеальными мотивами, индоевропеец по-дружески открыл двери – еврей ворвался в них как враг, захватил все позиции и закрепил ... в щелях и проломах нашего своеобразия флаг своей сущности, вечно чуждой нам».⁷

Подобно тому, как русские революционеры хотели построить социальный рай на земле путем устранения представителей старого порядка, антисемиты стремились к построению расового рая на земле путем устранения «расово чуждых» евреев. Чемберлен говорит в этой связи о «святости чистой расы».⁸

В этой непримиримой борьбе моральные сомнения и человеческие чувства не должны были играть никакой роли. Таким образом расисты, подобно левым утопистам, дегуманизировали не только своих противников, но и себя самих.

⁶ Chamberlain H.S. Die Grundlagen des Neunzehnten Jahrhunderts. München. Vol. 1. P. 162f.

⁷ Ibid. P. 382.

⁸ Ibid. P. 367f.

Когда Чемберлен представил общественности свои мысли о решении еврейского вопроса, Европа, не в последнюю очередь из-за все усиливавшихся националистических эмоций и непрерывной гонки вооружений («сухой войны», по выражению Ганса Дельбрюка), представляла собой пороховую бочку. Тем не менее идеи Чемберлена, в силу их радикальности, производили на тогдашнее общество чрезвычайно странное впечатление. Не менее странным казалось сочинение председателя «Всегерманского Союза» Генриха Класа «Если бы я был кайзером», которое он опубликовал незадолго до начала Первой мировой войны. Подобно Чемберлену Клас требовал суровости при решении еврейского вопроса. Он писал: «Оздоровление нашей народной жизни ... возможно лишь в том случае, если еврейское влияние будет либо полностью исключено либо сведено к терпимым, неопасным размерам. ... Для достижения этого нужны следующие меры: евреи не допускаются к занятию каких бы то ни было официальных должностей. ... Они лишаются как активного, так и пассивного избирательного права. Профессии адвоката и учителя для них запретны; также и руководство театрами. Газеты, в которых сотрудничают евреи, должны быть специально помечены. ... В качестве возмещения за охрану, которую евреи получают от государства в качестве иноплеменников, они платят двойные налоги.»⁹

Клас ясно сознавал, до какой степени его предложения должны были провоцировать тогдашнюю германскую общественность: «Я слышу и вижу, как читатель внутренне воздевает руки к небу в ужасе от холодной жестокости этих предложений – а то и смотрит на них как на порождения больной фантазии, тем более что в кругах безобидной либеральной буржуазии давно привыкли сетовать вместе с евреями на их недостаточное равноправие. ... Но на самом деле все как раз наоборот. Еще никогда за всю историю человечества великий, талантливый, трудолюбивый народ не попадал так быстро и до такой степени без сопротивления под влияние и духовное руководство другого, чуждого ему народа, с совсем иными наклонностями, как в наши дни немецкий народ попал под еврейское господство».¹⁰

Прошло около двадцати лет после того, как были написаны эти слова, отражавшие мнение маргинальной группы („lunatic fringe“, как говорят англичане), и в Германии пришел к власти режим, не просто реализовавший предложения Класа, но пошедший много-много дальше.

Николай Бердяев говорит в этой связи, что в 19-ом веке часто приходилось слышать сожаления о том, что утопии хоть и прекрасны, но не могут быть осуществлены; в 20 же веке человечество столкнулось с совсем другим положением

⁹ Frymann D. (i.e. Claß Heinrich). Wenn ich der Kaiser wär'- politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. 5. Aufl. Leipzig, 1914. P. 74, 76.

¹⁰ Ibid. P. 77.

вещей: утопии гораздо легче осуществить, чем считалось раньше, вопрос в том, как предотвратить их осуществление.¹¹

Обстоятельства, приведшие к тому, что люди с левыми или правыми тоталитарными убеждениями смогли – сначала в России, потом в Германии – переместиться с общественно-политической периферии в центр власти, не могут здесь быть разобраны; эта тема выходит далеко за рамки данной статьи. Во второй ее части я хотел бы обратиться к проблематике тоталитарной личности в так называемой «режимной» фазе, к вопросу о том, укрепляются и развиваются ли на более зрелой стадии развития те свойства тоталитарного характера, которые сложились в период его возникновения.

Прежде всего рассмотрим столь характерную для тоталитарной личности тенденцию к дегуманизации противника, к отказу ему в человеческой сущности. Так, например, представители бывших русских высших классов были сразу же после захвата власти большевиками объявлены людьми «второго сорта». Советская конституция 1918 года лишала их как активных, так и пассивных избирательных прав. Здесь следует вспомнить, что пятью годами ранее Генрих Клас делал аналогичные предложения по отношению к немецким евреям. Диктатура пролетариата лишает своих классовых врагов буржуазных свобод, поскольку буржуазия лишь использует эти свободы в контрреволюционных целях, утверждал один из ведущих большевистских теоретиков, Николай Бухарин, в 1918 году.¹² Представители «эксплуататорских классов» имели во время гражданской войны наихудшее материальное обеспечение и, как правило, получали продовольственные карточки самой низшей категории. Они неоднократно облагались особыми налогами – «контрибуциями» (которые в октябре 1918 года, к примеру, составили в общей сложности 10 млрд. рублей). В рамках трудовой повинности они должны были выполнять самые низкие работы. Существенным элементом «красного террора» во время гражданской войны было взятие «заложников» - произвольные аресты бесчисленных граждан, которые органами террора рассматривались как своего рода человеческий залог. На акты сопротивления ему режим нередко отвечал массовыми расстрелами таких заложников. В категорию заложников, которые в таких случаях уничтожались в первую очередь, входили представители бывших имущих классов.¹³

¹¹ Berdjaev N. Das Neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Rußlands und Europas. Tübingen, 1950. P. 122.

¹² Bucharin N. Das Programm der Kommunisten (Bolschewiki). Wien, 1918.

¹³ Pipes R. Die russische Revolution. Vol. 2. Berlin, 1992. P. 805-809; Volkogonov D. Lenin. Berlin, 1994. P. 257ff.

Судьба лишившегося власти русского высшего слоя напоминает на первый взгляд судьбу евреев в Третьем Рейхе. И в том и в другом случае имеет место постоянная радикализация преследований – лишение прав и достоинства, выделение в особую категорию, наконец физическое уничтожение. Тем не менее, между этими двумя типами преследований есть существенное различие. Конечной целью национал-социалистов, особенно после начала германо-советской войны, был тотальный геноцид, полное уничтожение евреев независимо от их возраста, пола, религиозной принадлежности или профессии. Поход большевиков против буржуазно-дворянских слоев России носил иной характер. Большевики пытались расколоть своих «классовых врагов». Часть из них была уничтожена, другие же привлечены к выполнению задач режима. Сотни тысяч «буржуазных» специалистов работали в советских учреждениях и предприятиях. Красная армия была бы не дееспособна без бывших офицеров царской армии. Количество таких офицеров в рядах Красной армии составляло в 1919 году 35 тысяч, а в 1920 – уже 48 тысяч.¹⁴ Даже оба первых главнокомандующих Красной армии – Иоаким Вацетис и Сергей Каменев – принадлежали в царское время к высшему офицерству. Не следует забывать, что многие большевистские лидеры были буржуазного или дворянского происхождения – не в последнюю очередь сам Ленин. Таким образом политика большевиков по отношению к «классовым врагам» носила более дифференцированный характер, чем политика национал-социалистов по отношению к евреям. Авторы, склоняющиеся к отождествлению большевизма и национал-социализма, оставляют этот факт без внимания.

Большевики были убеждены, что им удастся мгновенно установить общественный порядок, основанный на идеалах равенства, справедливости и братства; возможно это было, по их мнению, потому, что они якобы представляли интересы подавляющего большинства человечества, т.е. интересы «эксплуатируемых классов». Изоляция «эксплуататоров», лишение их прав и собственности казалось им достаточной предпосылкой для установления социального рая на земле. По сути дела они мыслили так же, как в свое время мыслили заговорщики из организации «Народная воля», исходившие из того, что убийство царя – этого символа старого порядка – автоматически преобразит всю страну. Разница между большевиками и народовольцами заключалась в том, что большевики в отличие от своих предшественников располагали якобы «научной» программой преобразования общества, т.е. марксизмом. Кроме того, в противоположность «Народной воле» они опирались не на крошечную организацию заговорщиков, но на гигантский аппарат тоталитарного государства. Поэтому их политические действия, включая террор, приняли систематический характер. Однако при всех различиях их вера в то, что «добро» автоматически восторжествует после удаления «зла», напоминает аналогичную веру народников до неотличимости. Троцкий в своих

¹⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Под ред. С.С. Хромова и др. М., 1983. С. 106. Altrichter H. Staat und Revolution in Sowjetrussland 1917-1922/23. Darmstadt, 1981. P. 183.

воспоминаниях рассказывает, что Ленин в первое время после прихода большевиков к власти неоднократно заявлял: «Через полгода у нас будет социализм, и мы станем сильнейшим государством на земле».¹⁵ Так большевики сделали жертвой своего собственного утопизма. Семен Франк называет утопизм классической ересью, попыткой спасти мир одной лишь человеческой волей. Так как утопист действует вопреки структуре творения и вопреки человеческой природе, то его действия, по Франку, заранее обречены на неудачу. Таким образом он объявляет войну как творению, так и человеческой природе и превращается из якобы спасителя в злейшего врага человеческого рода.¹⁶

Поскольку строптивая действительность сопротивлялась радикальным попыткам преобразования, предпринимаемым большевиками, то эти последние провозглашали врагами рабочего класса все новые социальные группы и ставили под сомнение их право на принадлежность к человечеству. Наряду с представителями бывших верхних слоев общества к этой категории были теперь отнесены и «кулаки». В августе 1918 года Ленин писал: «Кулаки - самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры ... Эти кровопийцы нажились на народной нужде ... Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих ... Эти пиявки пили кровь трудящихся ... Эти вампиры подбирали и подбирают себе помещичьи земли ... Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!»¹⁷

Расширяясь, сфера имущих слоев общества, объявляемых враждебными, начала распространяться на так наз. «мелких владельцев», т.е. на подавляющее большинство русского российского крестьянства, составлявшее примерно 80% населения. В апреле 1918 года Ленин обвинил их в безудержном эгоизме и назвал их решительными врагами пролетариата: «Их орудие - подрыв всего того, что пролетариат декретирует и стремится осуществить в деле устройства организованного социалистического хозяйства. Здесь мелкобуржуазная стихия - стихия мелких собственников и разнузданного эгоизма - выступает решительным врагом пролетариата»¹⁸

А как обстояло дело с самой партией, которая насильственно оборвала мощный процесс эмансипации, продолжавшийся в России со времени реформ Александра Второго вплоть до Октябрьской революции, и лишила поработенное ею общество всякой самостоятельности? Большевики были необыкновенно уверены в себе и чрезвычайно горды тем, что совершили величайшую, как они полагали, революцию в истории человечества. Первые полтора десятилетия после Октябрьской революции большевистская партия вела себя как всемогущий демиург, способный в кратчайшее время создать никогда прежде не существовавший об-

¹⁵ Trockij L. Über Lenin. Material für einen Biographen. Frankfurt/Main, 1964. P. 106.

¹⁶ Франк С. Ересь утопизма / Он же. По ту сторону правого и левого. Сборник статей. Париж, 1972. С. 83-106.

¹⁷ Ленин. ПСС. Т. 37. С. 40-41.

¹⁸ Ленин. ПСС. Т. 36. С. 245-246.

щественный порядок и нового человека. Однако в унифицированном обществе столь самонадеянная партия оказывалась чужеродным телом. В 1936-38 гг. – в эпоху Большого террора – это чужеродное тело было интегрировано в общий социальный организм и превращено в послушное орудие в руках власти. Процесс дегуманизации, который они начали в 1917 году по отношению к своим противникам, был таким образом распространен на самих большевиков. Во время показательных процессов 1936-38 гг. генеральный прокурор СССР Вышинский называл в своих речах многих из ближайших соратников Ленина, создателей советского государства, «цепными псами капитализма», «змеиным отродьем», которое «должно быть растоптано».¹⁹

На пленуме ЦК в марте 1937 г. один из ближайших приспешников Сталина, Микоян, охарактеризовал некоторых представителей так наз. «Ленинской гвардии» и своих бывших товарищей следующим образом: «Троцкий, Зиновьев и Бухарин ... создали новый тип людей, извергов, а не людей, зверей, которые выступают открыто за линию партии, ... а на деле ведут беспринципную подрывную работу против партии.»²⁰

После такой аргументации все психологические барьеры в борьбе Сталинской клики с внутривластными противниками были сняты, законы неписаного «большевистского кодекса чести», запрещавшего физическое уничтожение внутривластных конкурентов, утратили силу.

Партийные оппозиционеры, с которыми боролись сталинисты, в прошлом сами нередко утверждали, что кулаки или представители бывших верхних слоев общества – это звери, а не люди. Теперь им пришлось на собственном опыте познать реальные последствия такого рода стилистических упражнений. За былые дерзания пришлось расплачиваться.

Как и большевики, национал-социалисты стремились создать нового человека, свободного от моральных запретов, привитых иудео-христианской этикой. Как и большевики, они отрицали право своих противников на принадлежность к человечеству. С одним отличием. Поскольку враги национал-социализма провозглашались таковыми в первую очередь по биологическим признакам, в Третьем Рейхе, в отличие от большевистского государства, «неправильное происхождение» нельзя было искупить «правильным мировоззрением». Переход из одного лагеря в другой был невозможен. Евреи, считавшиеся самыми закоренелыми врагами арийской расы, должны были быть полностью «изолированы», а после начала германо-советской войны, точнее после Ванзейской конференции, подлежали тотальному уничтожению. Этой цели служили в первую очередь созданные на территории Польши лагеря уничтожения: Трехлинка, Собибор, Бельжец, Хелмно и, прежде всего, Аушвиц-Биркенау. Как справедливо отмечают польские историки Ян Гумковский и Казимир Лещинский, само слово «лагерь» может в данном слу-

¹⁹ Der Sowjetkommunismus. Dokumente / Ed. H.-J. Lieber, K.-H. Ruffmann. Köln-Berlin, 1963. Vol. 1. P. 381.

²⁰ Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 21.

чае ввести в заблуждение. Узников, как правило, убивали там уже через несколько часов по их прибытии.²¹ Такого рода фабрики смерти были неизвестны в советском «архипелаге ГУЛАГ», в котором людей, как правило, убивал рабский труд. Поэтому понятия Аушвиц-Биркенау и Трешлинка и стали символами исключительности национал-социалистической системы террора. Относительно бесперебойное функционирование этого механизма уничтожения было возможно не в последнюю очередь потому, что исполнители, как правило, до глубины души проникались национал-социалистической догмой, по которой евреи – это не люди. «Бесчисленные заболевания имеют своей причиной одну бациллу – еврея!», провозглашал Гитлер в одном из своих монологов – и делал отсюда вывод: «Мы выздоровеем, когда элиминируем еврея».²² В марте 1943 года ответственный за статистику инспектор при рейхсфюрере СС, Рихард Корхерр, составил отчет по «окончательному решению еврейского вопроса». Язык, которым написан этот отчет, вряд ли нуждается в комментариях. Корхерр пишет: «В Европе евреи скучиваются /häufen sich/, или скучивались, прежде всего в занятых Германией бывших польско-русских ... областях. Уменьшение еврейства в Европе составляет по-видимому ... уже около 4 млн. голов /Köpfe/. Большое поголовье /Bestände/ евреев наблюдается на европейском континенте, помимо России, ... теперь уже только в Венгрии и Румынии ..., может быть, еще и во Франции».²³

Однако одной дегуманизации евреев было недостаточно, чтобы заглушить в соучастниках преступления неосознанное и не признаваемое ими чувство вины. Для этого нужны были и хилиастические видения. Эрих Гольдхаген (которого не следует путать с его сыном Даниелем, автором известной книги «Гитлер и его услужливые исполнители») пишет по этому поводу: «Исполнители особенно склонялись к хилиастическим мечтаниям сразу после какой-нибудь резни. Изнеможенные убийцы, постоянно преследуемые неосознаваемым чувством вины. Убеждение в том, что убийство евреев – это искупительный акт, было одной из существеннейших форм психологической поддержки, бальзамом для их совести.»²⁴

Национал-социалистический террор, как и большевистский, не мог, конечно, ограничиться только одной какой-то группой жертв. Все новые и новые группы людей зачислялись в категорию «недочеловеков»: психически больные, польская интеллигенция, пленные красноармейцы. В издаваемых отделом пропаганды вермахта «Сообщениях для войск» можно было в июне 1941 года прочесть следующее: «Что такое большевики, знает всякий, кто хоть однажды заглянул в лицо кому-нибудь из красных комиссаров. ... Назвать черты этих живодеров, по большей части еврейского происхождения, зверскими, было бы оскорблением

²¹ Gumkowski J., Leszczyński K. Okupacja hitlerowska w Polsce. Warschau, 1961. P. 69.

²² Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941-1944 / Ed. Werner Jochmann. München, 2000. P. 293.

²³ Цит. по: Berenstein T., Rutkowski A. Hitlerowskie sprawozdanie statystyczne o zagładzie Żydów w Europie // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. 1964. Vol. 49.

²⁴ Goldhagen E. Weltanschauung und Endlösung. Zum Antisemitismus der nationalsozialistischen Führungsschicht // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1976. P. 402.

для зверей. Это воплощение инфернального, персонификация безумной ненависти ко всему благородному в человеке. В образе этих комиссаров мы видим восстание недочеловеков против благородной крови.»²⁵

Однако эта война на уничтожение, направляемая руководством Третьего Рейха вовне, с течением времени неизбежно должна была обратиться вовнутрь. Одной из ее последних жертв незадолго до конца войны стали сами немцы, ранее провозглашенные Гитлером «народом господ». Поскольку Гитлер видел в себе самом высшее свершение немецкой истории, он стремился к тому, чтобы с его смертью закончилась и эта история. 19 марта 1945 года в беседе с министром оборонной промышленности Шпеером он заявлял: «Если война будет проиграна, пропадет и немецкий народ. Нет никакой необходимости заботиться о материальной базе, которая может понадобиться немецкому народу для его примитивного существования в будущем. Напротив, лучше самим разрушить все это. Потому что народ оказался слабейшим, и будущее принадлежит исключительно более сильному восточному народу. После теперешней битвы все равно останутся одни неполноценные индивиды, достойные пали в ней.»²⁶

В завещании Гитлера от 29 апреля 1945 года нет ни намека на раскаяние: «Настоящий виновник этой убийственной борьбы – еврейство!», пишет он за день до самоубийства. После чего он возлагает на вождей нации обязательство «строго соблюдать расовые законы и оказывать немилосердное сопротивление отравителю всех народов, интернациональному еврейству.»²⁷

Эта беспримерная уверенность в своей правоте и неспособность к раскаянию свойственна была, однако, не только самому Гитлеру, но и многим из тех, кто слепо в него верил, причем не только до, но и после конца войны. В недавно разобранных магнитофонных записях бесед, которые Адольф Эйхманн вел в аргентинском изгнании с одним из своих единомышленников, есть и такие утверждения этого специалиста по окончательному решению еврейского вопроса: «Если бы мы убили все 10 млн евреев, указанных в первоначальной статистике Гимmlера», тогда он, Эйхманн, мог бы сказать: «Хорошо, мы уничтожили врага. ... Я ни в чем не раскаиваюсь. И ни коим образом не собираюсь молить о прощении.»²⁸

Так же и бывший глава советского правительства Молотов, вместе со Сталиным подписавший сотни «расстрельных списков», повинный, вместе с другими вождями, в гибели бесчисленных людей, не видит никаких причин приносить покаяние. В беседе с писателем Феликсом Чуевым в начале 70-ых годов он в ча-

²⁵ Boog H., Förster J., Hoffmann J., Klink E., Müller R.-D., Ueberschär G.R. Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt/M., 1996. P. 528.

²⁶ Цит. по: Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933-1945. Berlin, 1986. P. 760.

²⁷ Цит. по: Goldhagen D.J. Hitlers willige Vollstrecker. Gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1996. P. 197.

²⁸ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1.12.2000.

стности говорит: «1937 год был необходим... Мы обязаны 1937-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны.»²⁹

Молотов решительнейшим образом возражает против утверждения, что большинство жертв террора были невиновны. Нет, заявляет этот ближайший помощник Сталина, террор был в основном направлен против тех, кто был действительно виноват.³⁰

Когда мы сегодня читаем такого рода невероятные заявления, мы невольно склоняемся к представлению о тоталитарной личности как о существе с другой планеты, не имеющем ничего общего с европейскими традициями. Однако на самом деле тоталитарный человек – это европейский феномен, точнее – продукт одного из глубочайших кризисов ценностей европейской культуры, который достиг своего апогея в первой половине 20-ого века. Кроме того, успехи тоталитарных движений были следствием своего рода предательства, совершенного европейскими элитами по отношению к тем ценностям, которые в течение столетий формировали европейскую культуру. Французский писатель Жюльен Бенда говорит в этой связи о «предательстве интеллектуалов». Эта формула представляется мне слишком узкой. Не одни лишь интеллектуалы оказались несостоятельны пред лицом тоталитарных движений левого и правого толка, но и другие столпы европейской культуры, или европейской системы, как то: политические партии, экономические и корпоративные союзы, большая часть церковных организаций. Биограф Гитлера Конрад Хайден говорит в связи с захватом власти национал-социалистами об эпохе безответственности, о бегстве германского политического класса от ответственности.³¹ Подобный упрек можно адресовать и политическому классу России в связи с большевистским захватом власти. Впрочем, одного лишь бегства старых элит от ответственности было бы недостаточно для объяснения триумфального шествия тоталитаризма. Необходима была еще и частичная идентификация этих элит с целями тоталитарных движений правого или левого толка. Характернейшим примером такого рода является политика старых и новых консервативных группировок Веймарской республики, которые, при всем их скепсисе по отношению к плебейской НСДАП, все-таки считали национал-социалистов своими единомышленниками, неотделимой составной частью национального фронта. Отвращение к Веймарской демократии, казавшейся правым группировкам воплощением национального позора и политического бессилия, служило тем общим знаменателем, который объединял все группировки нацио-

²⁹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 390.

³⁰ Там же. С. 393.

³¹ Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Zürich, 1936.

нального лагеря. Политолог Ханс Буххайм пишет в этой связи: «Национальная гордость, не желавшая ... признавать поражение, но до поры до времени бессильная сделать что-нибудь бывшим противникам в мировой войне, обратилась против собственного государства, как если бы его устранение было условием и первым шагом на пути к новому подъему.»³²

Тотальное отвержение правыми силами Веймарской эпохи самого свободного за всю предшествующую немецкую историю государства напоминает демонизацию либерального режима Александра Второго русскими революционерами столетием раньше. Мы снова сталкиваемся здесь с одним из центральных свойств тоталитарного характера – с полностью неадекватным поведением, потерей чувства реальности, созданием призрачной псевдодействительности, в которой действительное положение вещей буквально переворачивается с ног на голову.

Некоторые консервативные группировки, весьма и весьма поспособствовавшие уничтожению «слабой» Веймарской республики и созданию «сильного» национал-социалистического государства, вскоре после прихода национал-социалистов к власти начали менять свою позицию. Они отвернулись от ими самими вызванных духов; как пишет философ Хельмут Кун: «Покуда дух развивал свои мысли, не считаясь с действительностью, действительность досталась адским силам.»³³

Несмотря на растущий скепсис по отношению к новому режиму, большинство консерваторов все-таки приветствовало устранение Веймарской демократии и освобождение Германии от рестрикций Версальского договора как огромное достижение Гитлера. Ради этого они были готовы смириться с заключениями инакомыслящих в концентрационные лагеря, с убийством во время «путча Рема» многих представителей консервативного сословия, с провозглашением евреев людьми второго сорта. Военный историк Манфред Мессершмидт говорит в этой связи о «частичном совпадении целей», в немалой степени способствовавшем стабилизации национал-социалистического господства.³⁴ При этом отмечаемое Мессершмидтом частичное совпадение не ограничивалось областью политики. Многие представители консервативных элит взяли на вооружение даже и некоторые идеологические постулаты НСДАП, переняли гитлеровскую лексику. Ограничимся одним примером из многих. Так, командующий 6-ой армией генерал-фельдмаршал фон Райхенау через несколько месяцев после начала германо-советской войны высказывался следующим образом: «Солдат на Востоке – это не просто боец, сражающийся по правилам военного искусства, но также и носитель неумолимой национальной идеи, мститель за все те зверства, которым под-

³² Buchheim H. Das Dritte Reich. Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1958. P. 54.

³³ Kuhn H. Das geistige Gesicht der Weimarer Zeit // Zeitschrift für Politik. 1961. Vol. 8. P. 4.

³⁴ Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat // Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft / Ed. K.-D. Bracher, Manfred Funke, H.-A. Jacobsen. Düsseldorf, 1992. P. 377-403.

верглись немцы и родственные им народы. Поэтому солдат должен хорошо понимать необходимость сурового, но справедливого возмездия, постигающего евреев-недочеловеков».³⁵

Однако не только национал-социалистам, но и большевикам пошло на пользу предательство элит, прежде всего интеллектуалов, которые частично отождествляли себя с целями большевиков, несмотря на те террористические методы, которыми эти цели осуществлялись. Польский поэт Александр Ват, в 20-ых и 30-ых годах сочувствовавший коммунизму, очень ярко рисует этот феномен. В беседе со своим коллегой Чеславом Милошем он так характеризует свои тогдашние настроения: «Я скорее боюсь крови. Но знаешь, это же абстрактная кровь, невидимая кровь, кровь по другую сторону стены – вот как Паскаль говорит об этой стороне реки. Кровь, которую проливают там, на другом берегу реки, - каким же чистым и великим должно быть дело, за которое проливают так много крови, безвинной крови. Это было необыкновенно притягательно. Эта высочайшая цена революции... Я поддерживаю коммунизм, хоть и знаю, что коммунизм имеет серьезные последствия. Но на мне греха нет, ведь Ленин, мой спаситель, взял на себя мой грех.»³⁶

Даже коллективизация сельского хозяйства, проведенная Сталиным жесточайшими методами, и как ее следствие голод, унесший много миллионов жизней, не смогли поколебать тенденцию бесчисленных левых интеллектуалов к частичной самоидентификации с советским режимом. Артур Розенберг, в 1927 г. вынужденный выйти из КПГ из-за своих оппозиционных взглядов, писал в 1933 г.: «Когда ГПУ начало свои действия против кулаков, многие середняки полагали, что начнется преследование всего русского сельского населения. Однако Сталин и советское правительство никогда даже и в помыслах не имели идти войной против большинства русских крестьян.» Розенберг добавляет: «Снабжение продуктами питания ухудшилось. Но прямого голода нет.»³⁷

Можно ли заключить из такого рода высказываний, что Розенберг не имел доступа к информации о действительном положении вещей в тогдашнем Советском Союзе? Вряд ли. Западные и русские социал-демократы, к примеру, часто сообщали об ужасах коллективизации. Можно с уверенностью предположить, что хотя бы часть этих сообщений была известна автору, одному из лучших знатоков рабочего движения. То, что он эти факты принимал к сведению лишь выборочно, говорит об идеологической ограниченности и узколобости, свойственной его анализу советской действительности.

Таким образом тоталитарным режимам шло на пользу то обстоятельство, что многие круги, отнюдь не безоговорочно солидаризировавшиеся с этими режимами, упорно продолжали мыслить по схеме «левое – правое», и рассматривали тоталитарные группировки, вопреки всем их преступлениям, как своих единомыш-

³⁵ Boog и др. Der Angriff auf die Sowjetunion. P. 1246.

³⁶ Wat A. Jenseits von Wahrheit und Lüge. Frankfurt/Main, 2000. P. 75f.

³⁷ Rosenberg A. Geschichte des Bolschewismus. Frankfurt/Main, 1987. P. 243.

ленников, как неотъемлемую часть революционного или же, наоборот, национального лагеря. Чтобы вырваться из этой схемы, особенно в 30-ые и 40-ые годы, когда конфликт между правым и левым тоталитаризмом достиг своего апогея, требовалась огромная сила самопреодоления. Лишь немногие были в ту пору способны на это. К этим немногим принадлежал Манес Шпербер, в 1937 г. – во время московских показательных процессов – отошедший от коммунизма. Он рассказывает о мучительных сомнениях, сопровождавших этот отход: «Из революции уходят через одну-единственную дверь – дверь, которая раскрывается в Ничто.»³⁸ Эта мучительная внутренняя борьба была не в последнюю очередь связана с тем, что любая критика генеральной линии партии воспринималась тогда изнутри коммунистического движения как косвенная поддержка фашизма. Как пишет Шпербер, сталинские пропагандисты провозгласили: «Тот, кто осмеливается критиковать коллективизацию, подавление оппозиции, ... московские процессы, тот выступает тем самым за Гитлера и против его жертв в Дахау, Ораниенбурге и Бухенвальде.»³⁹

Перед аналогичной дилеммой стояли бывшие союзники Гитлера, когда они поняли, что НСДАП не обновляет, а разрушает страну. Многие ушли тогда во внутреннюю эмиграцию, и лишь немногие решились публично заявить о своем уходе из «национального коллектива». К этим немногим принадлежал Герман Раушнинг, который вскоре после вступления германских войск в Австрию, т.е. в период беспримерных внешнеполитических успехов Гитлера, настойчиво предупреждал своих соотечественников от продолжения начавшегося в 1933 году беснования.⁴⁰

Пример Шпербера и Раушнинга показывает, что люди с тоталитарными убеждениями все-таки имеют шанс вырваться из тоталитарного тупика. Однако это возможно лишь в том случае, если они обладают достаточно тонким слухом, чтобы расслышать голос совести, который тоталитарная идеология пытается заглушить. Потому что совесть «старого», сформированного иудео-христианской этикой человека – вот главнейший противник тоталитаризма. На этом-то препятствии и споткнулись в конце концов тоталитарные режимы, еще примерно шестьдесят лет назад выдававшие себя за исторических победителей. 20-ый век, начавшийся беспримерным триумфальным шествием тоталитаризма в Европе, закончился его крушением. Но опыт тоталитаризма радикально изменил политический климат старого континента. Этот опыт показал, что падение в варварство возможно с любой высоты, что никакая нация не застрахована от него. Ведь и в тех странах, где тоталитарные партии не пришли к власти, имелись и до сих пор имеются многочисленные адепты тоталитарных идеологий. Люди с тоталитарными склонностями есть в любом обществе. Но для того, чтобы они переместились с периферии в центр власти, необходимы особенные исторические обстоя-

³⁸ Sperber M. Zur Analyse der Tyrannis. Wien, 1977. P. 15.

³⁹ Ibid. P. 12.

⁴⁰ Rauschning H. Die Revolution des Nihilismus. Zürich, 1964.

тельства, как в России в 1917 и в Германии в 1933 году. Эти обстоятельства можно охарактеризовать как беспрецедентный внутренний развал демократической государственности. Потому что и первая русская, и первая немецкая демократия рухнули не из-за силы своих тоталитарных противников, но из-за слабости своей собственной воли. Пред лицом готовых к решительной борьбе противников у тоталитарных сил нет абсолютно никаких шансов. Наоборот, пред лицом слабости они проявляют исключительную жестокость. Рыцарское отношение, благородство по отношению к побежденным им совершенно чужды. Величайшие преступления как большевиков, так и национал-социалистов были совершены по отношению к незащитным людям. Опыт показывает, таким образом, что только обороноспособная демократия может противостоять тоталитарным врагам открытого общества.

(Перевод с немецкого Алексея Рыбакова)

II. Тоталитарные утопии у власти

Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены?

Заметки к одной дискуссии

В центре внимания моих заметок – три движения или режима, взорвавшие все традиционные понятия политической науки. Цели, которых они пытались достичь, были сформулированы уже некоторыми радикальными мыслителями XIX в., однако вообще по характеру своему эти цели были совершенно утопическими. В XX в. выяснилось, однако, что эти утопии не столь далеки от жизни, как это представлялось вначале.

Осуществление утопических грез XIX столетия стало возможно не в последнюю очередь благодаря тому, что проводились они в жизнь действительно революционными методами. Уже первая мировая война с ее тотальной мобилизацией и высокоразвитой технологией уничтожения людей показала, на каком хрупком основании до сих пор базировалась европейская цивилизация. Не зря многими современниками эта война расценивалась как „мировая катастрофа“. Все три движения, о которых мы говорим, – большевизм, итальянский фашизм, национал-социализм – обязаны своим возвышением именно этой войне. Однако первая мировая война, несмотря на революцию в технике уничтожения, которая ей сопутствовала, не руководствовалась какими-либо революционными целями. Цели участников войны, этой „мировой катастрофы“, не взрывали рамок традиционной великодержавной политики. И только режимам, возникшим на развалинах европейского порядка 1914 г., предстояло перевернуть все прежние представления о политике.

Классический тезис: „политика – искусство возможного“ был грубо осмеян ими. Искать компромисса с внутривнутриполитическим оппонентом, как это было характерно для времен либерализма, им и в голову не приходило. Общий процесс эмансипации, развернувшийся в XIX столетии, приведший к освобождению общества из-под государственного контроля, новейшими тираниями был мгновенно свернут. Но, в отличие от авторитарных государств старого толка, деспотии XX в. не ограничились политическим подавлением своих подданных.

Они не только исключили общество из политики и атомизировали его, но и подчинили его идеологической доктрине. Прежнего, скептического человека, доставшегося им от либеральных времен, они постарались уничтожить и создать

вместо него нового человека. Этот новый человек должен был слепо повиноваться вышестоящим и верить в непогрешимость вождя и партии.

Неудивительно, что в этом отношении большевизм, фашизм и национал-социализм, одновременно возникшие на исторической арене и знаменовавшие приход новой политической эпохи, многим авторам, в том числе и некоторым коммунистам, представлялись сущностно родственными явлениями.

I.

В ноябре 1922 г., то есть вскоре после так называемого похода на Рим, один из коммунистических авторов писал о Бенито Муссолини: „У фашизма и большевизма общие методы борьбы. Им обоим все равно, законно или противозаконно то или иное действие, демократично или недемократично. Они идут прямо к цели, попирают ногами законы и подчиняют все своей задаче“¹.

Несколько месяцев спустя сходную мысль высказал Николай Бухарин:

„Характерным для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было партия, усвоили себе и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с формальной точки зрения, то есть с точки зрения техники их политических приемов, то это полное применение большевистской тактики и специально русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия очень крепко сколоченной военной организации, в смысле определенной системы бросания своих сил (...) и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами“².

Эти и подобные тезисы лежали в основе теории тоталитаризма, которая подчеркивала поразительные сходства между коммунистическими и фашистскими режимами и движениями.

Верно ли, что большевистская тактика служила образцом для фашистов, а впоследствии для национал-социалистов? Верно ли, что своим первоначальным успехом они были обязаны в первую очередь той бескомпромиссности и воле к власти, которой научились от большевиков? Конечно, нет. В отличие от большевиков, ни фашисты, ни национал-социалисты не были в состоянии захватить власть в одиночку. Они нуждались в мощных союзниках и вербовали их себе в рядах господствующего истеблишмента Италии (или, соответственно, Веймарской республики).

¹ Die Kommunistische Internationale. 4.11.1922. P. 98.

² Двенадцатый съезд РКПб, 1923. Стенографический отчет. М., 1968. С. 273.

В своем очерке истории русской революции Лев Троцкий пишет, в частности, что одного-двух верных правительству и дисциплинированных полков было бы достаточно, чтобы предотвратить большевистский переворот. То, что таких воинских частей не нашлось, показывает, как далеко зашел развал российского государственного аппарата в промежутке между Февральской и Октябрьской революциями. Ни в Италии, ни в Германии не было и речи о подобной деморализации в правящих верхах. Послевоенный кризис их, разумеется, ослабил, но ключевые позиции в аппарате власти они прочно удерживали в своих руках. Все революционные выступления, все попытки переворота как слева, так и справа ими успешно отражались. Из того обстоятельства, что в странах Запада практически невозможно оказалось захватить власть против воли правящей элиты, крайне правые очень скоро сделали соответствующие выводы. Они обнаружили большую гибкость, большую способность учиться, нежели Коминтерн. Если западные коммунисты продолжали свои фронтальные атаки на государство, итальянские фашисты, а несколько позднее и национал-социалисты начали борьбу за тех, в чьих руках была сосредоточена власть. Они следовали двойственной тактике: подобострастно „легалистской“ по отношению к правящей верхушке и бескомпромиссно насильственной – к „марксистам“. Расходясь с существующей правовой системой ничуть не менее радикально, чем коммунисты, они вместе с тем подчеркивали, что сама их борьба, ведомая нелегальными методами, служит лишь восстановлению порядка и авторитета власти. „Фашизм возник вслед за социалистическим экстремизмом как логическое, закономерное (...) средство противодействия“, – утверждал Муссолини в ноябре 1920 г. Гитлер сам в ходе мюнхенского процесса 1924 г. называл себя фюрером революции против революции. Но качественное различие между применением насилия справа или слева видели не только фашисты и национал-социалисты. Сходным образом мыслили многие итальянские и немецкие консерваторы, и это стало решающим фактором успеха крайне правых.

Гитлеровская идея „легальной революции“, вызывавшая насмешки многих современников, в условиях Веймарской республики была явно перспективнее программы „пролетарской революции“. Сходным образом дело обстояло и в Италии 1920-х гг. Там новый режим также возник не вследствие насильственного переворота, как в октябре 1917 года в России, а на основе компромисса. Как фашисты, так и национал-социалисты пытались затушевать это обстоятельство, им тоже хотелось бы гордиться тем, что они, как и большевики, открыли новую эру в истории. Поэтому в обоих случаях свой приход к власти они старались стилизовать под ее захват, даже под революцию. Широкие массы сторонников двух этих движений воспринимали события 1922 г. в Италии и 1933 г. в Германии также как своего рода революции. Вместе с тем, путь социальной революции в обеих этих странах был закрыт из-за заключения союза фашистов и национал-социалистов с консервативной правящей элитой. Территориальная экспансия оказалась, в

сущности, тем единственным клапаном, через который можно было выпустить создавшееся при этом социальное напряжение.

То, что тоталитарные режимы в России, с одной стороны, и в Италии и Германии, с другой – имели разные истоки, обусловило и различный характер этих режимов, в том числе и на более поздних стадиях их развития. До конца 1950-х гг. эти различия нередко оставались без внимания западными теоретиками тоталитаризма.

Лишь в 1960-е гг. в теории начались заметные сдвиги. Чем более детальному исследованию подвергали фашизм, национал-социализм, большевизм, тем больше обнаруживалось отличий. Поэтому некоторые авторы даже поставили под вопрос само понятие фашизма³. Исследователи большевизма, со своей стороны, начали все жестче разделять сталинский, до- и послесталинский периоды развития советского государства⁴. Интенсивное изучение особенностей отдельных тоталитарных диктатур не сопровождалось сравнительным анализом. Исследования фашизма и коммунизма развивались теперь сравнительно независимо друг от друга, и у них становилось все меньше точек соприкосновения. Мало что изменил здесь и так называемый спор немецких историков, начатый в 1986 г. Эрнстом Нольте. Пытаясь снять с Третьего рейха и Освенцима клеймо исторической исключительности, Эрнст Нольте и его единомышленники указывали на множество параллелей между советским режимом и нацистским государством. Эти параллели давно известны, их подробно исследовали еще классические теоретики тоталитаризма. И если отвлечься от апологетических пассажей его работ, Нольте в „споре историков“ не сказал ничего принципиально нового.

II.

В конце 1980-х гг., в пору горбачевской перестройки, теория тоталитаризма неожиданно возродилась в Советском Союзе. В течение нескольких десятилетий она представлялась догматикам сталинского толка средством идеологической борьбы в руках классового врага – капитализма. Вследствие горбачевских реформ расшатались некоторые догмы, прежде казавшиеся неколебимыми, что привело, в частности, к снятию табу с теории тоталитаризма. Многие российские авторы с этого момента также начали, вслед за некоторыми западными коллегами, продолжая дело создателей теории тоталитаризма 1920-х гг., говорить о рази-

³ Turner H.A. *Fascism and Modernisation* // *World Politics*. 1974. Vol. 24. P. 547-564; Allardyce G. *What Fascism is Not: Thoughts on the Deflation of a Concept* // *American Historical Review*. 1979. Vol. 84. P. 361-388.

⁴ Cohen S.F. *Bolshevism and Stalinism* // *Stalinism. Essays in Historical Interpretation* / Ed. R.C. Tucker. N.Y., 1977. Tucker R.C. *Stalin as Revolutionary 1879-1929*. N.Y., 1973. Hough J.F., Fainsod M. *How the Soviet Union is Governed*. Cambridge, Mass., 1979. P. 522f. Deutscher I. *Russia in Transition / Ironies of History. Essays on Contemporary Communism*. L., 1967. P. 27-51.

тельном сходстве между большевизмом и фашизмом⁵. Однако современные российские представители концепции родства двух феноменов, как и их предшественники, недооценивали тот факт, что между коммунизмом и фашизмом, по крайней мере в прошлом, существовала почти непреодолимая пропасть.

Эта несопоставимость связана не в последнюю очередь с тем, что большевизм в идеологическом плане был укоренен в принципиально иной традиции, нежели фашизм, а в особенности национал-социализм. Большевики были страстными приверженцами веры в прогресс и науку, унаследованной от классиков марксизма.

Маркс развивал свои идеи в эпоху, когда в Европе господствовали позитивистский оптимизм, вера в прогресс. Научная революция начала XX в., в корне перевернувшая позитивистские верования в устойчивость материального мира и законов природы, не коснулась марксизма как системы. В начале века отдельные представители марксизма испытали влияние таких мыслителей, как Бергсон, Ницше, Владимир Соловьев или Эйнштейн, попытались соединить марксизм с некоторыми новыми идеями. Ленин принадлежал к числу наиболее ожесточенных противников подобного рода экспериментов. Нельзя исправлять Маркса, повторял он снова и снова. Партия – не семинар, на котором обсуждаются разные новые идеи. Это боевая организация с определенной программой и с четкой иерархией идей. Вступление в такую организацию влечет за собой безусловное признание ее идей⁶. Ленин оставался верен наивному материалистическому оптимизму XIX в., не имея достаточно полного представления о новых идеях и проблемах, затронутых европейской культурой в XX в. И этой его установке предстояло стать характерной для большевизма в целом.

Но у большевиков были и иные причины верить в прогресс – причины, неразрывно связанные с особенностями развития России. К началу века Россия оставалась промышленно неразвитой страной, технологический прогресс был ей остро необходим. На Западе же, напротив, индустриализация и урбанизация достигли к этому времени такой стадии развития, что породили сомнения в осмысленности самих этих процессов. Понять, в чем состояла сущность того кризиса модернизации, в котором находился Запад, большевики не могли. Они исходили из российской ситуации и полагали, что страна тем ближе подходит к решению всех своих социальных проблем, чем больше она производит промышленной продукции. Что именно в Германии, крупнейшей индустриальной державе Европы, могло прийти к власти национал-социалистическое движение, отвергавшее модернизацию и мечтавшее об „аграрной Германии“ – такого большевики понять не могли. Всякую критику в адрес научно-рационального и материалистического

⁵ Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6. С. 172-190. Gadshijew K. Totalitarismus als Phänomen des 20. Jahrhunderts // Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung / Ed. E. Jesse. Baden Baden, 1996. P. 320-339. Хорхордина Т.Ш. Архивы тоталитаризма (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 145-156.

⁶ Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1979. С. 252 сл.

миропонимания они воспринимали как пережиток темных суеверий прошлого. Свою веру в науку они считали последним словом европейской культуры. Популяризация научных и технологических „чудес“ должна была заменить в большевистской России веру в религиозные чудеса. И надо сказать, что в 1920-е – 30-е гг. вера в науку в России действительно приобрела почти религиозный характер.

III.

У национал-социалистов коммунистическая вера в прогресс, в будущее, могла вызвать лишь насмешку. Они не собирались плыть по течению истории. Напротив, они пытались любой ценой овладеть им, обратить его вспять. Повсюду им виделись приметы разложения и упадка, за которыми мерещились тени мощного всемирного заговора. „Закат Европы“, по их мнению, можно было предотвратить, обезвредив инициаторов этого заговора, – евреев, масонов, плутократов и марксистов. К числу идеологических предтеч фашизма и национал-социализма относятся европейские пессимисты, еще на рубеже XIX-XX веков распространявшие видения близящегося заката европейской культуры. Одну из величайших опасностей, грозящих европейской цивилизации, они усматривали в так называемом „восстании масс“. Организованное рабочее движение они считали наиболее опасной силой такого восстания. Чтобы противостоять этой опасности, угрожающей снизу, идеологические предшественники фашистов и национал-социалистов, такие, например, как социал-дарвинисты, предлагали пересмотреть существующие понятия морали. Так, по их мнению, не слабых и угнетенных нужно защищать от сильных, а наоборот, сильных и лучших – от слабых, то есть от большинства, массы. Сострадание к слабому представлялось им совершенно отжившей идеей ⁷.

Позднее эти представления подхватили национал-социалисты. Они идеализировали законы биологической природы и пытались целиком перенести право сильного, царящее в природе, на человеческое общество.

По своей хозяйственной и социальной структуре Италия занимала промежуточное положение между Россией и Германией. Большая разница между Югом и Севером в уровне индустриального развития привела к тому, что в Италии одновременно разворачивались два противоположных процесса. С одной стороны, кризис модернизации, кризис либерализма со всеми его пессимистическими выводами, – как в Германии, с другой же – тенденция к модернизации отсталой части страны, как в России. Итальянский фашизм соединял в себе обе эти тенденции. Его отношение к модернизации можно охарактеризовать как промежуточную позицию между национал-социалистами и большевиками. Эта дихотомия,

⁷ Zmarzlik H.G. Der Sozialdarwinismus in Deutschland. Ein geschichtliches Problem // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1963. P. 246-273.

присущая фашизму, упускается из виду некоторыми представителями теории модернизации. Так, например, полемика между Генри А. Тернером и Джеймсом Грегором в «Уорлд Политикс (1972 и 1974) была вызвана непониманием двойственного характера итальянского фашизма.⁸ Тернер полагает, что итальянский фашизм, как и германский национал-социализм, воплощает в себе протест против модернизма. Со своей стороны Грегор понимает итальянский фашизм исключительно как движение за ускорение модернизации Италии. Грегор недооценивает те аспекты итальянского фашизма, которые следует понимать исключительно как протест против модернизма. Тернер, наоборот, переносит почти без изменений предельный страх национал-социалистов перед декадансом и последствиями модернизации на итальянских фашистов. Едва ли можно считать случайностью, что и большевистская революция и фашистский переворот были восторженно встречены художественным течением, полностью отдавшим себя модернизму – футуризмом.

Немецко-русский социал-демократ Александр Шифрин писал в 1931 г.: в Италии существует самый современный фашизм внутри слабо развитого капитализма, в Германии же напротив, отсталый фашизм в сложном и высокоразвитом капиталистическом пространстве. Шифрин полагал, что попытка национал-социалистов реализовать их утопические социальные и хозяйственные проекты не выдержит жесткого отпора со стороны немецких капиталистов. Гитлер не понимает законов современного высокоиндустриализованного общества. Отсюда его ненависть к „сокрушительной мощи“ крупного капитала⁹. Как считал Шифрин, большинству немецких капиталистов было ясно, что национал-социалистическое мировоззрение идет вразрез с важнейшими хозяйственными принципами тогдашнего немецкого общества. Однако он переоценивал дальновидность тогдашнего большинства немецких промышленных магнатов.

IV.

Отношение итальянских фашистов к модернизации можно обозначить как промежуточное между позициями национал-социалистов и большевиков. Оно было, с одной стороны, более оптимистичным, чем позиция национал-социалистов, но с другой стороны, в нем присутствовали пессимистические ноты, которых не было у большевиков. Либеральная парламентарная система работала в Италии хуже, чем где-либо в Западной Европе, поэтому и критика парламентаризма в Италии была особенно остра. Здесь очень рано начались поиски альтернативы парламентско-демократической системе. Вопрос об обновлении, о возрождении пра-

⁸ См. Turner Jr. A. Fascism and Modernization // World Politics. 1972. P. 547-564; Gregor A.J. Fascism. Modernization. Some Addenda // World Politics. 1974. P. 370-384.

⁹ Schifrin A. Wandlungen des Abwehrkampfes // Die Gesellschaft. 1931. Vol. 4. P. 409f.

вающей элиты был в Италии начала XX в. особенно насущным. Анализируя механизм образования элиты, итальянские мыслители достигли примечательных результатов.

Многие мыслители из других европейских стран работали над сходными проблемами и тоже создавали модели, по которым можно было бы заново создавать элиты. Однако в Италии критика существующей системы должна была иметь особенно весомые политические последствия, так как социально-политическая структура Италии отличалась необычайной лабильностью. Из-за этой лабильности Италии пришлось сыграть роль сейсмографа, особенно чувствительного к определенным политическим процессам в новой Европе. Возможно, поэтому Италия и стала первой европейской страной, в которой к власти пришло антипарламентаристское, праворадикальное массовое движение, ставившее целью обновление правящей элиты.

Для большевиков иерархически-элитарный принцип представлялся идеалом „реакционного“, отмирающего класса. Идеал равенства они считали единственно возможной и оправданной целью массовых революционных движений. Эту веру большевики унаследовали от дореволюционной русской интеллигенции.

Русская интеллигенция, сама будучи элитой нации, считала, что кризис, в котором находилась Россия на рубеже веков, можно преодолеть не путем создания новой, сильной и жизнеспособной элиты, а путем отказа от каких бы то ни было элит. Русская этика – этика эгалитаристская и коллективистская, пишет эмигрантский историк Георгий Федотов. Из всех форм справедливости равенство для русских – на первом месте¹⁰.

Чувство вины русской интеллигенции перед собственным народом, возмущение социальными несправедливостями достигали беспрецедентной интенсивности. Простой народ идеализировался русской интеллигенцией как воплощение добра. Все понятия, все культурные достижения, недоступные пониманию угнетенных классов, отбрасывались как излишние и безнравственные.

„Долгое время у нас считалось почти безнравственным отдаваться философскому творчеству, – пишет философ Николай Бердяев, – в этом роде занятий видели измену народу и народному делу. Человек, слишком погруженный в философские проблемы, подозревался в равнодушии к интересам крестьян и рабочих“¹¹.

Представители интеллигенции сами себя считали лишними – коль скоро им не удавалось все силы отдавать на служение народу.

Большевики унаследовали от русской революционной интеллигенции убеждение, что „истинная“ революционная партия непременно должна бороться за свержение любой элиты, против самого иерархического принципа. Правда, у

¹⁰ Федотов Г. Народ и власть // Вестник Российского Студенческого Христианского Движения. 1969. № 94. С. 89.

¹¹ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1991. С. 12.

большевиков было определение партии как „авангарда рабочего класса“, но оно существенно отличалось от фашистского понятия элиты. Цель авангарда – по крайней мере, в теории – проведение в обществе эгалитарного принципа, а не нового иерархически-элитарного. Несмотря на тот факт, что общество, построенное большевиками после революции, все-таки носило иерархический характер, идее равенства в большевистской идеологии по меньшей мере до начала 1930-х гг. придавалась высочайшая ценность.

Хотя большевики установили беспримерный по своей жесткости деспотический режим, сами себя они продолжали считать защитниками угнетенных и обездоленных. Тем самым они остались верны некоторым традиционным европейским представлениям, восходящим к Ветхому и Новому Завету. Правда, большевики грубо подавляли любые конфессиональные объединения. Но при этом они сами претендовали на то, что смогут честнее и эффективнее, чем церковь, отстаивать идеалы социальной справедливости и равенства. Национал-социалисты, напротив, совершенно отказались от этих идей. И их враждебность по отношению к исходному европейскому образу человека привела к тому, что их самих в конце концов стали считать врагами всего человечества. Это обстоятельство легло в основу одного из самых противоестественных во всемирной истории альянсов – союза англосаксонских демократий со сталинским режимом, режимом, гора трупов под которым была ничуть не меньше, чем под Третьим Рейхом. При этом не следует забывать, что западные державы первоначально позволяли себе заигрывание с Гитлером. Гитлер разыгрывал роль защитника Европы от большевистской угрозы, и поначалу ему вполне удалось убедить некоторых западных политиков. Однако в конце концов в Лондоне и Париже поняли, что Гитлер не способен к самоограничению, что вероломство относится к числу его основных принципов. Уже в 1936 г. – то есть во времена западной политики умиротворения – это заметил немецкий социал-демократ, биограф Гитлера Конрад Хейден. Он писал: „Гитлер не тот человек, с которым находящийся в здравом уме станет заключать договоры, это – явление, которое можно или победить или быть поверженным им“¹².

К пониманию этого обстоятельства в Лондоне пришли в 1940 г., когда руководство правительством перешло к Черчиллю. Когда в июне 1941 г. началась война Германии против Советского Союза, Черчилль, с 1917 г. принадлежавший к числу самых радикальных антикоммунистов, ни минуты не сомневался, какую из двух деспотий следует поддерживать Великобритании.

¹² Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie. Zürich, 1936. P. 347.

V.

Поведение Гитлера на международной арене соответствовало модели, которую позднее сформулировал Генри Киссинджер, определивший внешнюю политику революционной державы. Эта держава в принципе неспособна к самоограничению. Дипломатия в традиционном смысле, сущность которой составляют компромисс и признание собственных границ, была практически отброшена революционными государствами, так как шла вразрез с их конечными целями.

Конечной целью Гитлера было: завоевание жизненного пространства на Востоке, уничтожение евреев и коммунистов. И он твердо решил добиться осуществления этих целей уже в кратчайшие сроки. Он снова и снова повторял, что не хочет оставлять исполнение этой великой задачи своим преемникам. В то же время, у него было чувство, что время работает против „нордической расы“, что она постепенно разрушает саму себя. К этим характерным особенностям многие историки возводят головокружительную радикализацию национал-социалистической политики, попытки в один миг создать новый мировой порядок, то есть мир без евреев, цыган и душевнобольных. Коммунисты тоже стремились к установлению нового мирового порядка. Однако у них никогда не было точной даты, когда это „светлое будущее“ должно наступить. Их время было не столь ограничено, как время Гитлера. Они действовали в убеждении, что история на их стороне, так как всемирная победа коммунизма была по их мнению исторически неотвратима. Поэтому и рискованные политические шаги в направлении скорейшего приближения этой победы были не нужны. Поэтому внешняя политика большевиков как правило была достаточно осторожной и гибкой. Большевики не раз совершали однозначно агрессивные шаги, но как правило – в отношении изолированных, в силовом отношении безнадежно уступающих Советскому Союзу государств, так что риск сводился к минимуму. Случаи игры ва-банк – характерная черта гитлеровской модели поведения – в советской политике встречались редко.

И еще несколько слов о фашистской Италии. Следует заметить, что итальянский фашизм, несмотря на свои агрессивные жесты и вопреки своей жажде войны, не сумел придать нового измерения самому понятию войны. Поле действий Муссолини, благодаря сильной позиции итальянских консерваторов, оказалось сильно ограничено, да и военные силы Италии были весьма скромны. Консерваторам, поддерживавшим Муссолини, удалось взять под контроль процесс радикализации фашистской диктатуры и ввести режим в институциональные, прежде всего династические рамки. Поэтому многие авторы справедливо оценивают итальянский фашизм как „незаконченный тоталитаризм“¹³. Массовых убийств, ставших конститутивной чертой как национал-социализма, так и сталинизма,

¹³ Aquarone A. *L'organizzazione dello Stato totalitario*. Turin, 1965; Sarti R. *Fascism and the Industrial Leadership. The Study in the Expansion of Private Power under Fascism*. Berkeley, 1971. P. 69; Bracher K.D. *Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie*. München, 1976. P. 23.

здесь не было. Как заметил в 1941 г. немецко-американский политолог Зигмунд Нойманн, итальянский фашизм, несмотря на свою манию величия, не начал мировой революции; это сделал лишь национал-социализм¹⁴.

Развивая новые представления о войне, НСДАП могла опереться на то, что милитаризация политической мысли в Германии имела давнюю традицию. Английский историк Льюис Нэмьер даже назвал войну одной из форм немецкой революции¹⁵. Но было бы неверно считать, что Гитлер довел до логического конца прусский милитаризм. Ведь мировоззренческая война на уничтожение, развязанная национал-социалистами, не имела ничего общего с прусской традицией. Однако новый способ ведения войны, при котором были сметены все до тех пор существовавшие нормы этики и военного права, оказался возможным потому, что он нашел поддержку у существенной части немецкого офицерского корпуса. Другой английский историк, Алан Баллок, указал на то, как мала, в сущности, была роль столь самодовольного германского генштаба во второй мировой войне¹⁶. Легко заметить также, что офицеры, принявшие гитлеровское понятие войны без какого-либо существенного сопротивления, сомневались, можно ли нарушить законы прусского кодекса чести, а таковым они считали присягу «фюреру», несмотря на то, что Гитлер был тираном и основателем стратегии уничтожения. Заметное сопротивление деспоту способны были оказать лишь немногие. Многие боялись „анархии“ и „коммунистической угрозы“ в случае свержения Гитлера.

Нельзя не заметить здесь параллели с поведением большевистских противников Сталина, так называемых „старых большевиков“, подавляющее большинство которых отказалось от применения силы против тирана¹⁷. И здесь решающую роль сыграл страх перед анархией и распадом системы. О систематическом и последовательном противодействии сталинской деспотии со стороны старых большевиков не может быть и речи. И при этом не следует забывать, что старые большевики отнюдь не были пацифистами, чуждыми насилия. Они без какого бы то ни было сомнения применяли грубо террористические методы борьбы против так называемого „классового врага“. Но поместить Сталина в категорию „классовых врагов“ они были не в состоянии.

Сталин и Гитлер знали моральные колебания и табу своих оппонентов и бессовестно пользовались ими. Конрад Хейден говорил о Гитлере, что тот знает своих противников лучше, чем они сами знают себя, поскольку он внимательно следит за ними и поскольку игра на чужих слабостях составляет важную часть его политики¹⁸. Эти слова Хейдена можно применить и к Сталину. Как Сталин, так и

¹⁴ Neumann S. Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War. N.Y., 1965. P. 111.

¹⁵ Namier L. The Course of German History / Facing East. L., 1947. P. 25-40.

¹⁶ Bullock A. Hitler, Eine Studie über Tyrannei. Düsseldorf, 1977. P. 651f.

¹⁷ См. Авторханов А. Происхождение партократии. Т. 2. Франкфурт, 1973. С. 244.

¹⁸ Heiden. Adolf Hitler. P. 266.

Гитлер понимали, каких границ не смогут переступить их политические противники.

VI.

В заключение еще некоторые соображения относительно культа вождей, представлявшего собой как при крайне правых режимах, так и в Советском Союзе при Сталине своего рода государственную доктрину.

Вождистские амбиции Муссолини и Гитлера были с такой готовностью поддержаны многочисленными группировками в Италии и Германии, поскольку оба диктатора играли на тоске многих итальянцев и немцев по сильному „государю“, „цезарю“, возникшей еще на рубеже XIX-XX веков.

Харизматический вождь, пришествие которого многие европейские мыслители предсказывали еще в XIX в. и в начале XX в. – кто с тревогой, кто с надеждой, – призван был заместить господство безличных институций господством личной воли. Непрозрачные, сложные институциональные образования, с одной стороны, подавляют человека своей анонимностью, с другой – обнаруживают бессилие, когда речь идет о преодолении кризиса. Отсюда широко распространенное желание вернуть в политику личность, тоска о харизматическом герое. Эта тоска, в сочетании с твердым убеждением как Муссолини, так и Гитлера, что они-то и есть „цезари“, которых так ждала Европа, расчистили обоим дорогу к власти. Цезаристская идея имела давнюю историю в европейской традиции. Уже Макиавелли мечтал о вожде, который своими подвигами и героическими деяниями освободит Италию от закосневших традиционных установлений и объединит страну. Примером для „князя“ Макиавелли стали итальянские кондотьеры эпохи Возрождения. Они возникали из ничего, всем бывали обязаны только самим себе и благодаря своим выдающимся личным качествам достигали славы и власти. Они смещали все династии и институции и проводили коренные преобразования в государствах, подчиненных их господству.

Наполеон также воплощал собой, разумеется, в гораздо больших масштабах, тот же самый принцип.

В русской истории, напротив, „цезаристские“ тенденции практически не имели места. На Руси бывали цари, проводившие в русском обществе не менее радикальные преобразования, чем „цезари“ на Западе. Но всякий раз речь шла при этом об этактистской революции сверху, которую инициировали и осуществляли легитимные правители России. Поддержка низших слоев русского народа, на которую иногда опирались цари, также мало похожа на европейское преклонение перед фигурами „цезаристского“ толка. Царя почитали не за его личные качества или подвиги, а скорее как носителя определенных функций. В нем видели хранителя православной веры и естественного лидера религиозно санкционированного политического порядка.

Первоначально большевизму также был чужд культ вождей. В этом он отличался от фашизма и национал-социализма, которые с самого начала фиксировались на личности фюрера. Напротив, большевизм был первоначально структурирован по идеократическому принципу. Здесь высшей инстанцией выступало учение, сначала марксистское, потом марксистско-ленинское. Но в 1930-е гг. партия большевиков постепенно превратилась в партию с вождем во главе. Культ Сталина приобрел в СССР характер государственной доктрины. В создании этого культа принимали участие не только марионетки и выученики Сталина, но и многие большевики первого поколения, вовсе не убежденные в его непогрешимости и всеведении. Почему же они преклонялись перед Сталиным? Они делали это по вполне макиавеллистскому расчету. Культ вождя, по их мнению, должен был прежде всего придать стабильность партии, переживавшей после смерти Ленина период разброда и фракционной борьбы.

Так и в Германии в создании культа фюрера участвовали не только его преданные сторонники, но и представители старой элиты, следовавшие совсем иным традициям. С НСДАП их связывала общая ненависть к Веймарской республике. Веймар воплощал собой разброд, декаданс, внешнеполитическое унижение, а также не в последнюю очередь – „гнилой“ компромисс с внутривнутриполитическим противником, то есть с социал-демократией. Они идеализировали старый патриархальный порядок, но при этом хорошо сознавали, что в современном политизированном обществе их реставраторская программа не имеет шансов осуществиться. Принцип вождизма казался им в данном случае идеальным выходом из положения. С одной стороны, он связывал воедино политизированные массы и в то же время означал конец эпохи компромиссов с классовым врагом, то есть с социал-демократическим рабочим движением.

Эрнст Никиш – один из самых радикальных критиков Гитлера – характеризовал поведение правящей элиты Германии в 1936 г. такими словами:

«(Они) были сыты по горло господством безличного закона и презирали ту свободу, которую он дает; они хотели служить „человеку“, личностному авторитету, (...), фюреру. Они предпочитали перепады настроения, самодурство и произвол личного „вождя“ строгой регламентации и жестким правилам нерушимого законного порядка»¹⁹.

Расчет их, в конце концов, оказался в высшей степени опрометчивым. Так же ошиблись и большевики, на чьих плечах была выстроена новая система. Как в Германии, так и в Советском Союзе не учли, что система с вождем-фюрером во главе означает неограниченный и неконтролируемый произвол, который неизбежно обрушится однажды и на тех, кто его создавал. Ибо любая критика в адрес непогрешимого вождя рассматривалась как святотатство, и это обстоятельство надолго сковало всякое сопротивление диктаторам.

(Перевод с немецкого)

¹⁹ Niekisch E. Das Reich der niederen Dämonen. Hamburg, 1953. P. 87.

О двойственности сталинизма и национал-социализма*

Режимы, установленные Сталиным и Гитлером, воплощавшие, по определению, неограниченный произвол, зависели в значительной степени и от политических способностей, и от настроений обоих диктаторов. Можно ли обнаружить, несмотря на это, определенную логику в функционировании этих режимов? Можно ли совместить произвол и «рациональность»? Этому вопросу посвящена данная статья.

В этой связи я хотел бы указать на двойственность, типичную для политического образа действий обоих диктаторов. Их захватывающие дух успехи были достигнуты не в последнюю очередь благодаря тому, что доктринерская и параноидальная картина мира соединялась у них со способностью действовать в духе Николо Макиавелли. Они были непредсказуемы и предсказуемы одновременно, чем запутывали и деморализовывали как противников, так и союзников.

Эта двойственность проходит красной нитью через деятельность обоих тиранов, на этом, в определенном смысле, базировалась вся логика их господства. Эта двуликость сталинизма и национал-социализма, их маятниковые движения между доктринерским и прагматичным полюсами, затрудняют для многих наблюдателей классификацию этих систем. Одни склоняются к переоценке оппортунистского, другие - догматического компонента в поведении обоих диктаторов и оставляют без внимания тот факт, что связь между этими двумя аспектами составляла суть режимов и обуславливала их беспрецедентные триумфы.

Лев Троцкий называл Сталина «термидорианцем»¹, не осознав значения начатой в 1929 году сталинской «революции сверху». Ведь в противоположность Термидору при сталинизме речь ни в коем случае не шла о попытке положить конец утопической террористической фазе революции. Наоборот, именно Сталин довел террористическую линию развития русской революции до ее апогея.

Исаак Дейчер, разделяющий, по существу, взгляды Троцкого на «термидорианский» характер сталинского режима, выдвигает тезис, более точно определяющий суть сталинской эпохи. Сталинский переворот был, по его мнению, еще более глубоким, чем октябрьский переворот 1917 года. Именно Сталин создал в

* Этот текст базируется на докладе, прочитанном в марте 2003 г. в рамках конференции «Сталин – предварительные итоги с немецкой точки зрения» (Институт современной истории, Мюнхен). Немецкая версия статьи была опубликована в: Luks Leonid. Stalin und die Deutschen. Neue Beiträge der Forschung / Ed. Jürgen Zarusky. München 2006. P. 225-230.

¹ Trotzki L. Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur. Vol. 1 (1929-1936) / Ed. H. Dahmer, R. Segall, R. Tosstorff. Frankfurt/Main, 1988. P. 47-49, 227-229, 403-405, 581-583.

России ситуацию, из которой возвращение к предреволюционным условиям стало невозможным².

И действительно, только Сталину удалось осуществить основной постулат марксизма – ликвидацию частной собственности. В июле 1932-го, к моменту, когда задача экспроприации собственности у более чем 100 млн. русских крестьян была почти осуществлена, Сталин писал своим соратникам, Молотову и Кагановичу: «Капитализм не мог бы разбить феодализм, он не развился бы и не окреп, если бы не объявил принцип *частной* собственности *основой* капиталистического общества (...). Социализм не сможет добить и похоронить капиталистические элементы (...), если он не объявит *общественную* собственность (...) священной и неприкосновенной»³.

Но Сталин осуществил не только основной постулат «Коммунистического манифеста», сформулированный Марксом и Энгельсом, - «уничтожение частной собственности». Также и воплощение ленинской мечты о создании дисциплинированной партии, которая действует, а не вечно дискутирует⁴, стало возможным только в сталинскую эпоху. Сам Ленин, несмотря на свою уверенность в необходимости партийной дисциплины, не был в состоянии превратить созданную им партию в монолит. Это удалось только Сталину, и именно к началу 30-х годов, в период коллективизации сельского хозяйства. Тип большевика меняется, писал в 1932 г. эмигрантский историк Георгий Федотов. Безусловное проведение «генеральной линии» стало для партийного руководства теперь гораздо важнее добровольного признания большевистских идей. Партийная дисциплина ценится выше, чем революционный идеализм⁵.

За дисциплинированием партии последовало ее обезглавливание в 1936-38 гг., во время «большого террора». Радикально-непредсказуемый и параноидальный характер сталинского режима обнаруживается теперь с полной ясностью. Вопреки общераспространенному мнению, начавшаяся в 1936 г. кампания тотальных репрессий была в первую очередь направлена не на сведение счетов Сталина с его критиками, бывшими партийными оппозиционерами. Последние с конца 20-х годов больше не играли существенной политической роли. Борьба с ними являлась только маргинальным аспектом «большого террора». В центре внимания диктатора была господствующая властная элита, которая состояла в своем преобладающем большинстве из убежденных сталинистов. Таким образом, сталинский режим потрясал собственную основу. Это было операцией беспрецедентного размаха, которую невозможно сравнить даже с якобинским террором. Во Франции через 2 года после начала террора, 9-го Термидора 1794-го, удалось ли-

² Deutscher I. *Russia after Stalin with a postscript on the Beria affair*. L., 1953. P. 97-98.

³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. М., 2001. С. 240-241.

⁴ См. Валентинов Н. (Вольский). *Встречи с Лениным*. 2-е изд. Нью-Йорк, 1979. С. 252-54.

⁵ Федотов Г. *Правда побежденных // Современные записки*. 1932. № 51. С. 360-385, зд. С. 381-382.

шить власти тирана. В Советском же Союзе Термидор состоялся лишь после смерти деспота – на XX съезде КПСС.

Сталинская мания преследования распространялась, как правило, не только на его партийных соратников, но и на их семьи. Председатель Коминтерна Димитров цитирует в своем дневнике следующее высказывание Сталина от ноября 1937-го: «Мы уничтожим каждого из врагов, даже если он старый большевик, мы полностью уничтожим его род, его семью. Каждого, кто в своих действиях и в мыслях (именно так - *Л.Л.*) предпримет покушение на единство социалистического государства, мы уничтожим безжалостно»⁶.

Сталин однако умел отделять свой радикально-доктринерский и непредсказуемый внутривнутриполитический курс от внешней политики. Именно поэтому с середины 30-х годов Советский Союз стал самым главным сторонником политики коллективной безопасности в Европе. Тогда же и Коминтерн отказался от выдвинутой им в 1928 году саморазрушительной теории социал-фашизма и объявил о готовности сотрудничать со всеми силами, находящимися под угрозой ультраправых режимов и партий. Даже осуждаемая до этого времени «буржуазная демократия» была реабилитирована сталинским руководством. На VII конгрессе Коминтерна в июле 1935 г. Георгий Димитров объяснял: коммунисты не являются анархистами, им ни в коем случае не может быть безразлично, господствует ли в определенной стране «буржуазная» демократия или фашистская диктатура. Теперь коммунисты должны бороться за каждую крупницу демократии в капиталистических странах⁷.

От этого умеренного и прозападного курса Сталин отказался только после Мюнхенского соглашения, когда ему стало ясно, каких размеров достигло западное пораженчество (Apreasement) по отношению к Третьей рейхе. Сталин не устоял перед иллюзией возможности компромисса с Гитлером. Иллюзии, от которой западные страны освободились уже в марте 1939-го - после оккупации Праги немецкими войсками. Западная политика соглашения по отношению к Третьей рейхе в 1934-38 гг. была продолжена в 1939-41 гг. на Востоке.

Осторожная и гибкая внешняя политика Сталина в 1934-41 гг. побудила некоторых авторов к переоценке прагматичного компонента в его поведении: «Сталин руководствовался в своей внешней политике не чувствами или идеологией», - писал недавно Габриель Городецкий и добавлял: «Политика Сталина представляется совершенно разумной и продуманной, беззастенчивой и реалистичной, служащей ясно очерченным геополитическим интересам»⁸.

При такой стилизации политики Сталина как бы под традиционалистскую политику царизма Городецкий оставляет без внимания тот факт, что компонент мировой революции из сталинской внешней политики никогда не исчезал. Он поте-

⁶ Dimitroff G. Tagebücher 1933-1945 / Ed. V.H. Bayerlein. Berlin, 2000. P. 162.

⁷ VII Congress of the Communist International. Abridged Stenographic Report of Proceedings. M., 1939. С. 360-361, 368-370.

⁸ Gorodetsky G. Die große Täuschung. Berlin, 2001. С. 403.

рля, правда, свой приоритет по сравнению с раннебольшевистским периодом, но ни в коем случае не прекращал формировать советскую мировую политику. Несмотря на это рискованная игра ва-банк была чужда внешнеполитическому образу действий Сталина. В этом его курс коренным образом отличался от курса Гитлера. В качестве исторических детерминистов коммунисты, в том числе и Сталин, были убеждены в том, что победа коммунизма в мировом масштабе и без того неизбежна. Они не должны были для этой победы всё ставить на одну карту. Для Гитлера положение дел выглядело иначе. Он считал себя единственным политиком, который в состоянии решить такие грандиозные задачи, как захват жизненного пространства на Востоке или объявленное им «окончательное решение еврейского вопроса». Гитлер не верил в достойных наследников.⁹ Франк-Лотар Кроль пишет о его «финалистском» мышлении. По представлениям Гитлера, решительную борьбу между арийской и еврейской расами нужно вести до неизбежного конца: «Так или иначе будет достигнуто окончательное завершение всей прежней истории, представляемое не (...) как неопределенная возможность в туманном будущем. Завершение и конец были близки как никогда ранее и должны были произойти непосредственно еще при жизни Гитлера»¹⁰.

Таким образом, Гитлер находился в постоянном цейтноте, что обуславливало непрерывную радикализацию его расовой и внешней политики. У этой радикализации имелась также и другая причина - тот факт, что национал-социалистский режим был, в отличие от большевистского, установлен не в результате насильственного свержения предыдущего режима, а вследствие компромисса с господствующими элитами. Национал-социалисты пытались завуалировать это обстоятельство. Передача власти стала «захватом власти», была стилизована под «революцию». Между тем путь социальной революции из-за союза НСДАП с консервативной элитой в Германии был закрыт. Территориальная экспансия являлась, по сути, единственным вентилем для снятия накапливаемых напряжений.

Национал-социализм, будучи все более непредсказуемым в своей внешней политике, казался, несмотря на происходящие эксцессы, величиной, которую его консервативные союзники внутри Германии держали под контролем. Логика гитлеровской системы коренным образом отличалась от сталинской. Национал-социализм был непредсказуем во внешней, но с определенной точки зрения предсказуем во внутренней политике для его консервативных партнеров по коалиции. В благодарность за победу над «второй» национал-социалистской революцией с ее «антикапиталистической» и антифеодальной устремленностью, которую воплощал вождь СА Эрнст Рем, консервативный истеблишмент предоставил режиму налаженный и весьма эффективный военный, государственный и экономический аппарат. Это позволило Гитлеру в течение короткого времени достигнуть беспрецедентных внешнеполитических успехов. Несмотря на определенный

⁹ См. Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945. Wiesbaden, 1973. Vol. 1. P. 745.

¹⁰ Kroll F.-L. Geschichte und Politik im Weltbild Hitlers // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. Vol. 3. P. 327-353, зд. p. 337.

скепсис по отношению к авантюренному курсу режима сопротивление захватывало только небольшую часть консервативного истеблишмента. Такое положение вещей не меняли ни истребительная война на Востоке, ни Холокост. Таким образом, готовность к сопротивлению парализовывалась самим фактом, что цели консервативных союзников НСДАП, с некоторыми ограничениями, во многих пунктах совпадали с внешнеполитической программой Гитлера. Немецкий историк Манфред Мессершмит говорит в этой связи о «частичном тождестве целей»¹¹.

Чем ближе режим приближался к осуществлению своей расово-политической утопии, тем сильнее Гитлер воспринимал союз с консерваторами как оковы. И особенно после неудачного покушения 20 июля 1944 г. Он говорил: «Мы ликвидировали классовую борьбу слева, но при этом, к сожалению, мы забыли довести до конца классовую борьбу справа»¹².

Несмотря на свои антифеодалные обиды, Гитлер не решился, однако, на сведение счетов со старой элитой на сталинский манер, хотя он и восхищался образом действий Сталина по отношению к советской элите и офицерскому корпусу. Решающий бой с аристократией должен подождать до тех пор, пока не окончится война, - говорил он сразу после 20 июля. Сейчас не время для раскола народа¹³.

Таким образом, гитлеровский режим, вопреки жестокой расправе с заговорщиками 20 июля и их семьями, сохранял даже в своей конечной фазе ту двойственность, которая была для него характерна с момента его возникновения.

Сталинский режим тоже был вплоть до смерти диктатора двуликим. Советская внешняя политика оставалась осторожной и гибкой, несмотря на беспрецедентное распространение влияния Москвы вследствие полного крушения ее традиционных соперников - Германии и Японии. Тот факт, что конфликт между Западом и Востоком после 1945 г. принял форму «холодной», а не «горячей» войны, указывает, что сталинская система располагала в своей внешней политике гораздо более эффективными механизмами контроля, чем гитлеровский режим. Относительная стабильность на внешнеполитическом фланге давала советскому руководству возможность сконцентрировать внимание в первую очередь на внутреннем фронте, и проводить революцию сверху вместе с восточноевропейскими коммунистами, превратившую страны-сателлиты в этом регионе за короткое время в копии Советского Союза.

Только после начала войны в Корее Сталин, как казалось, потерял характерную для него внешнеполитическую гибкость и попытался во всем соцлагере создать атмосферу решающего боя. В начале октября 1950 он писал руководителю китайской Коммунистической партии Мао Дзе-дуну: «Конечно, я считался (...) с тем, что несмотря на свою неготовность к большой войне, США все же из-за

¹¹ Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat // Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft / Ed. K.-D. Bracher, M. Funke, H.-J. Jacobsen. Düsseldorf, 1992. P. 377-403.

¹² Kershaw I. Hitler 1936-1945. Stuttgart, 2000. P. 903.

¹³ Ibid.

престижа может втянуться в большую войну (...). Следует ли этого бояться? Помоему, не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, - не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США».¹⁴

А в октябре 1952 г. Сталин писал в газете *Правда*: «Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм»¹⁵.

Но даже и тогда образ действий Сталина отличался очевидной двойственностью. Он боялся прямо провоцировать США и вел в Корее войну в первую очередь с помощью так называемых «добровольцев» из Китая. Хотя, по расчетам Дмитрия Волкогонова, в этой войне принимали участие также тысячи советских армейских консультантов и пилотов. Однако многие носили корейскую или китайскую форму в целях маскировки, им было также строго запрещено появляться вблизи линии фронта, чтобы не попасть в плен¹⁶.

Таким образом, сталинская система, как и гитлеровский режим, сохраняла свою двуликость до самого конца, оставаясь верной своей логике.

(Авторизованный перевод с немецкого Людмилы Блюменкрани)

¹⁴ Оказать военную помощь корейским товарищам // Источник. 1999. № 1. С. 123-136, зд. с. 133; см. также Волкогонов Д. Семь вождей. Т. 1. М., 1995. С. 296; Торкунов А.В. Загадочная война. Корейский конфликт 1950-1953 годов. М., 2000. С. 116-117.

¹⁵ Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. 1946-1952. М., 1997. С. 179.

¹⁶ Волкогонов. Семь вождей. Т. 1. С. 299-300.

Итальянский фашизм и национал-социализм: Краткая заметка о параллелях и различиях (По поводу интервью проф. В. И. Михайленко в *Известиях УРФУ «Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена»*)*

В моей краткой заметке, посвященной чрезвычайно информативному интервью профессора Михайленко, я хотел бы сосредоточить свое внимание лишь на одном вопросе: на сравнении между фашистским режимом в Италии и нацистской диктатурой. Я полностью согласен с Валерием Ивановичем и с Р. Де Феличе, на которого проф. Михайленко часто ссылается, что фашистская диктатура в Италии существенно отличалась от нацистского режима¹.

В отличие от национал-социализма, у итальянского фашизма не было монокаузальной модели объяснения мира, лежавшей в основе апокалиптических преступлений нацистского режима. Несмотря на свою манию величия, итальянский фашизм не инициировал мировую революцию, писал американский политолог Зигмунд Нейман².

Радикальные словесные тирады Муссолини в действительности воплощены не были. Ему не был свойственен и беспощадный фанатизм Гитлера, по крайней мере, до начала 30-х годов. В итальянском фашизме не было ни Освенцима, ни Трешлинка. Но, несмотря на все эти различия, существовали все же и параллели между двумя правоэкстремистскими режимами. Несмотря на свою тягу к прагматизму, итальянский фашизм никогда не терял своего изначального революционного характера. Хотя он и не смог в такой степени индоктринировать и изменить подвластное ему общество как национал-социализм, он никогда не терял эту цель из виду. Хотя Муссолини и пытался на время усмирить радикально-террористическое крыло своего движения во главе с Роберто Фариначчи, чтобы не подвергать опасности свой союз с консервативными элитами, но радикалы никогда не были лишены власти окончательно. Муссолини они были нужны как противовес, чтобы не попасть в полную зависимость от своих консервативных союзников. Итальянский фашизм сохранял до конца свою изначальную ради-

* Ранее опубликовано в: Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры (2013. № 2).

¹ Хотя итальянские фашисты и определяли свое государство как «тоталитарное», в случае фашизма в Италии речь шла, по мнению многих авторов, о «неполном тоталитаризме». См. Aquarone A. *L'organizzazione dello stato totalitario*. Torino, 1965; Payne S. *Geschichte des Faschismus. Aufstieg und Fall einer europäischen Bewegung*. Berlin, München, 2001. P. 156, 161-164.

² Neumann S. *Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War*. N.Y., 1965. P. 111.

кальность, которую воплощала прежде всего фашистская милиция (MVSN). Немецкий историк Вольфганг Шидер пишет по этому поводу:

«Для радикальных партийных лидеров как Акилле Стараче, Роберто Фариначи, да и для самого Муссолини фашистская милиция еще в 30-х годах была основной политической надеждой режима. [...] Несмотря на то, что фашистскому режиму [...] не удалось сформировать из милиции элитное военное формирование наподобие Ваффен-СС, важен по меньшей мере сам факт такой попытки».³

Итальянский фашизм отличал от классических бюрократически-авторитарных режимов и тот факт, что он никогда не отказывался от создания «нового человека» и нового, никогда доселе не существовавшего общества. Как пишет итальянский историк Эмилио Джентиле:

«Фашисты считали себя – как и футуристы – "конструкторами будущего". Фашистский миф о "перманентной революции" был к тому же модернистским, так как он заставлял фашизм не почивать на своих успехах и стабилизировать свою позицию власти через осторожную политику сохранения, а заставлял его посредством импульса своей изначальной сущности чувствовать себя обязанным, даже вынужденным конструировать себя как новую реальность будущего и наложить грядущим цивилизациям свой отпечаток»⁴.

Кроме того, фашизм и нацизм объединяло прославление насилия и войны, и эта «тяга к войне» являлась как бы центральной движущей силой обоих режимов. Поскольку фашисты и нацисты, иначе чем большевики, пришли к власти не через устранение правящих до этого элит, а через компромисс с ними, их «захвату власти» недоставало того революционного характера, который отличал путь большевиков к власти, особенно с осени 1917 года.

Как фашисты, так и нацисты пытались завуалировать этот факт, так как он не подходил к их убеждению, что они открыли новую эпоху в истории. Поэтому в обоих случаях передачу власти они стилизовали под «захват власти», даже под революцию. Однако из-за союза с консервативными элитами путь к глубоким социальным преобразованиям в обеих странах оказался закрыт. Поэтому территориальная экспансия представляла собой важнейший вентиль для разрядки накопившегося напряжения.

Уже в 20-х годах многие наблюдатели предсказывали, что фашизм неминуемо ввергнет Европу в войну. Например, Филиппо Турати, один из лидеров Partito Socialista Italiano, заявил в 1928 году, что фашизм родился из войны и должен был неизбежно породить войну⁵.

Общая для режимов Муссолини и Гитлера «тяга к войне» привела к тому, что, несмотря на первоначальные конфликты, они становились друг другу все ближе.

³ Schieder W. *Kriegsorientierung im faschistischen Italien // Faschistische Diktaturen. Studien zu Italien und Deutschland.* Göttingen, 2008. P. 99-110, зд. p. 103.

⁴ Gentile E. *The Origins of Fascist Ideology 1918-1925.* N.Y., 2005. P. 399.

⁵ Turati F. *Faschismus, Sozialismus und Demokratie // Theorien über den Faschismus / Ed. Ernst Nolte.* Köln, 1967. P. 143f., 150.

Так, Муссолини заявил 4-го февраля 1939 года в своей речи перед Большим фашистским советом: «Политика оси Рим-Берлин отвечает [...] исторической необходимости первостепенного значения»⁶. Вольфганг Шидер пишет:

«Идеологическое возвышение совместных с Гитлером политических действий возникло не из простой риторики. Оно с самого начала скорее показало, что привязанность к родственному по духу германскому диктатору была для Муссолини чем-то большим, чем просто тактический расчет»⁷.

⁶ Цит. по: Schieder. *Kriegsorientierung im faschistischen Italien*. P. 106.

⁷ Ibid.

III. Коминтерн и фашизм

Реакция Коминтерна на возникновение и приход к власти итальянского фашизма (1920-1923)*

1. «Революционный кризис» в послевоенной Италии и его неожиданный исход

Тяжёлый кризис, который переживало итальянское государство сразу после окончания первой мировой войны, пробудил у некоторых вождей Коминтерна и представителей левого крыла в итальянском рабочем движении надежду, что это – канун «пролетарской» революции. Проводилось множество параллелей с русскими событиями 1917 года¹. Определенное сходство в развитии обеих стран и в самом деле можно было наблюдать. Итальянский государственный аппарат в большой мере утратил контроль над событиями, социалисты стали самой крупной политической силой в стране, а крестьянские восстания достигли таких масштабов, что можно было думать об аграрной революции².

В августе 1919 года, один из ведущих итальянских марксистов, Антонио Грамши, выдвинул тезис, согласно которому мировая война в Италии, так же, как и в России, создала предпосылки для пролетарской революции. Италия, как и Россия, по преимуществу аграрная страна. По этой причине революция в ней могла бы быть успешной лишь в том случае, если бы на её стороне оказалось большинство населения – крестьяне³. Опыт войны освободил крестьянство обеих стран от провинциальной ограниченности, приучил к выдержке и дисциплине и расширил их политический горизонт. В окопах окрепли узы солидарности между крестьянскими массами и политически более опытными промышленными рабо-

* Сокращенная версия главы из моей книги *Возникновение коммунистической теории фашизма. Споры о фашизме и национал-социализме в Коммунистическом Интернационале 1921-1935* (Luks Leonid. Entstehung der Kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935. Stuttgart, 1985).

¹ См. Речь Григория Зиновьева на X съезде РКП (б) в марте 1921 г. / Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 506-508. См. также статью немецкого коммуниста А. Якобсена (Jacobsen A. Der Faschismus // Die Internationale, Zeitschrift für Praxis und Theorie des Marxismus. 15.11.1922. P. 302).

² См. Nenni P. Todeskampf der Freiheit. Offenbach, 1947. P. 48-50; Tasca A. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. Aufstieg des Faschismus. Wien, 1969. P. 45-47, 93-95; Tannenbaum E. The Fascist experience. Italien Society and Culture 1922-45. N.Y., 1972. P. 26-27; Borkeuau F. The Communist International. L., 1938. P. 208-210.

³ Gramsci A. Philosophie der Praxis // Eine Auswahl / Ed. Christian Riechers. Frankfurt/Main, 1967. P. 37-39.

чими. Солидарность такого рода придала несокрушимую силу революционному движению в России и обеспечила победу русской революции⁴. Для Италии Грамши предсказывал сходный путь развития при условии, что итальянские социалисты смогут правильно использовать революционный потенциал страны⁵. В 1919/1920 годах Ленин тоже считал возможной революцию в Италии⁶. Однако у этой возможной революции было, по мнению Ленина, мало шансов удержаться у власти. В разговоре с итальянской социалисткой русского происхождения, Ангеликой Балабановой, в сентябре 1920 года Ленин выразил сомнение, сможет ли революция, если она победит только в Италии, а не во всех европейских странах одновременно, выстоять в борьбе со странами Антанты. Уничтожение Венгерской советской республики за год до того показало, что революционный режим имеет мало шансов пережить блокаду и интервенцию западных держав в маленькой отдельно взятой стране⁷. Другую опасность для итальянской революции Ленин усматривал в том, что радикальные группировки в итальянском рабочем движении были не в состоянии создать партию по большевистскому образцу. Сначала Ленин надеялся, что социалистическую партию Италии (СПИ) удастся превратить в партию такого рода.

СПИ принадлежала к числу первых массовых пролетарских партий на Западе, принятых в Коминтерн. Она являлась одной из наиболее радикальных партий Второго Интернационала и во время первой мировой войны, в противовес к другим социал-демократическим партиям Европы, не заключила гражданского мира с господствующими слоями. Ленин неоднократно хвалил итальянских социалистов за это⁸.

По этой причине вожди Коминтерна сначала не очень раздумывали при приеме СПИ в Третий Интернационал. Но они всё же потребовали от вождя СПИ, Серрати, отделиться от правого крыла в партии, которое возглавлял Филиппо Турати. Серрати отверг это требование и в свою очередь потребовал от Коминтерна

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. Современный теоретик КПИ Джорджио Амендола не согласен с Грамши. Он считает, что в окопах Первой мировой войны итальянские крестьяне вступили в контакт не с итальянскими рабочими, а с представителями мелкобуржуазных слоев. Так как итальянские рабочие в своем абсолютном большинстве отрицали войну, только небольшая их часть принимала участия в военных действиях (Amendola G. Der Antifaschismus in Italien. Ein Interview. Stuttgart, 1977. P. 33-34).

⁶ См. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1958-1965. Т. 41.

⁷ Balabanoff A. Lenin. Psychologische Beobachtungen und Betrachtungen. Hannover, 1961. P. 96-9; см. также речь Григория Зиновьева на 4-том конгрессе Коминтерна (Protokoll des 4. Kongresses der Kommunistischen Internationale. Petrograd-Moskau vom 5. November bis 5. Dezember 1922. Hamburg, 1923. P. 41). Немецкий историк Гельмут Кениг подчеркивает, однако, что были периоды, когда советское руководство более оптимистически оценивало возможность победы пролетарской революции в Италии, например, летом 1919 г. – до поражения Венгерской советской республики – и летом 1920 – во время наступления Красной Армии на Варшаву (König H. Lenin und der italienische Sozialismus 1915-1921. Ein Beitrag zur Gründungsgeschichte der Kommunistischen Internationale. Tübingen, 1967. P. 57).

⁸ Ленин. Сочинения. Т. 26. С. 115.

уважать самостоятельность своей партии⁹. Эта позиция Серрати неоднократно подвергалась ожесточенной критике со стороны Ленина. В ноябре 1920 года он, к примеру, писал: Пролетарская партия, которая не порывает однозначно с умеренными, нерешительными элементами, не в состоянии провести успешную революцию¹⁰.

Раскол итальянского рабочего движения и создание сплоченной, дисциплинированной коммунистической партии составляли важнейшую цель Коминтерна в Италии в 1920 году. Эта борьба внутри итальянского рабочего движения до такой степени поглощала внимание руководства Коминтерна, что оно почти не замечало того, что общая ситуация в этой стране с конца 1920 года решительным образом изменилась не в пользу итальянского рабочего движения¹¹. В течение двух лет итальянские социалисты саботировали «буржуазное» государство и пытались посеять панику среди господствующего класса своими радикальными лозунгами. Но этот радикализм оставался только на словах¹².

Один из вождей СПИ, Пьетро Ненни, пишет в своих воспоминаниях, что итальянские социалисты восхищались примером русской революции, но только теоретически. Им не доставало присущего большевикам чувства революционной реальности¹³. Но из этого не следует заключать, что важнейшей причиной краха попыток революции в Италии была недостаточная решимость итальянских социалистов в стремлении к единоличной власти. Гораздо важнее было то обстоятельство, что итальянское государство и господствующие группировки в Италии были далеко не так деморализованы, как русское государство и правящие круги в 1917 году¹⁴. Параллели, которые усматривали в развитии России и Италии некоторые коммунисты и социалисты, были, по сути, весьма поверхностными. Итальянское государство было гораздо более способным к самозащите, чем русское в 1917 г. и его невозможно было захватить путем революционного штурма. Спустя много лет Антонио Грамши выразил следующее мнение по данному вопросу: «Надстройка буржуазного общества подобна системе окопов в современной войне. Иногда казалось, что ожесточенный артиллерийский обстрел разрушил систему обороны противника, но на самом деле разрушена была только её внешняя оболочка, а в момент атаки и наступления наступающие сталкивались с еще более эффективной линией обороны. То же самое происходит и в политике

⁹ Gruber H. *International Communism in the Era of Lenin. A Documentary History*. N.Y., 1967. P. 292-295; König. *Lenin und der italienische Sozialismus*. P. 90, 98-99, 114-115; Braunthal J. *Geschichte der Internationale*. Hannover, 1963. Vol. 2. P. 223.

¹⁰ Ленин. *Сочинения*. Т. 41. С. 416-417.

¹¹ См. Balabanoff. *Lenin*. P. 91-104.

¹² См. Tasca. *Glauben, Gehorchen, Kämpfen*. P. 101; Rosenberg A. *Der Faschismus als Massenbewegung // Faschismus und Kapitalismus. Theorien über die sozialen Ursprünge und die Funktion des Faschismus* / Ed. W. Abendroth. Frankfurt/Main, 1967. P. 102.

¹³ Nenni. *Todeskampf der Freiheit*. P. 82-84.

¹⁴ См. *Ibid.* P. 63-64; Graf Sforza C. *Europäische Diktaturen*. Berlin, 1932. P. 58-60; Amendola. *Der Antifaschismus in Italien*. P. 43.

во время больших экономических кризисов»¹⁵. В сентябре 1920 года революционное движение в Италии достигло своего апогея. Это было время захвата фабрик бастующими рабочими. В течение нескольких недель они оккупировали предприятия, в которых работали. Но это революционное наступление, окончившееся без ощутимых успехов, подтвердило относительную силу существующей социальной структуры в Италии. Государственный кризис 1920 года был по своей природе прежде всего психологическим кризисом, писал Ненни. Итальянское государство еще прочно держало в своих руках материальную силу, но оно уже было не властно над убеждениями людей. Но из этого кризиса оно вышло окрепшим¹⁶. В октябре 1920 года, после того как спала революционная волна, Грамши писал, что как капиталистический лагерь, так и социалистическое движение в Италии в их настоящей форме взаимно исчерпались. Правящие слои в Италии не располагали политической партией, идеология которой могла бы охватить мелкобуржуазные слои и тем самым обеспечить дальнейшее существование легального государства на широкой основе. Господствующие классы, писал Грамши, наверняка прибегнут к военной диктатуре – единственному средству, которое способно обеспечить им сохранение власти¹⁷.

Но именно в тот момент, когда Грамши писал эти слова, в итальянской политике наметился новый поворот. Итальянские фашисты, до этого бывшие мало заметным явлением в политической жизни страны, превратились в политический фактор, способный взорвать сложившуюся политическую ситуацию. Вплоть до захватов фабрик в сентябре 1920 года попытки фашистского движения, оформившегося в марте 1919 года, освободить итальянских рабочих от так называемых «марксистских заблуждений» и перетянуть их на сторону идеи национального величия Италии оставались почти что безуспешными. Абсолютное большинство итальянских рабочих рассматривало СПИ как единственного представителя своих интересов¹⁸. Несмотря на безрезультатное окончание захватов фабрик в этой области в сущности мало что изменилось. Влияние СПИ на низшие слои итальянского общества всё еще было огромным. Посредством одной только пропаганды итальянским фашистам было бы не под силу осуществить политический поворот в Италии, даже после спада революционной волны. Для этого требовалось применения «прямого насилия», т.е. террора против политических про-

¹⁵ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 345-346.

¹⁶ Nenni. Todeskampf der Freiheit. P. 63-65.

¹⁷ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 86f; Джорджио Амендоля считает, что Грамши более точно оценивал тогда положение в Италии, чем другие итальянские социалисты, которые считали, что единственной возможной реакцией итальянской контрреволюции на пролетарское наступление будет провозглашение традиционного для буржуазных государств чрезвычайно положения. Так думал тогда например Филипо Турати (Amendola. Der Antifaschismus in Italien. P. 43f.); Однако и Грамши в октябре 1920 г. говоря о возможной реакции врагов революции на «пролетарскую опасность» считал возможной всего лишь традиционную «военную диктатуру».

¹⁸ См. Lyttelton A. The Seizure of Power. Fascism in Italy 1919-1929. L., 1973. P. 47; Linz J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism // Fascism. A Reader's Guide / Ed. W. Laqueur. California, 1976. P. 14, 17.

тивников. Некоторые радикальные социалисты уже давно грозили буржуазии такими методами борьбы, но только на словах, а итальянские фашисты и в самом деле прибегли к ним и начали осенью 1920 свой истребительный поход против социалистов и их организаций. Весной 1921 года один из вождей СПИ Филипо Турати констатировал, что в Италии началась кровавая контрреволюция, последовавшая в ответ на чисто словесную революцию социалистов¹⁹. Многими представителями итальянских высших слоев, живших с момента окончания войны в постоянном страхе перед «большевистской революцией», появление фашизма было воспринято как своего рода спасение. Присущие ему «неортодоксальные» методы борьбы их, как правило, не возмущали. Напротив, многим импонировала «решимость» фашистов. Их рассматривали как силу, которая не только поддерживает существующий порядок, но еще и «обновляет» его. От фашистов ждали окончательного уничтожения уже в принципе не существовавшей «большевистской угрозы»²⁰.

Такого рода антимарксистские массовые движения, которые, несмотря на свои «контрреволюционные» цели, использовали революционные методы борьбы, не существовали в России в 1917 году. Некоторые теоретики Коминтерна понимали, что непродуктивно проводить параллели между процессами в России и в Италии²¹. События в Италии наглядно продемонстрировали теоретикам Коминтерна, что «революционные» ситуации могут быть использованы и отъявленными противниками рабочего движения. Этот неожиданный исход итальянского кризиса требовал пересмотра стратегии Коминтерна в Италии. Но так как Коминтерн был централизованной международной организацией, то его стратегия в одной стране, например, в Италии, была тесно связана с его глобальной стратегией. Помимо этого, ввиду преобладания большевистской партии в этой организации, стратегия Коминтерна находилась в тесной связи с внутри большевистскими и внутри советскими процессами. По этой причине для лучшего понимания исходной ситуации в Коминтерне при начале его конфронтации с итальянским фашизмом в 1920/1921 годах, необходимо дать краткий очерк его тогдашнего международного политического положения, а также внешне- и внутривнутриполитической ситуации советского государства.

¹⁹ См. Nenni. *Todeskampf der Freiheit*. P. 75.

²⁰ См. De Felice R. *Der Faschismus. Ein Interview von M. A. Ledeen*. Stuttgart, 1977. P. 43, 49.

²¹ В октябре 1922 г. Троцкий говорил о возникновении фашистских группировок в ряде европейских стран, о явлении, которого Россия не знала. Троцкий Л. *Пять лет Коминтерна*. М., 1924. С. 454.

2. Стратегический поворот Коминтерна и большевистского режима в 1921 году.

Примерно в то же время, когда потерпели крах захваты фабрик в Италии, было нанесено весьма ощутимое поражение красной армии в Польше во время польско-советской войны («чудо на Висле»). Еще один удар Коминтерн получил в Германии в марте 1921 года, где его эмиссары вовлекли КПГ в безнадёжное восстание. В результате этих трёх поражений вожди Коминтерна на время отказались от идеи прямого «штурма» мирового капитала. Поражение в Германии показало, что европейский пролетариат еще слишком слаб для того, чтобы осуществить революцию своими силами. С другой стороны, поражение в Польше показало, что Красная Армия была пока еще не в состоянии «принести мировую революцию в сердце Европы на острие своих штыков». Распространение революции за пределы границ бывшей царской империи тем самым не состоялось. Однако в то же самое время большевикам удалось установить свой контроль почти над всеми территориями прежней царской империи, разбив генерала Врангеля в ноябре 1920 года и завоевав Грузию в феврале 1921 года. В конечном счете, только прибалтийские государства, Финляндия, Польша, Бессарабия и Южный Сахалин (до 1925 г.) сумели уклониться от нового «собирания русских земель»²², предпринятого большевиками.

В октябре 1917 года большевики захватили власть в России – «самом слабом звене в цепи мирового капитала» – с тем, чтобы уничтожить затем всю цепь путем мировой революции. Свою борьбу за власть в России они сначала понимали исключительно как служение делу мировой революции, а не как самоцель. Кроме того, они были убеждены, что без помощи революции в промышленных странах большевистский режим в России не выдержит схватку с «мировым капиталом». Но реальные процессы в период с 1918 по 1920 год опровергли прогнозы и ожидания большевиков. Они смогли утвердить свою власть в России без прямой поддержки со стороны революции на Западе. Но их власть осталась ограничена страной, которую они сначала рассматривали всего лишь как стартовую площадку к мировой революции²³. Это состояние едва ли можно было изменить в обозримое время. Для большевистского режима возникла жизненная необходимость установить нормальные отношения с «капиталистическими» странами. Один из вождей большевиков, Каменев, заявил в этой связи на 10 съезде РКП(б) в марте 1921 года: если бы пролетариат захватил власть хотя бы в одной крупной капиталистической стране, большевики не вели бы речь о «капиталистическом окружении» и об «уступках капиталистам». Но Советская Россия осталась в изоляции, и

²² Так называли процесс объединения русских земель вокруг Великого Московского княжества на пороге Нового Времени.

²³ См. речь Ленина на 9-том съезде Советов в декабре 1921 г. Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 292.

вследствие этого необходимо покончить с военной конфронтацией с капиталистическим миром и заключить с ним договоры²⁴.

Западные державы, со своей стороны, к концу 1920 года утратили надежду на скорый крах большевистского режима. Большевики одержали полную победу в гражданской войне. Надежда на то, что большевистскую партию в обозримом будущем заменит другая политическая сила, была нереальной. Желание включить большевистскую Россию в общую структуру мирового хозяйства и международной политики всё более четко обнаруживалось у «капиталистических» правительств после окончания гражданской войны в России²⁵.

Крупный большевистский деятель и дипломат Абрам Иоффе следующим образом характеризовал тогдашнюю ситуацию: Взаимная борьба полностью истощила как большевиков, так и «империалистов». Обе стороны поняли, что они слишком слабы, чтобы уничтожить врага. Поэтому они вынуждены какое-то время сосуществовать друг с другом²⁶.

Началась постепенная нормализация отношений между обоими противниками, которые всё больше понимали, что их конечная цель – тотальное уничтожение противоположной стороны – недостижима. Вследствие этого идеологические противники вынуждены были отказаться от политики чистых принципов и ориентироваться на неудобное и непривычное, но в то же время неизбежное сосуществование. И как раз в тот момент, когда и западные демократии, и большевики отказались от немедленного осуществления своих идеологических целей, решив перейти к прагматической политике, неожиданно выросла третья сила – правый экстремизм, который не намерен был считаться с планами обоих прежних противников и который внес существенное замешательство в оба лагеря. Цель тотального уничтожения внешнеполитического противника, от которой к началу 1921 года отказались как коммунисты, так и их демократические противники, была теперь взята на вооружение правыми экстремистами. Вопрос о том, должно ли дело дойти до тотальной конфронтации между коммунизмом и «капиталистическим миром» или нет, решался теперь не только коммунистами и западными демократическими странами. По этой причине тактический поворот, осуществленный Коминтерном в 1921 году, не привел к результатам, которых первоначально от него ожидали²⁷.

Как известно, весной 1921 года большевистское руководство было вынуждено отказаться от революционного наступления не только во внешней, но и во внутренней политике. Здесь оно тоже на время отказалось от попыток немедленно осуществить свои идеологические принципы, и заменило непримиримую политику военного коммунизма более умеренной Новой экономической политикой. С

²⁴ Десятый съезд РКП (б). 1921. Стенографический отчет. М., 1963. С. 450-451.

²⁵ См. Fischer L. The Soviets in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World 1917-19. Princeton/N.J., 1951. P. 279.

²⁶ Eudin X., Fisher H. Soviet Russia and the West 1920-1927. Documentary Survey. Stanford/California, 1957. P. 63-64.

²⁷ См. следующую главу этой статьи.

полной зависимостью всех важнейших областей жизни общества от государства, как это было типично для военного коммунизма, было покончено. Многие экономические и социальные сферы постепенно были высвобождены от прямого контроля со стороны государства²⁸. Террор тоже был ослаблен.

Благодаря этому большевикам удалось преодолеть до некоторой степени внутривнутриполитическую изоляцию своего режима. НЭП, проводившийся внутри страны, соответствовал в рамках Коминтерна политике сотрудничества с европейскими социал-демократами, единому фронту, провозглашенному на 3-ем Конгрессе Коминтерна в июне 1921 года²⁹.

Поражение КППГ в марте 1921 года показало, сколь немногочисленны способны достичь коммунисты, даже самая сильная нерусская компартия – КППГ –, если они в одиночку борются против «капиталистического» государственного аппарата. Теперь руководство Коминтерна рассматривало преодоление коммунистами изоляции внутри рабочего движения как важнейшую задачу, которой оно придавало такое же значение, как и попыткам вывести большевиков из изоляции внутри России³⁰. Но отказ руководства Коминтерна от «революционного наступления» внутри Коминтерна принимался не без протестов. Он наталкивается на ожесточенное сопротивление левых коммунистов, которые упрекали большевиков в недостаточном понимании положения в Западной Европе. Один из теоретиков левых, голландский коммунист Гортер, уже в октябре 1920 года упрекал руководство Коминтерна в слишком большой готовности к компромиссам с некоммунистическими силами и организациями – то есть, еще до официального провозглашения политики единого фронта с социал-демократами. По его словам, руководство Коминтерна извращало положение на Западе, требуя от коммунистов работы в профсоюзах и в парламенте и сотрудничества со Вторым Интернационалом. Работа с этими организациями и внутри них имеет смысл только для эволюционного осуществления реформ, а не для подготовки революции. У европейского пролетариата нет союзников в его революционной борьбе, утверждал Гортер, так как все другие классы западного общества заинтересованы в сохранении существующей системы³¹.

На упреки Гортера и других западных коммунистов, что большевики не понимают ситуации на Западе и пытаются на всё смотреть «сквозь русские очки»

²⁸ Эта либерализация ограничивалась, однако, только сферой экономики и культуры, но ни в коем случае не затрагивала политической монополии большевиков на власть. Непосредственно после провозглашения НЭПа единственные, кроме большевиков еще легально существующие партии в стране – эсеры и меньшевики – были запрещены. Политическая деятельность вне правящей партии рассматривалась теперь как своего рода уголовное преступление. См. Schapiro L. *The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State. First Phase 1917-1922.* L., 1955.

²⁹ См. Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 31-32; Degras J. *The Communist International 1919-1943. Documents selected by Jane Degras.* L., 1956. Vol. 1. P. 307-308.

³⁰ См. Degras. *The Communist International.* Vol. 1. P. 216; Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 436.

³¹ Gruber. *International Communism in the Era of Lenin.* P. 231-240.

большевистские вожди отвечали не менее весомым контраргументом: большевистская партия является единственной секцией Коминтерна, которая располагает опытом победоносной революции и победоносной гражданской войны. А вот западные коммунисты, которые критикуют большевиков, делают это с совершенно абстрактных, далеких от реальности позиций³². Эти аргументы большевиков звучали вполне убедительно. В вопросах революционной тактики и завоевания власти большевики намного превосходили западных коммунистов. Однако этот политический опыт, коренился в специфике России. Попытки перенести его на Запад заканчивались, как правило, полным крахом. Поэтому некоторые западные коммунисты и пытались убедить большевиков, что применение «русских» методов на Западе неоправданно. Как большевики, так и их западные оппоненты были до такой степени убеждены в собственной правоте, что сближение их позиций было неразрешимой задачей³³.

В этой полемике позиции большевиков были гораздо крепче, чем позиции их западных критиков. Во-первых, после провала революции на Западе Коминтерн гораздо больше зависел от большевиков, чем большевики – от Коминтерна. Во-вторых, миф большевистской революции оказывал на массы западных коммунистов такое мощное воздействие, что любое сомнение в авторитете большевистской партии было затруднено. Третье, и последнее, коммунисты чрезвычайно гордились тем, что III Интернационал представлял собой централизованную и дисциплинированную всемирную партию, а не свободный союз автономных национальных партий, как II Интернационал. Заповедь поддержания революционной дисциплины имела внутри Коминтерна такую высокую ценность, что оппоненты большевиков, не желая рисковать своим исключением из Коминтерна, сдерживали свою критику в определенных границах. Третий Конгресс был важной вехой в процессе дисциплинирования Коминтерна. Ленин сознательно отделил себя на этом Конгрессе как от правых, так и от левых «уклонистов». Наряду с исключением «правого» вождя КПП Пауля Леви, он требовал также исключения и левой КРПГ³⁴.

Сформулированные на 2-ом Конгрессе Коминтерна (август 1920 г.) 21 условие приема рабочих партий в Коминтерн были подтверждены на 3-ем Конгрессе³⁵. Целью этих 21 условий было превращение Коминтерна в строго дисциплинированную и централизованную организацию по образцу большевистской партии. Но тут следует заметить, что 21 условие приема в Коминтерн в конечном счете было лишь постулатом, который на этапе ленинской фазы истории Коминтерна никогда не удалось осуществить. Несмотря на периодические исключения и на-

³² См. речь Карла Радека на 3-ем конгрессе Коминтерна. Protokoll des III. Kongresses der Kommunistischen Internationale. Moskau 22. Juni bis 12. Juli 1921. Hamburg, 1921. P. 443.

³³ См. на эту тему Rosenberg A. Geschichte des Bolschewismus. Frankfurt/Main, 1966. P. 195-196, 260.

³⁴ В письме Зиновьеву от 10-го июня 1921 Ленин считал, что принятие КРПГ в Коминтерн было ошибкой. Эту ошибку надо как можно скорее исправить. Ленин. Сочинения. Т. 52. С. 267.

³⁵ Protokoll des III. Kongresses der Komintern. P. 408.

казания за нарушение партийной дисциплины, многообразие мнений в Коминтерне не могло быть устранено. Полное подчинение этой организации, как и большевистской партии, руководству, наступило только после многолетней ожесточенной борьбы за власть внутри большевистской партии и внутри Коминтерна³⁶. Это значительное разнообразие мнений, которое сохранялось в Коминтерне в начале 1920-тых годов, не могло не оказать сильного влияния на дискуссию о фашизме в Коминтерне.

Первый акт всемирной революционной драмы закончился для большевиков лишь частичным успехом. Они, тем не менее, были убеждены, что наступившее в 1921 году замедление мирового революционного процесса следует рассматривать всего лишь как перерыв между первым и вторым актом драмы. Как они представляли себе этот второй акт? Тщательный анализ их прогнозов в 1921-22 годах свидетельствует, что они ожидали почти что механического повторения первого акта. Так как первая мировая война не привела к ожидавшемуся большевиками «закату капитала», то они ожидали следующей мировой войны, с которой они связывали надежды на окончательное уничтожение капиталистической системы.

Соперничество из-за рынков сбыта, по мнению ведущих большевистских идеологов, только усилилось вследствие мировой войны. Так как соперничество принадлежит к сущности «капитализма», то новые войны за передел мира неизбежны до тех пор, пока существует «капитализм». Исключение Германии из этой конкуренции в конечном счете привело к тому, что противоречия переместились в лагерь победителей. Америко-английское соперничество из-за морской гегемонии и американо-японский конфликт из-за влияния на Дальнем Востоке были, по мнению большевистских идеологов, важнейшими противоречиями в лагере победителей, которые непременно должны были привести к новой мировой войне. Уже в августе 1920 года Троцкий сказал, что к 1923 году Соединенные Штаты будут преобладать над английским флотом. И это решит вопрос о том, быть или не быть британской всемирной империи. Это означает непримиримый конфликт между Англией и США, ибо в «империалистическом» мире не может быть двух господ. Таким образом, после разрушительной мировой войны готовится новая, еще более ужасная война³⁷. Ленин тоже считал неизбежной войну между державами-победителями за «раздел добычи» и за рынки сбыта. Это соперничество между «империалистическими» державами он рассматривал как постоянную величину в мировой политике³⁸. Высказывания большевистских вождей в период

³⁶ Некоторые историки считают, что идейный плюрализм в Коминтерне уже в ленинский период был ликвидирован (См. Gruber. *International Communism in the Era of Lenin*. P. 14-15; Wenzel O. *Die Kommunistische Partei Deutschlands im Jahre 1923*. Berlin, 1955. P. 2). Высказываниями такого рода эти авторы недооценивают того качественного перелома, который произошел в Коминтерне после полной победы сталинской фракции над ее соперниками.

³⁷ Eudin, Fisher. *Soviet Russia and the West*. P. 41f.; Такого же мнения придерживался и большевистский теоретик Е. Варга (Varga E. *Die Krise der kapitalistischen Weltwirtschaft*. Hamburg, 1921. P. 61-63.).

³⁸ Ленин. Сочинения. Т. 42. С. 23, 44, 57.

1920-1921 годов указывают на то, что они рассматривали будущее как своего рода новое издание прошлого. Случайному и абсолютно новому они не придавали никакого значения. Согласно воззрениям ведущих большевистских идеологов, капиталистический мир подчинялся определенным неизменным законам, которые определяли происходящее гораздо больше, чем субъективные желания или нежелания «капиталистов». В основе этой веры лежал специфический консерватизм большевистского мышления. В политическом анализе, проводимом большевиками, всегда было множество сравнений и параллелей, так как они усматривали в новых процессах и феноменах в первую очередь повторение старого.

Когда большевики после спада первой революционной волны составляли в 1920-1921 годах прогнозы относительно будущего развития капиталистического мира, они едва ли осознавали, до какой степени мир 1921 года отличался от мира 1914 года. Закономерности, действовавшие до 1914-го, и даже до 1917-го года, в связи с процессами, начавшимися в 1914 году, почти полностью утратили свою силу. И сами же большевики внесли в это значительный вклад. Но их вожди сначала недооценили масштабы нарушения равновесия в западном мире вследствие двойного вызова: со стороны мировой войны и со стороны большевистской революции. В своей речи на 9 съезде советов в декабре 1921 года Ленин говорил об определенном равновесии, которое якобы установилось в мире³⁹. Поразительная до тех пор политическая интуиция Ленина на сей раз ему отказала. Равновесие, которого Европа, якобы, достигла в 1921 году, было ничем иным как фасадом, обманчиво скрывавшим пропасть, которая отделяла послевоенную Европу от довоенной. Поэтому было наивно заимствовать модели для будущего развития Европы из прошлого, как это делали некоторые большевистские идеологи еще в 1921 году. Мощные преобразования, пережитые Европой в период с 1914 по 1920 годы, с необходимостью должны были породить качественно новые, неподвижные феномены, которые опрокидывали все большевистские прогнозы на будущее, сделанные в 1920-1921 годах.

Бросается в глаза то, что большевики в своем анализе послевоенного порядка значительно переоценивали его устойчивость. Они хотя и говорили постоянно о скором крахе Версальских договоров, все же считали при этом, что нужна новая мировая война, чтобы это произошло. Но одну только новую мировую войну они считали недостаточной, чтобы уничтожить послевоенный порядок. Эта война должна была сопровождаться всеобщим восстанием всех угнетенных народов мира против держав, победивших в первой мировой войне. Большевики были твердо убеждены в том, что весь мир, за исключением Советской России, находится под контролем держав-победительниц. Поэтому они мечтали о направленной против этих держав коалиции всех зависимых и угнетенных народов под руководством Москвы, в состав которой вошло бы 70% населения всего мира⁴⁰. И

³⁹ Там же. Т. 44. С. 291, 296.

⁴⁰ Чичерин Г. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 182, 193-205; Ленин. Сочинения. Т. 41. С. 216-218 и Т. 42. С. 71-72.

побежденная Германия, и зависимые и полузависимые страны Азии и Африки объединялись большевиками в одном понятии – колонии Антанты⁴¹. Это безмерное преувеличение мощи держав-победительниц, и прежде всего Британской империи, свидетельствует о том, как трудно было большевикам освободиться от своих устаревших представлений. Джордж Кеннан говорил, что в 20-х годах большевики так же мало сомневались в мощи Британской империи, как и сами англичане⁴².

3. Коминтерн и процессы развития в Италии в 1921/1922 годах (до похода на Рим)

Когда революционное наступление итальянского рабочего движения осенью 1920 года было приостановлено, у руководства Коминтерна не возникло ни малейших сомнений в том, что эта неудача объясняется в первую очередь наличием в СПИ «реформистов», сознательно саботировавших революционную борьбу итальянских рабочих. Намерения Коминтерна были нацелены на исключение «реформистского» крыла из СПИ, причем любой ценой. Решающая схватка произошла на 17-ом Конгрессе СПИ в Ливорно, в январе 1921 года. Ультимативные условия Коминтерна, которые были переданы эмиссарами ИККИ – Кабакчиевым и Ракоши, были отклонены большинством СПИ⁴³. Так дело дошло до раскола, в результате которого меньшинство под руководством Амадео Бордига, конституировавшееся как коммунистическая партия, одно осталось в Коминтерне. Большинство партии под руководством Серрати было исключено из Коминтерна⁴⁴. Ангелика Балабанова назвала несколько лет спустя СПИ первой жертвой самоубийственной политики Коминтерна⁴⁵. Глава КПГ Пауль Леви, принимавший участие в Конгрессе СПИ в Ливорно, назвал раскол СПИ непростительной ошибкой⁴⁶. Но с другой стороны остается под вопросом, смогла ли бы СПИ сохранить своё единство даже без вмешательства руководства Коминтерна. К началу 1921 года уже почти не было ничего общего между левым крылом СПИ и большинством партии. Даже такой непримиримый критик политики Коминтерна в Италии как Анджело Таска сказал в 1938 году, что раскол СПИ был неизбежен⁴⁷. Еще за несколько месяцев до раскола, в октябре 1920 года, Антонио Грамши писал, что внутри СПИ уже сложилась коммунистическая партия, которая те-

⁴¹ См. речь Льва Каменева на 10-ом съезде большевистской партии. Десятый съезд РКП (б). С. 451-452; Varga. Die Krise der kapitalistischen Weltwirtschaft. P. 42-43, 58.

⁴² Kennan G.F. Sowjetische Außenpolitik unter Lenin und Stalin. Stuttgart, 1961. P. 303-305.

⁴³ Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 284-285, 295-299, 309-312.

⁴⁴ Ibid. P. 284-284.

⁴⁵ Balabanoff A. Erinnerungen und Erlebnisse. Berlin, 1927. P. 261.

⁴⁶ Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 304-305.

⁴⁷ Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 116.

перь должна только конституироваться официально⁴⁸. Следовательно, спасти единство партии едва ли было возможно. Но для итальянских рабочих стало трагедией то обстоятельство, что раскол произошел именно в тот момент, когда итальянское рабочее движение стало жертвой террористического наступления фашистов.

Третий конгресс Коминтерна в июне 1921 г. интенсивно занимался проблемой краха революционного наступления итальянского рабочего движения осенью 1920 года. Летом 1920 года Италия была тем европейским государством, которое ближе всех подошло к пролетарской революции, сказал в своем докладе глава Коминтерна Зиновьев. Итальянская буржуазия была полностью деморализована, её окончательное поражение было вполне возможно. Но в то время как итальянские рабочие понимали захваты фабрик как революционную борьбу за власть, «центристское» руководство партии видело в них лишь «тред-юнионистскую» борьбу за улучшение условий труда и повышение заработной платы. Это противоречие между целями трудящихся масс Италии и намерениями их вождей предопределило провал революционной борьбы в Италии⁴⁹. Не менее резко чем Зиновьев критиковал руководство СПИ и Карл Радек. Он сослался на высказывание итальянского премьер-министра Джиолитти, заявившего в сентябре 1920 года, что всей итальянской армии не хватит, чтобы силой покончить с захватами фабрик со стороны рабочих. Самый умный представитель итальянского «капитала» сам признавал, по словам Радека, что в сентябре 1920 года итальянское правительство было бессильно. И именно в этой ситуации руководство СПИ уклонилось от продолжения борьбы⁵⁰.

Здесь нельзя забывать, что такая резкая критика «реформистов» прозвучала на конгрессе, на котором руководство Коминтерна осуществило стратегический поворот и провозгласило политику единого фронта с социал-демократией. Эта политика должна была проводиться и по отношению к Италии. Итальянские коммунисты тоже должны были начать работу внутри социал-демократических профсоюзов и других организаций. Для многих европейских коммунистов наверняка было нелегко понять тактический ход мыслей руководства Коминтерна. Как можно было стремиться к сотрудничеству с политическими силами, которые в то же время характеризовались как «предатели» рабочего класса? Особенно трудно было это понять итальянским коммунистам. Раскол с «реформистами» и «центристами» в Ливорно итальянские коммунисты воспринимали как окончательный разрыв⁵¹. Требование Коминтерна сотрудничать именно с этими силами для предотвращения наступления «капитала» большинство итальянских коммуни-

⁴⁸ См. статью „Die Kommunistische Partei“/ Gramsci. Philosophie der Praxis.

⁴⁹ Protokoll des III. Kongresses der Komintern. P. 166-180.

⁵⁰ Ibid. P. 450; см. также Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 17-18, 27.

⁵¹ См. Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385ff.; Togliatti P. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI in den Jahren 1923-1924 / Togliatti, Reden und Schriften. Eine Auswahl. Frankfurt/Main, 1967. P. 162-195.

стов считало абсолютно неприемлемым⁵². Непреклонная позиция итальянских коммунистов по отношению к социалистам⁵³ была резко осуждена руководством Коминтерна. Ленин утверждал, что решающую роль в победе большевиков в 1917 году сыграл тот факт, что большевистская партия благодаря своей программе сумела тогда завоевать симпатии масс. В Италии о такого рода укорененности коммунистов в массах, являющейся непременным условием для победы революции, не могло быть и речи. Поэтому выход из изоляции является для КПИ велением времени⁵⁴. Poleмика руководства Коминтерна как против итальянских коммунистов, так и против итальянских социалистов однозначно указывала на то, что итальянское рабочее движение не подчинялось коминтерновской дисциплине. Все группировки в итальянском рабочем движении чувствовали себя непонятыми Москвой и оставленными на произвол судьбы. Но влияние Коминтерна на события в Италии было всё же слишком незначительным, чтобы возлагать на него одного всю ответственность за поражение итальянского рабочего движения, которое было порождено прежде всего внутренними итальянскими причинами.

Уже на 3-ем конгрессе Коминтерна некоторые докладчики обратили внимание на разрушительные последствия контрнаступления фашистов. Тон, в котором проводилась дискуссия о фашизме, был относительно трезвым, попытки приукрасить положение почти не предпринимались. В докладе Радека успехи фашистов объяснялись прежде всего тем, что после неудачи захватов фабрик в сентябре 1920 года буржуазия больше не боялась социалистов. СПИ продемонстрировала, что она сама боится борьбы. Это поведение вождей СПИ подорвало решительность итальянского пролетариата в его борьбе за власть и вдохновило фашистов к „дикому походу против рабочих“⁵⁵. Другую причину успехов фашистов руководство Коминтерна усматривало в широкой поддержке фашистов со стороны итальянского государственного аппарата.

Спустя примерно год после начала фашистского контрнаступления, в сентябре 1921 года, итальянский коммунист, взявший себе псевдоним «Ардито Россо»⁵⁶, описывал положение социалистического движения в Италии следующим образом: за несколько месяцев была разрушена вся структура социалистических организации, произошел развал социалистического движения в целом. Многие активные социалисты удалились от политической жизни, а многие перебежали на сторону фашизма. Рабочие оказались без идеологии и без вождей. В 1920 году СПИ была единственной реальной политической силой в Италии; а теперь социалистическое движение утратило всякое влияние⁵⁷.

⁵² См. на эту тему Amendola. *Der Antifaschismus in Italien*. P. 55.

⁵³ Ленин. *Сочинения*. Т. 44. С. 26.

⁵⁴ Там же. С. 29-30; см. также Троцкий. *Пять лет Коминтерна*. С. 219, 230-231.

⁵⁵ *Protokoll des III. Kongresses der Komintern*. P. 450-52.

⁵⁶ *Bulletin des III. Kongresses der Komintern*. Moskau, 1921. P. 18-19.

⁵⁷ *Ardito Rosso, Perspektiven und Lehren der revolutionären Krisis in Italien // Die Kommunistische Internationale*. 1921. Vol. 18. September. P. 114-120.

И вот в рамках Коминтерна развернулась ожесточенная дискуссия о характере фашистского движения. Сначала была предпринята попытка отождествлять фашизм с уже знакомыми контрреволюционными течениями. Фашистов называли «белогвардейцами», а фашистский террор – «белым террором»⁵⁸. Белая гвардия воплощала для большевиков до наступления фашизма наиболее радикальное проявление контрреволюции. Большевикам потребовалось время, прежде чем они поняли, что в лице фашизма они получили качественно нового противника, который мог оказаться намного опаснее, чем были их прежние «белые» противники. Вследствие этого важнейшим вопросом в коминтерновской дискуссии о фашизме был вопрос о том, является ли фашизм инструментом «капитала» и господствующих классов Италии, или же он представляет собой самостоятельную силу с особыми целями, которые не имеют ничего общего с целями властвующей элиты в Италии. Последнего мнения придерживался уже упоминавшийся коммунистический автор Ардито Россо. В сентябре 1921 года он писал, что фашизм представляет собой организацию широких слоев, далеких от капитализма, несмотря на то, что капитализм их поддерживает и организует. Капиталистам удалось организовать активные элементы мелкой буржуазии, хотя сомнительно, что эти силы, вызванные им к жизни, ему удастся надолго удержать под своим контролем. Фашисты развязывают безудержную активность, не обращая внимания на попытки капиталистов удержать её в рамках. Многие коммунисты, пишет Россо, придерживаются мнения, что фашизм в конечном счете является всего лишь инструментом капиталистов, а его кажущаяся независимость – всего лишь обман. Но на самом деле фашисты выражают самостоятельные тенденции, и не желают иметь ничего общего с другими буржуазными партиями. Таким образом, буржуазный блок содержит опасный фашистский элемент, который подрывает его экономическую и политическую структуру⁵⁹.

Антонио Грамши тоже указывал на относительно автономный, сложный и внутренне противоречивый характер фашизма. В августе 1921 года Грамши писал, что, собственно говоря, существуют два вида фашизма. Первый – под руководством Муссолини – является относительно умеренным и стремится к сотрудничеству с социалистами и либеральной христианско-демократической партией (пополари). Фашизм второго рода носит бескомпромиссно-антипролетарский характер и представляет интересы землевладельцев (аграриев)⁶⁰. Эти слова Грамши написал под впечатлением пакта о ненападении, который Муссолини предложил заключить с руководством СПИ в июле 1921 года. То крыло фашистской партии, которое поддерживали крупные землевладельцы, решительно отвергло подобного рода соглашение⁶¹. На фашистском конгрессе в Риме в ноябре

⁵⁸ См. Protokoll des III. Kongresses der Komintern. P. 451; Bulletin des III. Kongresses der Komintern. P. 18-19.

⁵⁹ Ardito Rosso, Perspektiven und Lehren der revolutionären Krisis. P. 120-123.

⁶⁰ Gramsci A. Socialismo e Fascismo. L'Ordine Nuovo 1921-1922. Turin, 1971. P. 297-299.

⁶¹ См. Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 173-173, 181-183.

1921 года Муссолини под давлением крайних антипролетарских группировок вынужден был отказаться от пакта о ненападении с социалистами⁶². Совсем другую точку зрения на характер фашизма чем Грамши и Ардито Россо отстаивало левое большинство в КПИ. От имени этого большинства в ноябре 1921 года выступил Умберто Террачини; фашизм – это состояние насилия буржуазного класса, неотделимое от уже существующих буржуазных партий и не обладающее собственными чертами. Деятельность фашистов в парламенте и в правительстве ничем не будет отличаться от деятельности нормальных буржуазных конституционных партий⁶³.

Эти взгляды имели тяжелые последствия для тактики КПИ в борьбе против фашизма. Так как левое руководство КПИ не желало видеть существенного различия между фашизмом и буржуазной демократией, то и борьбу фашистов за установление единоличной власти в Италии оно считало внутренним делом буржуазного класса. В своей работе «Возникновение группы лидеров коммунистической партии Италии в 1923-1924 годах», опубликованной в 1962 году, Пальмиро Тольятти подвергает резкой критике эту позицию КПИ. Левое руководство КПИ вплоть до прихода к власти фашистов придерживалось мнения, что пролетариат не должен проводить различие между разными группировками буржуазии, борющимися за власть. КПИ в то время оспаривала, что возможен фашистский государственный переворот в собственном смысле слова, так как сущность государства при этом не будет затронута⁶⁴. Даже Антонио Грамши, который во многих вопросах был не согласен с левым руководством КПИ во главе с Бордигой, не видел возможности сотрудничества с либеральным государством в целях приостановки наступления фашистов. И он тоже не стремился что-либо предпринять, чтобы спасти либеральное буржуазное государство. Полный распад буржуазной парламентской демократии в Италии является предпосылкой для революции, заявлял он в январе 1922 года⁶⁵. 2-й конгресс КПИ в Риме в марте 1922 года подтвердил леворадикальный курс. В тезисах, которые он принял, отрицалось качественное различие между буржуазной демократией и фашизмом⁶⁶. В июле 1922 года Террачини сказал в этой связи: Ни одно буржуазное правительство не может вести борьбу против фашизма, ибо оно тогда в скором времени столкнется с подъемом пролетарского рабочего движения, удержать которое можно только

⁶² Ibid. P. 196-199; Lyttelton. The Seizure of Power. P. 73.

⁶³ Terracini U. Der Fasziistenkongreß und der Streik in Rom // Inprekorr. 22.11.1921. Vol. 26. P. 229-230; См. также Thesen der KPI zur Frage der Taktik // Inprekorr. 23.5.1922. Vol. 74. P. 572.

⁶⁴ Idem. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 191-192; см. также Togliatti. Die italienische kommunistische Partei. Frankfurt/Main, 1979. P. 42-43. См. также Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 127-128; Лопухов Б. Фашизм и рабочее движение в Италии 1919-1929 гг. М., 1968. С. 121-122.

⁶⁵ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 105.

⁶⁶ Thesen der KPI zur Frage der Taktik // Inprekorr. 23.5.1922. P. 572; см. также Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Torino, 1967-1969. Vol. 1. P. 181-183; Лопухов. Фашизм и рабочее движение. С. 152-153.

средствами вооруженного фашистского террора⁶⁷. Большинство итальянских коммунистов хотело победить фашизм в одиночку, не идя ни на какие компромиссы с другими итальянскими партиями. Этот пункт стал предметом все усиливающейся полемики между Исполкомом Коминтерна и руководством КПИ⁶⁸. Эти тезисы 2-го съезда КПИ следующим образом характеризовались на пленарном заседании ИККИ в июне 1922 года: «Тезисы итальянского партийного съезда о тактике свидетельствуют о том, что итальянская партия не преодолела "левокоммунистические" заблуждения, отвергнутые 3-им конгрессом. Её позиция по вопросу о едином фронте, который она признает в сфере профсоюзной деятельности, но не одобряет в области политики, свидетельствует о практических опасностях, которые вытекают из теоретических ошибок»⁶⁹. Тольятти пишет (1962), что только относительно незначительное меньшинство в КПИ под руководством Грамши не возражало против сотрудничества с социалистами в борьбе против фашизма⁷⁰. Но до захвата власти фашистами такие взгляды внутри КПИ не получили поддержки. КПИ продолжала говорить о «предательстве» социалистов и призывала рабочих к борьбе как с фашистами, так и с социалистами⁷¹. Тогдашнее поведение коммунистов Таска комментировал впоследствии такими словами: «КПИ призывала к борьбе не на жизнь, а на смерть против фашизма, но на деле она предприняла не больше, чем СПИ. По-настоящему и всерьез коммунисты вели борьбу только против социалистов. Всё остальное было бессильной демагогией»⁷².

В начале октября 1922 года в Италии произошло событие, которое Коминтерн воспринял как подтверждение правильности своей тактики. Максималистское большинство СПИ под руководством Серрати исключило из партии на съезде в Риме правое крыло под руководством Турати, Модильяни и Маттеоти⁷³. Тем самым было выполнено требование Коминтерна двухлетней давности. Новому принятию СПИ в Коминтерн уже ничто не препятствовало. Зиновьев, принадлежавший к тем руководителям Коминтерна, которые не скупались на победоносные сообщения, сразу же после съезда СПИ провозгласил: «Груден и тернист путь итальянского пролетариата, но самое трудное он, кажется, уже преодолел... Лучшие дни для итальянского рабочего движения не заставят себя ждать»⁷⁴. Зиновьев написал эти слова в то время, когда итальянские рабочие организации после двухлетнего фашистского террора были почти разрушены, а вся инфраструктура

⁶⁷ Terracini. Die Ministerkrise in Italien // Inprekorr. 29.7.1922. Vol. 148. P. 949-950.

⁶⁸ См. Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 178-186; Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385-387.

⁶⁹ Radek. Die Resultate der Erweiterten Exekutiv-Sitzung // Inprekorr. 17.6.1922. Vol. 100. P. 712.

⁷⁰ Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 175-80.

⁷¹ Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385-391; Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 244.

⁷² Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 189.

⁷³ Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385; Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 181.

⁷⁴ Zinov'ev. Der Sieg der Kommunistischen Internationale // Inprekorr. Vol. 197. 10.10.1922. P. 1318.

тура итальянского рабочего движения находилась в состоянии распада. Но оптимистическая оценка Зиновьевым положения в Италии ни в коем случае не разделялась всеми членами Коминтерна. Позиция немецкого коммуниста Пауля Бёттхера в вопросе о расколе СПИ, опубликованная в теоретическом органе КПГ «Ди Интернационале» в октябре 1922 года, не содержит особой уверенности в победе. Он описывает безрадостное положение итальянского рабочего движения, его атомизацию и дезинтеграцию: «... Рабочий класс потерял всякое доверие к своим вождям. За короткое время рабочие в массовом порядке вышли из профсоюзов. От двух миллионов членов в 1920 году сейчас осталось приблизительно 700.000. Союз сельскохозяйственных рабочих, насчитывавший в свои лучшие времена 800.000 членов, исчез с лица земли. Состав членов СПИ сократился от 200.000 членов в 1919 году до 65.000 человек»⁷⁵. Не менее пессимистично положение в Италии описывал Троцкий в своей речи 20 октября 1922 года в связи с 5-летием Октябрьской революции: В период с 1921 по 1922 год мы были свидетелями ужасающего отступления рабочего класса под ударами объединенных буржуазных и мелкобуржуазных группировок, которые мстили за тот страх, который буржуазия пережила в сентябрьские дни 1920 года. Фашизм – это неофициальное правительство, которое не связано никакими демократическими нормами. Итак, мы видим, с какими чудовищными трудностями сталкиваются западные коммунисты⁷⁶. Это было одно из первых высказываний Троцкого о фашизме, о той политической силе, изучение и борьба с которой стали впоследствии одной из его жизненных задач. Но ценность этой интересной попытки Троцкого дать определение фашизма снижается тем, что он ставил на одну ступень такое мощное массовое движение как итальянский фашизм с военными организациями вроде «Оргеш» в Германии или роялистами под предводительством Леона Доде во Франции, которые он тоже называл «фашистскими». Сравнивая эти организации с итальянским фашизмом, Троцкий стремился обратить внимание на то, что фашизм – это не чисто итальянское, а общеевропейское явление. Несмотря на эту оговорку можно сказать, что в отличие от Зиновьева, Троцкий правильно понимал масштабы поражения итальянского рабочего движения накануне прихода к власти фашистов⁷⁷.

4. Реакция Коминтерна на поход на Рим

Фашистский государственный переворот в Италии не был для руководства Коминтерна такой неожиданностью, как представляют сегодня некоторые исследо-

⁷⁵ Böttcher P. Ein neuer Sieg der Kommunistischen Internationale. Zur Spaltung der Sozialistischen Partei Italiens // Die Internationale. 1.11.1922. P. 263.

⁷⁶ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 437-438, 454-455.

⁷⁷ Там же. С. 454-455.

ватели фашизма, например, Эрнст Нольте и Вольфганг Шидер⁷⁸. В Коминтерне уже больше года полным ходом шла дискуссия о фашизме. Многие идеологи Коминтерна еще до похода на Рим осознали как силу фашизма, так и его намерение установить в Италии свое единоличное господство. Дискуссия о фашизме, состоявшаяся в Коминтерне после фашистского государственного переворота, явилась продолжением дискуссии, начатой еще в 1921 году. Но вполне понятно, что такое яркое событие, как поход на Рим, способствовало оживлению этой дискуссии. Этому способствовало и открытие 4 конгресса Коминтерна, состоявшееся спустя несколько дней после государственного переворота в Италии. На некоторое время Италия оказалась в центре внимания Коммунистического Интернационала.

Фашистский государственный переворот в Италии поколебал утверждение Ленина от 1921 года о том, что в мире восстановлено некоторое равновесие.

«Капиталистический» мир, дестабилизированный мировой войной и большевистской революцией, тогда только начинал приходить в движение. Панический страх перед революцией привел его к тому, что он отдал себя в руки наиболее радикальных противников марксизма. Радек оценил фашистский государственный переворот как одно из самых тяжелых поражений в истории рабочего движения и как один из величайших успехов в «капиталистическом» контрнаступлении. В своей речи на 4 конгрессе Коминтерна он сказал: «В победе фашизма я вижу не только механическую победу оружия фашистов, но и самое большое поражение, которое потерпел социализм и коммунизм с начала периода мировой революции»⁷⁹. Это поражение было для Радека гораздо более серьезным, чем поражение Венгерской советской республики, так как ответный удар в Италии явился результатом духовного и политического, упадка итальянского рабочего движения⁸⁰. Троцкий тоже видел в фашистском перевороте апогей «капиталистического» контрнаступления, которое началось в Европе с конца 1920 года. На 4 конгрессе Коминтерна он сказал: В Италии за недоведенной до конца революцией последовала доведенная до конца контрреволюция, которая не без успеха восприняла некоторые методы революции. Западная буржуазия, гораздо более дальновидна, чем русская. Ошеломить её так, как это сделали в 1917 году большевики с русской «буржуазией» в 1917 году, чрезвычайно трудно. Европейская буржуазия мобилизует не только свой авангард, но и все свои резервы, чтобы в зародыше задушить все революционные попытки пролетариата⁸¹. Но всё же Троцкий был менее пессимистичен, чем Радек. Свой осторожный оптимизм он обосновывал аналогией между тогдашним положением в Европе и ситуацией в России после неудачной революции 1905 года. В 1905 году русский «пролетариат» так же близко стоял к победе, как и западноевропейский в 1918 и 1920 годах. И

⁷⁸ Nolte E. Theorien über den Faschismus. Köln, 1967. P. 22; Schieder W. Faschismus / Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Freiburg, 1968. Vol. 2 P. 455.

⁷⁹ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 310.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 432-433, 461.

тут и там защитникам существующего порядка удалось одержать верх. Но революция 1905 года до такой степени ослабила царский режим, что его свержение стало неотвратимым. Подобный ход событий Троцкий предсказывал и для Запада⁸².

На 4 конгрессе Коминтерна его руководство подтвердило тактику единого фронта, провозглашенную на 3 конгрессе. Перед лицом «наступления капитала», апогей которого составил фашистский государственный переворот в Италии, эта тактика приобретала особое значение. Согласно мнению Радека, она должна была прежде всего служить для защиты позиций рабочего движения. Европейский пролетариат в тот момент утратил веру в победу, сказал Радек на конгрессе. Вопрос о захвате власти в обозримом будущем не стоит на повестке дня. Сотрудничество со II Интернационалом в конечном счете должно служить целям лучшей организации обороны против наступления «капитала»⁸³. Для большинства членов КПИ эти требования Радека были неприемлемы. Старый спор между руководством Коминтерна и руководством КПИ по вопросам единого фронта на 4 конгрессе Коминтерн разгорелся вновь с неослабевающей силой⁸⁴.

Пессимистическая оценка положения в Италии Радеком и отчасти Троцким разделялась отнюдь не всеми лидерами Коминтерна. В период с 1921 по 1923 год еще ни в коем случае нельзя говорить о единой теории фашизма в Коминтерне. В то время был в наличии целый ряд теорий, которых придерживались различные коммунистические идеологи. В те годы в Коминтерне еще было ярко выражено разнообразие мнений. Даже в организационном ядре Коминтерна велись споры об оценке феномена «фашизм». Одной из тем была оценка фашистского государственного переворота в Италии. Для Ленина, например, это событие вовсе не имело такого эпохального значения как для Радека. В своей речи на 4 конгрессе Коминтерна Ленин упомянул фашистский триумф только несколькими фразами. В его глазах победа фашистов в Италии являлась положительным уроком, преподанным рабочим массам: «Может быть, нам окажут большие услуги, например фашисты в Италии тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены, и что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно»⁸⁵. Сравнение фашистов с черносотенцами – «народным движением», сфабрикованным не в последнюю очередь царской полицией в 1905 году – свидетельствует о том, что Ленину опять изменила его незаурядная политическая интуиция – как и год назад, когда он говорил о восстановлении равновесия в мире. Сравнение фашизма – еще небывалого в истории феномена – с явлением из довоенного времени неизбежно должно было привести к недооценке фашизма. К этому следует добавить, что черные сотни появились в доре-

⁸² Там же. С. 544-546.

⁸³ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 317.

⁸⁴ См. Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385-386; Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 185; Protokoll des IV. Kongresses der Komintern. P. 315.

⁸⁵ Ленин. Сочинения. Т. 45. С. 293; см. также Т. 44. С. 422.

волюционной России, то есть в стране с еще немодернизированной социальной структурой, и вследствие этого едва ли могли иметь точки соприкосновения с фашизмом послевоенного времени. В этом вопросе Троцкий придерживался другой точки зрения. Еще за несколько дней до похода на Рим он характеризовал фашизм как явление, которое не наблюдалось в царской России⁸⁶. На этом месте можно добавить, что Ленин пережил только начало дискуссии о фашизме. Уже в мае 1922 года с ним случился первый приступ, обрекший его в течение пяти месяцев на политическое бездействие.

После короткого периода улучшения между октябрём – декабрём 1922 последовал второй, а в марте 1923 года – третий инсульт, после которого он окончательно остался парализованным. Большевистская партия и Коминтерн вынуждены были проводить дискуссию о фашизме без Ленина. Этот факт имел чрезвычайно важное значение для этой дискуссии. Ленин уже при жизни был провозглашен большевистской партией и мировым коммунистическим движением «классиком марксизма». Правда, с момента возникновения большевистской партии Ленин постоянно был вынужден вести дискуссию с оппозиционными силами, а в определенные моменты даже почти вся партия находилась в «оппозиции» к Ленину. Но благодаря своей способности к логической аргументации, благодаря своей негибкой воле и способности в некоторых ситуациях продолжать борьбу даже в одиночку, Ленин вышел победителем из всех этих схваток. Постепенно он завоевал авторитет последней теоретической инстанции в партии и в Коминтерне. Но так как Ленин очень рано выбыл из рядов участников дискуссии о фашизме, то её пришлось продолжать без этой «последней теоретической инстанции». Тогда впервые началась борьба, затянувшаяся на годы, по вопросу о том, кому теперь должно принадлежать последнее слово в теоретических и политических вопросах, которыми занимались партия и Коминтерн. Споры о преемнике Ленина в период с 1922 по 1929 год, были фоном, на котором разворачивалась дискуссия о фашизме в Коминтерне. Не осветив этого фона трудно понять эту дискуссию⁸⁷. Тот факт, что распределение власти внутри большевистского руководства в период с 1922 по 1928/29 годы оставалось неясным, давал коммунистическим идеологами большой простор для теоретических импровизаций.

Довольно поверхностная позиция Ленина в вопросе о фашизме на 4 конгрессе Коминтерна, которая однозначно недооценивала фашизм, не была характерной для тогдашней дискуссии на данную тему, но она, конечно, неоднократно проявлялась. Тенденция недооценивать фашистскую опасность, которая наблюдалась в Коминтерне до похода на Рим, не исчезла полностью и после фашистского государственного переворота. Наряду с Лениным её представлял еще и Зиновьев, причем в еще более резкой форме. Он полагал, что в исторической перспективе государственный переворот, совершенный Муссолини, – это всего лишь фарс.

⁸⁶ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 454.

⁸⁷ Schieder. Faschismus. P. 454-455.

Его власть не способна продержаться дольше, чем несколько месяцев или лет. А затем пролетариат наверняка разрешит конфликт в свою пользу⁸⁸.

Высмеивание фашистов Зиновьевым напоминает такие же уничижительные замечания, высказанные Марксом по поводу личности Луи Бонапарта и его так называемой «декабрьской банды» в его работе «18 Брюмера Луи Бонапарта»⁸⁹. А между тем Луи Бонапарт принадлежал к первым политикам современности, которые показали, что противники революции иногда гораздо лучше владеют техникой обращения с массами, чем сами революционеры⁹⁰. Большинство марксистов постоянно выражало изумление демагогическими и политическими успехами таких личностей, как Луи Бонапарт или Муссолини, что свидетельствует, как правило, о недостаточном понимании марксистскими теоретиками психологии масс. Они не осознали в такой мере, как некоторые противники революции, что амбивалентность в поведении масс ни в коем случае не исключает одновременного мятежа против авторитета и рабского подчинения ему⁹¹. И из этой амбивалентности массовой психологии многие противники революции извлекли немалую выгоду в 19-ом, и еще более того – в 20-ом веке.

С крайне интересным, и в то же время противоречивым анализом фашистского государственного переворота выступил на 4 конгрессе Коминтерна руководитель делегации КПИ Амадео Бордига. Подобно Радеку и Троцкому он указал на пассивность итальянского рабочего движения в борьбе против фашизма. Итальянские рабочие партии, в том числе КПИ, почти без сопротивления капитулировали перед напором фашизма. Но условия борьбы итальянских рабочих были в высшей степени неблагоприятны, так как фашистов поддерживала мощная коалиция, стремившаяся защитить существующий порядок всеми возможными средствами. Государственный аппарат оказывал фашистам почти безграничную поддержку, крупная буржуазия и крупные землевладельцы щедро финансировали их, а мелкая буржуазия снабжала движение необходимыми солдатами⁹². Бордига критиковал тезис, имевший хождение в Коминтерне, что фашизм – это движение отсталых, немодернизированных слоев итальянского общества, инструмент землевладельцев. Он указывал на то, что фашизм зародился на высокоразвитом промышленном Севере Италии, а не на отсталом Юге: «С самого начала

⁸⁸ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 42.

⁸⁹ Karl Marx, Friedrich Engels. Werke. Berlin, 1959-1968. Vol. 8. P. 111-207.

⁹⁰ См. Taylor A.J.P. Europe: Grandeur and Decline. L., 1974. P. 60-62.

⁹¹ Хотя марксистские теоретики и говорили о противоречивом и иррациональном поведении масс, они считали, что такого рода поведение характерно лишь для мелкобуржуазных слоев. См. Engels, Revolution und Gegenrevolution in Deutschland // MEW. Vol. 8. P. 98-102; Ленин. Сочинения. Т. 41. С. 14-15, 27-28; Zetkin C. Rede auf der Erweiterten Exekutive / Protokoll der Konferenz der Erweiterten Exekutive der Kommunistischen Internationale. Moskau 12.-23. Juni 1923. Hamburg, 1923. P. 210; Trockij. Geschichte der russischen Revolution. Frankfurt/Main, 1973. P. 839. Того факта, что и рабочий класс, и буржуазия могут себя иррационально вести, пренебрегая своими собственными интересами, они, как правило, не учитывали. См. на эту тему Reich W. Massenpsychologie des Faschismus. Köln, 1971. P. 46-48.

⁹² Bordiga, Referat auf dem 4. Kongreß der Komintern / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 337-340.

было ясно, что в Южной Италии не сможет сформироваться фашистское движение, причем по тем же причинам, по которым там не смогло возникнуть влиятельное социалистическое движение. Фашизм появляется не в Южной Италии, а именно там, где больше всего развито пролетарское движение и ярче всего проявляется классовая борьба»⁹³. Это в высшей степени важное указание Бордиги на то, что о фашизме речь может идти только там, где уже сложились высокоразвитые социальные структуры, и прежде всего там, где уже существует сильное социалистическое рабочее движение, в позднейших коминтерновских дискуссиях о фашизме зачастую оставалось без внимания. Главная задача фашизма заключалась, по мнению Бордиги, в защите «буржуазного» государства от социалистического вызова⁹⁴. «Буржуазное» государство в Италии ни в коем случае не было таким слабым, как это казалось в 1919/20 годах, продолжает Бордига. Господствующие слои всё еще располагали значительными средствами власти. Кризис 1919/20 годов в конечном счете охватил лишь традиционные методы управления, которые были недостаточны для борьбы с революционной опасностью. Традиционные политические группировки и партии «буржуазии» не доросли до уровня социалистического вызова. Задача выработать новые политические формы для защиты буржуазного строя выпала на долю фашистов. Для того чтобы объединить все силы господствующего класса под единым руководством, фашисты создали буржуазную партию нового типа. Это явилось самым значительным новшеством, которое они внесли в политическую жизнь Италии⁹⁵.

Понятие «партия нового типа» Бордига наверняка употреблял по аналогии с самодефиницией большевиков, которые называли свою партию «пролетарской партией нового типа»⁹⁶. По мнению Бордиги, «партии нового типа» отличаются от остальных следующими признаками: они концентрируют в своих руках всю исполнительную власть государства, чтобы более эффективно представлять интересы тех классов, которые за ними стоят. Они не терпят рядом с собой никаких других партий, даже тех, что представляют интересы тех же самых классов, что и они. Они выступают от имени того или иного класса в целом, когда власть этого класса оказывается под угрозой. Другими словами, Бордига утверждал, что фашисты будут защищать интересы буржуазии так же решительно и отчаянно, как большевики защищали свою власть в интересах пролетариата. Вследствие этого большевики должны быть готовы к длительной борьбе⁹⁷. Однако трезвая и реалистическая оценка фашистского государственного переворота сочеталась у Бордиги с недооценкой этого события. Вольфганг Шидер определенно неспра-

⁹³ Ibid. P. 336.

⁹⁴ Ibid. P. 337-342.

⁹⁵ Ibid. P. 337-342, 347.

⁹⁶ Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 420; Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 26-27, 540-541.

⁹⁷ Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 341-342, 347, 349. Высказывания Муссолини незадолго до «марша на Рим» подтверждают, что опасения Бордиги были обоснованы: «Мы не можем обещать свободу тем, кто ее использует лишь для того, чтобы нас уничтожить», утверждал фашистский лидер (Mussolini B. Schriften und Reden. Zürich. 1935. Vol. 2. P. 324).

ведлив по отношению к Бордиге, когда он его ставит в один ряд с Зиновьевым, полагая, что Бордига, как и Зиновьев, упрощал проблему фашизма⁹⁸. Изложенная выше часть анализа фашизма, принадлежащая Бордиге, свидетельствует о том, что он ни в коей мере не относится к категории упрощателей. Но верно и то, что его интерпретации фашизма присущи весьма значительные слабости, которые привели его к недооценке фашизма. Дело в том, что Бордига не видел качественной разницы между вновь возникшим фашистским режимом и другими «буржуазными» формами правления. Все они представляли для него различные формы диктатуры «буржуазии»⁹⁹. Фашизм не имеет новых социальных идей, он будет пытаться осуществить традиционную буржуазную программу – правда, новыми политическими методами, говорил Бордига¹⁰⁰. Поэтому он отказывался рассматривать фашистский государственный переворот как качественный скачок. Содержание похода на Рим исчерпывалось для него всего лишь сменой правительства, а не являлось переворотом¹⁰¹.

В этом пункте мнение Бордиги разделял также Умберто Террачини. Сразу же после похода на Рим Террачини сказал, что это событие нельзя рассматривать ни как революцию, ни как государственный переворот¹⁰². В Италии ничего принципиально не изменилось, классовая ситуация осталась прежней. Смысл фашистской акции состоял в восстановлении буржуазной государственной власти. Фашисты еще до захвата власти исполняли функции, делегированные им «буржуазным» государством. Путем захвата власти нелегальные фашистские объединения оказались включенными в государство, и дуализм органов, требовавший больших государственных затрат и порождавший время от времени дисгармонию, был устранен. Состояние, существовавшее в Италии еще до похода на Рим и выражавшееся в сотрудничестве фашистов с консервативными слоями, оказалось наконец легализованным благодаря акции 28 октября 1922 года¹⁰³. Недооценка противоречий между фашистским движением и консервативной элитой Италии, проявленная Бордигой и Террачини, разделялась леворадикальным большинством руководства ИКП¹⁰⁴.

Относительно бескровный характер фашистского государственного переворота и довольно мягкое обращение с оппозиционными партиями, в том числе и коммунистами, со стороны нового фашистского правительства дало новую пита-

⁹⁸ Schieder. Faschismus. P. 455.

⁹⁹ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 341-343.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Ibid. P. 341f., 347.

¹⁰² Terracini U. Die faschistische Revolution // Inprekorr. 11.11.1922. Vol. 217. P. 1543-1544. 14.11.1922. Vol. 218. P. 1551-1553.

¹⁰³ Terracini U. Die faschistische Revolution. P. 1543-1544.

¹⁰⁴ См. Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI; См. также речь Карла Радека на 4-ом конгрессе Коминтерна (Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 310f.); См. также Aqulia G. Der Faschismus an der Macht // Die Kommunistische Internationale. Vol. 24-25. 15.3.1923. P. 62; Clara Zetkin, Rede auf der Erweiterten Exekutive der Komintern / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 204.

тельную почву тезису левого большинства ИКП о том, что фашизм якобы ничего принципиально не изменил в политической жизни страны. Даже такой дальновидный исследователь фашизма как венгерский коммунист Дж. Аквила был удивлен таким ходом развития. В марте 1923 года он писал: «Явлением, которое наверняка многих удивило, была... безобидность фашистской "революции"... Муссолини не только отнесся с уважением к конституционным институтам "старого государства",... но и с самого начала запретил какое бы то ни было насилие по отношению к "красным" рабочим... и если "бескровная революция", как Муссолини охотно называет государственный переворот фашистов, не протекала совсем уж бескровно, она всё же была намного бескровнее, чем можно было ожидать»¹⁰⁵. Идеологи Коминтерна проходили мимо такого обстоятельства как то, что и октябрьская революция протекала относительно бескровно, так как она, подобно походу на Рим, в конечном счете была заключительным актом продолжительного процесса выхолащивания и упадка государственной власти¹⁰⁶. Поход на Рим, как справедливо говорил Террачини, завершал период двоевластия в Италии, во время которого царила неясность относительно распределения политической компетенции в итальянском государстве¹⁰⁷. Но и октябрьская революция завершила восьмимесячную фазу двоевластия в России. Как Ленин, так и Муссолини характеризовали состояние, при котором практически существовали рядом друг с другом два правительства (временное правительство и Советы в России, либеральное правительство и фашистское движение в Италии) как невыносимое и считали, что только захват всей власти их собственной партией может положить конец этому состоянию¹⁰⁸. Как октябрьское восстание большевиков, так и поход на Рим воплощали радикальный разрыв с прошлым. Тот факт, что оба эти государственных переворота протекали относительно гладко, не снижает их эпохального значения. Левое крыло КПИ не хотело признать за фашистским государственным переворотом такого значения. В этом оно было единодушно с мировой общественностью. Как либеральные, так и консервативные силы западного мира вовсе не видели в фашизме такого вызова, который по степени опасности сравним с большевизмом¹⁰⁹. Идею интервенции, крестового похода против

¹⁰⁵ Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 71. См. также речь Бордиги на 5-ом конгрессе Коминтерна (Protokoll. Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1925. Vol. 2. P. 723.)

¹⁰⁶ См. Flechtheim O. Die Kommunistische Partei Deutschlands in der Weimarer Republik. Frankfurt/Main, 1969. P. 182; Trockij. Geschichte der russischen Revolution; Suchanow N. 1917. Tagebuch der russischen Revolution. München, 1967.

¹⁰⁷ Terracini. Die faschistische Revolution / Inprekorr. 11.11.1922. Vol. 217. P. 1543-1544, 14.11.1922. Vol. 218. P. 1551-1533ff. О «двоевластии», царившем в Италии в предверие «Марша на Рим», говорит также советский историк Борис Лопухов (Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 43).

¹⁰⁸ Ленин. Сочинения. Т. 32. С. 267; Mussolini. Opera. Vol. 16. P. 212f.; О такого рода параллелях говорил в начале 1930-х года также и немецкий правовед Hermann Heller (Europa und der Faschismus. Berlin, 1931. P. 43).

¹⁰⁹ См. Cassels A. Mussolini's Early Diplomacy. Princeton N.J., 1970. P. 10-12; Nolte E. Die faschistischen Bewegungen. Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschisten. München,

фашистского режима в Италии, сравнимую с идеей крестового похода против большевизма, в тогдашней Европе невозможно было представить¹¹⁰. Сопrotивление против фашистской диктатуры внутри Италии было меньше, чем сопротивление против большевистского режима в России. Таким образом фашисты, в отличие от большевиков, не были вынуждены вести ожесточенную борьбу за сохранение своей власти сразу после её захвата. И поэтому радикализация фашистской диктатуры протекала намного медленнее, чем большевистской¹¹¹. Так что многие наблюдатели, в том числе и представители левой фракции КПИ, не могли правильно оценить истинное значение того перелома, который представлял собой поход на Рим¹¹². Но такое безобидное отношение к фашистскому государственному перевороту было всё же отнюдь не преобладающим в Коминтерне в период с 1921 по 1923 год.

Непосредственно после похода на Рим некоторые теоретики Коминтерна сразу поняли, какую притягательную силу должно иметь это событие для всех антимарксистских сил в Европе. В своей речи на 4 конгрессе Зиновьев сказал, что у него нет никаких сомнений в том, что пример итальянского фашизма повлечет за собой сходные явления в Германии и возможно во всей Восточной и Средней Европе. Не исключено, что скоро во всей Восточной Европе Коминтерну придется столкнуться с целым рядом государственных переворотов, носящих более или менее фашистский характер. Вследствие этого для коммунистических партий данных стран может начаться период нелегальности, к которому коммунистам надо начинать готовиться уже сейчас¹¹³. Еще более тревожным было предостережение немецкого коммуниста А. Якобсена, который 15 ноября 1922 года писал в центральном органе КПГ «Ди Интернационале»; «несмотря на то, что у фашизма много специфически итальянских черт, по своей сущности он интернационален»¹¹⁴.

Якобсен особо указал на возможность роста немецкого фашизма: «То, что национал-социалист Гитлер способен собрать под своим знаменем тысячи рабочих и вынудить под давлением стоящих за его спиной масс к отставке Лерхенфельда (баварского премьер-министра – Л.Л.), является предостережением... КПГ должна учесть этот сигнал идеологической перестройки широких слоев мелкой буржуазии и пролетариата, иначе ей придется внезапно, без подготовки, столкнуться

1966. P. 77ff.; Gregor, *The Ideology of Fascism*. P. 376-380; Michels R. *Sozialismus und Fascismus in Italien*. München, 1925. Vol. 2. P. 316.

¹¹⁰ Cassels. *Mussolini's Early Diplomacy*. P. 10ff., 17; Nolte. *Die faschistischen Bewegungen*. P. 77-78, 82-84; Необходимо, однако, подчеркнуть, что некоторые европейские мыслители довольно рано осознали, что фашизм является для парламентской демократии не меньшей угрозой чем большевизм. К такого рода мыслителям принадлежал немецкий социолог Альфред Вебер. Weber Alfred. *Die Krise des modernen Staatsgedanken in Europa*. Stuttgart, 1925. P. 120-121.

¹¹¹ См. на эту тему интервью, которое немецкий журналист Эмиль Людвиг провел с Муссолини в 1932 году. Ludwig E. *Mussolinis Gespräche*. Berlin, 1932. P. 100-101.

¹¹² См. На эту тему Michels R. *Sozialismus und Fascismus in Italien*. Vol. 2. P. 316.

¹¹³ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 57.

¹¹⁴ Jacobsen A. *Der Faschismus // Die Internationale*. 15.11.1922. P. 304.

с движением, опасность которого сегодня едва ли можно оценить по достоинству»¹¹⁵. Как справедливо заметил Джон Кэммет, коммунистические теоретики были одними из первых, указавшими на международный характер фашизма¹¹⁶. Но это понимание, однако, было связано с тенденцией видеть «фашизм» почти во всех «капиталистических» странах, вследствие чего изначальное истолкование международной сущности фашизма значительно снижалось. Правда, в 1921-1923 годах эта тенденция еще не была в Коминтерне преобладающей, но она, вне всякого сомнения, существовала. Как пример такой тенденции можно привести резолюцию 4-го Конгресса Коминтерна о фашизме. В этой резолюции итальянский фашизм характеризуется как «классический фашизм» и содержится указание на то, что опасность фашизма существует во многих странах, например, в Чехословакии, в Венгрии, на Балканах, в Германии, Англии, Франции и в Соединенных Штатах¹¹⁷.

Итальянский фашизм и возможное следование его примеру со стороны антимарксистских сил в других европейских странах большевистские вожди рассматривали как опасность, которая в конечном счете затрагивала западный пролетариат. Для Советской России они не видели в нем никакой угрозы. Большевистские вожди считали внешнеполитическое положение советского государства к моменту фашистского переворота как никогда прочным. В своей речи по поводу пятой годовщины Октябрьской революции Троцкий характеризовал только что произошедшую отставку Ллойд Джорджа в Лондоне как любезный подарок европейской «буржуазии» к пятилетию существования советского государства. Правительство Ллойд Джорджа было единственным европейским правительством, простоявшим у власти дольше, чем советское. А разве не считали противники большевиков наименее стабильным именно советское правительство, иронически спрашивал Троцкий¹¹⁸. 31 октября 1922 года Ленин отмечал как победу советской внешней политики тот факт, что советская делегация должна была участвовать в мирной конференции держав-победительниц и Турции в Лозанне¹¹⁹. Это была первая мирная конференция, посвященная новому порядку в Европе после войны, которая должна была проходить при участии советской делегации. Эта ускорившаяся нормализация отношений между советской Россией и Западом должна была, по мнению Троцкого, в ближайшем будущем проходить еще быстрее. В конце октября 1922 года Троцкий обосновал эту надежду предсказанием, что в главных странах-победительницах – в Англии и во Франции – к власти должно вскоре прийти «примиренческое» крыло «буржуазии». Для обеих этих стран Троцкий предсказал коалиционные правительства социал-демократов и либералов. От этих правительств, которые он сравнивал с правительством Керен-

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ Cammett J.M. Communist Theories of Fascism // Science and Society. 1967. Vol. XXXI. P. 157.

¹¹⁷ Resolution über den Faschismus auf dem 4. Kongreß der Komintern // Inprekorr. 19.12.1922. Vol. 240. P. 1807.

¹¹⁸ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 453; см. также Чичерин. Статьи и речи. С. 233-234.

¹¹⁹ Ленин. Сочинения. Т. 45. С. 245-246.

ского в России, он ожидал еще больших уступок Советской России. Это смещение влево в Англии и во Франции с точки зрения Троцкого в определенном смысле уравновешивало поворот вправо, осуществившийся в Италии в результате победы фашизма¹²⁰.

Однако даже в фашистской Италии советское руководство обнаружило тенденцию к нормализации отношений с Советской Россией, которую оно безоговорочно приветствовало. Представитель советского правительства в Риме, Воровский, сообщал о разговоре, который состоялся 15 ноября 1922 года между ним и Муссолини. В нём Муссолини намекнул на свое намерение сблизиться с Советским Союзом. Он сказал, что советское правительство является сильным, и все разговоры о его свержении бессмысленны. Италия собирается действовать на основе реальных интересов, а не под влиянием гуманистических чувств. Из этих соображений Италия может признать советское правительство де-юре. Воровский полагал, что Муссолини способен на такое признание. При этом решающее значение для Воровского имело наверняка то, что Муссолини как диктатор с большей лёгкостью мог противостоять давлению итальянского общественного мнения, чем парламентское правительство. Разумеется, Муссолини признает советское правительство не просто так. Он потребует за это торговые привилегии и другие экономические уступки. Но эти уступки, несомненно, окупятся для советского государства, заключал Воровский свой доклад¹²¹. Главный редактор *Известий*, Стеклов, тоже выдвигал в своей статье от 26 ноября 1922 года тезис о том, что Муссолини будет стремиться к нормализации отношений с Советской Россией: «Как представитель крайней буржуазной реакции Муссолини, конечно, не может питать особой симпатии к рабоче-крестьянскому правительству России. Но в данном случае он должен руководствоваться национальными соображениями. Итальянская буржуазия, находясь под угрозой внутренней и внешней опасности, естественно стремится как укрепить свое положение внутри страны, так и расширить сферу влияния итальянского капитала за ее пределами... И если во внутренней политике Муссолини еще может поддаваться воздействию политического романтизма, то в вопросах внешней политики он должен быть гораздо большим реалистом, чем глава любого прежнего буржуазного правительства в Италии, могущего опереться на государственные "традиции", в то время как на стороне Муссолини нет такого рода традиций. И этот реализм вынуждает его, несмотря на всю агрессивность, действовать в международных вопросах относительно осторожно. Итальянский капитал надеется найти в Советской России весьма выгодную сферу сбыта. И Муссолини, жадно ищущий источники такого рода, чтобы укрепить свое политическое влияние, конечно же обращает свои взоры на советскую федерацию»¹²².

¹²⁰ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 454, 498-499.

¹²¹ Документы внешней политики СССР. М., 1961-1973. Т. 5. С. 688-689.

¹²² Inprekorr. 28.12.1923. Vol. 180/181. P. 1526.

Исходя из этого можно сделать обобщение, что фашистский государственный переворот ничуть не поколебал убеждение советского руководства в прочной позиции советского государства в мире.

5. Анализ тактики, структуры и идеологии правоэкстремистских массовых движений Коминтерном после похода на Рим

Мобилизация масс фашизмом

Уже до похода на Рим некоторые теоретики Коминтерна указывали на то, что фашистские методы борьбы сильно отличаются от методов, присущих традиционным «буржуазным» противникам рабочего движения.

Вследствие «похода на Рим» анализу этих методов борьбы уделялось, естественным образом, еще большее внимание. Радек, Аквила, Клара Цеткин и другие идеологи Коминтерна усиленно подчеркивали, что фашизм представляет собой принципиально новую форму «контрреволюции», которая резко отличается от всех прежних. Аквила предостерегал от обобщения понятия «фашизм»: «Слово (фашизм – Л.Л.) сегодня стало слишком модным, им злоупотребляют. С его помощью характеризуют все контрреволюционные тенденции и движения, не вникая в сущность фашизма»¹²³.

Клара Цеткин, в свою очередь, возражала против приравнивания таких консервативных диктатур, как диктатура Хорти в Венгрии, к фашизму: «...несмотря на то, что кровавые, террористические методы фашизма и режима Хорти одни и те же, историческая суть обоих явлений чрезвычайно различна»¹²⁴. Для многих теоретиков Коминтерна новое в фашизме заключалось прежде всего в его способности обращаться с массами, умении мобилизовать их для достижения собственных целей¹²⁵.

Уже упомянутый немецкий коммунист Якобсен говорил в ноябре 1922 года: «Надо подчеркнуть, что на сегодняшний день фашизм ни в коем случае не является движением, носителем которого выступают лишь буржуазные элементы и люмпен-пролетариат. Его фундамент составляют широкие слои крестьянства и мелкой буржуазии, а также рабочих, идеология которых носит мелкобуржуазно-синдикалистский характер»¹²⁶. Другой коммунистический автор в то же самое время писал: «Из организации крупной буржуазии, которая оплачивала наемни-

¹²³ Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 62.

¹²⁴ Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 204.

¹²⁵ Понятие «The new european right» (The European Right / Ed. E. Weber. Univ. Calif. Press, 1965), которым пользуются современные исследователи фашизма, не отличается, в принципе, от понятия «новая форма контрреволюции», которое теоретики Коминтерна употребляли для определения характера итальянского фашизма.

¹²⁶ Jacobsen. Der Faschismus. P. 302.

ков для "усмирения" подёнщиков и рабочих, партия фашистов все больше превращается в демократическую массовую организацию»¹²⁷.

Тезис итальянского историка Ренцо де Феличе о мобилизующем эффекте фашизма, достигнутом в массах, встретил серьезное сопротивление со стороны итальянских историков-марксистов в последние годы¹²⁸. Некоторые теоретики Коминтерна пришли, однако, к такому же выводу на многие десятилетия раньше. Для них чрезвычайная опасность итальянского фашизма заключалась в том, что он апеллировал к тем же слоям населения, в которых видели свой потенциал и коммунисты¹²⁹. Некоторые идеологи Коминтерна полагали, что эти слои отчасти добровольно присоединились к фашистскому движению. Фашисты импонировали им своей сплоченностью и энергией. Эти качества бесполезно было искать у итальянских социалистов и коммунистов, и поэтому данные слои в разочаровании отвернулись от них, утверждали некоторые идеологи Коминтерна. По мнению Радека, фашисты проявляли «непоколебимую волю к власти». Они утверждали, что социализм обанкротился, так как он неспособен внести ничего нового в политическую жизнь Италии. И если сейчас фашизм без малейшего сопротивления победил рабочих, продолжал Радек, то это означает, что итальянское рабочее движение достигло самого низшего пункта в своем развитии¹³⁰.

Подражание большевистским методам со стороны фашистов

Коммунисты с удивлением констатировали, что итальянские фашисты в своей борьбе за власть переняли многие большевистские методы. 1 ноября 1922 года коммунистический автор с инициалами П.О.-и. писал по этому поводу: «Фашисты разделили всё население Италии на три группы: первая – нейтралы, они сидят, как правило дома, и ни во что не вмешиваются; вторая – симпатизирующие, эти должны активно участвовать в борьбе; третья группа – противники, у них не должно быть никаких прав, и их необходимо преследовать. Не заключено ли в этом нечто такое, что напоминает большевизм, особенно в периоды обострения революционной ситуации? И в самом деле, фашизм и большевизм используют одинаковые методы борьбы. Обоим безразлично, является ли то или иное дейст-

¹²⁷ Р. О-и, *Der Faschismus // Die kommunistische Internationale*. 1.11.1922. P. 99. См. также Aquila G. *Der Faschismus in Italien*. Hamburg, 1923. P. 8; Clara Zetkin / *Protokoll des 3. Plenums des EKKI*. P. 205)

¹²⁸ См. Petersen J. *Zum Stand der Faschismuskussion in Italien / De Felice*. *Der Faschismus*. P. 114-144; Ledeen M. *Renzo De Felice and the Controversy over Italian Fascism // Journal of Contemporary History*. 1976. October. Vol. 11. Nr. 4. P. 269-283; Thamer H.-U. *Ansichten des Faschismus // Neue Politische Literatur*. 1977. P. 18-35; Gregor A.J. *Professor Renzo De Felice and the Fascist Phenomenon // World Politics*. 1977. P. 436-438.

¹²⁹ См. Карл Радек // *Protokoll des 4. Kongresses der Komintern*. P. 310-314; Он же. *Die internationale Lage, das Abflauen der kapitalistischen Offensive und die Aufgaben der Kommunistischen Internationale // Die Kommunistische Internationale*. 15.8.1923. P. 36-38; Jacobsen. *Der Faschismus*. P. 302-303.

¹³⁰ Радек / *Protokoll des 4. Kongresses der Komintern*. P. 310-314. См. также Clara Zetkin / *Protokoll des 3. Plenums des EKKI*. P. 209.

вие законным или незаконным, демократическим или недемократическим, справедливым или несправедливым. Они напрямик идут к цели, топчут ногами законы, сносят все границы и подчиняют всё своей задаче. Из этого, конечно же, не следует, что фашизм просто подражает нашим методам. Несомненно, что многие новшества введенные русскими большевиками, как бактерии, носятся в воздухе, и им непроизвольно подражают худшие враги России»¹³¹. В таком же смысле высказывался и Бухарин в своей речи на 12 съезде большевистской партии в апреле 1923 года: «Для методов борьбы фашистов характерно, что они больше какой-либо другой партии использовали в своих интересах опыт русской революции. Если рассматривать их с формальной точки зрения, то есть, с точки зрения техники их политической деятельности, то у них можно обнаружить точную копию большевистской тактики, например, быстрюю концентрацию сил, создание мощной военной организации, беспощадное уничтожение противника, если это необходимо и если того требуют обстоятельства»¹³². Хотя некоторые большевики и признавали, что их тактика послужила образцом для фашизма, они отвергали, тем не менее, какую бы то ни было ответственность за зарождение фашизма. Детонатором беспримерного в новейшей европейской истории разгула фашизма они считали мировую войну¹³³. На «капиталистические» правительства, виновные в развязывании мировой войны, они возлагали и ответственность за подъем фашизма. Клара Цеткин полемизировала с социал-демократами, которые пытались возложить часть вины за зарождение фашизма на коммунистов: «Для них (социал-демократов) фашизм является террором, насилием, причем именно буржуазным отражением насилия, которое исходило от пролетариата против буржуазного общества... Для господ реформистов русская революция играет ту же роль, что и вкушение запретного плода в раю для верующих в Библию. Она рассматривается как исходный пункт всех террористических явлений современности. Как будто не было разбойничьей империалистической, войны и не существует классовой диктатуры буржуазии!»¹³⁴. Ленин говорил, в свою очередь, о наивности европейских правительств, которые надеялись, что война, в которой они повинны, пройдет для них безнаказанно¹³⁵.

Утрата контроля над происходящим – это и есть наказание за близорукость зачинщиков мировой войны¹³⁶. Эту отчасти справедливую аргументацию большевиков можно обвинить в некоторой непоследовательности. Методы, которые

¹³¹ P.-O.i. Der Fascismus. P. 98; См. также Bordiga // Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 347.

¹³² Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 273. Также и многие социал-демократы говорили о сходствах между тактикой большевиков и фашистов. См. передовую статью «Фашистская контрреволюция // Социалистический вестник. 21.11.1922; Слуцкий Б. Фашизм // Социалистический вестник. 23.7.1923.

¹³³ См. Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 83-84; Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 206.

¹³⁴ Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 206.

¹³⁵ Ленин. Сочинения. Т. 26. С. 237, Т. 30. С. 136, Т. 37. С. 74-75.

¹³⁶ Там же. Т. 37. С. 74-75, Т. 31. С. 11.

большевики применяли во время русской революции и гражданской войны, придали эскалации насилия, развязанной мировой войной, качественно новые моменты. Было наивно и близоруко верить в то, что эта новая ступень в эскалации насилия не повлечет тяжелых последствий для своих же собственных зачинателей. Но так же, как зачинатели первой мировой войны с неизбежностью потеряли контроль над ими же самими порожденными процессами, так и большевики не могли надолго удержать под контролем процессы, ими самими вызванные к жизни. Появление итальянского фашизма не в последнюю очередь являлось следствием процессов, непреднамеренно развязанных большевиками. Фашистские карательные экспедиции были новой ступенью в развитии процесса эскалации насилия, начавшегося в 1914 году. Ответственность за возникновение фашистского движения несли как зачинатели первой мировой войны, так и зачинатели большевистской революции.

Вторая параллель между тактикой большевиков и правых экстремистов заключалась в их установке по отношению к так называемой «буржуазной» или «формальной» легальности, которую оба движения отвергали. По этой причине унижения, которым итальянский парламент подвергался со стороны фашистов после похода на Рим, вызвали у некоторых лидеров Коминтерна даже удовлетворение. В декабре 1922 года Троцкий говорил, что фашистский государственный переворот показал европейскому пролетариату, как мало можно полагаться на принципы и нормы «буржуазной» демократии, если обостряется классовая борьба. Италия – это культурная нация, с демократическими традициями, со всеобщим избирательным правом, и т.д. И всё же итальянская буржуазия, почувствовав угрозу со стороны пролетариата, не раздумывая связала себя с фашизмом, который публично насмехался над парламентаризмом¹³⁷. В своем докладе на 4 конгрессе Коминтерна Зиновьев тоже считал, что события в Италии чудовищно дискредитировали «буржуазную» демократию, которая капитулировала перед фашизмом¹³⁸. Здесь следует заметить, что то, как сами большевики изначально издевались над «формальной» легальностью, не намного отличалось от того, что делали фашисты. Троцкий, например, говорил в 1921 году: «Мы подчиняемся капиталистической легальности... но каким образом? Лишь в той степени, в какой мы к этому принуждены. В то же время мы смеемся над буржуазной легальностью и создаем нелегальные органы для её разрушения»¹³⁹. Способ, посредством которого большевики расправились с избранным в ноябре 1917-го года и созванном в январе 1918 года Учредительным собранием, с его подавляющим небольшевистским большинством, ненамного отличается от обращения Муссолини с итальянским парламентом. Разница была лишь в том, что Муссолини лишал парламент его ав-

¹³⁷ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 556-557.

¹³⁸ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 57. См. на эту тему также Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 171. Poulantzas, N. Faschismus und Diktatur. Die Kommunistische Internationale und der Faschismus. München, 1973. P. 358.

¹³⁹ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 219-220.

торитета постепенно, а большевики разогнали Учредительное собрание медленно¹⁴⁰. На параллели в поведении большевиков и фашистов в отношении их парламентов указал сам Троцкий непосредственно после похода на Рим: «Муссолини является уроком, преподанным Европе в отношении демократии, её принципов и методов. В некоторых отношениях этот урок аналогичен – конечно, как противоположная крайность – тому, который мы преподали Европе в начале 1918 года, разогнав Учредительное собрание»¹⁴¹.

Большевистская установка по отношению к «буржуазной» легальности сначала была взята на вооружение западными коммунистами. Но им это, особенно в Италии и в Германии, никаких особых успехов не принесло. Итальянские фашисты и национал-социалисты однозначно превосходили коммунистов на поприще борьбы нелегальными средствами, они их применяли эффективнее и более умело. Хотя они порывали с существующей правовой системой не менее радикально чем коммунисты, они в то же время подчеркивали, что ведут свою борьбу, применяя даже нелегальные средства, только ради восстановления порядка и власти и для восстановления мощи нации. Это применение насилия с «конструктивными» целями фашистские и национал-социалистские вожди называли оправданной реакцией на применение насилия слева, которое, по их мнению, влекло за собой лишь анархию и разрушение. Муссолини говорил в ноябре 1920-го года: «После социалистического экстремизма фашизм возник как логическая, справедливая, ... ответная карательная мера. Фашизм ответил насилием на насилие»¹⁴². На своем мюнхенском процессе в феврале 1924 года Гитлер, в свою очередь, назвал самого себя вождем революции против революции¹⁴³.

Но, как уже говорилось, не одни только фашисты и национал-социалисты видели качественное различие в применении насилия справа и слева. К этому воззрению присоединились и многие влиятельные представители консервативных группировок в Италии и в Германии, которые гораздо более решительно вели борьбу с применением насилия слева, чем справа. Ввиду такого положения нелегальная борьба итальянских и немецких коммунистов едва ли могла иметь шансы на успех. Антонио Грамши предостерегал рабочие партии от попытки конкурировать с правыми экстремистами в применении нелегальных средств борьбы: «В политической борьбе никогда нельзя подражать методам борьбы господствующего класса... Полагать, что нелегальной активности господствующих элит можно противопоставить другую сходную активность со стороны рабочего класса, совершенно необоснованно... Класс, который ежедневно в одно и то же время должен быть на работе, не может иметь специализированных постоянных штур-

¹⁴⁰ Miljukov P. Rußlands Zusammenbruch. Stuttgart, 1925-26. Vol. 1. P. 50-51; Чернов В. Перед бурей. Воспоминания. Нью Йорк, 1953. С. 356-366.

¹⁴¹ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 556.

¹⁴² Mussolini. Schriften und Reden. Vol. 2. P. 113; см. также p. 302.

¹⁴³ Adolf Hitlers Reden / Ed. E. Voeppele. München, 1934. P. 110. Интересное психологическое объяснение такого поведения правых экстремистов можно найти в статье психолога Henry Lowenfelda (Zur Psychologie des Faschismus // Psyche. 1977. Vol. 6. P. 570).

мовых организаций подобно классу, располагающему намного превосходящими финансовыми средствами, и все члены которого не связаны постоянным трудом»¹⁴⁴.

«Мелкобуржуазная» идеология фашизма

С самого начала дискуссии о фашизме в Коминтерне, как уже говорилось, можно констатировать наличие противоречия между двумя различными основными позициями, принципиально по-разному определявшими характер фашизма. В первом случае речь идет о тенденции упрощенно видеть в фашизме только инструмент «капитала», лишенный какой бы то ни было самостоятельности. Вторая отдает должное сложности такого явления как «фашизм». Автономность правоэкстремистских массовых движений для неё является самоочевидной. Эта автономность объясняется тем, что фашизм представляет собой движение «мелкой буржуазии», интересы которой никак не совпадают с целями «крупного капитала»¹⁴⁵. Однако и представители теории о «мелкобуржуазном» характере фашизма проявляли склонность к его недооценке. Уже само понятие «мелкобуржуазный» предполагает такого рода недооценку. Марксистская идеология определяет мелкую буржуазию как класс, который восприимчив к иллюзиям, нестабилен и склонен к шатаниям. Сторонники теории о «мелкобуржуазном» характере фашизма в большинстве своем придерживались марксистского тезиса о разделении общества на буржуазию и пролетариат. И только эти два класса определяли для них по-настоящему классовую борьбу. Любая политическая группировка со временем должна присоединиться либо к пролетарскому, либо к буржуазному лагерю. Независимые выступления фашистов – это лишь преходящее явление. Скоро сами они должны понять, что их независимость в значительной мере существует только в воображении¹⁴⁶. Клара Цеткин, Карл Радек, Джулио Аквила и другие теоретики Коминтерна, по достоинству учитывавшие революционную динамику, сложную структуру и тактическую новизну правоэкстремистских массовых движений, утрачивали всю свою аналитическую остроту, когда речь заходила о «мелкобуржуазной» идеологии фашизма. Эта идеология рассматривалась ими

¹⁴⁴ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 343.

¹⁴⁵ См. Карл Радек / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 311-313; он же. Die internationale Lage. P. 36-38; Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 209-211; Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 108-110. О мелкобуржуазном характере правоэкстремистских движений говорят также и многие некоммунистические исследователи фашизма. См. Löwenthal P. (Paul Sering). Der Faschismus // Zeitschrift für Sozialismus. 1935. September/Oktobre. Vol. 24/25. P. 784; Faschismus als soziale Bewegung. Deutschland und Italien im Vergleich / Ed. W. Schieder. Hamburg, 1976. P. 18; Linz J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism // Fascism: A Readers' Guide. Analysis. Interpretations. Bibliography / Ed. W. Laqueur. Berkeley, 1976.

¹⁴⁶ См. Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 224; Radek. Der internationale Faschismus und die Kommunistische Internationale // Inprekorr. 9.7.1923. P. 1013.

как беспорядочное и бессмысленное создание. И как следствие она не заслуживала серьезного анализа¹⁴⁷.

Большевицкий теоретик Н.Иорданский относился к немногочисленным идеологам Коминтерна, которые возражали против столь упрощенного тезиса. В 1923 году он предпринял одну из первых попыток в рамках Коминтерна серьезно исследовать фашистскую идеологию, опубликовав статью «Судьбы фашизма». Иорданский утверждал, что фашизм вне всякого сомнения обладает самостоятельной идеологией, которая не только оправдывает существующую систему, но и провозглашает новые принципы. Идеологически фашизм имеет наступательный характер, он пытается обратить массы в свою веру и считает себя творцом новых истин. Согласно Иорданскому, идеология фашизма заключается в первую очередь в борьбе «деревни», «провинции» против «декадентского» города. Духовным предтечей фашизма Иорданский считал Освальда Шпенглера с его учением о закате западной цивилизации и необходимости обновления европейской культуры теми слоями, которые мало связаны с «упадочным» мировым городом. Фашистская идеология, по мнению Иорданского, несет на себе отпечаток крестьянских и мелкобуржуазных сторонников этого течения. Для этих масс населения парламент представляется местом бесполезных, абстрактных дискуссий, учреждением, в котором борются друг с другом непримиримо противоречивые интересы, из-за чего парламент становится неспособным к принятию решений. Новая фашистская диктатура воплощала для этих масс форму правления, способную быстро принимать решения и покончить с бесполезными парламентскими дискуссиями. Массы также питали надежду, что фашизм сможет сломать власть изживших себя бюрократических каст и обновить государственный аппарат за счет привлечения новых «маленьких» людей¹⁴⁸. Этот в высшей степени интересный анализ фашистской идеологии в определенной степени предвосхищал распространенную в современной западной историографии теорию фашизма как движения, воплощавшего в себе страх перед «декадансом» и модернизацией¹⁴⁹. Но тезисы Иорданского не имели заметных последствий для дальнейшей разработки теории фашизма в Коминтерне. Теоретики, которые либо „изображали фашистскую идеологию как олицетворение абсурда либо вовсе отрицали её суще-

¹⁴⁷ См. Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 210; Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 341; Radek. Der nahe Bankrott der deutschen Bourgeoisie // Inprekorr. 3.8.1923. Vol. 128. P. 117. О недооценке самостоятельного характера фашистской идеологии пишет исследователь итальянского фашизма А. James Gregor (The Ideology of Fascism. The rationale of totalitarianism. N.Y., 1969. P. 10-12).

¹⁴⁸ Иорданский Н. Судьбы фашизма/Мещеряков Н. Мировой фашизм. Сборник. М.-Петроград, 1923. С. 69-93. Однако и в анализе Иорданского можно найти ряд ошибочных постулатов. Он считал например крестьянство важнейшей социальной базой фашизма (с. 90-93), что, как известно, не соответствовало фактам.

¹⁴⁹ См. Turner H.J. Jr., Fascism and Modernization // World Politics. 1972. P. 547-564; Fest, J.C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1973. P. 129-131; Alff W. Der Begriff des Faschismus und andere Ansätze zur Zeitgeschichte. Frankfurt/Main, 1971. С. 45-50.

ствование, даже в самую плодотворную фазу развития теории фашизма в Коминтерне преобладали¹⁵⁰.

Величайшей иллюзией фашистской идеологии в Коминтерне считали идею классовой гармонии. Пока не уничтожена частная собственность, социалистическая революция не изменила общество коренным образом, любой отказ от классовой борьбы служил, по их мнению, лишь укреплению существующей «капиталистической» системы. И поэтому те фашисты, которые искренне верят в классовую гармонию, в конце концов являются лишь инструментом капитала. В своем докладе на 3-ем пленуме ИККИ Клара Цеткин сказала: «Классовые противоречия более сильны, чем все отрицающие их идеологи, и эти противоречия прокладывают себе дорогу несмотря на фашизм, именно благодаря фашизму и против него»¹⁵¹. Когда коммунистические теоретики говорили о «мощных классовых противоречиях» в западном обществе, они в принципе переоценивали остроту социального конфликта на Западе. Поэтому для них зачастую оставались непонятными причины популярности идеи классовой гармонии в отдельных западных странах. Завышенная оценка интенсивности социального конфликта была наверняка связана с тем, что большевики, а заодно и многие западные коммунисты, находившиеся под их влиянием, переносили на Запад специфический опыт предреволюционной России. Из-за нерешенности аграрного вопроса и культурной пропасти между европеизированными высшими слоями и народными массами низшие слои русского общества были в 1917 году в высшей степени восприимчивы к идее гражданской войны. Западное же общество, как справедливо указывали например, Николай Бердяев и Франц Боркенау¹⁵², наоборот, было гораздо более однородным, чем русское; поэтому здесь классовая борьба не приняла форму тотального отрицания высших слоев общества низшими, как это случилось в России. Кроме того, опыт русской гражданской войны в период с 1917 по 1921 год устрашающе воздействовал на западное общество¹⁵³; это в немалой степени способствовало популярности идеи сотрудничества между различными классами. Большевики и большинство западных коммунистов в недостаточной степени поняли эту тенденцию, в то время как фашисты и национал-социалисты очень ловко использовали её.

¹⁵⁰ Недооценку самостоятельности фашистской идеологии коммунистическими теоретиками критикует современный советский исследователь фашизма Александр Галкин (Германский фашизм. М., 1967. С. 297-298).

¹⁵¹ Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 224. См. Также Radek. Die internationale Lage. P. 28; Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 9.

¹⁵² Berdjaev Nikolaj. Das Neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Russlands und Europas. Tübingen, 1950. P. 80; Borkenau F. The Communist International. L., 1938. P. 421.

¹⁵³ См. Borkenau. The Communist International. P. 421; Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 118, 139, 140; Geyer D. Sowjetrußland und die Deutsche Arbeiterbewegung 1918-1932 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1976. P. 10-11; Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Zürich, 1936. P. 74.

«Прогрессивный» и «реакционный» фашизм

Коммунистические теоретики не умалчивали того факта, что многие фашисты имеют социалистическое прошлое¹⁵⁴. Их ренегатство они пытались объяснить тем, что речь шла, как правило, о бывших анархистах и синдикалистах¹⁵⁵. Отношение коммунистов к синдикалистам и анархистам всегда было скептическим. Их называли «мелкими буржуа» и «утопистами». Их идеологию упрекали в том, что она не основана на прочном фундаменте «диалектического материализма», и поэтому они якобы были склонны к шатаниям вправо и влево¹⁵⁶. До ноября 1914 года и сам Муссолини официально был социал-демократом, однако идеологи Коминтерна обнаружили постфактум, что он никогда не был способен к «подлинно» марксистскому образу мышления. Он якобы произвольно истолковывал марксизм и разбавлял марксистские категории многими анархо-синдикалистскими элементами¹⁵⁷. Однако некоторые теоретики Коминтерна попытались подойти к проблеме социалистического прошлого многих фашистов более дифференцированно. Они хотели выяснить, в какой степени это прошлое сказывается в конкретных современных течениях внутри фашизма. Они рассматривали итальянский фашизм как разнородное течение, внутри которого в постоянном напряжении противостоят друг другу социально-прогрессивное и реакционное крыло¹⁵⁸. На 4-ом конгрессе Коминтерна Пальмиро Тольятти выдвинул тезис, в соответствии с которым еще в 1920-ом году фашизм представлял собой революционное движение. Тогда фашизм не думал устанавливать диктатуру «финансового капитала»¹⁵⁹.

К этому тезису в марте 1923 года присоединился и Аквила. Он считал, что только с конца 1920-го года, то есть, после союза с аграриями фашизм утратил многое из своего изначально подрывного и преобразующего характера. С этого момента в фашизме можно различать два крыла, преследующих различные, иногда даже противоположные цели¹⁶⁰. В своей статье Аквила развивает теорию, которую можно сравнить с более поздними теориями модернизации. Согласно его мнению, первостепенная цель возглавляемого самим Муссолини прогрессивного городского крыла в фашизме заключается в индустриализации и модернизации Италии. Это течение нельзя без разбору клеймить как «реакционное». В нём не-

¹⁵⁴ См. Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 331; Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 63f.; idem. Der Faschismus in Italien. P. 20-23.

¹⁵⁵ Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 331; Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 20-23; Jacobsen. Der Faschismus. P. 302.

¹⁵⁶ См. Trockij. Geschichte der russischen Revolution. P. 839; Ленин. Сочинения. Т. 41. С. 14-16.

¹⁵⁷ См. на эту тему Tasca. Glauben, Gehorchen Kämpfen. P. 54, Balabanoff. Erinnerungen und Erlebnisse. P. 84-86; idem. Wesen und Werdegang des italienischen Faschismus. Wien, 1931. P. 180-195.

¹⁵⁸ Clara Zetkin, Rede auf dem Internationalen Anti-Faschismus Kongreß // Inprekorr. 23.3.1923. Vol. 52. P. 418-419; см. также Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 29ff.; Radek / Protokoll des 4 Kongresses der Komintern. P. 314-315.

¹⁵⁹ См. J. M. Cammett. Communist Theories of Fascism. P. 158-159.

¹⁶⁰ Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 66-67; idem. Der Faschismus in Italien. P. 29-31.

мало бывших социалистов, которые пытаются спасти первоначальный революционный фашизм от напора реакционных аграриев¹⁶¹. В марте 1923-го года Клара Цеткин подтвердила тезис Аквилы: «Противоречие между аграрным и промышленным капиталом, первый из которых стремился повернуть страну к старым авторитарным отношениям, а второй был заинтересован в построении современного промышленного государства, существует в партии и сейчас»¹⁶². Для Аквилы фашизм является одним из самых противоречивых политических течений новейшей истории: «...суждения о фашизме даже в самой Италии далеко не единодушны, а иногда они резко противоречат друг другу... Но самое интересное заключается в том, что все эти... мнения и суждения о фашизме действительно содержат долю правды; их ошибочность состоит лишь в том, что они считают общезначимыми отдельные явления или характерные черты отдельных фаз развития, и именно поэтому не объясняют явление в целом»¹⁶³. Эти противоречия, как полагал Аквила, могут взорвать фашизм, но своими успехами фашизм обязан прежде всего обстоятельству, что ему удался синтез этих противоречий¹⁶⁴. Фашизм хоть и является плебейским, антиконсервативным движением, не смог бы тем не менее достичь таких успехов в борьбе против итальянского рабочего движения без поддержки консервативного государственного аппарата и господствующих слоев Италии. С другой стороны, фашистское движение без плебейских и радикальных элементов полностью лишилось бы своей действительной силы и оказалось бы таким образом неспособным к успешной борьбе¹⁶⁵.

Хотя Аквила отчетливо видел конфликт интересов руководимого Муссолини течения фашизма с аграриями, он недооценивал, подобно позднейшим представителям теории модернизации, двойственность в отношении Муссолини к другой части высших слоев итальянского общества – к предпринимателям¹⁶⁶. Цели промышленного капитала и Муссолини были для Аквилы по существу идентичными. Оба стремились к подъему промышленного производства в Италии и подчинению дисциплине рабочего класса¹⁶⁷. Но следует заметить, что это совпадение интересов не было особенно глубоким. Муссолини, к примеру, добивался участия Италии в мировой войне (с ноября 1914 года) в первую очередь не по экономическим или каким-либо иным рациональным соображениям. Надежда, что участие в войне сможет ускорить процесс развития итальянской промышленности, наверняка не была, в противовес мнению Аквилы, важнейшим мотивом, определявшим тогдашние действия Муссолини. Муссолини знал, что война означает в первую очередь разрушение, а не созидание¹⁶⁸, и тем не менее он выска-

¹⁶¹ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 29-31.

¹⁶² Clara Zetkin, Rede auf dem Internationalen Anti-Faschismus Kongreß. P. 418-420.

¹⁶³ Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 62.

¹⁶⁴ Ibid. P. 62-67; idem. Der Faschismus in Italien. P. 37-39, 61.

¹⁶⁵ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 8-10, 15, 35-39, 61.

¹⁶⁶ См. также Borkenau F. Zur Soziologie des Faschismus / Theorien über den Faschismus. P. 156-181.

¹⁶⁷ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 55-57, 64-65; idem. Der Faschismus an der Macht. P. 62-64.

¹⁶⁸ Mussolini. Opera. Vol. 7. P. 76-78.

зался за войну, так как презирал пассивность и нейтралитет как признаки упадочничества. В ноябре 1914-го года он говорил: «Сегодня... антивоенная пропаганда является пропагандой трусости. Она имеет успех постольку, поскольку возбуждает и укрепляет инстинкт самосохранения каждого человека. Но именно поэтому она и является антиреволюционной акцией»¹⁶⁹. После начала войны Муссолини покинул СПИ, но не потому, что он был подкуплен «капиталистами»¹⁷⁰, а потому, что у социалистов ему не хватало сплоченности и воли к действию¹⁷¹.

Яков Тальмон называет Муссолини одним из первых ренегатов крайне левых, которые переметнулись к крайне правым¹⁷². Мотивы, которые подвигли представителей радикального крыла рабочего движения к сближению с крайне правыми, Тальмон исследует на примере другого «ренегата» социализма – француза Жоржа Сореля. Классовая борьба пролетариата интересовала Сореля не потому, что он в первую очередь отвергал угнетение рабочего класса по моральным соображениям. Гораздо более важным было в этой связи его убеждение в том, что готовность рабочих к применению прямого насилия неизмеримо больше, чем у буржуазии. Когда противники пролетариата предъявили доказательство того, что они способны применять насилие более эффективно, чем рабочие партии, Сорель перенес свои симпатии и надежды на эти антипролетарские группировки. И теперь он ожидал от них омоложения европейской культуры путем применения насилия¹⁷³. Это изображение идеологического перерождения Сореля Яковом Тальмоном в точности приложимо и к случаю Муссолини. И для него главной целью борьбы была ревитализация европейской культуры, а не освобождение угнетенных¹⁷⁴. Когда обнаружилось, что рабочие в принципе более миролюбивы и пассивны, чем определенные активные элементы буржуазии, что целью большинства рабочих является скромное благосостояние, а не общественный переворот, Муссолини с разочарованием отвернулся от них¹⁷⁵. Его надежды на омоложение и ревитализацию общества связывались теперь с вернувшимися с полей сражений участниками войны – независимо от их классового происхождения¹⁷⁶.

¹⁶⁹ Mussolini, Schriften und Reden. Vol. 1. P. 3; см. также Settembrini D. Mussolini and the Legacy of Revolutionary Socialism // Journal of Contemporary History. 1976. October. Vol. 11. Nr. 4. P. 239-268.

¹⁷⁰ См. на эту тему Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 32-33.

¹⁷¹ Vgl. Mussolini. Opera. Vol. 7. P. 77-79; Heller. Europa und der Faschismus. P. 41-43; Gregor. The Ideology of Fascism. P. 14-15; Schulz G. Faschismus-Nationalsozialismus. Frankfurt/Main, 1974. P. 16-19.

¹⁷² Talmon J. The Unique and the Universal. L., 1965. P. 195-197.

¹⁷³ Idem. The Legacy of Sorel // Encounter. 1970. Februar; idem. The Unique and the Universal. P. 190-192, 195-197; см. также Sorel G. Über die Gewalt. Innsbruck, 1928.

¹⁷⁴ См. Nolte, Marx und Nietzsche im Sozialismus des jungen Mussolini; Priester K. Der italienische Faschismus. Ökonomische und ideologische Grundlagen. Köln, 1972. P. 84-90, 96-97.

¹⁷⁵ Mussolini. Opera. Vol. 16. P. 445. См. также: Ortega y Gasset J. Der Aufstand der Massen. Stuttgart, 1957. P. 253-255; Freyer H. Revolution von Rechts. Jena, 1931.

¹⁷⁶ Mussolini. Opera. Vol. 16. P. 211-212.

Мотивы, определявшие поведение Муссолини, были в первую очередь волюнтаристскими, поэтому можно лишь в известных границах вести речь о совпадении интересов Муссолини и промышленного капитала. Конечно, индустриализация Италии соответствовала как его интересам, так и интересам североитальянской промышленной буржуазии. Но ясно и другое, что далеко идущие цели иррационального и непредсказуемого фашистского режима и рационально-расчетливого итальянского промышленного капитала противоречили друг другу¹⁷⁷. Представители теории модернизации недооценили это противоречие интересов¹⁷⁸.

6. Прогнозы Коминтерна относительно будущего развития фашистского режима в Италии

Тот факт, что итальянский фашизм добился своих побед за счет мобилизации масс, должен был, по мнению многих теоретиков Коминтерна, сразу же после захвата власти поставить фашизм перед трудно решаемыми задачами. Фашизм с неизбежностью должен разочаровать своих последователей, утверждали они. Исполнение хотя бы части тех ожиданий, которые фашисты разбудили своей пропагандой у самых разных слоёв итальянского населения, выше их сил. И это должно было привести к отходу масс от фашизма¹⁷⁹. Уже спустя несколько недель после похода на Рим А. Якобсен писал, что непреодолимое классовое противоречие начнет угрожать фашистам в тот час, когда они придут к власти. Вождей фашизма можно причислить к буржуазии, а массы его приверженцев, напротив, требуют улучшения своего материального положения. Смогут ли фашисты надолго остаться у власти, зависит от способности Муссолини сдержать фашистские массы и хотя бы отчасти удовлетворить их потребности. Иначе классовая борьба взорвет фашизм в самом скором времени¹⁸⁰. В то же самое время и Радек предсказывал фашистскому режиму большие трудности. Первостепенной задачей фашизма является теперь демобилизация широких масс своих сторонников, которая скорее всего не будет протекать гладко. Фашистские боевики наверняка попытаются восстать против желания Муссолини отправить их домой и заменить регулярной армией. Источник силы фашизма – его массовый базис – после захвата власти сможет стать главным фактором его разрушения. Муссолини будет вынужден

¹⁷⁷ См. на эту тему Michels. *Sozialismus und Fascismus in Italien*. Vol. 2. P. 263; Tasca. *Glauben, Gehorchen, Kämpfen*. P. 385-387; Fetscher. *Faschismus und Nationalsozialismus*. P. 50-5; Gregor. *The Ideology of Fascism*. P. 22-24; Ludwig. *Mussolinis Gespräche*. P. 155-156; Schieder. *Faschismus*. P. 460-464; Sarti. *Fascism and the Industrial Leadership*. P. 1-2, 17, 56; De Felice. *Der Faschismus*. P. 52-54.

¹⁷⁸ О противоречиях между итальянским фашизмом и промышленным капиталом говорили, однако, в начале 20-ых годов и некоторые идеологи Коминтерна, в том числе и упомянутый автор, пользующийся инициалами P. O.-i. (*Der Faschismus*. P. 99), а также и упомянутый немецкий коммунист Якобсен (*Der Faschismus*. P. 303).

¹⁷⁹ Radek / *Protokoll des 4. Kongresses der Komintern*. P. 314-315.

¹⁸⁰ Jacobsen. *Der Faschismus*. P. 304.

выполнять «капиталистическую» а не «мелкобуржуазную» программу, и этим он наверняка разочарует своих мелкобуржуазных сторонников, утверждал Радек¹⁸¹.

Амадео Бордига тоже предсказывал на 4-ом конгрессе Коминтерна большие трудности для фашистского режима. Правда, он не верил, что эти проблемы повлекут за собой скорейший крах фашистского режима. „Мы утверждали, что фашизм должен считаться с недовольством, вызванным политикой правительства. Тем не менее нам хорошо известно, что, имея в руках наряду с государственной властью еще и военную организацию, можно с легкостью одержать победу над недовольством и неблагоприятными экономическими обстоятельствами... Фашисты отлично организованы и имеют благоприятные перспективы. При таких обстоятельствах можно предвидеть, что позиция фашистов отнюдь не является ненадежной»¹⁸². Таким образом, Бордига оказался на этот раз осторожнее и реалистичнее, чем Радек. Но, несмотря на это предостережение Бордиги, тезис о скором крахе фашизма на основе его внутренних противоречий был тогда в Коминтерне очень популярен.

Даже такой глубокий исследователь фашизма как Аквила писал в 1923 году в своей книге *Фашизм в Италии*, что фашизм хотя и не потерпел крах и не переживает никакого непосредственного кризиса, но идеологически он обанкротился. Фашизм, по его мнению, разочаровал своих пролетарских, мелкобуржуазных и крестьянских приверженцев, а его притягательная сила в глазах масс значительно ослабела¹⁸³. Аквила полагал, что не только массы, но и большие части буржуазии постепенно переходят в оппозицию к фашизму. Хотя Муссолини и создал государство, защищающее интересы буржуазии, его поддерживает не вся буржуазия, да и никогда итальянская буржуазия не стояла единым фронтом на стороне Муссолини¹⁸⁴. Либеральные слои итальянской буржуазии теперь выступают за возврат к парламентской форме правления¹⁸⁵. Идеи Аквилы развивала Клара Цеткин в своем докладе на 3-ем пленуме ИККИ. Она указывала на постоянно нарастающее противоречие между фашизмом и другими буржуазными партиями. Фашизм преследует цель создания единой буржуазной классовой организации как противовес революционному пролетариату. Поэтому он хочет либо распустить, либо вобрать в себя другие буржуазные партии¹⁸⁶. Но до сих пор фашистам удалось включить в свой состав только маленькую партию националистов, а с другими партиями эта попытка потерпела крах. Наоборот, «буржуазные» демократы возвращаются к своим старым идеологиям, а самая большая «буржуазная» пар-

¹⁸¹ Radek / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 314-315.

¹⁸² Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 349-350.

¹⁸³ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 53.

¹⁸⁴ Ibid. P. 63.

¹⁸⁵ Ibid. P. 66. Также и некоторые социал-демократические авторы были тогда уверены в том, что фашистский режим в ближайшее время распадется. См. статью «Фашистская контрреволюция» в органе партии меньшевиков Социалистический вестник (21.11.1922); Того же мнения придерживался и один из вождей итальянских социалистов Модильяни (Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses. Mai 1923. P. 38.)

¹⁸⁶ Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 223.

тия Италии – пополари – находится в открытой оппозиции к фашизму¹⁸⁷. Другими словами, Клара Цеткин считала, что фашистам не удалось создать «буржуазную партию нового типа», как охарактеризовал её Бордига на 4 конгрессе Коминтерна. Фашизм не смог собрать в единый кулак все буржуазные силы, продолжает Цеткин, он представляет собой не блок из гранита, а двойственное образование, включающее в себя противоположные элементы. И поэтому фашизм разложится, но не сам по себе. Итальянский рабочий класс должен ускорить этот процесс своей борьбой¹⁸⁸.

Но в тот момент было весьма сложно выполнить это требование Клары Цеткин. Ударная сила итальянского рабочего движения, деморализованного двухлетним фашистским террором, отнюдь не увеличилась после прихода фашистов к власти. Пропась между социалистами и коммунистами в Италии, несмотря на установление фашистской диктатуры, тоже не была устранена. Руководство Коминтерна предпринимало всё новые попытки подтолкнуть обе итальянские рабочие партии к совместным выступлениям против фашизма. В 1923 году Аквила писал, что самозащита рабочего класса от фашизма должна быть организована всем рабочим классом в целом, без различия партий¹⁸⁹. Это необходимо, так как фашизм направлен против пролетариата в целом, а не против той или иной пролетарской партии¹⁹⁰. Но призывы руководства Коминтерна, адресованные прежде всего КПИ, создать единый фронт в борьбе против фашизма, оставались тщетными. В течение всего 1923-го года КПИ оставалась практически парализованной из-за конфликта её левого руководства с ИККИ и полемики с верным Коминтерну меньшинством внутри партии. Не намного лучше было положение раздробленной из-за борьбы внутренних группировок и разгромленной фашистским террором СПИ¹⁹¹. Руководство Коминтерна знало об этом глубоком бессилии итальянского рабочего движения. Поэтому оно в принципе не рассчитывало на сопротивление итальянских рабочих партий как на фактор, могущий обеспечить разгром фашистского режима. Гораздо больше оно надеялось на разочарованных, по его мнению, сторонников самого фашистского режима. Поэтому так часто говорилось об идеологическом банкротстве фашизма, об утрате его привлекательности в глазах масс, привлеченных вначале его идеями¹⁹². То, что большинство теоретиков Коминтерна не понимало идеологического своеобразия фашизма и идеологических мотивов его сторонников, мстило за себя и здесь, подобно тому, как это происходило и при других ошибочных прогнозах руководства Коминтерна, описанных выше.

¹⁸⁷ Ibid. P. 223-224.

¹⁸⁸ Ibid. P. 226-227.

¹⁸⁹ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 82-83.

¹⁹⁰ Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI; Gruber. The International Communism in the Era of Lenin. P. 371-379.

¹⁹¹ Nenni. Todeskampf der Freiheit. P. 111-126.

¹⁹² Radek / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 314-315; Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 68-67.

Тезис многих коммунистических теоретиков о том, что фашизм потеряет свою притягательную силу после прихода к власти, не подтвердился реальным ходом развития обстоятельств в фашистской Италии. Наоборот, именно находясь у власти фашизм смог привлечь в русло своей идеологии все более широкие слои населения Италии, несмотря на отдельные поражения, прежде всего во время кризиса, связанного с убийством лидера СПИ Маттеотти (1924). Консенсус между правительством и режимом со временем, собственно, до середины тридцатых годов, становился всё глубже.

На это указывают многие исследователи фашизма, среди них Де Феличе и Мелограни¹⁹³. Верно то, что многие убежденные фашисты в разочаровании отошли от фашизма из-за мер фашистского правительства, противоречивших фашистским идеям. Но разве не было такого же количества разочарованных большевиков, упрекавших большевистское правительство после Октябрьской революции в «предательстве» изначальных большевистских принципов и отошедших от большевизма? Но большинство большевиков приспособилось к новым обстоятельствам и сохранило верность партии. Из-за нахождения у власти большевистская партия ни в коей мере не утратила своей притягательной силы, хотя с марта 1918-го года, после ухода из правительства левых эсеров, она единолично правила в России¹⁹⁴.

Те элементы в обществе, которые хотели влиять на политические процессы в стране, в связи с разгромом всех оппозиционных группировок, не имели, за редкими исключениями, другого выбора, кроме как вступить в большевистскую партию. Многие делали это из оппортунизма, но было немало и тех, кто руководствовался идеологическими мотивами. При этом надо учитывать то обстоятельство, что проблемы, с которыми столкнулись фашисты после похода на Рим, были несравнимы с теми трудностями, которые приходилось преодолевать большевикам в их борьбе за власть в период с 1917 по 1921 год. Некоторые идеологи Коминтерна оспаривали способность фашистской партии справляться с кризисами таким же образом, как это делали в своё время большевики. Они полагали, что фашистская партия ни в коей мере не является столь же устойчивой и закаленной, как большевистская. Радек писал в связи с этим в августе 1923 года: «Нельзя забывать, что, в то время как русская коммунистическая партия имеет позади себя 25-летнюю историю, выковавшую из неё монолитный стальной блок, итальянский фашизм представляет собой молодое, слабое образование»¹⁹⁵. Но в той же самой статье Радек предостерегает легковверных оптимистов, надеющихся на скорое свержение фашизма: «Когда приходится читать о внутреннем разложении фашизма, то мы, русские коммунисты, прежде всего склонны к осторожности.

¹⁹³ Melograni P. The Cult of the Duce in Mussolini's Italy // Journal of Contemporary History. 1976. Oktober. Vol. 11. Nr. 4. P. 221-237; De Felice. Der Faschismus. P. 67-69; Idem. Mussolini il Duce, I. Gli anni del consenso. Turin, 1974.

¹⁹⁴ См. Deutscher. Der bewaffnete Prophet. P. 377-378; Carr E.H. The Bolshevik Revolution. L., 1960. Vol. 1. P. 160-161.

¹⁹⁵ Radek. Die internationale Lage. P. 22.

Уже пять лет мы читаем в буржуазных газетах, что то Ленин, то Троцкий арестованы, а наша партия ежедневно распадается на десять частей. Я не верю в то, что фашизм завтра распадется»¹⁹⁶.

Это трезвое высказывание Радека известным образом сочетается с предостережением Бордиги от недооценки способности фашистского режима к сопротивлению, которое он высказал на 4-ом конгрессе Коминтерна. Оба эти высказывания указывают на то, что были тогда в Коминтерне и теоретики, которые в своём анализе фашистского режима, несмотря на господствующую в Коминтерне тенденцию недооценки фашистской угрозы, приближались к реалистической оценке этого нового, ранее не существовавшего феномена и не поддавались соблазну принимать желаемое за действительное.

(Авторизованный перевод с немецкого: Ларисы Лисюткиной=

¹⁹⁶ Ibid. P. 22.

Коминтерн и правый экстремизм в Германии в 1923 году*

1. Значение Германии в политике Советской России и Коминтерна

Вплоть до захвата власти национал-социалистами Германия была для большевиков важнейшим участком на революционном фронте. Если бы в Германии возникла «диктатура пролетариата», то объединенных сил советской Германии и советской России было бы достаточно, по мнению ведущих большевистских идеологов, чтобы победить «капиталистический» мир.¹ Отношение большевиков к Германии было окрашено исключительно сильными эмоциями, которые отсутствовали в отношении к любой другой стране. Творец марксизма родился в Германии, классические марксистские труды были изданы на немецком языке, здесь было самое сильное в мире и самое организованное рабочее движение, наконец, Германия была крупнейшей индустриальной страной Европы. Когда большевики говорили об электрификации, индустриализации и «цивилизации» России, они в первую очередь подразумевали Германию.² Особый оттенок в отношении к ней приносился большевистскими вождями еврейского происхождения. Многие еврейские интеллектуалы Восточной Европы рассматривали немецкую культуру как высшую форму европейской культуры и отождествляли себя с ней в большей степени, нежели с культурами тех стран, откуда были родом. В Восточной Европе они пропагандировали немецкие культурные ценности поистине с миссионерским рвением.

Пристальное внимание большевиков к Германии связано было также с тем, что непосредственное воздействие большевизма на немецкое общество было значительно большим, чем на ход событий в других европейских странах. Коммунистическая партия Германии после объединения с левым крылом Независимой социалистической партии в конце 1920 года стала массовой партией со значительным политическим влиянием. Большинство членов КПГ в 1920-1923 гг., как правило, прислушивалось к приказам, идущим из Москвы, иногда даже в противовес собственным убеждениям.

* Глава из моей книги *Возникновение коммунистической теории фашизма. Споры о фашизме и национал-социализме в Коммунистическом Интернационале. 1921-1935* (Luks Leonid. *Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus. 1921-1935.* Stuttgart, 1985).

¹ В апреле 1918 г. Ленин писал: «Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению из лучшей стали ...), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями...» (Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений (ПСС). М., 1958-65. Т. 36. С. 300-301).

² См. Ленин. ПСС. Т. 36. С. 82.

Таким образом, русские большевики смогли оказать немалое воздействие на внутреннюю политику Германии. Но они нашли средство влиять и на внешнюю политику этой страны.

Находясь под давлением победителей - стран Антанты – Германия нуждалась в России как в противовесе. Стесненное положение, в котором Германия оказалась после Версаля, отнюдь не было помехой для большевиков. Они рассматривали конфликт между Германией и силами победителей как некую константу европейской политики.³ При выработке своей внешнеполитической тактики в первые годы после Мировой войны большевики исходили из того, что примирение Германии и Запада немыслимо. На этом основывались их далеко идущие внешнеполитические амбиции. Излюбленной концепцией Ленина, которой он следовал в продолжение всего своего руководства страной, было сотрудничество высокоразвитой индустриальной Германии и богатой природными ресурсами, но экономически недостаточно развитой России.⁴ Когда после поражения немецких коммунистов в марте 1921 г. стало ясно, что ожидать победы революции здесь пока что не приходится, Ленин еще настойчивей стал добиваться союза с «буржуазной» Германией. Он был убежден в том, что объективные обстоятельства принудят немецких «капиталистов» к этому союзу. Такая кооперация, по его мысли, способствовала бы достижению независимости обоих государств.⁵ Вождь русской революции исходил из кажущейся слабости обеих стран и недостаточно принимал во внимание то, что такое состояние может быстро измениться. Он упустил из виду тот факт, что еще недавно Германия была достаточно сильна, чтобы вести войну против чуть ли не всех крупнейших держав мира; лишь четырехлетняя борьба сломила ее.

Правда, Ленин недооценивал не только политический и военный потенциал Германии, но и хозяйственные возможности собственной страны. На рубеже веков Россия переживала стремительную индустриализацию – не в последнюю очередь в результате мероприятий министра финансов Сергея Витте. Тогда многие наблюдатели ожидали, что Россия очень скоро станет одной из сильнейших индустриальных стран мира.⁶ Потенциальная мощь России была одной из причин - как убедительно показал в своем исследовании немецкий историк Фриц Фишер, - заставивших политическое и военное руководство империи Вильгельма планировать превентивную войну.⁷ Эта мысль играла не последнюю роль в развязывании Первой мировой войны.

В противоположность многим другим политикам и ученым, Ленин недооценил потенциал России. Хотя он мечтал об электрификации и индустриализации

³ Carr E.H. *The Bolshevik Revolution*. L., 1961. Vol. 3. P. 305-311.

⁴ Ср. Abramovitch R. *Die Sowjetrevolution*. Hannover, 1963. P. 227-229.; Geyer D. *Sowjetrußland und die Deutsche Arbeiterbewegung 1918-1932 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1976. P. 5-9.

⁵ Ленин. ПСС. Т. 42. С. 68 и сл., 105 и сл.

⁶ См. Parvus. *Der Klassenkampf des Proletariats*. Berlin, 1911. P. 48.

⁷ Fischer F. *Griff nach der Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914-1918*. Düsseldorf, 1961.

страны, но думал, что «чудовищная отсталость» оттянет решение этой задачи на многие десятилетия.⁸ Военное и хозяйственное превосходство стран-победителей было в глазах Ленина столь неоспоримым, что для выживания и Германии, и России ему казалось необходимым объединить силы обеих стран, чтобы хоть как-то защититься от этого превосходства. Поэтому он рассматривал Рапалльский договор как один из триумфов своей внешней политики. Договор должен был стать основой будущей внешней политики Советской России.⁹

Между тем, Рапалльский договор привел в смятение Коммунистическую партию Германии. Бывший член руководства КПГ Рут Фишер сообщает, что многие немецкие коммунисты не приняли союз советского руководства с немецкой «контрреволюцией».¹⁰ Троцкий попытался успокоить КПГ и заявил, что Рапалло означает не союз, а лишь начало нормализации отношений Советской России с «капиталистическими» государствами.¹¹ Однако это утверждение Троцкого было ослаблено высказываниями Бухарина и Радека на IV конгрессе Коминтерна в конце 1922 года. Бухарин заявил, что советское руководство имеет право заключить союз с буржуазией определенной страны, чтобы уничтожить буржуазию другой страны. Это вопрос исключительно тактической и стратегической необходимости. Коммунисты же других стран обязаны поддержать такой блок.¹²

Еще определеннее высказался Радек. В декабре 1922 г. он сказал, что западная политика подавления Германии имеет также своей целью уничтожение России как мировой державы. Независимо от того, какой режим будет в Германии, Россия нуждается в ее технологической поддержке и немецком противовесе могуществу Антанты - без этого Россия не сможет остаться мощным государством.¹³ Таким образом, борьба немецких коммунистов против собственного «буржуазного» правительства весьма осложнилась из-за того, что это правительство оказалось в союзе с Советской Россией. К своему ужасу немецкие коммунисты узнали, что сотрудничество между Веймарской республикой и Советской Россией охватывает не только хозяйственную и политическую, но и военную область. Тот самый рейхсвер, который стрелял в немецких рабочих, получил в Советском Союзе возможность производить запрещенное Версальским договором оружие и вооружать им своих солдат.¹⁴

⁸ Ленин. ПСС. Т. 42. С. 110-117. Т. 43. С. 68 и сл.

⁹ Ленин. ПСС. Т. 45. С. 183

¹⁰ Fischer R. Stalin und der Deutsche Kommunismus. Der Übergang zur Gegenrevolution. Frankfurt/Main, 1950. P. 235.

¹¹ См. Angress W. The Communist Bid for Power in Germany 1921-1923. Princeton/N.J., 1963. P. 236.

¹² Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 420.

¹³ Radek K. Die Liquidation des Versailler Friedens. Bericht an den 4 Kongreß der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1922. P. 22.

¹⁴ См. Carr E.H. German-Soviet Relations between the two World Wars 1919-1939. Baltimore, 1951; Freund G. Unholy Alliance. Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin. L., 1957; Kochan L. Russia and the Weimar Republic. Cambridge, 1954; Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918-1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt/Main, 1955.

2. Реакция советского руководства на оккупацию Рура

Оккупация Рурской области французскими и бельгийскими войсками в начале января 1923 года подтвердила тезис большевистских вождей о том, что Германия находится в глубокой депрессии и постепенно превращается в колонию Антанты. В одной из последних статей Ленина, опубликованной 2 марта 1923 г., он писал: «Все капиталистические державы так называемого Запада клюют (Германию) и не дают ей подняться».¹⁵ Оккупация Рура чрезвычайно взволновала советское руководство. Как писал ведущий советский публицист Стеклов 21 января того же года, беспомощность Германии может оказаться очень опасной для СССР. Теперь Франция может попытаться вместе с Польшей и Румынией напасть на Россию.¹⁶ В феврале Чичерин заявил, что Советский Союз отвергает оккупацию Рура: она нарушает процесс нормализации в Европе, служащий советским интересам.¹⁷ Но оккупация Рура вызвала у московских руководителей не только негативную реакцию. Более или менее осторожно высказывалось мнение, что обострение немецко-французского конфликта будет содействовать оживлению революционного движения в Европе, которое уже к весне 1921 года явно начало затухать.

В этом смысле высказался Бухарин на XII съезде РКП(б) в марте 1923 г.¹⁸ За несколько недель до этого Бухарин выразил ироническую благодарность французскому премьер-министру за то, что оккупацией Рурской области он вновь поколебал международную стабильность, которая только было установилась в Европе. Коммунисты приветствуют такой поворот событий, потому что стабилизация «капиталистической» системы была для них небезопасной, утверждал Бухарин. В период стабильности «пролетариат» удовлетворяется несущественным улучшением своих жизненных условий, становится жертвой реформистских иллюзий. В период же потрясений рабочие становятся более восприимчивыми к коммунистическим идеям.¹⁹ Столь противоречивые суждения иллюстрируют внутреннюю противоречивость позиции большевиков и Коминтерна по германскому вопросу. Коммунистам хотелось бы, чтобы Германия была одновременно и сильной, и слабой. От сильной Германии они ожидали, что она станет преградой антисоветской агрессии Антанты. С другой стороны, в ослабленной Германии было больше шансов на революцию, на то, что осуществится большевистская мечта о «советской Германии». Такая неоднозначность в немалой степени определяла отношение Коминтерна к Веймарской республике на протяжении всего кризисного 1923 года.

¹⁵ Ленин. ПСС. Т. 45. С. 403.

¹⁶ Eudin X., Fischer H. Soviet Russia and the West 1920-1927. Documentary Survey. Stanford/Calif., 1957. P. 200-201.

¹⁷ Ibid. P. 198.

¹⁸ Двенадцатый съезд РКП(б) 1923. Стенографический отчет. М., 1968. С. 276.

¹⁹ Eudin, Fischer. Soviet Russia and the West. P. 211.

Что касается КПГ, то она высказалась за революционное решение кризиса. Несмотря на внешнюю угрозу немецкому государству, компартия была против компромисса с собственной буржуазией. Когда в берлинском рейхстаге было получено известие об оккупации Рурской области французами и бельгийцами, депутаты всех партий встали, чтобы минутой молчания выразить свой протест против насилия. Остались сидеть лишь депутаты КПГ. Депутат от коммунистов сказал, что Либкнехт учил партию отвечать на национальную войну войной классовой. Лозунг КПГ - не классовый мир, а гражданская война.²⁰ Эта первая спонтанная реакция КПГ совершенно не совпадала с тактическими соображениями Москвы. Это стало ясно на лейпцигском съезде КПГ, состоявшемся в январе 1923 г., сразу после оккупации Рура. Карл Радек, который был делегатом Коминтерна, стремился не допустить на съезде дискуссии о революционных перспективах, открывающихся в Германии из-за Рура.²¹ Рут Фишер вместе с левым крылом КПГ настаивала на такой дискуссии. Позднее она писала, что Радек не допустил дебатов, видя в них опасность для установившихся немецко-советских отношений.²²

3. Годы 1914 и 1923 – сравнение

Оккупация Рура вызвала в Германии волну националистических настроений и охватила широкие слои населения. Это обстоятельство повлияло на тактические установки теоретиков Коминтерна. Многим из них стало ясно, что плыть против течения, с порога отвергать национальные интересы Германии значит обречь КПГ на изоляцию. К такого вывода пришли, например, авторы статьи, напечатанной 15 февраля 1923 г. в органе КПГ «Ди Интернационале». «По Германии движется национальная волна, исход которой нельзя предугадать. Значит, нужно использовать эту волну для нас, вместо того, чтобы она была использована против нас. Немецкое среднее сословие - мелкая буржуазия ... носитель этого движения».²³ В статье говорилось о том, что немецкий фашизм рекрутирует своих сторонников из мелкобуржуазных масс, разочарованных в социал-демократии и «крупном капитале». Эти массы пытаются преодолеть кризис существующей системы общим восстанием народа, направленным как против внутренней, так и против внешней политики государства. Но влияние фашизма не ограничивается мелкобуржуазной средой, он глубоко проникает и в рабочую среду, глубже чем фашисты в Италии. Вывод: немецкие коммунисты мало чему научились после

²⁰ Angress. *The Communist Bid for Power*. P. 294-295.

²¹ Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 277-279.

²² *Ibid.* P. 278-282.

²³ Leonid Friedrich A. *Der Mittelstand, Faschismus, Nationalbolschewismus und die Partei // Die Internationale*. 15.2.1923. P. 115.

победы фашизма в Италии; это можно заметить и по тому, как они борются за массы, поддерживающие фашизм в Германии.²⁴

Борьба за влияние на националистические настроенные слои Германии была главным элементом тактики Коминтерна и КППГ в последующие месяцы. На XII съезде РКП(б) (март 1923 г.) Бухарин заявил: Германия - одна из стран, поработанных Антантой, и КППГ должна привлечь на свою сторону те слои населения, которые противятся этому поработанию. Немецким коммунистам надо найти в себе мужество встать на защиту немецкой нации.²⁵ Август Тальхаймер в статье, опубликованной 18 апреля 1923 г. в «Ди интернационале», писал, что объективно борьба против французского империализма в данной ситуации окажется борьбой революционной. Немецкий пролетариат должен возглавить национальную борьбу против французской оккупации, с тем чтобы привлечь на свою сторону националистически настроенные мелкобуржуазные массы.²⁶

В этих условиях тактика Коминтерна в Германии становилась весьма неоднозначной. Коминтерн все еще отстаивал идею единого фронта с социал-демократией и выступал за образование правительства рабочих в различных германских землях - например, в Саксонии и Тюрингии. С помощью этой политики Коминтерн хотел привлечь на свою сторону большинство немецких рабочих из СДПГ. В то же время он апеллировал и к националистическим кругам в Германии, пытаясь в этом смысле конкурировать с нацистами. Другими словами, германская коммунистическая партия должна была одновременно выступать и как классовая, и как национальная партия. Ей предстояло стать рупором националистических идей, оставаясь инструментом антикапиталистического протеста. В одно и то же время партия обращалась к силам, стремившимся сокрушить существующий порядок в Германии посредством классовой борьбы, и к силам, которые рассматривали классовый мир перед лицом высшей опасности как главную национальную заповедь немцев. Эта тактика была слишком сложной и противоречивой, чтобы привести к успеху.

4. Требование союза с правыми экстремистами

Национальный курс КППГ был подтвержден на III пленуме исполнительного комитета Коминтерна в июне 1923 года. В своей речи на пленуме Радек заявил, что не следовало бы пренебрегать национальными идеалами и целями в коммунистической пропаганде. Компартия должна превратиться во всеохватывающую национальную организацию, только так она сможет стать решающим фактором в

²⁴ Ibid. P. 118.

²⁵ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 292.

²⁶ Thalheimer A. 1914 und 1923. Noch einmal zu unserer Taktik im Ruhrkrieg // Die Internationale. 18.4.1923. P. 243.

политической жизни страны. А этого можно достигнуть лишь в союзе с националистически ориентированными немецкими массами.²⁷ К тезисам Радека присоединился Зиновьев. В речи на пленуме он спрашивал, чем можно объяснить нигилизм относительно национального вопроса в отдельных секциях Коминтерна. Тем, отвечал Зиновьев, что нерусские коммунистические партии еще не чувствовали себя партиями, способными завоевать большинство населения в своих регионах и руководить собственным народом. Такие партии отнюдь не представляют нацию, это всего лишь узкие классовые группировки. Они вообще не нацелены на то, чтобы в ближайшее время свергнуть буржуазию собственных стран и образовать свое правительство. Вот почему они недооценивают значение национального вопроса.²⁸

Чтобы объединить националистическую пропаганду с интернациональным кредо и установкой на классовую борьбу, вожди Коминтерна теперь настойчиво подчеркивали, что националистическая идеология в «порабощенных» странах носит революционный характер. А так как они характеризовали Германию как страну, угнетаемую «западным капиталом», то и сотрудничество с немецкими националистами обретало «прогрессивный» и «революционный» смысл. На III пленуме исполкома Коминтерна Радек заявил, что «значительное акцентирование национального вопроса в Германии есть революционный акт, такой же, как усиление национализма в колониях».²⁹

Речь Радека на пленуме в июне 1923 г. принадлежит к интереснейшим и важнейшим эпизодам тактики сближения Коминтерна с немецкими националистами и правыми экстремистами. Оратор восхищался правым экстремистом Лео Шлагетером, который был осужден на смерть французским военным судом. Речь Радека содержит прямое требование союза с немецкими правыми экстремистами. По словам Радека, друзья Шлагетера по партии никогда не смогут достичь своей цели - освобождения Германии от Версальского договора, если будут рассматривать немецкий рабочий класс как своего врага, а не как союзника.³⁰

Историки Эдвард Халлет Карр и Вернер Ангресс считают, что речь К. Радека в защиту Шлагетера была лишь тактическим маневром, в действительности же Радек не верил в возможность союза коммунистов и немецких правых экстремистов. Скорее всего Радек хотел, как считает Ангресс, своим призывом к правым экстремистам сорвать с них маску, чтобы показать немецким массам, что только под коммунистическим руководством возможна настоящая борьба против Версальского мира.³¹ Но это заключение малоубедительно. Курс, провозглашенный

²⁷ Protokoll der Konferenz der Erweiterten Exekutive der Kommunistischen Internationale. Moskau 12.-13. Juni 1923. Hamburg, 1923 (Protokoll des 3. Plenums des EKKI). P. 148.

²⁸ Ibid. P. 30-31; см. также: Böttcher P. Der Weg und Wille zur Macht. Ergebnisse der Erweiterten Exekutive der Komintern // Die Internationale. 1.8.1923. P. 424-425.

²⁹ Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 67.

³⁰ Ibid. P. 240-245.

³¹ Angress. The Communist Bid for Power. P. 335-357; см. также Carr E.H. The Interregnum 1923-1924. L., 1960. P. 180-181.

Радеком, не был маневром, он был закономерным продолжением тактической линии Коминтерна, выработанной примерно через месяц после начала рурского кризиса. В определенном смысле его можно охарактеризовать как перенос политики Рапалло на немецкую внутривнутриполитическую арену. Немецко-советский союз против стран-победителей должен был укрепиться благодаря сотрудничеству КПГ с немецкими националистическими силами.

Рапалльский договор не привел к преодолению страха в Берлине и в Москве перед превосходящими силами Антанты. Помимо всего прочего в Германии и России опасались санкций Запада. Противники усиления связи Германии с Советской Россией, например, Густав Штресеман, видели в оккупации Рура не в последнюю очередь возмездие за советско-германское сотрудничество. Так что страх – и в Берлине, и в Москве – перед карательными мерами Запада оправдался.³²

Через пять месяцев после оккупации Рура последовал еще один наступательный акт Антанты – ультиматум, предъявленный советскому правительству английским министром иностранных дел лордом Керзоном 8 мая 1923 г. Среди прочего Керзон потребовал отказа большевиков от революционной антибританской пропаганды в Азии и отмежевания советского правительства от Коминтерна.³³ В том, что Керзон выступал против уже давно ставших обычными явлений, большевики усмотрели сознательную провокацию. Им казалось, что Англия умышленно подталкивает ситуацию к войне.³⁴ Чтобы не обострять положение, правительство СССР дало на ультиматум весьма сдержанный ответ, в котором принималось, по крайней мере на словах, многое из требований Керзона.³⁵ Но положение все же оставалось напряженным. Как раз в это время Радек произнес свою речь в защиту Шлагетера. Таким образом, можно предположить, что Радек, призывая к союзу с правыми экстремистами, хотел усилить фронт, противостоящий странам-победителям, которые в это время были в высшей степени агрессивны и опасны.³⁶

В своей речи Радек, разумеется, апеллировал не только к правым экстремистам, но и к коммунистам. Он назвал Шлагетера храбрым солдатом контрреволюции, весьма лестно описал его национальный идеализм, причем сделал это не столько с целью привлечь симпатии немецких правых экстремистов, сколько для того, чтобы преодолеть опасения немецких коммунистов по поводу роста национализма в стране. Коммунисты Германии должны научиться видеть в правых экстремистах не только врагов, но и «заблудших братьев», которые-де лишь по недоразумению воюют с коммунистами. Вожди Коминтерна не хотели видеть,

³² См. Freund. *Unholy Alliance*.

³³ Fisher. *The Soviets in World Affairs*. P. 439-441.

³⁴ *Ibid.* P. 443f.

³⁵ *Ibid.* P. 445f.

³⁶ Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 332, 336-338; Goldbach M.L. *Karl Radek und die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1918-1923*. Bonn-Bad Godesberg, 1973. P. 122-123.

как глубока в действительности была идеологическая пропасть между коммунистами и правыми экстремистами.

Зато многие немецкие коммунисты ясно отдавали себе в этом отчет. В отличие от русских товарищей они понимали, как далека от реальности выработанная в Москве стратегия, и пытались противостоять идеализации немецкого национализма руководством Коминтерна.³⁷ Немецко-чешский коммунист Зоммер опубликовал в начале июня в «Ди Интернационале» статью, где говорил о непреодолимой враждебности национализма к коммунизму и выступал против тех, кто хотел повысить популярность КПГ с помощью националистических лозунгов. «Пролетарская революция в Германии ... может вообще не победить, если не удастся нейтрализовать или привлечь на сторону революции хотя бы часть мелкой буржуазии, одураченной ныне националистами. Но это может случиться не тогда, когда коммунисты, благодаря отважному руководству рурским сопротивлением, заставят поверить в положительные стороны национализма и при этом покажут себя профессиональными вождями нации перед «добропорядочной» националистической мелкой буржуазией, но при условии, если националистическая идеология будет разрушена. Или национализм привлечет пролетариат на сторону мелкой буржуазии и оба класса вместе с буржуазией погибнут в новой мировой войне, или ... разгром националистических иллюзий склонит пролетаризированные средние слои на сторону сознательного пролетариата».³⁸

Рут Фишер вспоминает, насколько унижительным был для немецких коммунистов этот курс на Шлагетера. И все же она не совсем права, характеризуя в своих мемуарах Радека как чуть ли не единственного, кто отвечал за этот курс.³⁹ За ним стояли многие влиятельные большевистские вожди. Это подтверждают, в частности, высказывания Зиновьева и Бухарина.⁴⁰ Не говоря уже о том, что столь важное тактическое решение Коминтерна было бы немислимо без согласования с высшими органами большевистской партии. Нуждается в уточнении и другое высказывание Рут Фишер. Она утверждает, что «авантюристическая тактика» Радека не отражала ни ленинских идей, ни идей Троцкого.⁴¹ Если это и верно, то лишь отчасти. Действительно, Радек, идеализируя правого экстремиста Шлагетера, не был проводником тактики Троцкого, - сам Троцкий позднее заявлял, что он всегда считал немарксистской и беспринципной политику признания националистов.⁴² Но Р. Фишер заблуждается, говоря, что тактика Радека противоречила идеям Ленина. Радек был прилежным учеником Ленина. Известно, что Ленин

³⁷ См. Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 342-343; Buber-Neumann M. Kriegsschauplätze der Weltrevolution. Ein Bericht aus der Praxis der Komintern 1919-1943. Stuttgart, 1967. P. 92.

³⁸ Sommer. Der nächste Feind, das nächste Ziel // Die Internationale. 1.6.1923. P. 342-343.

³⁹ Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 264-265, 341-343.

⁴⁰ Ibid. P. 341-343.

⁴¹ Ibid. P. 264-265.

⁴² См. Trockij. Gegen den Nationalkommunismus. Kehren des „Roten“ Volksentscheids / Idem. Schriften über Deutschland. Vol. 1. P. 113-137; см. также: Wistrich R.S. Leon Trotsky's Theory of Fascism // Journal of Contemporary History. 1976. October. P. 159.

отстаивал тактическую гибкость и не раз демонстрировал блестящее умение стравливать своих противников друг с другом.⁴³ Так, в сентябре 1920 г. Ленин говорил о воодушевлении, с которым крайние немецкие националисты реагировали на успехи Красной Армии в Польше: «В Германии мы увидели такой противоестественный блок черносотенцев с большевиками».⁴⁴ Этот «противоестественный блок» Ленин приветствовал. В своей речи от 22 декабря 1920 г. Ленин оценил сближение крайних немецких националистов с большевиками как успех советской политики. Хотя шовинисты и были врагами коммунизма, но в международном плане они принуждали Германию к союзу с Советской Россией.⁴⁵ Таким образом, Радек действовал вполне в духе Ленина, когда в своей речи о Шлагетере предлагал союз немецким националистам. Несмотря на сопротивление многих немецких коммунистов этому курсу, оппозиция не смогла защитить свою собственную концепцию. Большинство в КПГ подчинилось распоряжениям из Москвы.

5. Ошибочная оценка Коминтерном немецкого правого экстремизма

Когда Радек говорил о признании немецкого национализма, дабы пристегнуть национализм к коммунистической идее, он недооценивал интенсивность националистических эмоций в тогдашней Германии. Эти эмоции достигали тогда такого накала, что не позволяли подчинить себя никаким другим целям, и стали самоцелью. Попытки руководства Коминтерна сделать эти эмоции инструментом политики, диктуемой из Москвы, с самого начала были обречены на провал.

Любые идеи, которые не выдвигали на передний план болезненно раздраженное чувство национального тщеславия, оказывались неэффективными в Германии периода между двумя войнами.⁴⁶ На предложение коммунистов о союзе немецкие правые экстремисты отреагировали скорее отрицательно.⁴⁷ В их глазах компартия была попросту иностранным агентом на немецкой земле.⁴⁸ Исключением были так называемые «национал-большевистские круги». Их представители, например, Меллер ван ден Брук и граф Ревентлов, были готовы приступить к

⁴³ Ленин. ПСС. Т. 42. С. 23 и 57 и сл.; Т. 57. С. 55 и сл.

⁴⁴ Там же. Т. 41. С. 282.

⁴⁵ Там же. Т. 42. С. 105.

⁴⁶ См. Fest J.C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1973. P. 694; Rosenberg A. Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt/Main, 1961. P. 93-94.

⁴⁷ Klemperer. Konservative Bewegungen. P. 157-159; Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918-1932. Grundriß ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950. P. 65; Angress. The Communist Bid for Power. P. 349; Buber-Neumann. Kriegsschauplätze. P. 93-94.

⁴⁸ См. Adolf Hitlers Reden / Ed. E. Voeppele. München, 1934. P. 57, 79, 93-94.

диалогу с коммунистами,⁴⁹ что и было торжественно отмечено Коминтерном как победа национального курса КПП. В июне 1923 г. на уже упоминавшемся III пленуме Коминтерна Зиновьев сказал, что национал-социалистская газета «Совесть» аттестовала КПП как партию националистическую. Зиновьев счел эту характеристику комплиментом и надеялся, что КПП его заслужит. Конечно, КПП не была националистической партией, даже если ее противники так ее называли, продолжал Зиновьев. Но это указывало на то, что КПП уже развилась в такую партию, которая представляла целую нацию.⁵⁰ Двумя месяцами позднее Радек говорил: «...Наводящая на размышление форма, в которой «Совесть» и многие другие печатные органы немецких националистов обратились к моей речи, показывает, что и в руководящих кругах фашизма имеются элементы, борющиеся за истину, ищущие путь».⁵¹

Однако оптимизм руководства Коминтерна не был обоснованным. Слишком глубока была пропасть между мировоззренческими концепциями национал-большевистской идеологии и представлениями коммунистов. Правда, Меллер ван ден Брук восхищался деятельностью большевиков в России и был готов к союзу с советским государством.⁵² Тем не менее самой большой заслугой большевиков он считал то, что они форсировали национальное обновление России, не считаясь с марксистским тезисом об интернационализме.⁵³ Меллер ван ден Брук добивался и для Германии аналогичного национального обновления с помощью революционных средств.⁵⁴ Предпосылкой для этого он считал преодоление всех конфликтов внутри нации и ее максимальную сплоченность.⁵⁵

Таким образом, КПП, которая не могла отказаться от идеи классовой борьбы, не имела в концепции национал-большевиков права на существование. Тенденция национал-большевистских группировок искать сотрудничества с Советским Союзом исключительно на внешнеполитической арене, но не входить в равноправную внутриполитическую кооперацию с КПП, разочаровала Москву. На III пленуме Исполкома Коминтерна Радек говорил о графе Ревентлове, что тот считает борьбу против Антанты невозможной до тех пор, пока не повержен «внутренний враг». Этим «внутренним врагом» для Ревентлова был революционный рабочий класс.⁵⁶ Все же Радек надеялся убедить «национал-большевиков», что исключение КПП из национального фронта было бы чрезвычайной утратой для

⁴⁹ См. Klemperer. *Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus*. München, 1962. P. 157-158; Mohler. *Die Konservative Revolution*. P. 61-62; Angress. *The Communist Bid for Power*. P. 331-333; Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 343-345; Schüddekopf O.-E. *Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik*. Stuttgart, 1960. P. 150-152.

⁵⁰ Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 101.

⁵¹ Радек. *Die internationale Lage*. P. 38.

⁵² Moeller van den Bruck A. *Das Dritte Reich*. Hamburg, 1931. P. 67.

⁵³ Ibid. P. 36, 72-73.

⁵⁴ Ibid. P. 73-78.

⁵⁵ Ibid. P. 202-206.

⁵⁶ Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 242.

национального дела.⁵⁷ Диалог Коминтерна с национал-большевистскими идеологами не привел к сколько-нибудь значительным результатам. И не только потому, что идеи «национал-большевиков» противоречили идеям коммунистов. Еще важнее был тот факт, что национал-большевистские круги сумели образовать внутри правозэкстремистского лагеря лишь мелкие разрозненные группы, которые не оказывали серьезного воздействия на массы.⁵⁸ Наибольший вес в массах имели те идеологи, которые отвергали не только сотрудничество, но и какой бы то ни было диалог с марксистскими партиями.

Судя по всему, во время рурского кризиса Радек, Бухарин, Зиновьев и другие сторонники сближения с немецким правым экстремизмом еще не знали, насколько принципиален и непримирим его антимарксизм. С точки зрения идеологов Коминтерна, отрицание правым экстремизмом парламентско-демократической системы было глубже и важнее, чем его ненависть к марксистским партиям. Вожди Коминтерна в это время полагали, что всякое противостояние существующему порядку в Германии и Европе прямо или косвенно служит на пользу их делу. Так, они придерживались мнения, что коммунистов связывает с правым экстремизмом нечто большее, чем с социал-демократией, которая стала составной частью веймарской «системы». Как считал Радек, вероятность того, что правые экстремисты примут так или иначе коммунистические идеи, превышала способность воспринять их в среде миролюбивой социал-демократии.⁵⁹ Кое-кто из теоретиков Коминтерна подчеркивал даже, что коммунистов отделяет от правых экстремистов отнюдь не такой непреодолимый барьер, как от «крупных капиталистов». Один коммунистический автор писал в августе 1923 г., что враждебность фашистов к коммунизму не навеки. Коммунисты смогли бы привлечь к себе немало фашистов, если бы вовремя проявили необходимую отвагу и инициативу.⁶⁰ Тогда же Радек заявил «Есть такие классы, которые отделены от нас пропастью, и такие, с которыми мы могли бы найти связь в целях дальнейшей борьбы».⁶¹ Очевидно, он не признавал, что предлагает союз движению, которому лично он, Радек, был трижды ненавистен: как марксист, как еврей и как представитель верхушки Советского государства. Это движение уже тогда готовило истребительную кампанию против всего того, что представлял Карл Радек – против коммунизма, против Советского государства и против еврейства (Карл Радек был еврейского происхождения).

⁵⁷ Ibid. P. 242-244.

⁵⁸ См. Klemperer. *Konservative Bewegungen*. P. 154-163; Mohler. *Die Konservative Revolution*. P. 60-65.

⁵⁹ Radek. *Der Faschismus und die deutsche Sozialdemokratie* // *Inprekorr*. 6.7.1923. Vol. 114. P. 1003-1004.

⁶⁰ L. B. „Schlageter“, *eine Auseinandersetzung* // *Inprekorr*. 1.8.1923. P. 1114.

⁶¹ Radek. *Die internationale Lage*. P. 40.

6. Немецкий «Октябрь». Тактический поворот Коминтерна после отступления правительства Куно

Так как Веймарская республика следовала тактике пассивного сопротивления в оккупированной Рурской области, а окончания рурского кризиса не предвиделось, Коминтерн продолжал «курс Шлагетера». КПП должна была по распоряжению Москвы оставаться частью национального антизападного фронта. В то время в Коминтерне не дебатировался вопрос о захвате власти в Германии. Немецкая компартия должна была лишь бороться за популярность среди радикализирующихся пролетарских и мелкобуржуазных масс, но не заниматься непосредственной подготовкой революционного переворота. Такая тактика встретила ожесточенное сопротивление левой оппозиции внутри КПП. Левым казалось, что положение Германии исключительно благоприятно для революции. Они отвергли как тактику единого фронта с социал-демократами, так и курс Шлагетера, и хотели свергнуть существующий строй силами одного немецкого пролетариата под руководством КПП.⁶² Радек выступил 3 августа 1923 г. со статьей, где критиковал их революционное нетерпение. Компартия, напоминал он, насчитывает в своих рядах в настоящее время всего лишь 300 тысяч рабочих. Слишком мало, чтобы думать о захвате власти. Немецкая буржуазия организована, как никакая другая в мире. И коммунистическая партия должна быть так же хорошо организована. Радек оговаривался, что в России большевики в 1917 г. были еще малочисленней чем немецкие коммунисты, и все же взяли власть в свои руки. Но русская буржуазия была полностью дезорганизована, и тогдашняя русская армия находилась под влиянием большевиков. Лагерь противников немецких коммунистов намного сильнее, в партии должен быть по меньшей мере миллион членов, чтобы думать о решающих битвах.⁶³

Высказывания Радека ясно показывают, что в начале августа 1923 г. возможность революции в Германии еще не обсуждалась в руководстве Коминтерна. Положение изменилось, когда 12 августа правительство канцлера Куно было вынуждено уйти из-за всеобщей забастовки в Берлине и новым рейхсканцлером стал Густав Штретземан. Прозападные симпатии Штретземана были хорошо известны в Москве. Теперь большевикам стало ясно, что на очереди – немецко-французское сближение; до сих пор такая возможность почти не принималась в расчет большевистским руководством. Результатом сближения бывших врагов – Германии и Франции и одновременного отхода Германии от политики Рапалло могла бы быть опасная внешнеполитическая изоляция СССР. Многие исследователи и наблюдатели с полным правом отмечали, что одной из важнейших причин тактического поворота Коминтерна во второй половине августа был страх перед

⁶² См. Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 310-317.

⁶³ Radek. Der nahende Bankrott der deutschen Bourgeoisie // Inprekorr. 3.8.1923. P. 1116.

немецко-западным примирением.⁶⁴ Руководство Коминтерна, которое еще в начале августа критиковало левую оппозицию в КПП за ее революционное нетерпение, считая нереальным коммунистический переворот в Германии, теперь само начало подталкивать КПП к захвату власти.

Со своей стороны Москва изменила свой курс в отношении Веймарской республики. Сохранение территориального единства немецкого государства, за которое большевики выступали с самого начала рурского кризиса, уже не рассматривалось как вопрос первостепенной важности. Еще в начале 1923 года советское руководство предостерегло Польшу от попыток использовать слабость Германии для аннексии Восточной Пруссии и Верхней Силезии.⁶⁵ Во второй половине августа позиция Москвы была уже совсем другой. Это можно видеть из разговора, который состоялся 20 августа между Радеком и польским посланником в Москве Романом Кноллем. Как сообщал Кнолль, Радек считает коммунистов и правых экстремистов в настоящий момент единственными силами в Германии, имеющими политический вес. В случае революции в Германии все остальные политические группы, не исключая правительство Штреземана, были бы уничтожены. И тогда решающую роль сыграет исход спора между КПП и правоэкстремистскими силами. Правые экстремисты имели бы наиболее сильные позиции в Баварии и Восточной Пруссии. Зато коммунистам, как они считают, удался бы захват власти во всех других областях страны. Правые, без сомнения, развязали бы гражданскую войну против немецкой революции. В этом случае советское руководство не возражало бы против аннексирования Польшей Восточной Пруссии. Но лишь при том условии, что Польша не будет претендовать на другие немецкие земли и не будет препятствовать доставке русского зерна революционной Германии.⁶⁶

В это же время советский дипломат Копп предлагал то же самое польскому министру иностранных дел Сайде. Тот посчитал эти авансы советской провокацией.⁶⁷ В действительности трудно судить, насколько серьезными были предложения советского правительства. Во всяком случае нельзя недооценивать сам факт подобных переговоров. Большевики рассматривали Польшу как одного из своих агрессивнейших соседей, Веймарскую же республику считали единственным союзником советского государства среди всех «капиталистических» стран. К важным мотивам немецко-советского сближения принадлежало общее для обеих стран враждебное отношение к Польше - сильнейшей опоре Версальского порядка в восточной Европе; обе стороны были заинтересованы в устранении Польши как помехи между Германией и Россией. И как раз этому государству большевики предлагали аннексировать немецкую провинцию. Это показывает,

⁶⁴ См. Angress. *The Communist Bid for Power*. P. 391-393; Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 368-369, 379.

⁶⁵ См. Eudin, Fischer. *Soviet Russia and the West*. P. 177-178.

⁶⁶ См. Carr. *The Interregnum*. P. 218-219; G. Bessedowsky. *Im Dienste der Sowjets. Erinnerungen*. Leipzig, 1930. P. 163; Krasuski J. *Stosunki polsko-niemieckie 1919-1932*. Poznań, 1975. P. 36.

⁶⁷ Bessedowsky. *Im Dienste der Sowjets*. P. 171-175; Krasuski. *Stosunki polsko-niemieckie*. P. 37.

насколько радикальным был тактический поворот Коминтерна во второй половине августа в сфере немецкой политики.

Установка большевиков на немецкую революцию после ухода правительства Куно, а также пересмотр шлагетеровского курса были связаны не только с внутринемецкими причинами. Тот факт, что в это время большевистское руководство было охвачено таким же революционным нетерпением, какое совсем недавно ставилось в вину немецким коммунистам, связан с определенными процессами внутри самого руководства. Это обстоятельство слишком мало освещено в имеющихся исследованиях. На тактические соображения большевиков лета 1923 года и их оценку тогдашнего положения Германии в значительной мере повлияла борьба за ленинское наследие, которая велась тогда в большевистском руководстве. Краткая характеристика ситуации этой борьбы может пролить свет на подоплеку внешнеполитической тактики большевиков.

Борьба за ленинское наследство разгорелась уже незадолго до смерти вождя. Ленин предвидел эту борьбу, в своем политическом завещании в декабре 1922 года он предостерегал руководство партии от раскола. В конфликте между Троцким и Сталиным, которые были охарактеризованы им как две самые значительные фигуры в партии, он видел величайшую опасность для будущего большевистской партии.⁶⁸ Здесь проявилось тонкое психологическое и политическое чутье Ленина. В конце 1922 г., когда Ленин писал свое завещание, никому из тех, кто составлял элиту партии, не пришло бы в голову ставить Сталина на один уровень с Троцким и рассматривать Сталина как одну из ведущих фигур. Недооценка Сталина старой большевистской гвардией и переоценка опасности возможной «бонапартистской» диктатуры Троцкого красной нитью проходит сквозь борьбу за наследие Ленина. Борис Бажанов, в 1923-1924 гг. секретарь Политбюро, бежавший на Запад в 1928 г., сообщает о чрезвычайно интересном и имевшем большие последствия заседании Политбюро, которое состоялось 23 августа 1923 года; на нем ясно обозначилась конкурентная борьба между Троцким и его противниками в большевистском руководстве. Ради этой встречи многие прервали свой отпуск. В крайне накаленной атмосфере обсуждались перспективы революции в Германии.⁶⁹ Мотором дискуссии был Лев Троцкий. По его мнению, новая революционная волна, которую так долго ожидали большевики, уже поднялась. Победа немецкой революции приведет к краху мировой буржуазии. Теперь большевики должны отдать все свои силы немецкой революции. Или она одержит победу – и следом разразится мировая революция, или немецкий рабочий класс потерпит поражение – тогда и советское государство будет уничтожено «мировым капиталом». Для Троцкого победный исход немецкой революции был вопросом ближайших недель.⁷⁰ Точка зрения других членов Политбюро была ос-

⁶⁸ Ленин. ПСС. Т. 45. С. 344 и сл.

⁶⁹ Bažanov B. Stalin, der rote Diktator. Von seinem ehemaligen Privatsekretär. Berlin, 1931. P. 123; см. также Angress. The Communist Bid for Power. P. 393.

⁷⁰ Bažanov. Stalin. P. 123-124.

торожней. Зиновьев не верил в быструю победу немецких коммунистов. Сталин был еще более скептичен. Он сомневался, в состоянии ли немецкие коммунисты хотя бы на время захватить власть в Германии.⁷¹ Нельзя сказать, чтобы оппоненты Троцкого вовсе не придавали значения возможной революции в Германии. Но они не разделяли его уверенности, что от исхода немецкой революции зависит судьба советского государства. Точно так же они не были готовы рисковать столь многим ради этой революции, как требовал Троцкий.⁷²

Анализируя эти дебаты, невозможно отрешиться от впечатления поразительного сходства со спорами, которые шли в большевистском руководстве перед Октябрьской революцией в России. Тогда Ленин решительно требовал от большевистского руководства немедленного восстания, и считал, что отсрочка окажется для большевиков смертельной. Но большинство в Центральном Комитете не было убеждено в успехе восстания против Временного правительства и не соглашалось с Лениным. Вождю пришлось пустить в ход все свое полемическое искусство, даже пригрозить уходом в отставку.⁷³ В этом споре Троцкий стоял на стороне Ленина.⁷⁴ В конце концов им удалось убедить значительную часть большевистского ЦК в необходимости немедленного удара. Зиновьев и Каменев были единственными членами ЦК, которые до последнего момента придерживались мнения, что восстание является безответственной авантюрой и окончится катастрофой. Больше того, за несколько дней до запланированного переворота они выступили в печати против восстания, раскрыв тайные планы партии. Оба покинули все руководящие органы и вернулись в партию лишь через несколько дней после благополучно окончившегося государственного переворота.⁷⁵ В своем политическом завещании, написанном пятью годами позже, Ленин заметил, что действия Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года не были случайными.⁷⁶ Для Каменева и особенно для Зиновьева этот эпизод их политического прошлого был настоящей травмой. Зиновьев рассматривал как величайшую ошибку своей жизни то, что в решающий для истории партии момент он не встал на сторону Ленина.⁷⁷ При анализе действий большевистского руководства накануне немецкого «Октября» не следует упускать из виду события, предшествовавшие государственному перевороту в октябре 1917 года.

Троцкий не был убежден в способности старой большевистской гвардии к решительным действиям. Впоследствии он часто писал о том, как Ленину приходилось навязывать свои решения колеблющемуся и нерешительному большеви-

⁷¹ Ibid. P. 124-125; Trockij. Stalin. T. 2. P. 203.

⁷² Važanov. Stalin. P. 124-125.

⁷³ См. Trockij. Geschichte der russischen Revolution. P. 795-831; idem. 1917. Die Lehren der Revolution. P. 50-56 и 76; E. H. Carr. The Bolshevik Revolution. Vol. 1. P. 93-97.

⁷⁴ Deutscher. Der unbewaffnete Prophet. P. 277-279.

⁷⁵ См. Bunyan J., Fisher H.H. The Bolshevik Revolution 1917-1918. Documents and Materials. Stanford/California, 1965. P. 59-62. Carr. Socialism in One Country. Vol. 1. P. 154, 160-161.

⁷⁶ Ленин. ПСС. Т. 45. С. 345.

⁷⁷ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 7.

стскому руководству. Но теперь, в 1923 г., Ленин был смертельно болен, и большевики должны были впервые принять решение чрезвычайной важности без него.⁷⁸ По поведению Троцкого летом и осенью можно заключить, что он самолично хотел взять на себя роль, какую Ленин при его поддержке играл в октябре 1917 года. Теперь Троцкий одновременно был и предостерегающей, и движущей силой. Он повторял слова Ленина о том, что судьба большевиков зависит от их оперативности. Но за спиной у большевистских руководителей уже было шесть лет существования их режима. За эти годы они научились преодолевать чрезвычайные опасности и выходить с победой из почти безвыходных ситуаций. Летом 1923 года не могло быть и речи о смертельной опасности для большевистского режима. Тем не менее Троцкий твердил, что судьба режима решается теперь в Германии. Почему? Можно предложить несколько объяснений этой позиции Троцкого. Опасности, которые видел Троцкий, были скорее внутреннего, нежели внешнего характера. Троцкий боялся возврата отсталой России к «капиталистическим» отношениям: государству не удалось успешно конкурировать с частным сектором после двух лет НЭПа.⁷⁹ Другую опасность для режима Троцкий усматривал в бюрократическом перерождении большевистской партии и в исчезновении революционного идеализма у большевиков.⁸⁰ Всё это видел и Ленин на исходе своей политической деятельности. В своих последних речах и работах он вновь и вновь призывал своих соратников бороться как с отсталостью России, так и с бюрократизацией партии.⁸¹ Оба сходились в своем диагнозе, но средства, предлагаемые Лениным и Троцким, были различными. Ленин полагал, что опасности можно избежать, лишь повысив общий культурный уровень народа.⁸² Предложения же Троцкого гораздо меньше, чем ленинские, касались России. С его точки зрения, только помощь революции на промышленно развитом Западе могла воспрепятствовать перерождению партии и возврату России к «капитализму».⁸³

Требование Троцкого форсировать события в Германии, можно сказать, имело успех в большевистском руководстве.⁸⁴ Зиновьев теперь соревновался с Троцким в радикализме.⁸⁵ Потрясение от неправильно понятой ситуации в октябре 1917 года лежало, по всей вероятности, в основе его позиции: теперь он явно переоценивал перспективы немецкой революции. Кроме того, Зиновьев, как и другие

⁷⁸ Trockij. 1917. Die Lehren der Revolution. P. 50-56, 76; idem. Geschichte der russischen Revolution. P. 795-831; idem. Mein Leben. P. 290.

⁷⁹ См. Троцкий. Речь на XII съезде РКП (б) // Двенадцатый съезд РКП (б). 1923. Стенографический отчет. М., 1968. С. 312-352; его же. Die Grundfragen der Revolution // Inprekorr. 1923. September. Vol. 145. P. 1259-1260.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ленин. ПСС. Т. 45. С. 383 и сл., 389 и сл.

⁸² Там же. Т. 45. С. 376 и сл., 389-406.

⁸³ См. Deutscher. Der unbewaffnete Prophet.

⁸⁴ См. Goldbach. Karl Radek und die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1918-1923. P. 131-132.

⁸⁵ См. Zinov'ev. Die Probleme der deutschen Revolution // Inprekorr. 19.10.1923. Vol. 163. P. 1387-1389.

противники Троцкого в Политбюро, не хотел оставлять немецкую революцию в распоряжении одного Троцкого. Большинство членов Политбюро опасалось, что в случае успеха этой революции Троцкий вновь явится в ореоле победителя перед мировым коммунистическим движением, а его конкурентов снова заклеят как нерешительных оппортунистов.

В итоге Политбюро поддержало Троцкого. Было вынесено решение о поддержке немецкой революции.⁸⁶ Но оно совпало с моментом, когда революционная ситуация в Германии уже миновала свой апогей. Многие наблюдатели и историки, например, Рут Фишер, Франц Боркенау, Вернер Ангресс и другие, считают кульминацией революционного развития июль и первую половину августа – до генеральной забастовки 12 августа 1923 г., которая привела к падению правительства Куно. Проект немедленного революционного удара был тогда отвергнут руководством Коминтерна.⁸⁷

7. Революционные ожидания в Москве

В первые сентябрьские недели 1923 года атмосфера в Москве была полна революционных ожиданий, сознания близкого всемирно-исторического поворота. Казалось, непосредственно приблизился разгром «мирового капитала». Похожие настроения царили и в советской столице три года тому назад, когда Красная Армия стояла под Варшавой. По крайней мере часть большевистского руководства была тогда охвачена революционной романтикой: надеялись одним ударом покончить с «мировым капиталом». Даже Ленин, утратив свойственную ему осторожность, поддался этим чувствам.⁸⁸ Зато Троцкий и Радек предостерегали большевиков от чрезмерного революционного оптимизма и вторжения в исконно польские области.⁸⁹ Теперь же, осенью 1923 г. Троцкий сам стал революционным романтиком.

С трезвой и осторожной оценкой, которая в определенной степени соответствовала позиции Троцкого в 1920 г., выступил Сталин. И все же теперь, как и тогда, оптимисты сумели одолеть своих более осторожных оппонентов и добились принятия своих программ. Эти победы говорят многое о шкале идеологических и политических ценностей на тогдашнем этапе истории большевистской партии.

⁸⁶ См. Angress. *The Communist Bid for Power*. S. 393ff.; Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 379; Bažanov. *Stalin*. P. 125-127.

⁸⁷ Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 391; Borkenau. *The Communist International*. P. 247; Angress. *The Communist Bid for Power*. P. 392; Tjaden K.H. *Struktur und Funktion der KPD- Opposition (KPO). Eine organisatorisch-soziologische Untersuchung der „Rechts“-Opposition im deutschen Kommunismus zur Zeit der Weimarer Republik*. Meisenheim, 1964. P. 32-33.

⁸⁸ См. Троцкий. *Über Lenin*. P. 85-86; Fisher. *The Soviets in World Affairs*. P. 268-271.

⁸⁹ Fisher. *The Soviets in World Affairs*. P. 268-271; Deutscher. *Der unbewaffnete Prophet*. P. 434, 436, 439.

Идеал мировой революции до такой степени владел партией, что аргументы защитников этой революции почти автоматически приобретали больший вес, чем все возражения скептиков, едва только открывалась перспектива такой революции – как бы ни была мала эта перспектива.

Изменение политики Коминтерном в Германии после падения правительства Куно неизбежно должно было повлиять на отношение коммунистов к правым экстремистам. Правда, коммунисты еще настойчивей подчеркивали идею пролетарской революции в своей пропаганде, направленной на немецкие мелкобуржуазные массы.⁹⁰ Но это не означало, что из их программы исчезли националистические лозунги. Коминтерн пытался связать их с лозунгами коммунизма. Политика союза с немецкими правыми экстремистами сменилась конкурентной борьбой за влияние на националистически настроенные мелкобуржуазные массы. В этой связи Зиновьев сказал 22 октября 1923 года: «Немецкие коммунисты не только вправе, но и обязаны вырывать из-под власти буржуазных националистов те слои неимущих, которые следуют за фашистами из верной и справедливой ненависти к угнетателям из Антанты».⁹¹

Чтобы не отдать немецкую мелкую буржуазию «фашистам», коммунисты наперебой с правыми экстремистами состязались в радикализме своей националистической пропаганды, в нападках на «капитулянтское» правительство Штреземана. Прекращение Штреземаном пассивного сопротивления в Рурской области 26 сентября 1923 г. рассматривалось Радеком как полная капитуляция Германии.⁹² Он считал, что в личности Штреземана воплощено банкротство всей немецкой буржуазии в целом. Глубинный смысл событий в Германии Радек усматривал в том, что правящие классы в этой стране отказались от своей главной функции – обеспечения национального единства и независимости страны. И поэтому они обречены на гибель.⁹³ Второго октября 1923 года Радек призывал немецкий народ отомстить за все унижения, испытанные им со стороны стран-победительниц,⁹⁴ его аргументация не отличалась от доводов немецких националистов.

Вопреки всем попыткам немецких коммунистов перегнать правых экстремистов на поприще националистической пропаганды, они не имели шансов на успех; в националистической агитации коммунистов чувствовалась раздвоенность, чего не было, например, у национал-социалистов. Коммунисты, чтобы сохранить верность самим себе, не могли проповедовать безоглядную национальную ненависть, хотя бы потому, что им постоянно приходилось подчеркивать необходимость дружбы с Советским Союзом, важность международной солидарности пролетариата. Нацистская партия в подобных оговорках не нуждалась.

⁹⁰ Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 379-380; Buber-Neumann. Kriegsschauplätze der Weltrevolution. P. 106-107; Angress. The Communist Bid for Power. P. 408-415.

⁹¹ Zinov'ev. Die Probleme der deutschen Revolution // Inprekorr. 22.10.1923. P. 1396.

⁹² Radek. Die Kapitulation der deutschen Bourgeoisie // Inprekorr. 2.10.1923. Vol. 155. P. 1327.

⁹³ Ibid. P. 1327-1328.

⁹⁴ Ibid. P. 1328.

8. Октябрьское поражение

Начиная с сентября 1923 года коммунисты полным ходом вели подготовку к перевороту в Германии. Повсеместно создавались пролетарские сотни. Тысячи немецких коммунистов проходили военную подготовку под руководством советских инструкторов. По плану, выработанному в Москве, ядром германской революции должны были стать земли Саксония и Тюрингия. В начале октября успешно прошли переговоры о создании коалиции между левыми социалистическими правительствами этих земель и коммунистами. Коммунисты должны были войти в состав саксонского правительства Цайгнера и тюрингенского правительства Фрелиха. Этот шаг должен был означать начало революционных преобразований по всей Германии.⁹⁵ Ведущим немецким коммунистам было понятно, сколь вызывающим выглядел этот шаг в глазах консерваторов, не говоря уже о правых экстремистах. Председатель КПП Брандлер пытался сопротивляться нажиму большевистских вождей, требовавших от него немедленно вступить в земельные правительства Средней Германии. Он хотел подождать до тех пор, пока коммунисты не завоюют на свою сторону большинство населения в обеих землях.⁹⁶ Но большевики все же смогли навязать ему свою волю.

Непосредственно перед вступлением КПП в саксонское правительство один из идеологов КПП Пауль Беттхер анализировал возможную реакцию имперского правительства и «фашистов» на этот процесс. Беттхер был далеко не так оптимистичен, как некоторые большевистские вожди. По его мнению, пролетариат Саксонии Тюрингии окружен «гитлеровскими гвардейцами» с юга и соединениями рейхсвера с севера. И хотя КПП, войдя в правительство, временно перехватила инициативу, контрреволюция может нанести удар в любой момент и начать карательные акции против пролетариата. Беттхер обратился с призывом к рабочему классу всей Германии не допустить разгрома рабочих правительств в Саксонии и Тюрингии.⁹⁷ Таким образом, он весьма реалистически оценивал угрозу, нависшую над коммунистическо-социалистическими правительствами в Центральной Германии.

Опасность сознавал и Радек. Его статья в «Правде» в конце сентября была посвящена этой теме. Он указал на то, что и «фашисты» во главе с Людендорфом и Гитлером, и имперское правительство в одинаковой мере стремятся уничтожить «красную» Центральную Германию. Однако Радек находил правительство Штреземана слишком слабым для решающей борьбы со своими внутривнутриполитическими противниками.⁹⁸

⁹⁵ См. Die Lehren der deutschen Ereignisse. Das Präsidium der Kommunistischen Internationale zur deutschen Frage. Januar 1924. Hamburg, 1924. P. 60.

⁹⁶ Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 380, 410; Angress. The Communist Bid for Power. P. 400-401; Deutscher. Der unbewaffnete Prophet. P. 145.

⁹⁷ Böttcher P. Die sächsisch-thüringische Regierung // Inprekorr. 12.10.1923. Vol. 160. P. 1364.

⁹⁸ Радек. Капитуляция Германии и фашистский переворот в Баварии // Правда. 28.9.1923.

В бессилии веймарского правительства были убеждены не только коммунисты, но и национал-социалисты, которые всего лишь через год после похода итальянских чернорубашечников на Рим планировали свой собственный поход на Берлин, чтобы расчитаться с парламентским государством, как это сделали фашисты в Италии. Нацисты упустили из виду, что положение тогдашнего веймарского правительства было куда благоприятней, чем положение либерального итальянского правительства накануне переворота. Либеральные правительства в предфашистской Италии не пользовались поддержкой ни одной значительной массовой партии. Это чрезвычайно осложнило сопротивление итальянских либералов фашизму. В то же время правящий слой в Италии все больше поддавался соблазну сомкнуться с массовым правым движением, которое явно стремилось защищать существующий строй от марксистов. Веймарское же правительство пользовалось в 1923 г. поддержкой двух партий с массовой базой: католического центра и, что еще важнее, социал-демократов. Другими словами, правительство в своей борьбе против попыток переворота располагало массовой базой как на левом, так и на консервативном фланге.

Вот почему правящие круги Германии не испытывали в то время столь сильного соблазна воспользоваться одной из экстремистских партий в борьбе с другой, как это было в предфашистской Италии. На эту разницу указывал еще в 1946 г. советский историк Слободской. Он говорил о том, что итальянская буржуазия, в отличие от немецкой, не могла полагаться на сочувствие социал-демократов. Поэтому консервативные круги Италии в ходе послевоенного кризиса с самого начала отвергли демократию и парламентаризм и сравнительно быстро пошли на сговор с фашистами.⁹⁹ Этот тезис Слободского полностью соответствует действительности. Пропасть между «буржуазным» итальянским государством и социалистами способствовала установлению союза между консерваторами и фашистами. Само собой разумеется, что в Германии тоже существовала глубокая взаимная антипатия между социал-демократами и консерваторами. Тем не менее определенным силам в обоих лагерях удалось временно ее преодолеть, что и позволило создать Веймарскую республику.

Однако эти силы столкнулись с мощной оппозицией внутри собственных партий. Оппозиционные силы стремились объединиться с другими партнерами. Какие альтернативы имели при этом в виду эти оппозиционные силы, стало ясно осенью 1923 г. на примере Центральной Германии и Баварии. Там в локальном масштабе сложились коалиции, которые стремились вынести на общегосударственный уровень, с одной стороны, требования оппозиции внутри СДПГ, а с другой - требования оппозиции внутри консервативного лагеря. Левая социал-демократическая оппозиция предпочла союз с коммунистами союзу с консерваторами, а оппозиция внутри консервативного лагеря, со своей стороны, считала, что национал-социализм - лучший союзник, чем социал-демократия. Но распро-

⁹⁹ Slobodskoj S. Der italienische Faschismus und sein Zusammenbruch. Berlin, 1948. P. 42, 50-52.

странить «баварской» или «саксонской» модели на всю страну не удалось. Веймарская коалиция была еще достаточно крепка, чтобы противостоять экстремистским требованиям с обеих сторон. Да и сами эти модели уже осенью 1923 г. продемонстрировали, до какой степени двойственными, внутренне раздробленными были оба этих союза, альтернативных веймарской коалиции.

В октябре этого года коммунисты вступили в союз с политической группировкой, боееспособность и политические цели которой сами коммунистические лидеры оценивали по меньшей мере скептически. Хотя вожди Коминтерна и приветствовали то, что левые социал-демократы предпочли сотрудничество с КПГ практиковавшемуся большинством СДПГ союзу с буржуазными партиями, это признание было однако обставлено множеством оговорок. 25 октября 1923 г. Зиновьев сравнил левых социал-демократов с левыми эсерами, которые после Октябрьской революции некоторое время сотрудничали с большевиками, чтобы затем выступить против них.¹⁰⁰ По словам Зиновьева, радикализация масс вынудила левую социал-демократию пойти на сотрудничество с коммунистами, чтобы не допустить окончательного перехода масс на сторону коммунистов. С этим не вполне добровольным партнером надо быть начеку, коммунисты не должны допустить, чтобы левые социал-демократы играли самостоятельную роль в коалиционном правительстве: «Как только эти господа вступят в революционное правительство, они наверняка предпримут попытку в решающий момент превратить революционное правительство в дискуссионный клуб. В тот момент, когда потребуются железная диктатура и стальная решимость, они будут висеть на революционном правительстве, как гири на ногах. Излишняя «поддержка» со стороны левого крыла СДПГ может оказаться роковой для пролетарской революции».¹⁰¹ С такими настроениями коммунисты вступили в союз с левыми социал-демократами. Сомнения коммунистов в готовности левых социал-демократов противостоять общегерманскому правительству оправдались. Когда рейхсвер приступил к ликвидации «саксонского эксперимента», левые социал-демократы отвергли требование коммунистов предпринять насильственные контрмеры. «Ненадежность» социал-демократии нанесла окончательный удар и без того малореальным революционным планам Коминтерна.

Но и Гитлер несколько недель спустя имел возможность убедиться в «ненадежности» своих консервативных союзников. Марш на Берлин потерпел такое же поражение, как и «немецкая Октябрьская революция». Гитлер увидел, что его консервативные партнеры не хотят вооруженного столкновения с государственной властью. Опыт политического флирта с мнимыми союзниками, приобретенный коммунистами и национал-социалистами, оказался весьма сходным. Но обе группировки сделали из этого принципиально разные выводы. В отличие от коммунистов, не подвергавших сомнению правильность собственной тактики и считавших причиной своего поражения лишь «неустойчивость» своих союзни-

¹⁰⁰ Zinov'ev. Die Probleme der deutschen Revolution // Inprekorr. 25.10.1923. Vol. 165. P. 1404.

¹⁰¹ Ibid.

ков, Гитлер не настаивал на непогрешимости своей тактики. Лучше коммунистов он понял, что нельзя ждать многого от политических сил, отвергающих применение прямого насилия. Поэтому он решил изменить не характер своих союзников, а собственную тактику. Тогда, быть может, колеблющиеся союзники превратятся в надежных партнеров.

Так зарождалась гитлеровская идея «легализма» - прихода к власти при помощи государственного аппарата, а не вопреки ему.

„Демон русской революции“ или ее последний романтик? – Троцкий в борьбе против Сталина и Гитлера*

Физическое уничтожение старой большевистской гвардии, которая после 1917 года диктаторски властвовала в России, - одно из самых поразительных явлений новейшей истории. Внешне эта трагедия, отчасти, напоминает события во Франции времен якобинского террора. Но во Франции 9 термидора 1794 года режим Робеспьера, просуществовавший не более двух лет, рухнул. В Советском Союзе, напротив, „термидора“ никогда не было, вопреки утверждениям некоторых авторов. Не могло быть и речи о сколько-нибудь последовательном сопротивлении тирану со стороны ленинской гвардии, за немногими редкими исключениями - такими как Мартемьян Рютин и некоторые другие. Вот что пишет в этой связи биограф Сталина, А. Антонов-Овсеенко:

„Часто спрашивают, неужели на Сталина не было ни одного покушения? Да, ни одного... Да их не было у нас, заговорщиков, ибо уже к началу 30-х годов с именем Сталина связывали все победы социалистического строительства. И разгром „троцкизма“. И укрепление единства коммунистических рядов“.¹

Упорная борьба Троцкого против Сталина, которую бывший соратник Ленина вел начиная с 1929 года вплоть до своей гибели в 1940 году, нетипична для тогдашнего большевизма. Высылка из СССР, которую так тяжело пережил Троцкий, в конечном итоге оказалась подарком судьбы, так как эффективная борьба с новой деспотией была возможна только из-за границы.

Но не только внутреннюю политику Сталина, но и его губительную для страны и для европейского рабочего движения внешнюю политику можно было после 1929 года в сущности критиковать лишь из эмиграции. Это особенно касается абсурдной концепции „социал-фашизма“ восторжествовавшей в Коминтерне в 1929 году, чуть ли не накануне захвата власти нацистами. Сталинское руководство Коминтерна беспощадно пресекало любую попытку немецких коммунистов объединиться с социал-демократами в борьбе против фашизма, клеймило этих коммунистов как беспринципных оппортунистов.² Это о них сказал Эрнст Тельман в декабре 1931 года, что они не видят из-за нацистских деревьев социал-демократического леса.³ О возможности единого фронта с социал-демократами стали говорить в Коминтерне лишь в середине 1934 года, когда рабочее движение в Германии было уже уничтожено Гитлером.

* Опубликовано ранее в журнале *Kommune* (1990. № 10).

¹ Антонов-Овсеенко А. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 84.

² См. Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935. Stuttgart, 1935.

³ Die Kommunistische Internationale. 10.12.1931. P. 1906.

К числу немногих коммунистов, которые открыто боролись против отождествления социал-демократии с фашизмом и предостерегали от катастрофических последствий подобной тактики, в первую очередь принадлежал Троцкий. Можно обвинять Троцкого в чем угодно, но только не в том, что он недооценивал нацистской угрозы. Его полемика с официальной линией Коминтерна в начале тридцатых годов - это блестящая и уничтожающая критика сталинского упрощательства.

Но близорукими с точки зрения Троцкого оказались и другие противники национал-социализма. Сыгравший в 1917 году важнейшую роль в уничтожении русской демократии, он в начале тридцатых годов с бессильным раздражением наблюдал, как немецкие демократы совершают почти те же ошибки, какие в свое время допускали демократические противники большевиков в России.⁴ Нацисты сумели использовать слабость парламентарного государства и близорукость своих конкурентов несколько не хуже большевиков.

Одним из элементов этой тактики, особенно сближавшим большевиков с нацистами, было специфическое сочетание легальных и нелегальных средств в борьбе за власть. Этот факт особенно беспокоил Троцкого. Противники НСДАП (Национал-Социалистической Рабочей Партии) слишком односторонне ориентировались на легальную, парламентскую борьбу. Не только СДПГ (социал-демократы) но и КППГ по сути дела полагалась на конституционный порядок и верила, что Гитлер будет соблюдать правила парламентской игры.⁵ Троцкий же понимал, что рано или поздно нацисты перейдут к внепарламентским действиям. В декабре 1931 года он писал, что национал-социалисты никогда не получают абсолютного большинства на выборах.⁶ Иными словами, Троцкий был уверен, что демократическим путем нацизм не придет к власти. Но господствующие группировки в Германии могут передать нацистам власть добровольно; такую возможность Троцкий тоже учитывал. В этом случае государственный переворот был бы естественным следствием передачи власти.⁷

Задолго до победы Гитлера Троцкий не уставал повторять: без уничтожения парламента, многопартийной системы и прежде всего организаций рабочего класса, господство нацистов немислимо.⁸

Единственное, что может предотвратить нацистский переворот - это единый фронт коммунистов и социал-демократов. Сталинское же руководство, продолжает Троцкий, признает лишь один вид единого фронта - когда все другие партии безоговорочно подчиняются приказам Коминтерна. Сталинскую теорию „соци-

⁴ См. Deutscher I. *Der verstoßene Prophet*. Stuttgart, 1963. P. 263; Brahm H. *Trockijs Aufrufe gegen Hitler 1930-1933 // Jahrbücher für Geschichte Osteropas*. 1963. P. 521-542; Wistrich R.S. *Leon Trotsky's Theory of Fascism // Journal of Contemporary History*. 1976. P. 157-184; Trotzki L. *Schriften über Deutschland / Ed. H. Dahmer*. Frankfurt/Main, 1971. Vol. 1. P. 184, 345; idem. *Diary in Exile 1935*. Cambridge/Mass., 1968. P. 3.

⁵ L. Trotzki. *Schriften über Deutschland*. Vol. 1. P. 164-165, 310, 391-392.

⁶ Ibid. P. 164-165.

⁷ Ibid. P. 391-392.

⁸ Троцкий Л. Что есть Социалфашизм // Бюллетень оппозиции. 1930. Май. № 15-16. С. 29.

ал-фашизма“ Троцкий называет бессмысленной конструкцией, у которой есть лишь одно преимущество: никто из членов Коминтерна не смеет против нее протестовать.⁹

Такой же безжалостной критике Троцкий подвергал тактику немецких социал-демократов. СДПГ, пишет Троцкий, не верит, что фашисты перейдут от слов к делу. Социал-демократы судят по себе о поведении нацистов. Для этой партии всегда был характерен страх перед решительными действиями. Такую же нерешительность она невольно приписывает и НСДАП. А когда вырисовывается реальная опасность, СДПГ уповает на прусскую полицию, на армию, на верность президента конституции. СДПГ, миллионная партия, хотела бы, чтобы государственные чиновники защитили ее от другой миллионной партии.¹⁰

Все эти черты, подмеченные Троцким, были присущи и русским социал-демократам и социал-революционерам, что конечно облегчило большевикам захват власти в 1917 году. Непосредственно после большевистского переворота Троцкий в одной из своих речей, обращенной к социал-демократическим противникам, презрительно указал им дорогу в «мусорную корзину истории».¹¹ Тринадцать лет спустя он видит в союзе с движением, которое он когда-то с таким высокомерием изгнал с политической сцены в России, чуть ли не единственную возможность преградить национал-социализму дорогу к власти.

Между прочим, Гитлер после своей победы почти дословно повторил давнее высказывание Троцкого о крахе социал-демократии. Однако он распространил это утверждение на всех марксистов, т.е. и на коммунистов.¹²

Очень рано Троцкий предсказывал смертельную угрозу, какую нацистская Германия представит для Советского Союза. Лишь фашистская Германия может решиться на войну с Советским Союзом, чтобы отвлечь внимание народа от неразрешимых внутренних проблем, писал Троцкий еще в 1932 году, до победы нацистов.¹³

Троцкий даже советовал советскому руководству провести частичную мобилизацию, как только нацисты захватят власть в Германии.¹⁴ Сталинское руководство Коминтерна квалифицировало эти советы как провокацию. Сталинист Отто Куусинен утверждал в сентябре 1932 года, будто Троцкий добивается, чтобы Советский Союз без всякой необходимости ввязался во внешнеполитическую авантюру и тем самым поставил на карту свою безопасность.¹⁵

Когда национал-социалисты действительно пришли к власти, Троцкий заявил, что их стремление к неограниченной экспансии можно подавить лишь силой.

⁹ Trotzki. Schriften über Deutschland. P. 193-194.

¹⁰ Ibid. P. 187-188.

¹¹ Trotzki L. Geschichte der russischen Revolution. Vol. 1-3. Frankfurt/Main, 1973. P. 951.

¹² Hitler, Reden und Proklamationen. 1932-1945 / Ed. M. Domarus. München, 1965. Vol. 1. Erster Halbband 1932-1934. P. 232.

¹³ Trotzki. Schriften über Deutschland. Vol. 1. P. 157-158, 313-315. Vol. 2. P. 559.

¹⁴ Ibid. Vol. 1. P. 315.

¹⁵ XII Пленум ИККИ. 27.VIII.-15.IX.1932. Стенографический отчет. V. 1932.

Пытаться вести с ними мирные переговоры бесполезно. На западные державы он однако в этой борьбе не слишком надеялся. Троцкий достаточно рано распознал политическую близорукость тогдашних западных руководителей. Западные державы, писал он в 1933 году, лелеют надежду, что национал-социалистическая экспансия устремится на Восток. Поэтому они и не возражают против вооружения Германии. В действительности же национал-социализм стремится не только к завоеванию Востока но и к мировому господству. Поэтому его война с западными странами тоже рано или поздно неизбежна.¹⁶

Ясное понимание того, что гитлеризм представляет собой небывалую опасность для европейской цивилизации, совмещалось у Троцкого, как ни странно, с определенной недооценкой Гитлера, не говоря уже о его презрении к личности нацистского вождя и к его „абсурдному“, „сумбурному“ и „ненаучному“ мировоззрению (как выражался Троцкий). Подобно другим высокообразованным интеллектуалам он недооценивал Гитлера - примитивного и полуобразованного самоучку. Но также отнеслись к Гитлеру и Курцио Малапарте и Освальд Шпенглер и многие другие, видевшие в Гитлере лишь карикатуру на Муссолини.¹⁷

Впрочем в недооценке Троцким Гитлера сыграло роль еще одно обстоятельство. Троцкий - герой и вдохновитель русской революции, полководец гражданской войны и признанный лидер мирового коммунистического движения - долгое время был кумиром масс, объектом безмерного восхищения. Его судьба сложилась, однако, так, что сначала его изгнал за пределы страны один примитивный самоучка - Сталин, а затем ему пришлось пассивно наблюдать, как другой такой же самоучка - Гитлер - достиг абсолютной власти в Германии, в стране, которую Троцкий считал ключевой в мировой политике и в мировой революции. Троцкий не мог примириться с тем, что многие объясняли удивительные успехи Сталина и Гитлера их личными качествами и способностями. Ему казалось, что триумф этих жалких деятелей объясняется действием анонимных исторических сил, которые, так сказать, „воспользовались“ Сталиным и Гитлером.¹⁸ Когда Троцкий это писал, Сталин завершил коллективизацию - беспрецедентную по своим преступным масштабам революцию сверху, а Гитлер стал единоличным властителем крупнейшей индустриальной державы Европы.

И всё же Троцкий ставил Гитлера в определенном смысле выше Сталина. Троцкому до некоторой степени импонировал демагогический талант нацистского вождя. У Сталина же, по его мнению, не было никаких сколько-нибудь выдаю-

¹⁶ Trotzki. Schriften über Deutschland. Vol. 2. P. 555-566.

¹⁷ Ibid. P. 573-574; Malaparte C. Technik des Staatsreiches. Leipzig, 1932. P. 219-232; Spengler O. Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1953. P. 146-148.

¹⁸ Trotzki L. Stalin. Eine Biographie. Reinbek b. Hamburg, 1971. Vol. 1. P. 13. T. 2. P. 233-234; idem. Schriften über Deutschland. T. 2. P. 233-234; см. также Brahm. Trockijs Aufrufe. P. 526-527.

щихся политических способностей. Как политик, Сталин по мнению Троцкого не идет ни в какое сравнение ни с Гитлером, ни тем более с Муссолини.¹⁹

Троцкий называет Сталина „термидорианцем“.²⁰ Тем самым он показывает полнейшее непонимание сути сталинской революции сверху. Ведь когда мы говорим о сталинизме, речь отнюдь не идет о попытке покончить с утопически-террористической фазой революции. Наоборот, Сталин довел эту линию развития русской революции до логического предела. Троцкий же считал верность идее мировой революции неотъемлемой частью всякой „истинно-революционной“ политики. Отсюда и его недооценка беспримерной динамики сталинской „революции сверху“.

Не все поклонники Троцкого разделяли его взгляды на этот счет. Исаак Дейчер - автор одной из самых основательных биографий Троцкого — хотя и повторяет слова Троцкого о „термидорианском“ характере сталинского режима, но одновременно выдвигает противоположную концепцию, которая несомненно гораздо точнее отражает суть сталинской эпохи. По мнению Дейчера, сталинский переворот по своим последствиям был еще значительнее, чем октябрьская революция. Ибо Сталин, и только он, создал ситуацию, которая полностью исключала возврат к дореволюционным порядкам.²¹

Работы Троцкого написанные в изгнании, изобилуют разного рода ошибочными оценками, но вместе с тем представляют собой блестящий вклад в развитие марксистского политического мышления. В особенности касается это предложенного Троцким анализа фашизма и сталинизма.

В Советском Союзе эти работы долгие годы оставались практически неизвестными. Перестройка поначалу мало что изменила в этом отношении. Она лишь продолжила начатую еще в 1923/24 годах „демонизацию“ Троцкого. В глазах многих приверженцев перестройки Лев Троцкий - вдохновитель красного террора во время гражданской войны (впрочем

тут он мало чем отличался от других большевистских лидеров) и критик НЭ-Па - был предтечей Сталина. Характерно в этой связи например заявление литературоведа Юрия Карякина: „Я всегда Троцкого терпеть не мог. Троцкий - это Сталин вчера, а Сталин - это Троцкий сегодня.“²²

Сотрудник журнала „Коммунист“ Отто Лацис вообще отказывает Троцкому в праве называться большевиком. Лацис считает, что большевистская партия всегда оставалась чуждой Троцкому.²³

Между тем именно Троцкий тяготел к непомерному возвеличиванию партии и в высочайшей степени отождествлял себя с ней. В 1924 году, уже после того как

¹⁹ Trotzki. Stalin. T. 1. P. 12-13. T. 2. P. 260; см. также Trotzki L. Stalin als Theoretiker // idem. Schriften 1. Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur. T. 1.1 (1929-1936) / Ed. H. Dahmer, R. Segall, R. Tosstorff. Frankfurt/Main, 1988. P. 192-223.

²⁰ L. Trotzki. Schriften 1. Sowjetgesellschaft. T. 1.1. P. 47, 227, 403, 581.

²¹ Deutscher I. Russia after Stalin with a postscript on the Beria affair. L., 1953. P. 97-98.

²² Огонек. 1988. № 12. С. 18.

²³ Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 6. С. 124-178.

началась партийная кампания против Троцкого, архитектор переворота 7 ноября 1917 года говорил: „Никто из нас не хочет и не может быть правым против партии. Партия в последнем счете всегда права“.²⁴

Особенно отчетливо сказываются сталинские клише в характеристике Троцкого, которую дает автор первой „перестроечной“ биографии Сталина генерал Дмитрий Волкогонов. Он описывает Троцкого как карьериста, которому важны не принципы, а личная власть: „... Если бы Троцкий стал у руля партии, ее бы ждали еще более тяжкие испытания, чреватые утратой социалистических завоеваний. Тем более, что у Троцкого не было научной и ясной программы построения социализма в СССР“.²⁵ А разве у Сталина была такая программа? И можно ли себе представить более тяжкие испытания и для партии, и для страны, чем те, которые связаны с именем Сталина?

Есть однако и авторы, выступающие против этой смеси предвзятости и недостаточной осведомленности. К ним относится политолог и историк Игорь Клямкин. Он указывает, в частности, что выдвинутая Троцким в 1918-20 годах концепция „казарменного коммунизма“ полностью совпадает с тогдашними взглядами Ленина. Клямкин отмечает и существенные различия в позициях Троцкого и Сталина по отношению к НЭПу. По мнению Клямкина, Троцкий, остро критикуя Новую Экономическую Политику, в то же время действовал, оставаясь в ее рамках. Он добивался радикальной реформы НЭПа, Сталин же поставил своей целью его ликвидацию.²⁶

Как бы то ни было, ссылки на верность Троцкого Ленину и большевизму - не лучший способ поправить его репутацию в сегодняшнем Советском Союзе. В стране происходит радикальный демонтаж культа Ленина, да и всех большевистских святых. Причем это наступление ведется главным образом с двух флангов: либерально-демократического и шовинистически-антисемитского. Для обоих лагерей Троцкий абсолютно неприемлем.

И всё же, как это ни удивительно, начиная с 1989 года происходит „возвращение“ Троцкого в Советский Союз. Его работы переиздаются, начинается робкое научное изучение его идей.²⁷ Интерес к Троцкому вызван, как правило, не идеологическими или партийными соображениями, а скорее любопытством к этому деятелю, некогда преданному анафеме.

Идеи Троцкого вот уже более шести десятилетий стимулируют многие идеологические и политические дискуссии на Западе. Теперь к этим дискуссиям хотели бы приобщиться и некоторые советские исследователи. Пробив окно в Ев-

²⁴ Тринадцатый съезд РКП(б) 1924. Стенографический отчет. М., 1963.

²⁵ Волкогонов Д. Феномен Сталина // Литературная газета. 1987. № 50. С. 13.

²⁶ Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11. С. 150-188.

²⁷ См. Данилов В. Мы начинаем познавать Троцкого // ЭКО. 1990. № 1. С. 47-62; Подщеколдин А. Новый курс. Пролог Трагедии // Молодой Коммунист. 1989. № 8. С. 45-50; Старцев В. // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 135-137; Гусейнов А. Мораль и насилие // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 127-136, Панцов А. Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 65-87.

ропу, советские авторы нашли там, к своему удивлению, не только приверженцев рыночной экономики, но и поклонников Троцкого. Однако в этом и состоит принцип выработанного многими поколениями западного плюрализма: там могут уживаться совершенно противоположные идеи, которые в других условиях стремились бы к взаимоуничтожению.

Коммунистические теоретики о фашизме (1921-1935): озарения и просчеты*

Идеологическая и политическая борьба коммунистов с итальянским фашизмом и национал-социализмом — одна из наиболее чреватых последствиями страниц новейшей истории Европы — носила в высшей степени двойственный характер. С одной стороны, значительные успехи в теоретическом анализе, нередко превосходявшие современные исследования по истории фашизма, с другой, серьезные ошибки, имевшие самые тяжелые последствия. Достижения коммунистов в разработке теорий фашизма (прежде всего в 1921—1928 гг.) до сих пор не оценены по достоинству. В предлагаемой работе ставится задача показать, что недооценка вклада коммунистических теоретиков в анализ правоэкстремистских массовых движений ничем не оправдана. Под правоэкстремистскими массовыми движениями мы понимаем в конечном счёте итальянский фашизм и немецкий национал-социализм. Обозначив таким образом два наиболее крупных движения справа, мы отделяем их от других группировок и сил, которые как коммунистическими, так и другими теоретиками определяются в качестве «фашистских».

Изучение коммунистических теорий фашизма показывает, как коммунистические идеологи пытались оценить и объяснить совершенно новые политические явления, какие идеологические препятствия они при этом должны были преодолевать, дает представление о самих авторах этого анализа, о своеобразии и структурах коммунистического мышления и мировоззренческом понимании ими самих себя.

Часть I. Изучение вопроса в современной историографии

Сразу после второй мировой войны, когда проблема конфронтации коммунизма с фашизмом и национал-социализмом утратила свою политическую остроту и превратилась в объект исторического анализа, западные историки на первый план ставили разительное сходство политических структур всех трех движений и режимов, их методов пропаганды, борьбы и приемов подавления. На этих аналогиях основывалась теория тоталитаризма, преобладавшая в западных исследованиях практически до середины 50-х годов. Однако теория тоталитаризма была все

* Отрывки из моей книги *Возникновение коммунистической теории фашизма. Споры о фашизме и национал-социализме в Коминтерне. 1921-1935* (Luks Leonid. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus. 1921-1935. Stuttgart, 1985).

же не в состоянии дать ответ на вопрос: почему, несмотря на такое сходство, конфликт между правым экстремизмом и коммунизмом относится к наиболее острым противоречиям новейшей европейской истории. Тот факт, что между коммунизмом и правым экстремизмом существовала непреодолимая пропасть, которая заведомо обрекала их на борьбу друг с другом вплоть до полного уничтожения одного из противников, ускользал из поля зрения сторонников теории тоталитаризма. Они недооценивали также и то, что коммунизм был укоренен в политической и идеологической традиции, прямо противоположной правому экстремизму, что большевистский режим в России выполнял совершенно другие социальные функции и опирался на совершенно иной базис, нежели фашизм или национал-социализм.

Исследования фашизма с начала 60-х годов в западной историографии пережили настоящий ренессанс. Больше внимания стали уделять идеологическому и социальному антагонизму между коммунизмом и правым экстремизмом. Посредством анализа самоистолкования фашистского и национал-социалистического движений, выявления идеологических и социальных функций обоих движений исследователям удалось углубить понимание своеобразия и правого экстремизма, поставившей его в ситуацию непримиримого противоречия со всеми другими политическими группировками тогдашней Европы, и не в последнюю очередь с коммунизмом. Заслуга современных западных исследований не только в том, что они отметили уникальность социально-идеологических структур фашизма, но и в том, что в них поставлен вопрос: как феномен «фашизма» рассматривался в прошлом разными политическими группировками. Поскольку поразительные успехи фашистов и национал-социалистов в период между двумя мировыми войнами не в последнюю очередь были обусловлены ошибочными оценками этих движений как их противниками, так и союзниками, вопрос о причинах такого рода ошибок оказался и в самом деле в высшей степени интересным. Когда западные исследователи выяснили, что коммунизм и фашизм отнюдь не были родственны в такой степени, как предполагали сторонники теории тоталитаризма, возник интерес к изучению коммунистической теории фашизма. Стало очевидно, что анализ фашизма коммунистами отнюдь не всегда имел чисто пропагандистский характер, а по некоторым вопросам содержал существенный вклад в понимание феномена фашизма.

К числу западных исследователей феномена фашизма, занимавшихся также изучением коммунистической теории фашизма, относятся в первую очередь Эрнст Нольте, Вольфганг Шидер, Ренцо де Феличе и А. Джеймс Грегор. Каждый из них, рассматривая разные теории фашизма, давал краткий обзор развития коммунистической теории фашизма, начиная с похода Муссолини на Рим и вплоть до второй мировой войны. Однако за некоторыми исключениями, их работы представляют собой краткие очерки, не учитывающие многие важные аспекты коммунистической теории фашизма. Как правило, авторы — специалисты по фашизму, а не по истории Коминтерна, большевизма или новейшей истории Рос-

сии, и потому они весьма односторонне освещают возникновение и развитие коммунистической теории фашизма. В этих трудах высказывания коммунистических теоретиков исследуются прежде всего с точки зрения их вклада в понимание самого феномена фашизма. Историко-политический и идеологический фон, на котором развивались коммунистические теории фашизма, упоминается этими исследователями лишь вскользь. Также обстоит дело и с диссертацией Барбары Тиммерманн «Дискуссия о фашизме в Коммунистическом Интернационале» (1977). Здесь, правда, более подробно рассматривается коммунистический анализ фашизма, но, однако, не учитывается внутрибольшевистская основа дискуссии о фашизме в Коминтерне, хотя без освещения этой основы сама дискуссия, как справедливо отметил В. Шидер, едва ли может быть успешной. Сложные процессы, приведшие к некоторым поворотам в коминтерновской дискуссии о фашизме, в этой книге объяснены неполно. Недостаточное внимание к внутрибольшевистским спорам, тесно связанным с дискуссией о фашизме в Коминтерне, приводит ее к некоторым ошибочным интерпретациям. Например, при анализе так называемого «левого» поворота в коминтерновской дискуссии о фашизме после поражений компартии Германии в октябре 1923 г. (ниже мы остановимся на этом более подробно). Одна из задач данной работы — исследование взаимосвязи между внутренними процессами развития большевизма и развитием коммунистической теории фашизма. Такой подход необходим прежде всего из-за огромного влияния большевистской партии на Коминтерн.

Вызывает возражение также общая оценка вклада коммунистов в анализ фашизма в период с 1921 по 1928 г. (до поглощения Коминтерна сталинской фракцией). Вообще большинство авторов отдают должное реализму оценок и остроте видения, присущим коммунистической теории фашизма в период с 1922 по 1923 г., т. е. первой реакции идеологов коммунизма на подъем итальянского фашизма и германского национал-социализма. Тенденция называть почти все некоммунистические группы и силы «фашистскими», появившаяся в Коминтерне в конце 1923 г., расценивается этими авторами как окончательный отход Коминтерна от дифференцированной позиции по отношению к фашизму. Тот факт, что Коминтерн в 1925 г. в значительной степени освободился от этой тенденции, а в период с 1926 по 1928 гг. вновь достиг внушительных успехов в анализе фашизма, для большинства историков остается незамеченным. В своем изложении коммунистической дискуссии о фашизме Барбара Тиммерманн ограничивается по сути дела анализом фашизма на конгрессах и конференциях Коминтерна и ИККИ (Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала), а так как в период с 1925 по 1928 г. (до VI конгресса Коминтерна) на конференциях ИККИ проблема фашизма обсуждалась лишь как второстепенная, то Б. Тиммерманн считает дискуссию о фашизме в Коминтерне в этот период неплодотворной. Автор не обнаруживает в этой дискуссии ничего нового. Она утверждает, что для большинства функционеров Коминтерна «фашизм» стал нечленораздельным боевым кличем, который мог иметь какое угодно содержание. То новое, что нес в себе

феномен фашизма, в Коминтерне якобы упустили из виду. Это утверждение Б. Тиммерман относит к тому моменту, когда дебаты о фашизме в рамках Коминтерна достигли своего нового апогея. Но так как эти споры, как правило, имели место не на пленарных заседаниях ИККИ, они полностью выпали из поля зрения автора. К собственному изумлению она затем констатирует, что доклад Тольятти на VI конгрессе Коминтерна (август 1928 г.), в противоположность коммунистическим оценкам фашизма после 1923 г., содержит весьма дифференцированный анализ. Однако тщательное изучение прессы Коминтерна и работ авторов-коммунистов в период с 1926 по 1928 г. свидетельствует о том, что тезисы Тольятти не содержали ничего удивительного. Они были составной частью интенсивных дискуссий о фашизме, проходивших в то время в Коминтерне.

Такие же ошибки в оценке анализа фашизма коммунистами во второй половине 20-х годов содержатся и в книге Карла-Эгона Лённе, посвященной дискуссии в органе КПГ «Роте Фане» и в органе немецких социал-демократов «Форвертс» об итальянском фашизме в период с 1920 по 1933 г. В первой части книги Лённе на основании публикаций о фашизме в «Роте Фане» пытается проследить разработку теории фашизма Коминтерном, но его источниковедческая база слишком узка для того, чтобы проследить достаточно полно разные периоды в развитии дискуссии о фашизме среди коммунистов. Он, например, усматривает прямую связь между резолюцией о фашизме V конгресса Коминтерна (1924 г.), в которой говорится о фашистском характере социал-демократии, и разработанной в 1928—1929 гг. теорией «социал-фашизма». То, что на самом деле Коминтерн пришел к этой теории в 1928 г. лишь после многих «блужданий» и идейных поворотов, ускользает из поля зрения Лённе. Правда, он замечает, что «Роте Фане» в период с 1924 по 1927 г. довольно редко проявляет склонность к обобщению понятия «фашизм», но не видит другого: эта тенденция была следствием изменения общей тактики Коминтерна в существенно более реалистическом направлении. Многие историки проходят мимо значительных успехов в коммунистической дискуссии о фашизме с 1926 по 1928 г. Таким образом, самая неплодотворная фаза дискуссии о фашизме в Коминтерне (с 1929 по 1933 г.) со всеми ее тяжелыми последствиями отбрасывает тень и на предшествующий период.

В центре внимания нашего исследования стоит вопрос о причинах ошибочной оценки национал-социализма руководством Коминтерна. На этот вопрос до сих пор нет удовлетворительного ответа. Тот факт, что Сталин не позволил пересмотреть возникшую в 1928—1929 гг. теорию «социал-фашизма», несмотря на постоянно возрастающую начиная с 1930 г. опасность национал-социализма, некоторые авторы объясняют чрезвычайно возросшей потребностью Советского Союза в безопасности, ибо в тот момент в результате коллективизации страна была крайне ослаблена. Ввиду этого Сталин якобы стремился любой ценой предотвратить сближение Германии с Западом. Прозападную и антисоветскую СДПГ он поэтому рассматривал как большую опасность по сравнению антизападно настроенной НСДАП. Этот тезис выдвигается прежде всего Свенном Ал-

лардом, Робертом С. Такером и Карлом-Хайнцем Никлаусом. Согласно Такеру, Сталин даже включал в свои расчеты возможность войны между будущей национал-социалистической Германией и западными державами. Он надеялся, что это ослабит «империалистический» лагерь, но одновременно рассчитывал на укрепление советской военной мощи в результате индустриализации. В итоге Сталин хотел использовать эту войну для советской экспансии в Европу. Свен Аллард тоже считает, что Сталин уже к началу 30-х годов разработал план установления своего господства в Европе с помощью Красной Армии. Но это означало бы, как справедливо замечает Тедди Дж. Алдрикс в своей полемике с Робертом С. Такером, что Сталин уже за полтора десятка лет предвидел и планировал ситуацию, которая возникла лишь после Второй мировой войны (после столь многих исторических поворотов!— «Л.Л.), что маловероятно. К этому можно добавить, что ко времени взлета НСДАП в Веймарской республике правили не ненавистные Сталину прозападные демократические партии, а консервативный президентский кабинет. А так как Сталин рассматривал консервативные группировки, стоящие за спиной президентского режима, как в общем-то просоветские, то едва ли уместно предполагать, что он желал смены этих сил непредсказуемой НСДАП. Столь же мало убедительной, как и объяснения Алларда и Такера по поводу сталинской политики в отношении Германии к началу 30-х годов, является концепция Георга фон Рауха. Он выдвигает тезис, согласно которому Сталин навязал КПГ самоубийственную тактику, так как боялся победы революции и в Германии. Центр коммунистического движения в этом случае автоматически переместился бы в промышленно более развитую Германию; эта перспектива якобы вызывала у Сталина панику (Раух опирается при этом на высказывания Маргарет Бубер-Нойман). Однако это объяснение мало что проясняет. Едва ли можно найти хотя бы намеки на то, что Сталин к началу 30-х годов рассматривал как реальную возможность победы революции в Германии. Скептическое отношение Сталина к перспективам на успех немецких коммунистов ко времени окончательного кризиса Веймарской республики у большинства историков не вызывает сомнения.

Тезис о том, что Сталин хотел облегчить Гитлеру захват власти, едва ли можно доказать. Гораздо более точным кажется тезис Франца Боркенау: Сталин не сделал ничего, чтобы предотвратить захват власти Гитлером, но он не сделал ничего и для того, чтобы его обеспечить. Данный вывод Боркенау по существу подтверждает Томас Вайнгартнер в своей солидно документированной работе. Но и Вайнгартнер преувеличивает значение внешнеполитических факторов в тогдашней политике Сталина, когда он, например, указывает на чрезвычайную потребность Советского Союза в безопасности к началу 30-х годов. В действительности эта потребность в безопасности, равно как и страх перед нападением «капиталистических» держав вовсе не была до такой степени присуща тогдашнему советскому руководству, как это считают многие исследователи. Манфред фон Бёттихер в своей недавно опубликованной работе о советской концепции безопасно-

сти конца 20-х — начала 30-х годов доказывает, что советское руководство не ожидало тогда в скором будущем войны. Попытки объяснить политику Коминтерна и Советского Союза в начале 30-х годов внешнеполитическими факторами содержат столько противоречий, что нужна новая модель объяснения, чтобы дополнить, а то и заменить предыдущую. К примеру, зависимость между тогдашней советской внутренней политикой и политикой Коминтерна, на которую справедливо указывают Франц Боркенау, Зигфрид Бане, Дитрих Гейер и Хорст Дунке должна учитываться при анализе дискуссии о фашизме в Коминтерне к началу 30-х годов гораздо больше, чем до сих пор. Независимо от этого при поиске причин в равной мере удивительных и чреватых последствиями ошибок сталинского анализа фашизма следует уделять больше внимания специфическому характеру сталинской идеологии и сталинского мышления. В данном исследовании эти вопросы будут рассмотрены.

В заключение следует упомянуть некоторые работы марксистских авторов по теории фашизма, которые опубликованы в последние годы. К числу наиболее интересных несомненно относится книга Нико Пуланзаса «Фашизм и диктатура», в которой анализ фашизма Коминтерном подвергнут острой критике с неомарксистской точки зрения. Пуланзас справедливо критикует широко представленный в Коминтерне тезис о том, что фашизм явился ответом буржуазии на революционное наступление пролетариата. Пуланзас отмечает, что подъем итальянского фашизма и национал-социализма начался лишь тогда, когда рабочее движение в обеих странах было уже разгромлено, об актуальности революционной ситуации в тот момент не могло быть и речи. Пуланзас решительно отвергает также и тезис о подъеме фашизма вследствие равновесия сил между «буржуазным» и «пролетарским» лагерем, выдвигавшийся Грамши и Тальгеймером. «Пролетарский» лагерь в момент подъема правого экстремизма значительно уступал «буржуазному» как в Италии, так и в Германии. Но в некоторых пунктах критика Пуланзаса не столь обоснована. Например, когда он говорит, что Коминтерн никогда не понимал специфический характер фашизма. Здесь он путает взгляды некоторых левых коммунистов, например, Амадео Бордиги, а также сталинистов, со взглядами Коминтерна в целом. В период с 1921 по 1928 г. такие авторы-коммунисты, как Радек, Аквила, Грамши, Тольятти и другие неоднократно указывали на своеобразный характер фашизма. Пуланзас не видит также, как сильно отличается реакция Коминтерна на победу итальянского фашизма и национал-социализма. Масштаб поражения, пережитого рабочими партиями Италии, был довольно быстро осознан и признан многими идеологами Коминтерна. После поражения в Германии сталинистскому Коминтерну потребовалось почти два года для подобного осознания. Эти критические замечания не должны, однако, снижать значение книги Пуланзаса. Ей хотя и присуща некоторая идеологическая односторонность, но в то же время она ставит многие интересные вопросы, в том числе о глубинных причинах «левого» и «правого» поворота Коминтерна, о специфической природе сталинизма, которые нуждаются в рассмотрении.

Совсем иной характер носит работа историка из ГДР Эльфриды Леверенц. Своим самоуверенным и морализирующим тоном, своим догматическим анализом она почти без изменений продолжает традиции сталинской историографии. Как, «прогресс» в развитии теории фашизма Коминтерном она рассматривает постепенное освобождение от концепции «мелкобуржуазного» и самостоятельного характера фашизма, т. е. «освобождение» от наиболее оригинальных интерпретаций, выдвинутых теоретиками Коминтерна. Сталинская теория агентуры характеризующая фашизм как инструмент финансового капитала, для Эльфриды Леверенц до сих пор остается непревзойденным разъяснением сущности фашизма. Не удивительно, что подобные тезисы «советских историков-марксистов» встречают в западной историографии резкий отпор. При этом, как правило, историография ГДР приравнивалась к «советско-марксистской», или рассматривалась как типичная для «советско-марксистской» историографии. В других странах восточного блока — в Польше, в Венгрии и даже в Советском Союзе — начиная с середины 60-х годов появилась однако целая серия работ, в которых проблема фашизма интерпретируется гораздо более дифференцированно и оригинально, чем в сочинениях историков ГДР. Но этот факт либо не замечался в западной историографии, либо упоминался вскользь. Если принять во внимание, насколько сильными были удары, нанесенные сталинизмом исследованию фашизма коммунистами, станет очевидно, что постепенное освобождение от сталинских извращений заслуживает особого имени. Так, например, некоторые советские и польские авторы, а также и венгерский историк Михай Вайда, в противовес большинству своих коллег из ГДР, выступили сторонниками тезиса о частичной независимости правоэкстремистских режимов от «крупного капитала». Тем самым они брали на вооружение отдельные постулаты выдвинутой Августом Тальгеймером теории «бонапартизма», целиком отвергнутой историками ГДР. Тезис о том, что фашистские режимы являлись простым инструментом «монополистического капитала», отвергались Борисом Лопуховым, Александром Галкиным, Ежим Борейшей, Вайдой и другими авторами. Они обращали внимание на то, что и фашистское правительство в Италии, и национал-социалистическое руководство во многих случаях навязывало свою волю «капиталистам». Горячо любимое Эльфридой Леверенц сталинистское определение фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, шовинистических и империалистических элементов финансового капитала» решительно отвергается Михаем Вайдой, ибо в нем не содержится конкретного классового анализа фашизма. И еще один тезис широко распространенный в догматической коммунистической историографии, отвергается Вайдой. Речь идет о распространении понятия фашизм на консервативные и авторитарные режимы в Восточной и Южной Европе, возникшие в период между двумя мировыми войнами. Согласно Вайде, режим Хорти принципиально отличался от правоэкстремистских диктатур в Италии и в Германии. Подавление оппозиции в Венгрии отнюдь не имело столь тотального характера, как в Италии или в Германии,

социал-демократическая партия и профсоюзы в Венгрии не были запрещены. Сходные тезисы выдвигали польские историки Франтишек Рышка и Ежи Борейша в отношении режима Пилсудского в Польше, отвергая определение «фашистский» применительно к этому режиму. Поскольку различия между догматической историографией ГДР и историографией в других странах Восточного блока на Западе, как правило, не замечали, нам придется более подробно излагать данные тенденции в изучении фашизма коммунистами, некоторые параллели между этими тенденциями и анализом фашизма в Коминтерне. Несмотря на постепенное освобождение восточноевропейских исследований от сталинского схематизма и догматизма, ни один из упомянутых советских, венгерских или польских историков не осмелился — по вполне понятным причинам — дать систематический анализ теории фашизма в Коминтерне. Единственное исключение — советский историк Борис Лопухов, который в своей книге «Фашизм и рабочее движение в Италии», опубликованной в 1968г., дает краткий очерк развития советской теории фашизма. Однако этот очерк не может заменить систематический анализ коминтерновской теории фашизма.

Подчинение Коминтерна Сталину и склонность последнего к упрощению реального положения дел и схематическому мышлению крайне затруднили борьбу Коминтерна против правого экстремизма. Из-за победы сталинской фракции в Коминтерне значительные препятствия возникли и на пути теоретического осмысления правозэкстремистских противников. Но тут следует заметить, что еще до того, как Сталин начал играть решающую роль в Коминтерне, руководство Коминтерна допустило теоретические и тактические ошибки в своей полемике с правозэкстремистскими движениями, за которые было наказано тяжелыми поражениями как в Италии (1921—1922), так и в Германии (1923). Сталинизация Коминтерна явилась, таким образом, лишь одной из причин поражения коммунистов. В большевистской и коммунистической идеологии, в исторической и политической традиции большевиков, равно как и в большевистской ментальности были моменты, которые зачастую затрудняли точную оценку нового противника справа и разработку эффективной тактики борьбы с ним.

Чтобы понять, почему большевистским и коммунистическим теоретикам зачастую с таким трудом давалось понимание социально-идеологической специфики и собственной внутренней динамики правозэкстремистских массовых движений, необходимо сравнить идеологическо-психологическое и социально-политическое своеобразие большевизма с аналогичным своеобразием фашизма и национал-социализма. В западных исследованиях по фашизму такой сравнительный метод используется довольно редко. Одним из редких исключений является в этом смысле Томас Вайнгартнер. В своей книге «Сталин и приход к власти Гитлера» Вайнгартнер указывает на то, как трудно было большевикам, привыкшим мыслить в марксистских категориях, понять расистско-биологический образ мысли национал-социалистов. Но Вайнгартнер упоминает только одну из многих специфических черт большевизма, лежавших в основе теоретических и тактиче-

ских ошибок большевиков в их конфронтации с правым экстремизмом. Всесторонний анализ социально-политического и идеологического своеобразия большевизма и сопоставление этого своеобразия со своеобразием правоэкстремистских массовых движений требуют обращения к научным результатам как исследований фашизма, так и, с другой стороны, большевизма и коммунизма. Однако до сих пор эти две линии исторических исследований развивались относительно независимо друг от друга. Специалисты по фашизму, занимавшиеся изучением коммунистической теории фашизма, довольно редко учитывают результаты исследований большевизма. С другой стороны, такие историки, как Эдвард Хэллет Карр, Бертрам Вульф, Джордж Ф. Кеннан, Абдурахман Авторханов, Стивен Кэн, Леонардо Шапиро и другие, подробно изучающие новейшую русскую, советскую и коммунистическую историю, почти не занимаются, или занимаются лишь побочно, коммунистическим анализом фашизма. Одним из немногих исключений в этом отношении является Исаак Дойчер, посвятивший целую главу анализу фашизма Троцким в третьем томе своей биографии Троцкого. Установление взаимосвязи между исследованием фашизма и большевизма совершенно необходимо, для того чтобы глубоко разобраться в коммунистической теории фашизма.

Большевики в идеологическом и национальном отношении были укоренены в совершенно иной традиции, нежели итальянские фашисты или национал-социалисты, что не могло не оказать существенного влияния на оценку этих движений коммунистическими теоретиками. Линия развития европейской культуры, к которой примыкали большевики, включала в себя Просвещение, Великую французскую революцию и социалистические и позитивистско-материалистические идейные течения XIX века. Фашизм и, прежде всего, национал-социализм, представлял противоположную идейно-политическую традицию, и это обстоятельство чрезвычайно затрудняло большевикам понимание мотивов мышления и действий правых экстремистов. Совершенно чуждыми и непонятными были для большевиков и коммунистов, к примеру, идеализация биологических законов правыми экстремистами и их попытки перенести на человеческое общество право сильного, царящее в природе. Большевики, несмотря на то, что они создали беспрецедентный режим подавления, рассматривали себя, тем не менее, как защитников слабых и угнетенных. Придя к власти, они по-прежнему идентифицировали себя со многими идеалами революционной русской интеллигенции, хотя большинство представителей этой интеллигенции после Октябрьской революции выступило против большевиков и подвергалось преследованиям с их стороны. Ни марксистской традиции, ни русской интеллигенции не было свойственно восхваление законов природы, из-за чего коммунистическим теоретикам с трудом удавалось понимание мотивов правых экстремистов, провозглашавших власть «сильных» над «слабыми».

Сначала большевики охарактеризовали правоэкстремистские идеи как идейное наследие отмирающего слоя, стремящегося затормозить «прогресс». Но то

обстоятельство, что эти «антипрогрессивные» идеи обладали огромной привлекательностью для итальянских и немецких масс, вынудило большевиков более внимательно заняться идейным наследием правого экстремизма. Однако, безоглядная вера большевиков и коммунистов в линейный прогресс была существенным препятствием на пути анализа правозэкстремистской идеологии. Другим обстоятельством, затруднявшим большевикам анализ правозэкстремистских массовых движений, а также многих других тенденций развития в Западной и Средней Европе, была их склонность придавать универсальное значение процессам, начатым в России в ходе Октябрьской революции. «Капиталистическая система» рассматривалась как нечто единое, и прорыв этой системы в ее «слабом звене», т. е. в России, якобы открыл новую эру в истории человечества. Советская система провозглашалась новой социально-политической моделью для всего мира. Выдвигая эту глобальную, рационалистическую претензию, большевики не замечали национальных особенностей других народов. Преобладание большевистской партии в Коминтерне привело к определенной «русификации» мышления нерусских коммунистов. Большинство западных коммунистов приняло тезис большевиков о том, что события в России являются образцом для всего остального мира. На возникавшую время от времени критику этого тезиса со стороны не-русских членов Коминтерна большевистские вожди реагировали очень болезненно, ибо это создавало угрозу самому ядру их мировоззрения. Западным коммунистам удалось лишь в незначительной мере скорректировать интерпретацию многих событий на Западе их русскими товарищами. Большевистский анализ правого экстремизма должен был, по сути, пройти через два преломления: преодолеть марксистскую догматику и национальное своеобразие большевиков. Если об этом подумать, то многие удивительно точные и глубокие тезисы коммунистических теоретиков о характере правозэкстремистских массовых движений покажутся еще более заслуживающими внимания.

И еще одно дополнительное замечание. Итальянский фашизм и немецкий национал-социализм в своем политическом характере имели как родственные, так и крайне различные черты. Это обстоятельство не могло не повлиять на полемику коммунистов с этими движениями. Правда результаты конфронтации коммунистов с правозэкстремистскими противниками оказались похожими — как в Италии, так и в Германии Коминтерн был наголову разбит. Однако манера ведения полемики» а также реакция на поражение в том и другом случае со стороны Коминтерна были разными. Вскрытие причин данных различий может иметь важное значение не только для изучения коммунистической теории фашизма, но и для исследования фашизма в целом. Это поможет обогатить анализ отличий в характере обоих правозэкстремистских движений дополнительными аспектами. Такого рода сравнительный метод редко применялся в существующих на Западе исследованиях при анализе коммунистической теории фашизма.

Часть II. Идеологические, политические и психологические причины ошибок в оценках правозэкстремистских массовых движения в рамках коммунистической теории фашизма

Опыт войны

Как большевики, так и правозэкстремистские массовые движения обязаны, как известно, своими быстрыми успехами первой мировой войне. И большевики, и правые экстремисты понимали, как сильно война облегчила их победу. Ленин назвал эту войну «величайшим режиссером мировой истории», Муссолини и Гитлер только благодаря опыту войны осознали свою «миссию». Несмотря на это единодушное признание значения мировой войны для достижения собственных целей, опыт войны имел для большевиков, с одной стороны, и для правых экстремистов — с другой, принципиально разное значение. Правые экстремисты добились успеха прежде всего потому, что они безоговорочно поддерживали мировую войну и изображали военный опыт как самое ценное благо. Большевики, наоборот, были обязаны своим триумфом тому, что с беспрецедентной остротой заклеямили эту войну. Тот факт, что Парижская Коммуна возникла после поражения французской армии, убедил Ленина в том, что революционная партия во время «империалистической» войны должна работать на поражение собственного правительства. То, что февральская революция разразилась в результате ослабления русской монархии в ходе войны, Ленин воспринял как доказательство правоты своей тактики. «Революционное поражение» должно было, как считал Ленин, и в других воюющих странах привести к ускорению свержения собственных правительств. Россия как «самое слабое звено в империалистической цепи», оказалась первой страной, вступившей на путь развития, на который в недалеком будущем должны вступить и другие воюющие страны. Обобщая таким образом тактику, которая и в самом деле была очень успешной в России, Ленин не признавал принципиально разного значения, которое мировая война имела для России, с одной стороны, и для западных стран — с другой. (Эту ошибочную оценку Ленина взяли на вооружение и другие большевистские руководители.)

В России мировая война вызвала усиление центробежных, тенденций и углубление социальных конфликтов, так как династия Романовых не сумела разработать популярную идеологию, способную объединить все народы и сословия империи. В России националистический угар, если не принимать в расчет несколько слабых проявлений в первые месяцы войны, не привился. Он коснулся лишь образованной части общества и мало затронул социальные низы. В противоположность этому подавляющее большинство населения важнейших стран Запада, втянутых в войну, восприняло ее как народную. Рабочий класс не составил при

этом исключения. Большевики не поняли, да и не могли понять, что поддержка военных кредитов западноевропейскими социал-демократическими партиями объясняется тем, что вожди социал-демократии находились под сильным давлением массы членов партии и должны были опасаться массового выхода из партии этих слоев. В некоторых западных странах опыт войны создал предпосылки для успеха правоэкстремистских массовых движений, стремившихся к такому же сплочению нации и максимальному развитию национальных сил, как во время войны. Большевикам такое восхваление войны было чуждо. Мировую войну они лишь приветствовали как средство для ускорения мировой революции. Эту неспособность большевиков понять популярность войны на Западе ни в коем случае нельзя сводить к тому, что они были принципиальными антимилитаристами. Напротив, они были не менее воинственны, чем итальянские фашисты или немецкие национал-социалисты. Однако здесь речь идет о воинственности совсем иного рода. Это была воинственность добровольной революционной красной гвардии, или Красной Армии, созданной в годы гражданской войны. Красная Армия была полностью подчинена политическому руководству и применялась в конечном счете как инструмент партии, а любая попытка военных при большевистском режиме добиться хоть какой-то самостоятельности душилась в зародыше партийным руководством. Старая русская армия с ее традиционной структурой была сначала сознательно дезорганизована большевиками, а затем распущена.

Фигура современного ландскнехта, не сформировавшаяся в России, на Западе образовала ядро правоэкстремистских массовых движений и не в последнюю очередь способствовала их успеху. В своей книге «Консервативная революция» Армин Молер утверждает, что сформировавшийся в добровольческих корпусах новый революционный, антибуржуазный тип оказался преобладающим как в правых, так и в левых боевых отрядах Веймарской республики. С этим утверждением можно согласиться лишь частично. На самом деле правые экстремисты смогли использовать опыт войны намного лучше, чем большевики. На это обстоятельство жаловались многие марксистские идеологи, например, Тольятти, Радек и Таска. Коммунистические и социалистические партии Запада, клеймившие авантюризм и восхваление войны, ведущейся вопреки классовым интересам, ради войны самой по себе, как правило, отвергались «современными ландскнехтами». Несмотря на отчаянные попытки коммунистов перетянуть на свою сторону ветеранов войны, последние были все-таки интегрированы по преимуществу антимарксистскими, правоэкстремистскими организациями. По этой причине коммунистические и социалистические организации и их военные отряды имели мало шансов при непосредственных столкновениях с обученными и дисциплинированными воинскими частями правых экстремистов. Таска дает впечатляющее описание того, как сильно военный опыт итальянских фашистов помог им в борьбе с рабочими организациями. «Фашисты почти сплошь являются, — пишет Таска, — прежними фронтовиками, во главе их отрядов стоят офицеры; их бросают в дело сегодня здесь, завтра там, как на фронте, и они привыкли бы-

стро ориентироваться в обстановке... /Акции фашистов/ представляют собой использование военного опыта в условиях гражданской войны... В противоположность этому максималистский итальянский социализм был максимализмом хаотических, аморфных масс, лишенных духовного единства и общей перспективы».

Изоляция противника

Если политическая группировка после многолетней безуспешной борьбы добивается удивительного прорыва, то она подвергается опасности придавать универсальное значение той тактике, которая обеспечила ей этот успех. Большевикам тоже не удалось избежать этой опасности. За восемь месяцев, после начала февральской революции 1917 г., большевистская партия пережила беспрецедентный взлет от сравнительно маловлиятельной осколочной группы до партии почти безраздельно, а начиная с марта 1918 г. полностью господствовавшей в огромной империи.

В этот период большевики блестяще показали, как можно использовать слабости и свободы демократии в целях ее устранения. После свержения самодержавия Россия пережила процесс радикализации и углубления революции. Этот процесс наверняка продолжался бы и без участия большевиков. Многие политические мыслители, начиная с де Местра, высказали наблюдение, что каждая большая революция с необходимостью подвержена процессу радикализации. Однако в 1917 г. большевики были единственной значительной политической силой в России, которая вовсе не проявляла беспокойства по поводу процесса радикализации масс. Наоборот, они приложили все усилия, чтобы встать во главе этого процесса. По этой причине большевики становились символом и воплощением революции для все более широких масс населения.

Федор Степун писал в своих воспоминаниях: Ленин был единственным русским политиком, который не боялся никаких последствий революции. Единственное, чего он требовал от революции, было ее дальнейшее углубление. И эта открытость Ленина навстречу всем штормам революции соединилась, по мнению Ф. Степуна, с темными, инстинктивными чаяниями русских масс. Постепенно большевикам удалось внушить большей части русского населения, что борьба против большевизма практически означает борьбу против революции. К этой точке зрения большевиков присоединились не только народные массы, но даже и небольшевистские социалистические партии России. Представители этих партий уверяли, что революция не имеет врагов слева, и поэтому борьба против большевиков в результате служит интересам контрреволюции. Эти партии практически парализовали сами себя данным тезисом и мало что смогли предпринять против большевиков. Право действовать почти полностью было предоставлено большевистской партии. В последние месяцы накануне Октябрьской революции

большевики оказались единственной сознательной политической силой, целеустремленно стремящейся к власти. Их противники наблюдали в полном бездействии, как большевики в победоносном наступлении захватывают одну позицию за другой. Противник большевиков — Временное правительство — после восьми месяцев большевистской деятельности оказался до такой степени в изоляции, что свержение этого правительства в октябре 1917 г. произошло почти бескровно.

После Октябрьской революции тактика большевиков в 1917 г. была поднята до уровня обязательного образца для всех не-русских партий. При этом не учитывались следующие различия между Россией и Западом: чрезвычайно сильное потрясение, пережитое как русским государством, так и русским обществом после февральской революции, позволило большевикам остаться бескомпромиссными и в одиночку идти к власти: в западных странах, напротив, положение после войны было в принципе другим. Государственный аппарат даже в тех странах, где послевоенный кризис был особенно глубоким (например, в Германии), никогда не терял контроль над событиями в такой степени, как в России. Политические противники западных коммунистических партий были намного более сплоченными и решительными, чем противники большевиков в России. Вследствие этого западные коммунисты не могли позволить себе борьбу на два фронта в стиле большевиков — как против государственного аппарата, так и против других политических партий. Русско-немецкий социал-демократ Александр Шифрин так комментировал попытки западных коммунистов подражать тактике большевиков в октябре 1917 г.: «В России вооруженное меньшинство добилось победы над беззащитным государством, в Европе беззащитное коммунистическое меньшинство противостоит вооруженному до зубов буржуазному государству». Коммунистам потребовались долгие годы, чтобы хоть немного освободиться от упоения собственным успехом в 1917 г. и понять, что использование русской тактики в других странах, прежде всего западных, было ошибкой. Успехи правых экстремистов, которым тактические ошибки коммунистов существенно пошли на пользу, способствовали процессу отрезвления в рядах коммунистов.

Итальянские фашисты и немецкие национал-социалисты сперва попытались без каких бы то ни было изменений перенять многие элементы большевистской тактики. Они, к примеру, хотели переплюнуть социалистов и коммунистов в радикальном разрыве с государством и с правящими слоями. Но неудачи, которые их при этом постигли, привели к тому, что они постепенно освободились от некритического подражания большевистской тактике. Однако самый важный элемент этой тактики они сохранили. Речь идет об использовании страхов умеренных сил в стране для укрепления собственной позиции и для максимальной изоляции противника. В точности как большевики использовали преувеличенный страх русских демократических партий в отношении «правого», «контрреволюционного» государственного переворота, так и правые экстремисты использовали в собственных интересах чрезмерные страхи консервативных слоев перед со-

циалистической революцией. Подражание бескомпромиссной тактике большевиков в 1917 г. со стороны итальянских и немецких коммунистов (1921 — 1922 гг. и 1929—1933 гг.) чрезвычайно облегчило правым экстремистам их намерение изолировать коммунистов. Борьба против воображаемой «правой» опасности привела к недооценке большевистской угрозы в России. В Италии и в Германии консервативные слои со своей стороны были до такой степени увлечены защитными мерами против социалистической революций (едва ли возможной на самом деле), что они, как правило, не воспринимали куда более актуальную опасность фашистской и национал-социалистической диктатуры.

Теории заговора.

В своей все упрощающей идеологии Гитлер отождествляет как западных «плутократов», так и большевиков с орудиями «мирового еврейства». Большевики считали эту теорию настолько бредовой, что серьезная полемика с ней казалась им излишней. При этом они не замечали, что гитлеровская теория о «всесильном мировом еврействе» имеет определенное сходство с коммунистической теорией о «всемогущем финансовом капитале». Коммунисты считали так называемый «финансовый капитал» единственным режиссером политического развития внутри капиталистического мира в эпоху «империализма». Согласно представлениям коммунистов, «финансовый капитал» в своих засекреченных центрах, недоступных для глаз общественности, разрабатывал планы, обеспечивающие ему мировое господство и победу над единственным настоящим противником — коммунизмом. Неустанно занимались разоблачением секретных планов незримого врага, коммунисты зачастую теряли из виду вполне зримого и потому куда более опасного противника. Носители теорий заговора считают себя единственными реалистами, ибо только они знают подлинную причину всех политических событий в мире. Анализ политических процессов без учета их теорий они считают наивным, полагая, что такой анализ обнаруживает лишь марионеток тайных сил, действующих в собственных интересах. Аргументы и факты не в состоянии вывести из строя теорию заговора, она обладает внутренней логикой, а чрезвычайная убежденность ее сторонников способна вывести из равновесия и привести в смятение любых ее противников. Время от времени адептам этой теории удается поднять выстроенную ими систему аргументов до уровня основы, на которой ведется политическая полемика целой эпохи. Тенденция к подобной оценке власти «финансового капитала» была присуща Коминтерну уже в период с 1921 по 1928 гг., правоэкстремистские массовые движения часто характеризовались как простой инструмент «монополистического капитала», но в целом преобладало реалистическое признание собственной внутренней динамики этих движений. Победа Сталина в руководстве большевистской партии и Коминтерна выразилась также и в том, что тезис о власти «финансового капитала» превратился в разновид-

ность теории заговора. Так, к примеру, немецкий коммунист Иозеф Ленц называет фашистскую диктатуру «одной из форм диктатуры финансового капитала, которая... соответствует потребностям финансового капитала в исключительном овладении государством и экономикой... во времена больших социальных кризисов...» Для другого коммунистического идеолога, Мартынова, «монополистическая бржуазия... несомненно являлась основным режиссером» всех процессов, происходящих в капиталистических странах.

Многие исследователи убеждены, что в личности Сталина присутствовали параноидальные черты. Возможно, особая склонность Сталина к развитию теорий заговора, по крайней мере отчасти, объясняется своего рода манией преследования. Сходные выводы историки и психологи делали и в отношении теорий заговора Гитлера. Заслуживает внимания и другая параллель между этими двумя личностями, на которую указывает Роберт Такер: и у Сталина, и у Гитлера параноидальные черты были связаны с беспрецедентными политическими способностями. Конрад Хейден сказал о Гитлере, что тот знал своих противников лучше, чем они сами знали себя, ибо он за ними внимательно наблюдал, а использование чужих слабостей было его жизненной стихией. Эти слова Хейдена можно употребить и по отношению к Сталину. Как Сталин, так и Гитлер знали, какие границы их политические противники не в состоянии переступить, и бесстыдно злоупотребляли моральными табу своих оппонентов. Оба они далеко превосходили своих оппонентов в искусстве подтасовок и в способности создавать двусмысленные ситуации с целью поставить противника в противоречие с самим собой. Зигмунд Нойман считает самым действенным тайным оружием тоталитарных властителей их способность создавать амбивалентные и двусмысленные ситуации, выбивающие противника из колеи. Обостренному видению слабостей своего противника, присущему как Сталину, так и Гитлеру, соответствовала их чрезвычайная слепота по отношению к собственной патологии и мнительности.

Теории заговора, придававшие разрушительный характер и сталинской, и гитлеровской политике, можно привести как наиболее яркий пример патологического мировоззрения обоих диктаторов. Склонность Сталина к теории заговора оказала крайне отрицательное воздействие на познавательную ценность коминтерновской теории фашизма. Политическая действительность в коминтерновских дискуссиях о фашизме 1929—1933 гг. была искажена до такой степени, что даже после тактического поворота в политике в 1934 г. его теоретикам за редкими исключениями не удавалось вновь достичь наглядности и той близости к реальности, которые были характерны для их дискуссий в период с 1921 по 1928 годы.

Недооценка европейского пессимизма

Европейский пессимизм, выразившийся в вере в «закат Европы», превратился после первой мировой войны в чрезвычайно распространенное явление. В нем коренится одна из причин большой популярности правозэкстремистских массовых движений, которые со сверхчеловеческим напряжением воли пытались предотвратить этот «закат». Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии. Эти предчувствия гибели, по их мнению, были подтверждением коммунистических предсказаний близкого краха капиталистической системы. Троцкий утверждал в декабре 1922 г., что модная на Западе философия Освальда Шпенглера — верное классовое предчувствие буржуазии, не замечающей, однако, пролетариата, который должен ее заменить. Карл Радек также считал европейский пессимизм чисто буржуазным феноменом. Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции. Маркс развивал свои идеи в то время, когда в Европе преобладал позитивистский оптимизм и вера в прогресс. Когда на рубеже веков по всей Европе распространились пессимистические настроения, марксизм давно уже был законченной системой, на которую не могли повлиять более поздние идейные течения. Глубокая научная революция начала XX в. привела к пересмотру позитивистской веры в незыблемость материального мира и законов природы, однако она никак не затронула марксизм.

Новые идеи не оказали влияния на марксизм как систему, однако многие марксисты испытали на себе их сильное воздействие. Позволив себе увлечься теориями Ницше, Бергсона, Эйнштейна, Достоевского, Соловьева, они, после безуспешных попыток соединить идеи этих мыслителей с марксистской идеологией, вынуждены были дистанцироваться от марксизма. Так, Муссолини гордился тем, что он, будучи социалистом, никогда не был позитивистом и считал своей большой заслугой, что ему удалось «заразить итальянское рабочее движение учением Бергсона, примешав к нему много Бланки». Эволюцию противоположного характера пережила группа бывших русских марксистов: Семен Франк, Сергей Булгаков, Николай Бердяев, Петр Струве и другие. Не благоговение перед насилием, а христианство стало ядром их философских систем после того, как они порвали с марксизмом.

На Ленина мировоззренческие сомнения многих марксистов начала века не оказали никакого воздействия, и он беспощадно боролся с этими сомнениями внутри большевистской партии. Федор Степун пишет, что Ленин был очень консервативен в вопросах культуры, и утверждает далее: но будь Ленин революционером в сфере духа, он, скорее всего, был бы неспособен осуществить свою политическую революцию. Это отношение Ленина к новым духовным течениям эпо-

хи унаследовали большевики. Марксистско-ленинское наследие чрезвычайно затруднило теоретикам Коминтерна анализ причин европейского пессимизма, на котором лежит доля вины за успехи правого экстремизма.

Другие причины ошибочной оценки большевистской идеологией европейского пессимизма коренятся в специфике русского исторического развития. К началу XX в. Россия была промышленно неразвитой полуаграрной страной, нуждавшейся в технологическом прогрессе. На Западе, наоборот, урбанизация и индустриализация достигли такого уровня, что там начали появляться сомнения в положительном содержании этого процесса. Сущность западного кризиса модернизации для большевиков осталась непостижимой. Любую критику научно-рационального и материалистического мировоззрения большевики считали пережитком мрачных суеверных эпох, давно преодоленных современной цивилизацией. Свою веру в науку они полагали последним словом европейской культуры. Такое некритическое преклонение перед наукой Антонио Грамши комментировал следующим образом: «Научный прогресс породил веру в нового мессию, который сможет создать земной рай ... Так как от науки ожидают слишком многого, то ее понимают как колдовство высокого порядка». Атеистическая и материалистическая пропаганда большевиков, связанная с преследованием православной церкви, достигла среди широких масс русского населения заметных успехов. Популяризация «чудес» науки и техники была призвана заменить веру в религиозные чудеса. Вера в науку и на самом деле приобрела в большевистской России почти религиозный характер. В 1930 г. Федотов писал, что Россия переживает период наивного просвещения. Материализм приобрел характер новой веры.

На Западе в те же годы господствующей стала иная точка зрения — веру в науку считали пережитком. Великие технические достижения Советского Союза мало импонировали Западу, так как там, как справедливо говорит Конрад Хейден, подобные успехи были достигнуты давным-давно. Разрушения первой мировой войны, масштаб которых отчасти был обусловлен научно-технологическими достижениями последних десятилетий, открыл глаза многим европейцам на негативные аспекты технического прогресса. В этой войне с особой силой проявились иррациональные черты человеческой природы и это никак не укрепило большевистский тезис о рациональном планировании процесса общественного развития. После мировой войны массы должны были бы понять, что в обществе царят слепые и иррациональные силы, по отношению к которым человек беспомощен, — писал Питер Друкер. Итальянские фашисты и немецкие национал-социалисты, которые восхищались иррациональным в человеке и объявили борьбу просветительско-позитивистской традиции, сумели лучше коммунистов использовать европейский кризис, возникший после окончания первой мировой войны. Но все же правэкстремистские течения сами были лишь симптомом этого кризиса, и все их попытки найти выход с помощью волюнтаристских методов только еще больше его углубляли. Одним только насилием и активностью невозможно было возродить европейское государство, — пишет Герман Геллер в своей книге

«Европа и фашизм». Фашизм смог лишь противопоставить безвольной норме, лишенную всякой нормы волю.

Различия между фашизмом и национал-социализмом

Анализ итальянского фашизма, сделанный теоретиками Коминтерна в 1921—1928 гг., был в тот период одной из самых интересных интерпретаций этого нового феномена. В то же время в анализе немецкого национал-социализма никогда не были достигнуты подобные результаты. Даже Троцкий, который в 30-е годы изучал национал-социализм независимо от подчинившегося Сталину Коминтерна, не заметил многие специфические особенности, принципиально отличавшие нацизм от итальянского фашизма. Ошибочная оценка национал-социализма большевиками не может быть сведена только лишь к влиянию Сталина на дискуссии о фашизме в рамках Коминтерна. Были и другие причины, с одной стороны, облегчавшие большевикам понимание итальянского фашизма, с другой — затруднявшие проникновение в своеобразие национал-социализма. Несмотря на все различия итальянский фашизм как политическое явление был гораздо ближе большевизму, чем национал-социализм. Благодаря своему марксистскому прошлому Муссолини был для большевиков ближе и понятнее, чем Гитлер. Перед началом первой мировой войны как Ленин, так и Муссолини принадлежали к радикальному крылу марксистского движения. Оба были нетерпеливыми революционерами, оба старались ускорить революционный процесс усилиями малочисленной элиты профессиональных революционеров. Из-за своего волюнтаризма Муссолини постепенно оказался вне рамок марксизма, Ленин же, наоборот, несмотря на свою радикально-волюнтаристскую ревизию марксизма, остался ортодоксальным марксистом. Уже упомянутое отсутствие интереса к новым идейным течениям в Европе и концентрация главным образом на тактических проблемах революционного захвата власти облегчили Ленину возможность остаться ортодоксальным марксистом; по крайней мере сам он верил, что является таковым. Муссолини, став фашистом, не сжег мосты к своему марксистскому прошлому. В парламентской речи от 1 декабря 1921 г. он даже говорил о духовном родстве между фашистами и коммунистами. Он не исключал возможного сотрудничества между обеими партиями в борьбе с существующим в Италии правительством. Невозможно представить, чтобы Гитлер выступил с такими примирительными заявлениями по отношению к марксистам. Тот факт, что национал-социализм, в отличие от итальянского фашизма, возник не в рамках социалистического рабочего движения, Александр Шифрин считает решающим для фундаментальных отличий между обеими правозэкстремистскими группировками. В феврале 1931 г. Шифрин писал: «Развитие итальянского фашизма заключалось в контрреволюционизации демократического по своему происхождению движения; это означало его глубокое внутреннее перерождение. Новейшее развитие национал-социа-

лизма проходит под знаком демократизации этого штурмового отряда контрреволюции в смысле расширения его социальной базы; для этого он нуждается лишь в некотором изменении методов. Его фундаментальное политическое и идеологическое содержание остается неизменным».

Круг идей, из которого вышла идеология национал-социализма, был гораздо менее близок большевикам, чем идеологическая база итальянского фашизма. По этой причине большевикам было нелегко правильно оценить опасность национал-социализма, намного превосходившую опасность итальянского фашизма. Помимо уже неоднократно упоминавшегося страха перед декадансом, коммунисты не сумели правильно оценить и другой, чрезвычайно важный компонент национал-социалистического мировоззрения — антисемитизм. Большевики понимали опасность антисемитизма, им приходилось довольно часто, как до революции, так и после нее, подвергать острой критике антиеврейские выпады и предрассудки. Однако опыт, накопленный большевиками в отношении русского антисемитизма, не мог способствовать пониманию ими сущности национал-социалистической идеологии. Еврейские погромы в дореволюционной России и дискриминационные меры царского правительства в отношении евреев не давали никаких критериев для оценки антисемитизма, характерного для НСДАП и национал-социалистического государства. Антисемитизм был приоритетной и неотъемлемой частью национал-социалистической доктрины, в то время как в царской России он не играл столь центральной роли. Большевики полагали, что антиеврейская пропаганда или антиеврейские выпады, например, погромы в дореволюционной России в конечном счете служат для отвлечения масс от других, гораздо более значительных социальных проблем. Большевицкие идеологи скептически относились к словам Гитлера о том, что он видит свою важнейшую миссию в борьбе с мировым еврейством. В апреле 1933 г. один коммунистический автор писал в газете «Рундшау»: «...вся эта болтовня об этническом обновлении» Германии и об ее «очищении от еврейских элементов» никем не принимается всерьез, если не считать маленький слой сумасшедших школьных учителей и фанатиков расистов...» Так коммунисты проглядели самый значительный идеологический компонент национал-социализма, придавший ему беспрецедентную динамику.

Основным мотивом действий национал-социалистических вождей большевики считали защиту капиталистического строя, реально оказавшегося под угрозой, а не борьбу с воображаемой, несуществующей в действительности еврейской опасностью. Большевики проявили здесь непонимание той силы, которой могут обладать в истории фикции и патологические извращения реального положения вещей. От внимания коммунистов ускользнул и тот факт, что они в лице национал-социалистов, и прежде всего в их вожде, приобрели противников, которые, в отличие от итальянских фашистов, были намерены буквально осуществить то, что они обещали. Присущая Муссолини воля к власти и преклонение перед насилием были зачастую чистой риторикой. В действительности он был готов к ком-

промиссам, слепой фанатизм Гитлера был ему чужд. Несмотря на свою манию величия, итальянский фашизм не начал мировую революцию, писал Зигмунд Нойман. Это сделал только национал-социализм.

Недооценка оригинальности, равно как и радикальности национал-социалистического мировоззрения затруднила коммунистам понимание существенных различий между итальянским фашизмом и национал-социализмом. Уже в 1922 г. теоретики Коминтерна характеризовали итальянскую фашистскую партию как «буржуазную партию нового типа», которая существенно отличается от других, уже существующих «буржуазных партий». Гораздо труднее далось им понимание того, что НСДАП развивалась как «фашистская партия нового типа», которая отличалась от итальянского фашизма не менее радикально, чем последний, со своей стороны, отличался от традиционных буржуазных партий.

Государство — партия — вождь в правозэкстремистских режимах и в большевистской России

Государственный и военный аппарат большевиков с момента возникновения советского государства находился под контролем партийной олигархии. Процесс принятия решений протекал исключительно в рамках партийного руководства, и большевистская партия осталась единственным учреждением Советской России, обладавшим всеми качествами самостоятельного общественного института с собственной динамикой и внутренними закономерностями. В своей книге «Происхождение партократии» Авторханов пишет, что большевистская партия является не просто единственной правящей партией, и не государством в государстве, а сама по себе представляет государство — «государство нового типа». Вполне вероятно, что коммунистическое государство могло бы функционировать без своего официального государственного аппарата, но существовать без своего партийного аппарата оно не может. Столь однозначное распределение власти не было присуще фашистским и национал-социалистическим странам. Это обстоятельство не было в достаточной мере осознано многими теоретиками Коминтерна. В своем анализе процессов принятия политических решений в рамках правозэкстремистских режимов они часто говорили о слиянии руководства правозэкстремистских партий и традиционного государственного аппарата. Тем самым они переносили советскую модель, в которой лишь одна политическая сила определяла процесс принятия решений, на правозэкстремистские режимы. Сложность взаимоотношений между партией и государством в фашистской Италии и в национал-социалистической Германии не изучалась подробно руководством Коминтерна. Концепция «двойного государства», развития Эрнстом Френкелем, до последнего времени не находила отклика у коммунистов, изучающих фашизм. Многие теоретики Коминтерна оставили без внимания долго сохранявшуюся напряженность между партией и государственным аппаратом в Италии и Германии.

Недостаточно учитывалась теоретиками Коминтерна и роль вождя, который в правоэкстремистских партиях имел совсем иное значение, чем в большевистской партии. Конкуренция между госаппаратом и партией, как известно, придавала вождю правоэкстремистских движений роль третейского судьи. Правоэкстремистский волюнтаристский режим и нормативное правовое государство существовали параллельно. Примирение между этими двумя противоположными системами не могло установиться стихийно, они не могли сотрудничать друг с другом, так как каждая из этих систем отрицала другую. Этим и объясняется необычно важная роль вождя, в котором оба противостоящих друг другу аппарата видели прежде всего посредника, ему отдавали часть своей самостоятельности и партия, и государственный аппарат.

В истории большевизма, равно как и в истории России, цезаристская идея не играла сколько-нибудь заметной роли. Большевистская партия, в противоположность правоэкстремистским партиям, ни до, ни после захвата власти не являлась партией вождя. Партийная дисциплина и беспрекословное повиновение ни в каком случае не были идентичны. Многие важные решения принимались после жарких дискуссий внутри партийного руководства. В 1936 г. Троцкий писал, что вся история большевистской партии — это история фракционной борьбы. Руководящий слой большевиков был своего рода олигархией, которая требовала от партийных масс дисциплины и повиновения, но за собой оставляла право на критику. Превратить эту партийную элиту в послушный инструмент вождя оказалось нелегким делом. В отличие от Гитлера и Муссолини, Сталин для утверждения принципа вождизма в собственной партии должен был физически уничтожить большую часть партийного руководства. Сопrotивление партийной элиты против неограниченной личной диктатуры, которую Сталин хотел установить после разгрома «правой» оппозиции в 1929 г., было чрезвычайно велико. В период с 1930 по 1933 г. Сталин столкнулся с целым рядом группировок внутри партии, которые планировали его свержение с целью спасти самостоятельность партии. Авторханов писал, что в 1930—1933 гг. партия находилась при смерти, но это не была естественная смерть. Партия непрерывно оказывала сопротивление. Едва Сталин успевал устранить одну оппозицию, как тут же возникала следующая.

Большевики, боровшиеся против установления неограниченной личной власти Сталина в партии, были последними представителями неконформистской, антиавторитарной традиции русской интеллигенции. Поэтому для них любая насильственная власть, выступавшая под лозунгом неприкосновенности собственного авторитета, была неприемлема. В 1936 г. Бухарин говорил: Сталин понял, что старые большевики никогда не смирятся с его диктатурой. Они выросли в атмосфере борьбы и сопротивления, они были насквозь пронизаны духом неконформизма и критики. Сталин считал эти качества деструктивными. Поэтому он принял смелое решение: если старое поколение большевиков, из которого рекрутировалась советская правящая элита, не пригодно для «конструктивной» работы, оно должно быть устранено и заменено новой элитой. Для того, чтобы пре-

творить в жизнь свои воззрения, Сталин, вынужден был опираться на новое поколение членов партии, которое имело мало точек соприкосновения с традициями революционной русской интеллигенции. Об этом справедливо писал Бухарин. Новое поколение большевиков рекрутировалось из слоев, не имевших сколько-нибудь значительного политического опыта, им была чужда критическая позиция и недоверие старых большевиков по отношению к любой единоличной власти. Когда Сталин натравливал большевистских функционеров среднего звена на космополитически и всесторонне образованных старых большевиков, он брал на вооружение идеал равенства, популярный в русской традиции. «Мы не хотим иметь в партии дворян»,— провозгласил Сталин, и этот призыв встретил заметный отклик в партийных массах. Уничтожение независимости партии явилось следствием этого восстания партийных масс против элиты. Такого рода восстание могло пойти на пользу лишь деспоту. Свою диктатуру Сталин мог установить только с помощью группировок, не подготовленных к политическому мышлению и к политической ответственности.

В Италии и Германии при установлении фашистской и национал-социалистической диктатуры были в наличии совершенно другие внешние условия. Те группировки которые отказались от собственной ответственности в пользу диктаторской власти, были далеко не столь неопытны в политическом отношении, как большевистские партийные массы, проложившие путь диктатуре Сталина. В Италии и Германии речь шла скорее об усталости определенных политических группировок и политических партий, которые слишком долго несли на себе политическую ответственность. Она им, можно сказать, просто надоела. Принципиально разные предпосылки для возникновения однопартийной диктатуры и тоталитарной системы в России, в Италии и Германии остались вне поля зрения многих представителей теории тоталитаризма. Эти исследователи говорят о сущностном единстве большевистской, сталинистской диктатуры с фашистским и национал-социалистическим режимом, не отдавая себе в достаточной степени отчета в том, что в основе тоталитарной системы на Западе лежал кризис парламентской демократии, а в России — недостаток демократического опыта. Различия в происхождении тоталитаризма в России и на Западе определили и различия в характере тоталитарных системы их зрелой стадии. Большинство старых большевиков, которые долгие годы боролись против личной диктатуры Сталина в партии, не способны были понять движущие причины итальянских и немецких политических группировок, мечтавших о «цезаре» и стремившихся добровольно подчиниться принципу вождизма. То есть, они не могли понять суть той силы, которая толкала сторонников Муссолини и Гитлера к безоговорочному подчинению и которая парализовала сопротивление противников обоих диктаторов. Для этих большевистских теоретиков Муссолини и Гитлер были полубразованными «мелкобуржуазными мятежниками», а не «цезарями». И все-таки миллионы итальянцев и немцев из всех социальных слоев искренне верили в цезаристскую миссию Муссолини и Гитлера. Эта вера, непонятная для многих теоретиков Ко-

минтерна, стала одним из важнейших оснований, на котором утверждалась власть обоих диктаторов Алан Дж. Тэйлор сказал по этому поводу: «Муссолини и Гитлер верили только в самих себя. Они были восхищены самими собой. Люди, которые поверили в них как в сверх людей, тем самым их заслужили».

Заключение

При сравнительном анализе развития России и Западной Европы в начале XX в. бросается в глаза тот факт, что обе эти части континента жили тогда в разных эпохах. Коммунистические теоретики не смогли должным образом учесть эту одновременность, что оказало влияние на их полемику с правым экстремизмом. Некоторые процессы наступили на Западе намного раньше, чем в России, например, кризис модернизации. К началу XX в. в России были почти неизвестны проблемы, порожденные быстрым отрывом от корней больших масс населения, и поэтому большевики были не в состоянии понять правоэкстремистское преклонение перед собственным прошлым. Целью большевиков был как можно более радикальный разрыв с русской традицией, в котором они видели главным образом угнетение и отсталость. Большевистские идеологи были глубоко убеждены в том, что индустриализация и модернизация отвечают интересам непривилегированных масс; протест европейских масс против этих процессов истолковывался в Москве как знак отсталости и неудовлетворительной просветительской работы. И лишь после великих потрясений индустриализации и коллективизации Россия постепенно стала сталкиваться с проблемами, которые волновали западные общества уже на рубеже веков и создали питательную почву для прихода к власти правых экстремистов. Ностальгическое восхваление русской традиции и тоска по потерянному корням охватывали все более широкие слои русского населения. Однако ответ на весьма интересный вопрос о последствиях кризиса модернизации для сегодняшней России выходит за рамки данной работы.

Наряду с таким явлением, как кризис модернизации, возникшим в России с опозданием, были и другие, которые Россия предвосхитила и которые позже приобрели важное значение также и для Запада. Так, например, Россия с удивительной наглядностью, как никакая другая страна, продемонстрировала последствия такого явления, как радикальнейшая конфронтация, интеллектуальной элиты страны с существующей системой (самодержавием), — этот процесс шел рука об руку с преклонением перед идеалом всеобщего равенства. Синтез хилиастических планов русской интеллигенции с целями марксизма привел к возникновению большевистской партии профессиональных революционеров, у которой на Западе не было аналога. Создание Лениным этой партии для мировой истории имело не меньшее значение, чем наметившийся к этому же времени на Западе кризис модернизации. После 1917 г. большевики попытались завоевать мир и для идеала русской интеллигенции — всеобщего равенства, и для марксистского

идеала— пролетарской революции. Однако оба эти идеала не нашли в «капиталистической Европе» межвоенного периода того отклика, на который рассчитывали коммунисты. Европейские массы, прежде всего в Италии и Германии, оказались втянутыми в движения противоположного характера, рассматривавшие идеал равенства как знак декаданса и утверждавшие непреодолимость неравенства рас и наций. Восхваление неравенства и иерархического принципа правыми экстремистами было связано, прежде всего у национал-социалистов, с разрушительным стремлением к порабощению или уничтожению тех людей и наций, которые находились на более низких ступенях выстроенной ими иерархии. Вытекавшая отсюда политика уничтожения, проводившаяся правыми экстремистами, и в первую очередь национал-социалистами, довела до абсурда как идею национального эгоизма, так и иерархический принцип. По крайней мере в Центральной и Западной Европе эти идеалы были дискредитированы. Большинство теоретиков Коминтерна считали отказ от идеала равенства и от идеи пролетарской революции со стороны низших слоев европейского общества — в период между двумя мировыми войнами — проявлением «ложного сознания». Специфический характер исторического развития Западной Европы, лежавший в основе такого поведения масс, не учитывался в достаточной мере идеологами Коминтерна. Однако, как уже неоднократно указывалось в этом исследовании, в коминтерновской теории фашизма удивительным образом сочетались ошибочные интерпретации феномена фашизма с самыми точными наблюдениями и выводами. Как эксперты революционной техники и идеологического влияния на массы большевики оказались в числе первых, кто осознал, сколь многому правые экстремисты научились на опыте их собственной революции. После установления однопартийной фашистской диктатуры в Италии теоретики Коминтерна выступили с оригинальными аналитическими статьями о существенных особенностях фашистского режима. Их глубокое проникновение в суть дела наверняка объяснялось тем, что большевики из опыта 20-х годов знали возможности и пределы однопартийной диктатуры.

Период между 1929 и 1933 гг. можно назвать самой непродуктивной фазой в развитии дискуссии о фашизме внутри Коминтерна. В эти годы сталинистский образ мысли утвердился как в большевистской партии, так и внутри Коминтерна. Его символом были презрение и недоверие по отношению к любой спонтанности в мышлении и в поведении, стремление к тотальному контролю над политическими и духовными процессами и создание «монолитного» мирового коммунистического движения, в котором был недопустим какой бы то ни было тактический или идеологический плюрализм. Эти сталинистские принципы явились причиной роковых ошибок в политике Коминтерна по отношению к национал-социализму в 1929—1933 гг. Пожалуй, наиболее чреватые последствиями было схематическое обобщение понятия «фашизм» и распространение его на всех противников коммунистов. Этим необдуманном употреблением понятия «фашизм» коммунисты нанесли урон прежде всего самим себе, ибо тем самым придали без-

обидность своему наиболее опасному врагу, по отношению к которому использовалось первоначально это понятие.

С точки зрения коммунистической теории, «капиталистическая система» являлась своего рода «ретортой» фашизма. С помощью этого тезиса коммунистические идеологи попытались освободить себя от всякой ответственности за возникновение фашистских движений и режимов. Любую попытку истолковать большевистскую революцию (наряду с мировой войной) как первое звено в неразрывной цепи насилия, которая наряду с другими причинами способствовала появлению фашизма, большевики с возмущением отвергали. Для них фашизм был исключительно внутренним проявлением капиталистической системы. Подобная односторонность характерна и для некоторых консервативных и либеральных мыслителей, которые со своей стороны отрицают ответственность демократических и консервативных группировок за подъем фашизма. Они характеризуют коммунизм и фашизм как восстание масс против традиционного европейского порядка и культуры. Но этот тезис проходит мимо того факта, что именно представители культурной элиты в Европе, а не массы, первыми поставили под сомнение фундаментальные ценности европейской культуры. Не восстание масс, а мятеж интеллектуальной элиты нанес самые тяжелые удары по европейскому гуманизму, писал в 1939 г. Георгий Федотов.

На самом деле ответственность за успехи правого экстремизма в межвоенный период несут все важнейшие политические силы тогдашнего европейского общества, хотя и в разной степени. Ответственность высших слоев за захват власти фашистами и национал-социалистами гораздо выше, чем ответственность рабочих партий, у которых не было возможности решать — отдавать власть или нет в руки правых экстремистов.

Коммунисты, объявившие войну «старому буржуазному миру», в период между двумя войнами, как правило, разделяли судьбу этого «старого» мира. Сначала в Италии, а потом в Германии они оказались разбитыми и преследуемыми, в одном лагере со всеми остальными политическими партиями. Эти поражения помогли коммунистам осознать, что пропасть между ними и «буржуазными» демократиями или социал-демократическими партиями была отнюдь не столь непроходимой, как они воображали. Одним из последствий этого процесса была готовность коммунистов войти в Народные фронты в разных европейских странах и заключить союзы с демократическими странами Запада.

Эта гибкая, открытая, готовая к компромиссам во внешней политике, концепция была разработана к середине 1934 г. и проводилась советским руководством с 1936 по 1938 г., т. е. одновременно с «Большим террором», который был организован террористическим сталинским аппаратом и принадлежит к одной из самых кровавых глав в истории России. В отличие от периода 1929—1933 гг. ко времени «Большого террора» Сталин уже умел резко отделять свою внешнеполитическую тактику от внутривнутриполитической. Это разделение вводило в заблуждение западных наблюдателей, которые отрицали террористический характер ста-

линской диктатуры даже и тогда, когда террор достиг своего апогея, все еще считали Сталина умеренным прагматиком. Сталин отошел от своего прозападного курса отнюдь не добровольно. Он сделал это только после мюнхенского соглашения, когда для него стало ясно, каких масштабов достигли на Западе пораженческие настроения по отношению к третьему рейху. Это разочарование побудило его к тому, чтобы вступить в конкуренцию с Западом в политике уступок Гитлеру. Западная политика умиротворения получила свой эквивалент на Востоке. С 1934 по 1938 г. на Западе верили, что на основе антикоммунизма можно установить определенную общность с третьим рейхом. В период с 1939 по 1941 г. Сталин в свою очередь видел общность с третьим рейхом в борьбе последнего против парламентаризма и «плутократии». На самом деле третий рейх находился в полном противоречии со всеми европейскими государствами и системами того времени и был запрограммирован на их тотальное подчинение или же уничтожение. Это намерение национал-социализма было настолько невероятным, что неоднократные заявления его вождей относительно собственных целей, как правило, воспринимались как пропагандистское преувеличение. И лишь со временем как в России, так и на Западе поняли, что одной из самых существенных черт национал-социализма было как раз единство слова и дела.

В 1936 г. Троцкий придерживался мнения, что коалиция Советского Союза с западными державами против третьего рейха невозможна. Он говорил о солидарности «империалистических» стран против Советского Союза и был убежден, что в случае нападения Гитлера на Советский Союз надежда на западную помощь будет напрасной. Но оказалось, что с 1941 по 1945 г. западные державы во все не вели себя в соответствии с предсказанной Троцким закономерностью. Тем самым был существенно поколеблен один из основных тезисов ортодоксального марксизма о конфликте между «буржуазным» и «пролетарско-марксистским» лагерем как главном конфликте современного мира. Правый экстремизм, и прежде всего национал-социализм, выступал носителем третьего принципа, находившегося в непримиримом противоречии не только со всеми течениями марксизма, но и с определенными силами внутри «буржуазного» лагеря. Понимание этого обстоятельства с трудом давалось коммунистическим исследователям фашизма.

IV. Русские мыслители о тоталитарных утопиях у власти

Семен Франк о тоталитарных соблазнах XX века*

Русские эмигранты, покинувшие свою страну после победы большевистской революции, стали свидетелями и жертвами первой в истории попытки превращения тоталитарной утопии в действительность. Многие из них поняли, что события 1917 г. были лишь первым актом общеевропейской трагедии, и пытались предупредить общественность их стран пребывания о надвигающейся катастрофе. Но они не нашли широкого отклика. Однако не из-за языкового барьера, как это часто предполагается. Многочисленные работы русских эмигрантских мыслителей были переведены на западноевропейские языки, кроме того, эти авторы как правило превосходно владели иностранными языками и нередко писали свои труды на языке страны пребывания. Слабую реакцию западной общественности на предостережения эмигрантов нельзя объяснить и недостатком интереса немецких, французских или английских интеллектуалов к России. Напротив, в то время Россия вызывала восхищение на Западе. В 1921 г. Гуго фон Гофмансталь даже жаловался, что Достоевский грозит свергнуть Гете с его пьедестала.¹ Почему же русские эмигранты не смогли воспользоваться плодами этой страсти к России, которая охватила тогда Запад? Это несмотря на то, что свободный интеллектуальный дискурс, задушенной в самой стране большевистской диктатурой, был практически полностью перенесен в «зарубежную Россию». Только в эмиграции русская культура, пережившая к началу 20-го века беспрецедентный расцвет (философско-религиозный ренессанс), могла развиваться и дальше в полном объеме. Но и этот факт был мало оценен тогдашней западной общественностью. Даже Ганс Римша, под чьим пером возник один из глубочайших анализов истории русского зарубежья, писал в 1927 г. о духовной стерильности эмиграции. Эмигрантам не удалось, говорил он, создать в области философии, истории или других гуманитарных наук что-либо существенное.² Историк, писавшему в 1927 г. эти слова, нехватило временной дистанции, чтобы осознать, насколько несостоятельным был его упрек. Это смягчающее обстоятельство не относится,

* Письменная версия доклада, прочитанного 8-го ноября 2013 г. в Святотихоновском Православном университете в рамках симпозиума, посвященного Семёну Людвиговичу Франку.

¹ von Hoffmannstahl H. Gesammelte Werke. Prosa. Vol. 4. Frankfurt/Main, 1955. P. 75-77.

² von Rimscha H. Russland jenseits der Grenzen. Ein Beitrag zur russischen Geistesgeschichte. Jena, 1927. P. 132-133, 150-151.

однако, к современным авторам, склоняющимся к подобным все упрощающим суждениям.³ Недооценка созидательной силы русских эмигрантов, распространенная как в западной общественности, так и в научной литературе, без сомнения связана с тем, что «зарубежная Россия» интересовала немецкую, французскую или английскую общественность намного меньше, чем советское государство. Как замороженные следили многие европейцы за проводимым большевиками социальным экспериментом, несмотря на тот факт, что миллионы россиян должны были заплатить за этот эксперимент своей жизнью.

Русская революция как «исходная катастрофа» XX века

В отличие от большинства своих современников, многие мыслители русского зарубежья считали «исходной катастрофой XX в.» (определение Дж. Кеннана) не Первую мировую войну, а русскую революцию 1917 г. На самом деле: Первая мировая война произвела революцию в совершенствовании технологий массовых убийств и в развитии всеобщей мобилизации силовых резервов воюющих стран. Однако воюющие нации преследовали конвенциональные цели – война была продолжением традиционной великодержавной политики. Вооруженная борьба шла в основном на фронте. Военные действия, за некоторыми исключениями, не затрагивали гражданское население. Первая мировая война была практически новой разновидностью традиционных европейских войн за гегемонию и не открыла новой главы в истории континента. Это сделала лишь большевистская революция, которая и ознаменовала начало «короткого» XX века⁴. Это было ясно многим русским мыслителям, в непосредственной близости наблюдавшим начавшуюся в 1917 г. русскую катастрофу.

Особенно тонко чувствовал это «аполитичный» философ Семен Франк, интересы которого были в первую очередь сосредоточены на метафизических проблемах.⁵ Но именно поэтому он сразу же распознал истинное значение начав-

³ Fitzpatrick Sh. *The Russian Revolution 1917-1932*. Oxford, 1985. P. 11, 35.

⁴ Поэтому являются не достаточно убедительными отдельные попытки выявить своего рода преемственность боевых действий в Первой и Второй мировых войнах. См. среди проч.: Baberowski J., Doering-Manteuffel A. *Ordnung durch Terror. Gewaltexzesse und Vernichtung im nationalsozialistischen und stalinistischen Imperium*. Bonn, 2006. P. 19-20, 32-33; Baberowski J. *Kriege in staatsfernen Räumen. Rußland und die Sowjetunion 1905–1950 // Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart / Ed. D. Beyrau, M. Hochgeschwender, D. Langewiesche. Paderborn, 2007. P. 292-293.*

⁵ Василий Зеньковский в своей *Истории русской философии* назвал философскую систему Франка «самым значительным и глубоким, что мы находим в развитии русской философии» (Зеньковский В. *История русской философии*. Париж, 1950. Т. 2. С. 410). Известный славист Дмитрий Чижевский добавил: «Работы Франка принадлежат к наиболее значительному и, прежде всего, к наиболее «философскому», что дала русская мысль» (Чижевский. Д. С.Л. Франк как историк философии и литературы // *Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / Под ред. В. Зеньковского*. Мюнхен, 1954. С. 174. См. также Rörig A. *Personalismus versus All-*

шихся в 1917 г. процессов, которые не только в корне изменили политико-социальные и экономические отношения, но и затронули глубинную суть человеческого бытия. В сборниках «Вехи» и «Из глубины», посвященным проблемам русской революции, статьи Франка занимают центральное место: они, можно сказать, имеют программное значение.

В статье *De profundis* опубликованной в 1918 году в сборнике «Из глубины» Франк пишет, что развал России первоначально произошел в умах людей - в сознании интеллектуальной элиты, которая вместо того, чтобы открывать народу новые перспективы, ввергла страну в руины. Причитания многих представителей русского образованного общества, твердивших о «иррациональности» и разрушительной ярости необразованных масс, не вызывали сочувствия Франка.

Ответственность за судьбы страны несла в первую очередь ее политическая элита, а не низшие классы, утверждал философ, так как «ни при каком общественном порядке, ни при каких общественных условиях, народ... не является инициатором и творцом политической жизни. Народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства... Действенной может быть не аморфная масса, а лишь организация; всякая же организация основана на подчинении большинства руководящему меньшинству»⁶. С этой точки зрения Франк проанализировал духовное состояние русской элиты, которая, по его мнению, несла основную ответственность за «самоубийство русской нации».⁷ Особенно остро критиковал он социалистические группировки. Они превратили Россию в экспериментальную площадку для своих программ, при этом особенно ярко проявилась их разрушительная сила. Почему, спрашивал Франк, социализм в России принял совсем иной характер, чем на Западе? Если на Западе социализм превратился в мирное экономическое и политическое движение за улучшение положения рабочего класса, то в России он привел к развалу государства⁸.

Einheit: Philosophie des Dialogs und der Begegnung bei Semen Frank. Berlin, 2010. P. 12; Ehlen P. Simon L. Frank. Werke in acht Bänden. Freiburg/München, 2000-2013. Vol. 3. P. 11.

О жизни и творчестве С. Франка см. также Boobyer Ph. The Life and Work of a Russian Philosopher, 1877-1950. Athens, Ohio, 1995; Einführung der Herausgeber // Frank. S.L. Werke in acht Bänden / Ed. P. Schulz, P. Ehlen, N. Lobkowicz, L. Luks. Freiburg-München, 2000. Vol. 1. P. 11-53; Solywoda S. The life and work of Semen L. Frank. A Study of Russian religious philosophy. Stuttgart, 2008; Luks L. Semen L. Franks Totalitarismustheorie // idem. Zwei Gesichter des Totalitarismus. Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich. Köln, 2007. P. 103-109; Семен Людвигович Франк / Ред. В. Порус. М., 2012.

⁶ Франк С.Л. *De profundis* // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 314. См. также Бердяев Н. Духовные основы русской революции // его же. Сочинения. Т. 4. Париж, 1989. С. 187.

⁷ См. на эту тему также Струве П. В чем революция и контрреволюция // его же. Избранные сочинения. М., 1999. С. 253-257; Его же. Исторический смысл русской революции // Из глубины. Париж, 1967. С. 285-306; Бердяев Н. Духи русской революции // там же. С. 95-106; Булгаков С. На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги // там же. С. 117-169; его же. Автобиографические заметки. Париж, 1946; Федотов Г. Лицо России // его же. Лицо России. Сборник статей (1918-1931). Париж, 1967. С. 1-7.

⁸ Франк. *De profundis*. С. 317-318.

Франк связывает это различие с тем, что на Западе консервативные и либеральные группировки были достаточно сильны, чтобы остудить революционный пыл социалистического движения и направить его в мирное, реформистское русло. В России же противостоящие социализму силы оказались чрезвычайно слабы. «Основная и конечная причина слабости нашей либеральной партии заключается в чисто духовном моменте: в отсутствии у нее самостоятельного и положительного *общественного мирозерцания* и в ее неспособности, в силу этого, возжечь тот политический *нафос*, который образует притягательную силу каждой крупной политической партии», - подчеркивал Франк⁹.

Среди русских либералов были в основном лишь умеренные, «тепличные» социалисты; им нечего было действительно противопоставить ревностным социалистам-фанатикам. Что касается русского консерватизма, то это течение переживало процесс внутреннего распада и утратило связь со своими изначальными религиозными истокам.

Консервативная элита царской империи, по Франку, представляла собой бездушный бюрократический слой, который пытался бороться с опасностью революции при помощи репрессий, а не идей – бесполезное занятие, как показал 1917 год¹⁰.

Точный анализ Франка, казалось, выявил специфику русской катастрофы и подтвердил распространенное как на Востоке, так и на Западе суждение о наличии глубокой пропасти между Россией и Западом. Так специалист по социологии культуры Альфред Вебер в 1925 г. писал, что большевистское господство привело к *реазиатизации* России. Россия лишь эпизодически и случайно входила в европейское сообщество государств. Ее новое исключение из Европы является возвращением к себе самой¹¹.

Однако якобы «азиатская» Россия лишь на несколько лет предвосхитила многие черты развития Запада. Именно поэтому проведенный Франком в 1918 г. анализ русской катастрофы выходил далеко за пределы специфически русских проблем. Глубокий кризис либерализма и консерватизма, который создавал одну из наиболее важных предпосылок победы тоталитаризма в России, разразился и на Западе спустя несколько лет. Так что русская катастрофа приняла общеевропейский размах.¹² Первые признаки этого Франк распознал вскоре после своей

⁹ Там же. С. 320-321.

¹⁰ Там же. С. 322-323.

¹¹ Weber A. Die Krise des modernen Staatsgedankens in Europa. Stuttgart, 1925. P. 119.

¹² Нелли Мотрошилова пишет об «особом умении русских мыслителей уловить катастрофичность социального развития и точно описать ее, в немалой степени опираясь на трагический опыт своей страны (Мотрошилова Н. Третья часть трилогии С. Л. Франка. «Духовные основы общества», ее исторические предпосылки и главные идеи // Семен Людвигович Франк. С. 266). См. также Бердяев Н. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. Берлин, 1924. С. 78, 90, 94, 96; Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 276-278; Reichelt S.G. Nikolaj Berdjaev in Deutschland. Eine rezeptionshistorische Studie. Leipzig, 1999. P. 28, 66-67, 170-171, 178-179, 182, 215; Goerdts W. Russische Philosophie. Zugänge und Durchblicke. Freiburg-München, P. 649-650.

высылки из России. В изданной в 1924 г. работе «Крушение кумиров» Франк писал: «Нельзя отрицать, что и Европа чахнет и тлеет и не может затушить это подземное горение... И среди этого всеобщего смятения и маразма, как мало признаков духовного осмысления жизни и стремления к подлинному духовному возрождению!»¹³

Русские эмигранты, подобно потерпевшим кораблекрушение, после катастрофы, которую они перенесли на родине, искали совета западных европейцев, бывших учителями России. Но эта встреча с Западом принесла беспримерное разочарование. Франк писал: «Мы чувствуем себя среди европейцев, как Сократ среди своих соотечественников, у которых он хотел чему-нибудь научиться, пока не признал, что он - мудрее всех, потому что он, ничего не зная, по крайней мере отдает себе отчет в своем неведении, тогда как все остальные, ничего не зная, не знают даже своей собственной духовной нищеты»¹⁴.

Разочарование в Западе русских, переживших катастрофу, распространялось и на многие другие идеалы, которым они безоговорочно служили в прежние годы. Эти руины, оставшиеся от прежних убеждений русской интеллигенции, подробно описаны Франком в «Крушении кумиров».

Вновь, как и в сборниках «Вехи» и «De Profundis», Франк в первую очередь полемизировал с теми, кто верил в искупительную силу революции. За много лет до того, как Антонио Грамши разработал свое учение о гегемонии, Франк описал последствия доминирования одного идеологического лагеря в публичном дискурсе. В царской империи, в которой казавшееся всемогущим государство пыталось контролировать все политические процессы, общественность была обуздана противниками царизма, действовавшими столь же автократическим образом. Согласно Франку, в дихотомическом мире поборников революции «источник бедствий народа усматривался всецело в дурном общественном строе, в злой и пороч-

¹³ Франк С.Л. Крушение кумиров // его же. Сочинения. М., 1990. С. 136. В 1922 г. Франк вместе с многими представителями духовной элиты России (Бердяев, Вышеславцев, И. Ильин и др.) вынужден был на так называемом «Философском пароходе» покинуть большевистскую Россию. См. на эту тему: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921-1923. М., 2005; Остракизм по большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921-1924 гг. М., 2010; В.И. Ленин. Неизвестные документы 1891-1922. М., 1999. С. 550-557; Степун. Сочинения. С. 788; Зеньковский. История русской философии. Т. 2. С. 391-392. Газета *Правда* комментировала высылку ученых следующим образом: «Среди высланных нет крупных научных имен. В большинстве это – политиканствующие элементы профессуры, которые гораздо более известны своей принадлежностью к кадетской партии чем своими научными заслугами» (См. Кантор В. Хранитель высших смыслов // Федор Августович Степун / Сост. В. Кантор. М., 2012. С. 13-14). См. также Федор Степун. Письма / Сост. В. Кантор. М., 2013. С. 267.

¹⁴ Франк. Крушение кумиров. С. 136. См. на эту тему также Степун. Сочинения. С. 434; Reichelt. Berdjaev; Hufen Ch. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884-1945. Berlin, 2001. P. 397. Кантор В. Русская революция или Вера в кумиры (Размышления над книгой С. Л. Франка «Крушение кумиров» // С.Л. Франк. С. 325-335; его же. Принцип «христианского реализма, или Против утопического своеволия («Свет во тьме» – духовное завещание С.Л. Франка) // С.Л. Франк. С. 289; Степун. Письма. С. 240, 267-268, 332. Порус В. Философское творчество С.Л. Франка как тема современных исследований // Семен Людвигович Франк. С. 6.

ной власти»¹⁵. Те, кто не разделял этих взглядов, были подвергнуты остракизму и объявлены «врагами народа»: «Все хотели служить не Богу, и даже не родине, а „благу народа“, его материальному благосостоянию и культурному развитию. И главное – все верили, что „народ“, низший, трудящийся класс, по природе своей есть образец совершенства, невинная жертва эксплуатации и угнетения»¹⁶.

Но не любовь к народу была всеохватывающей страстью адептов революции, а неутолимая ненависть к ее врагам: «Мягкий по природе и любвеобильный интеллигент-народник становился тупым, узким, злобствующим фанатиком-революционером, или во всяком случае, нравственный тип угрюмого и злого человеконенавистника начинал доминировать и воспитывать всех остальных по своему образцу»¹⁷.

Сила этого типа людей состояла, прежде всего, в том, что они, хотя и в более строгой форме, олицетворяли собой ценности, которые разделяла и большая часть интеллигенции. Их готовность отдать все «для блага народа» и всеми доступными средствами бороться против его «врагов», представляла собой моральное обязательство, от которого нельзя было бежать. Франк пишет: «„Умеренный“ – это был обыватель, робкий, лишенный героизма, из трусости или нерешительности желавший примирить непримиримое ... Сами „умеренные“ не имели в этом отношении чистой совести, чувствовали себя не вполне свободными от этих пороков; а в огромном большинстве случаев смотрели на революционеров, как церковно настроенные миряне смотрят на святых и подвижников – именно, как на недостижимые образцы совершенства, Ибо чем левее, тем лучше, выше, святее»¹⁸.

Когда авторы «Вех» призвали русскую интеллигенцию к «переоценке ценностей», этот призыв был с негодованием отвергнут не только левыми радикалами, но и представителями либерального спектра русской общественности. Франк в этой связи цитирует тогдашнее высказывание Павла Милюкова, одного из ведущих представителей русского либерализма: «У нас нет врагов слева»¹⁹.

Восьмью годами позже, Милюков, ставший министром иностранных дел пришедшего к власти после свержения царя Временного правительства, придерживался иной точки зрения: он отчаянно пытался спасти остатки разрушаемой большевиками русской государственности²⁰. Но его политическая программа оказалась неосуществимой.

Большевики извлекали выгоду от распространявшейся в России в течение нескольких поколений веры в целительную силу революции. Сила большевиков

¹⁵ Франк. Крушение кумиров. С. 120.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 121.

¹⁸ Там же. С. 119-120.

¹⁹ Там же.

²⁰ Сравни. Милюков П. Воспоминания (1859–1917). Т. 1-2. Нью-Йорк, 1955. Цит. по: Т. 2. С. 290-394.

была в том, что их экстремизм разжигал революционное нетерпение масс²¹. В этом Франк видит одну из главных причин триумфа Ленина: «Когда в душах интеллигенции, начиная с 1905 года, этот (революционный) пыл начал уже потухать, и в особенности, когда интеллигенция в октябре 1917 года в ужасе и смятении отшатнулась от зажженного ею же пожара, огонь этой веры перешел в души простых русских мужиков, солдат и рабочих, Ибо сколько бы порочных и своекорыстных вождедений ни соучаствовало в русской революции – как и во всякой революции, – ее сила, ее упорство, ее демоническое всемогущество и непобедимость объяснимы только из той пламенной веры, во имя которой тысячи русских людей, красноармейцев и рабочих, шли насмерть, защищая свою святыню – революцию»²².

Русская интеллигенция, разочарованная в революции, после 1917 года отшатнулась от большевистского террора. Интеллигенция предстала в роли своего рода «ученика волшебника», который не смог совладать с «духами, которые он же и вызвал».

Описанная Франком модель снятия колдовских чар с «революционных кумиров» имеет парадигматический характер и может быть применима к аналогичным процессам в других странах и эпохах. В этой связи поражает сходство судеб русской интеллигенции и немецких консерваторов времен Веймарской республики и Третьего рейха. Подобно тому, как русская интеллигенция своим прославлением революционных идеалов проложила дорогу большевистскому террору, немецкие консерваторы, особенно сторонники «консервативной революции», своим бескомпромиссным отказом от ассоциируемых с Западом плюралистических ценностей, способствовали приходу Гитлера к власти.

Один из идеологических «отцов» консервативной революции, Меллер ван ден Брук, в книге «Третий рейх» (1923 г.) определял либерализм как «моральное заблуждение», как свободу от всяких убеждений, которая называется убеждениями²³.

Для Карла Шмитта, одного из главных разрушителей основ созданной в 1918 году «первой» германской демократии, Веймарская республика не являлась государством как таковым. В ней, по словам Шмитта, отдельные сегменты общества

²¹ Сравн. к примеру: Церетели И. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963; Суханов Н. Записки о русской революции. Т. 1-3. М., 1991-1992; Kerenski A. Erinnerungen. Vom Sturz des Zaren bis zu Lenins Staatsstreich. Dresden, 1928; Die Kerenski-Memoiren. Russland und der Wendepunkt der Geschichte. Wien, 1966; Мельгунов С. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот. Л., 1984; Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955; Bonwetsch B. Die russische Revolution 1917. Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz. Darmstadt, 1991; Pipes R. Die Russische Revolution. Т. 2. Berlin, 1992; Ziva Galili y Garcia. The Menshevik Leaders in the Russian Revolution. Social Realities and Political Strategies. Princeton, 1989; Keep J.L.H. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. L., 1976; Altrichter H. Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 1997; Кулешов С. Наше отечество. М., 1991. Т. 1. С. 342-390; Геллер М., Некрич А. Указ. соч. Т. 1. С. 20-41; Hasegava T. The February Revolution. Petrograd, 1917. Seattle, 1981.

²² Франк С.Л. Крушение кумиров. С. 122.

²³ Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931. P. 69-70.

присвоили себе право осуществлять государственное насилие и злоупотребляли им, используя его исключительно в своих корыстных интересах. Государство как олицетворение всеобщих интересов было практически ликвидировано. Как неизлечимую слабость так называемого либерального государства, государства, основанного на праве, его немецкие критики рассматривали якобы неспособность этой политической системы принимать решения и выходить из «чрезвычайных ситуаций». В правовом государстве правят не люди или власти, а законы, - сетовал Карл Шмитт. Изначальное понятие господства здесь ликвидируется и заменяется абстрактными нормами²⁴.

Ученик Шмитта Эрнст Форстхофф к этому добавил: «честь, достоинство, верность [...] не нуждаются в нормативном обеспечении и институционализации [...]. Одно лишь верховенство закона [...], является прототипом сообщества без чести и достоинства»²⁵.

Так в рядах идеологов «консервативной революции» распространялось желание власти «настоящего» правителя, Цезаря, тяга к «Третьему и последнему рейху». Эта мечта почти неизбежно должна была привести к событиям 30 января 1933 г. - фактическому установлению в Германии «Третьего рейха». Но постепенно многие адепты «консервативной революции», как и русская интеллигенция после 1917 г., стали понимать, каких духов они разбудили.

Многих охватило разочарование. «Пока дух развивал свои мысли, не считаясь с действительностью, действительность досталась адским силам», - комментировал позже такое развитие событий философ Хельмут Кун²⁶.

Хотя Франк неоднократно подчеркивал специфику русской трагедии 1917 г., он, как уже было сказано, не игнорировал ее всеобщий наднациональный характер. Русская революция представлялась ему последним актом начавшегося на заре современной эпохи восстания европейцев против теократической системы средневековья.

Причины и последствия этого процесса Франк описывает, в своей написанной в 1924 г. статье «Религиозно-исторический смысл русской революции». Современную эпоху символизировали для него стремление человека к самореализации и самоопределению, к освобождению от всяческого патернализма. Это восстание против средневековья было для Франка абсолютно оправданным, потому что оно вскрыло главную слабость средневекового мировоззрения, которое, по Франку, состояло в следующем: «Религиозно-общественной идеей средневековья была

²⁴ Schmitt C. *Legalität und Legitimität*. München-Leipzig, 1932; idem. *Der Hüter der Verfassung*. Tübingen, 1931; idem. *Der Begriff des Politischen*. Berlin, 1963.

²⁵ Forsthoff E. *Der totale Staat*. Hamburg, 1933. P. 13.

²⁶ Kuhn H. *Das geistige Gesicht der Weimarer Zeit // Zeitschrift für Politik*. 1961. № 8 P. 4.

идея теократии: идеал утверждения царства Божия, установления правды на земле через подчинение человека власти, авторитет которой имеет неземное, божественное происхождение... Но эта система была (однако) основана... на забвении одной кардинальной истины христианского сознания – истины о личной свободе, как основном условии религиозно-осмысленной жизни»²⁷.

Франк указывает на то, что направленное против теократической системы восстание высвободило беспрецедентную творческую энергию. В то же время европейская культура стала все более удаляться от своих изначальных религиозных корней, хотя зависимость от них сохранялась и в просвещенные времена. Отход от своих духовных основ привел к кризисам идентичности. Они проявились, не в последнюю очередь, в английской и французской революциях: «Человечество думало достигнуть неба, оторвавшись от своих корней и свободно паря в воздухе; оно хотело как будто овладеть небом и подчинить его себе. А на самом деле, дорости до неба можно только, будучи с самого начала, через глубины духовно-исторической почвы укорененным в нем самом»²⁸.

Как же все эти события связаны с Россией, задается вопросом Франк: «Россия никогда не видала ни ренессанса, ни реформации – ни даже рационализма и просветительства в том глубоком и спонтанном смысле, какой носили эти движения на Западе; в России не было и господства либерально-буржуазной демократии, завершением которой и вместе с тем протестом против которой является социализм»²⁹.

Почему же тогда начатый на заре Нового времени отход от средневековья с его ярко выраженной религиозностью именно в России достиг своего пика и ранее неслыханной разрушительной силы? Почему именно здесь заимствованные от Запада материалистические и социалистические идеи были выражены с радикализмом, поразившим западных наблюдателей?

Франк объясняет это положение дел особой формой православной духовности, которая по своему социальному воздействию принципиально отличается от западного христианства: «В то время как на Западе религиозное творчество с самого начала вложилось в дело внешнего жизненного строительства, и восприятие христианства означало для западно-германских народов вступление в суровую теократическую школу морального, государственного и гражданско-правового воспитания, – в России великая духовная энергия, почерпаемая из безмерной сокровищницы православной веры, шла едва ли не целиком в глубь религиозного развития духа, почти не определяя эмпирическую периферию жизни; во всяком случае она не определила собой общественно-правового уклада русской жизни, не воспитала веры в какие либо, освященные ею принципы гражданских и государственных отношений... Русский человек либо имеет в своей душе истинный „страх Божий“, подлинную религиозную просветленность, и то-

²⁷ Франк С.Л. По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 23.

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ Там же. С. 28.

гда он являет черты благости и величия изумляющие мир, либо же он есть чистый нигилист, который уже не только теоретически, но и практически ни во что не верит, и которому все позволено»³⁰.

Эти колебания «русского человека», особенно народных масс, между глубоким страхом Божиим и все уничтожающей анархией («русский бунт, бессмысленный и беспощадный» - Александр Пушкин), изучались и другими современниками Франка, например, Сергеем Аскольдовым - соавтором сборника «De Profundis».

Согласно Аскольдову, гуманистическое мировоззрение, свободные от религии этика, наука и искусство едва ли могли укорениться в России. Интеллигенции не удалось донести до русского народа гуманистические идеалы, однако она смогла разрушить его религиозность. Императивы, сдерживавшие разрушительные страсти людей, потеряли свою эффективность³¹.

Еще в 1908 г. Сергей Булгаков в этой связи отмечал, что интеллигенция «просветив» народ, разрушила его традиционные представления. Но эта «победа» интеллигенции будет иметь катастрофические последствия для России, продолжал Булгаков.³²

Действительно, в начале XX в. русские социальные низы пребывали в промежуточном состоянии между патриархальностью и современностью. До тех пор, их мировоззрение, так же как и на Западе во времена средневековья, было связано, прежде всего, с религиозными представлениями. Православный царь служил для них воплощением государства. Солдаты сражались за «веру, царя и отечество». Русский историк и публицист Георгий Федотов считал неслучайным, что в этой триаде понятие «отечество» стоит на последнем месте³³. Но отказ вследствие «просвещения» русских низов от их веры в царя привел к ослаблению их связей с государством. Современная национальная идея, рассматривающая собственное государство, независимо от его религиозной коннотации, в качестве своего рода венца творения, присутствовала в России в зачаточном состоянии и лишь у части образованного класса. Факт, что русские «крестьяне в солдатских шинелях» не были готовы защищать учрежденную в феврале 1917 г. «первую» русскую демократию от внешних врагов (Франк назвал это «самоубийством русской нации»), был не в последнюю очередь связан с тем, что низы русского общества больше не понимали своего государства, его политических целей и идей³⁴.

В отличие от Запада, секуляризация в России не являлась постепенным многовековым процессом - она произошла внезапно, в течение короткого периода вре-

³⁰ Там же. С. 28-32; см. также: Бердяев. Новое средневековье. С. 20-21; его же. Русская идея. Париж, 1971. С. 249.

³¹ Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 31-66.

³² Булгаков. Два града. Т. 2. С. 159-163.

³³ Федотов Г. Революция идет // его же. Судьба и грехи России. М., 1991. Т. 1. С. 129.

³⁴ См. его же. Будет ли существовать Россия // Судьба и грехи России. Т. 1. С. 175.

мени. Старое и новое образовали здесь в высшей степени взрывоопасную смесь. Вера в царя как заместителя Бога на земле сменилась не светской моделью мышления, а верой в революцию, которая, как прежняя вера, была связана с хилиастическими ожиданиями спасения. При этом русские рабочие и крестьяне повторили, как было сказано, путь русской интеллигенции, пройденный двумя поколениями ранее.

Однако мышление интеллигенции сохраняло, несмотря на утрату ею всякой связи с православной церковью, определенную религиозную основу. Фанатичная преданность, с которой интеллигенция служила революционным идеалам, например, социализму, напоминала беспрекословную веру их предков в чистоту Православия; за эту веру многие, в частности, старообрядцы, были готовы взойти на костер. Типичная для буржуазной эпохи «десакрализация» мира (Макс Вебер), в царской России не была связана с рациональным скептицизмом в отношении абсолютных истин.

Федор Достоевский писал о социализме, что это учение лишь внешне напоминает социальную доктрину. Намного важнее политических амбиций социализма его стремление стать альтернативой христианству³⁵. Это его определение хотя и претендует на универсальность, описывает в первую очередь русские, а не западные нравы. В России служили светским идеалам с особой религиозной серьезностью и безоговорочностью. 1917 год подтвердил это с предельной ясностью. Характерные для многих русских атеистов поиски путей как бы религиозного спасения и стремление к абсолютному являются для Франка одной из центральных характеристик «русского мировоззрения».

Этой теме Франк посвятил лекцию в берлинском обществе Канта в 1925 году, опубликованную на следующий год в качестве статьи. Франк пишет: «Русский дух, так сказать, насквозь религиозен. Он, собственно, не знает ценностей помимо религиозных, стремится только к святости, к религиозному преображению... Все относительное, что бы оно собой ни представляло - будь то мораль, наука, искусство, право, национальности и т. д., как таковое, не является для русского никакой ценностью. Оно обретает свою ценность лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления абсолютного, абсолютной истины и абсолютного спасения. В этом состоит принципиальный радикализм русского духа, искажением и деформацией которого являются политический радикализм или максимализм, обусловленные тем, что дух уже оторван от своих истинных, т. е. религиозных, корней»³⁶.

Дав такую характеристику «русскому духу», Франк обращается к русскому нигилизму, не имеющему ничего общего с распространенными на Западе скептицизмом и агностицизмом: «Русский нигилизм... является не только отдельной, исторически обусловленной формой русского мировоззрения, но и составляет

³⁵ См. Бердяев. Духи русской революции.

³⁶ Франк С.Л. Русское мировоззрение. Берлин, 1926. Цит. по: Франк С.Л. Русское мировоззрение. Спб., 1996. С. 184; см. Бердяев. Русская идея.

длительное болезненное состояние русской духовной жизни, не что иное, как обратная сторона, негативный полюс этого духовного радикализма... Русский нигилизм вовсе не простое неверие - в смысле религиозного сомнения или индифферентности, он, если можно так выразиться, есть вера в неверие, религия отрицания. Если рассмотреть его с другой стороны, он вообще является не столько теоретическим отрицанием духовных ценностей, сколько страстным стремлением их практически уничтожить, "штурмом небес" - как однажды сами коммунисты называли то, что разжигается только через самую горячую веру, пусть даже с негативным содержанием»³⁷.

Кто же был ответственен за начавшийся в 1917 году русский апокалипсис? Были ли лишь одни нетерпеливые и нетерпимые революционные фанатики виновниками этих катастроф? Франк отвергает это одностороннее объяснение, столь широко распространенное в России в лагере противников большевиков. Виновниками русской катастрофы, с его точки зрения, были не только левые, но и правые. В то время как левый радикализм стремился к ликвидации существующего строя любой ценой, правые радикалы хотели сохранить существующий порядок также любой ценой, включая принуждение и насилие. В работе под названием «По ту сторону „правого“ и „левого“», изданной в 1931 г., Франк писал: «Сохранение, наперекор жизни, во что бы то ни стало старого и стремление во что бы то ни стало переделать все заново сходны в том, что оба не считаются с органической непрерывностью развития, присущей всякой жизни, и потому вынуждены и хотят действовать принуждением, насильственно – все равно насильственной ли ломкой, или насильственным „замораживанием“»³⁸.

Это подчеркивание сущностных особенностей левого и правого радикализма может быть воспринято как предопределение теории тоталитаризма, которая появилась позже. Но не только применение принуждения и насилия, с точки зрения Франка, свидетельствует о сущностном родстве между этими двумя полярными группами, но и их способность к мобилизации масс: «„Правые“... становятся выразителями вожделий и интересов той части низших классов, которая еще живет в идее традиционализма... „Правые“ (или, по крайней мере, известная их группа)... мечтают о народном восстании и в этом смысле занимают позицию „крайних левых“. Несмотря на свою острую ненависть к „левым“ в других отношениях, они иногда солидаризируются с теми „крайними левыми“, которые сами находятся в оппозиции и не удовлетворены господствующей в государстве левой властью, и эту связь выражают даже в своем имени („национал-социалисты“ в Германии)»³⁹.

Как в правом, традиционалистском и консервативном, так и в левом, социальном и революционном, лагерях Франк обнаруживает силы, которые дистанциру-

³⁷ Франк С.Л. Русское мировоззрение. Спб., 1996. С. 184-185.

³⁸ Франк. По ту сторону „правого“ и „левого“. С. 44; см. также: Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. С. 289-306.

³⁹ Франк. По ту сторону. С. 51.

ются от радикальных лозунгов и задумываются о таких ценностях, как свобода личности и компромисс. К таким силам, как в России так и на Западе, принадлежат, с точки зрения Франка, демократически настроенные социалисты и либерально мыслящие консерваторы. Несмотря на пропасть, разделяющую их взгляды, они открывают для себя то общее, что их соединяет: неприятие радикализма любого рода.

Однако этот вывод Франка, по крайней мере, в том, что касалось немецких консерваторов, был несколько преждевременным. Именно в том году, когда Франк опубликовал эту свою статью, в консервативных элитах Германии все сильнее стало проявляться течение, представители которого считали союз с социал-демократами (Веймарскую коалицию) изжившим себя и выступали за союз с нацистами, чтобы вместе с праворадикальными силами устранить непопулярную „Веймарскую систему“⁴⁰.

Семен Франк о нацистской идеологии и об «ереси утопизма»

Начавшаяся в 1933 г. немецкая трагедия, которую Франк наблюдал в непосредственной близости, в Берлине, в большой степени напоминала события в России в 1917-1921 гг. Как и в большевистской России, жизнь Франка вновь была в опасности не только из-за его свободолюбивых и антиавторитарных убеждений, но и вследствие его происхождения. В России его жизнь находилась под угрозой, так как он был «буржуазным» мыслителем, в «Третьем рейхе» - из-за его еврейского происхождения. Тот факт, что в 1912 г. в возрасте 35 лет Франк крестился, не играл для нацистских властей никакой роли. С точки зрения нацистской идеологии он был евреем и подлежал такой же дискриминации, что и его нехристианские соплеменники.

Принятием в апреле 1933 г. «арийского параграфа» нацистское государство начало процесс лишения еврейского меньшинства всех прав, завершившийся Холокостом. Провозглашая расовое происхождение в качестве главного принципа, различающего людей внутри государства, нацистское руководство открыто издевалось над христианской религией, которую в 1933 г. официально исповедовали 95% населения Германии⁴¹. Над последствиями этого беспрецедентного в истории Германии и Европы разрыва с христианской верой Франк в 1934 г. раз-

⁴⁰ См. Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Zürich, 1936; Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Vol. 1. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. München, 2002; Kershaw I. Adolf Hitler 1889–1936. Stuttgart, 1998.

⁴¹ Hehl U. von. Die Kirchen in der NS-Diktatur // K.D. Bracher u.a. Deutschland 1933–1945, 2. Aufl. Bonn, 1993. P. 155.

мышлял в статье «Религиозная трагедия иудаизма. От еврея-христианина», которая была опубликована в журнале «Eine Heilige Kirche»⁴².

Франк в начале пишет о трагедии иудейско-христианских отношений, которая для него, прежде всего, состоит в том, что евреи не приняли Мессию, посланного Богом Израиля. Так народ Израиля проявил неверность своему Богу, и, таким образом, самому себе. Франк подчеркивает, что Христос есть наиболее полное выражение «еврейского религиозного духа». Тем самым он выступает против псевдохристианских идеологов, которые хотели бы отделить Ветхий Завет от Нового объявить Христа неевреем⁴³. Согласно Франку, не только евреи отрицали Спасителя, – это делали также очень многие христиане, несущие свою долю ответственности за то, что евреи сохранили свою прежнюю веру⁴⁴. Кроме того, по мнению Франка, многие евреи не желали креститься, чтобы не попасть под подозрение, что они хотят воспользоваться преимуществами принадлежности к господствующей религии. Но этого можно было больше не опасаться в России после 1917 г., когда православная церковь перестала быть правящей и превратилась в «церковь мучеников».

И в Германии после введения «арийского параграфа» крещение перестало давать евреям какие-либо земные преимущества: «Еврей-христианин с этого момента продолжит разделять судьбу своего народа. Он может остаться верным своему народу, несмотря на свою христианскую веру. [В] более широкой перспективе [...] теперь основной разделительной линией в земных судьбах человеческих станут не различия между евреями и христианами, а отличие истинно верующих [...], от людей, для которых государство и этническая принадлежность являются абсолютными, все определяющими ценностями»⁴⁵.

Своим неприятием расовой теории Франк поставил под вопрос основу нацистского самосознания, что сделало его существование в "Третьем рейхе" еще более опасным.

Не менее смелой, чем статья «Религиозная трагедия иудаизма» была лекция Франка о «Легенде о Великом Инквизиторе» Достоевского, с которой он выступил вскоре после прихода нацистов к власти. Текст лекции был опубликован в виде статьи в журнале «Hochland» за 1933-1934 гг. Франк выступает здесь против попытки так называемых «сверхчеловеков», превратить людей в стадо послушных рабов, лишенных всякой самостоятельности, свободы и, тем самым, человеческого достоинства: «Содержащаяся в легенде критика направлена вообще против целей той утопии, которая неоднократно формулировалась в истории человечества [...] против намерения передать ответственность за судьбу общест-

⁴² Frank S. Die religiöse Tragödie des Judentums. Von einem Judenchristen // Eine Heilige Kirche, April-Juni 1934. P. 128-133.

⁴³ Этот тезис не в последнюю очередь отстаивал британо-германский расист Х.С. Чемберлен, в особенности в работе 1899 г. «Основы XIX в.», которую позже взяли на вооружение Гитлер, Гиммлер, Геббельс и другие нацисты.

⁴⁴ Frank. Die religiöse Tragödie. P. 132.

⁴⁵ Ibid. P. 133.

ва в руки избранного мудрого слоя и достигнуть счастья человечества посредством деспотической власти над безответственной, воспитанной в рабском повиновении массой»⁴⁶.

Как своей уничтожающей критикой «принципа фюрерства», так и неприятием расовой идеологии, Франк разбивал основные мировоззренческие постулаты нацистского государства. Это не осталось незамеченным. Среди слушателей Франка был агент гестапо, который понял, что критика идущих от Сатаны советов презирающего людей Великого Инквизитора косвенно направлена против нацистского режима. Гестаповец сказал Виктору, сыну философа: «Скажите Вашему отцу, чтобы он был осторожнее. Мы понимаем, что он действительно хотел сказать своим докладом»⁴⁷.

Протест Франка против принуждения и обмана народа деспотом-«вождем», был, конечно, направлен не только против правых, но и против левых диктатур. Франк в своей критике тоталитаризма всегда боролся на два фронта, часто опираясь на Достоевского, который в своих романах предугадал оба варианта тоталитарного искушения.

Так, один из персонажей «Бесов», Шигалев, создает социальную утопию, в которой безграничная свобода приводит к неограниченному деспотизму.

В романе «Преступление и наказание» Раскольников, верящий в «сверхчеловека», развивает как в XX-том столетии фашисты теорию «высших» и «низших» категорий людей.

Ясность, с которой Достоевский, живший во внешне стабильном XIX веке, предвидел катастрофические события XX века, в самом деле поразительна. Франк также очарован провидческим даром Достоевского.

Это нашло свое отражение, в частности, в вышеупомянутом трактате о Великом Инквизиторе, а также в статье 1931 г. под названием «Достоевский и кризис гуманизма». Франк пишет: «Достоевский не знал ни марксизма, ни Ницше, но предвосхитил в своих произведениях оба эти течения»⁴⁸.

Франк подчеркивает, что «”чудо свободы” ... , о которой как о высшем абсолютном благе говорит ”человек из подполья“». Через это начало ведет единственный путь человека к Богу... Это есть поистине “узкий путь”, со всех сторон окруженный безднами греха, безумия и зла». Революционный социализм, «по пророческому прозрению Достоевского, несовместим со свободной личностью и неминуемо ведет к тоталитарной деспотии и даже всеобщему порабощению»⁴⁹.

⁴⁶ Frank S. Die Legende vom Großinquisitor // Hochland. 1933-1934. P. 57. Цит. по: Франк С.Л. Легенда о Великом Инквизиторе // его же. Русское мировоззрение. Спб., 1996. С. 368.

⁴⁷ Франк С.Л. Легенда о Великом Инквизиторе // Вестник РСХД. 1976. № 117. С. 102.

⁴⁸ Frank S. Die Krise des Humanismus. Eine Betrachtung aus der Sicht Dostoevskijs // Hochland, Juli 1931. Цит. по: Франк С. Достоевский и кризис гуманизма // его же. Русское мировоззрение. Спб., 1996. С. 364.

⁴⁹ Там же. С. 366, 368.

Непосредственно после крушения 3-го Рейха Франк написал статью «Ересь утопизма» (1946 г.), в которой он подвел своего рода итоги своего многолетнего изучения тоталитаризма как явления. Так как при тоталитарных режимах речь идет об «Утопии у власти» (М. Геллер, А. Некрич), Франк изучает суть утопического мышления, лежащего в основе двух тоталитарных режимов XX в. – большевизма и нацизма. Еще в статье «Этика нигилизма», опубликованной в сборнике «Вехи», Франк осудил утопизм русской революционной интеллигенции, ее стремление разрушить существующий несправедливый мир и на его развалинах построить рай на земле. Но тогда сторонниками утопического мышления были небольшие группы фанатиков, которые, казалось, не имели никаких шансов свергнуть колосс самодержавия. Но в 1917 г. случилось ранее немыслимое – утопия пришла к власти, сначала в России, а затем, в 1933 г., в Германии. Таким образом, Франк в эссе «Ересь утопизма» изучает не только утопическую теорию, но и, прежде всего, практику утопизма. Цель утопии, по Франку, это «улучшение» творения. Несовершенство мира не давало утопистам покоя. Их целью было «новое творение». Франк пишет: «Человек берет на себя самого дело устройства мира на новых, праведных основаниях; этот новый, праведный и разумный мир – творение ... воли человека – отчетливо противопоставляется миру старому, исконному, исполненному зла и неразумия – миру, созданному некой злой, слепой, хаотической силой»⁵⁰.

Предпосылкой нового творения является полное разрушение старого: «Подобно Богу, человек замышляет сотворить мир из ничего; но не находясь в положении Бога, который впервые сотворил мир, он встречает препятствие для своего творческого замысла в лице уже существующего мира»⁵¹.

Этот относительно устойчивый существующий мир чрезвычайно раздражает утопистов, пишет Франк. «Но старый, исконный мир – мир грешный, неразумный и несовершенный – упорствует в своем бытии, сопротивляется своему разрушению. Это упорство представляется утописту всегда чем-то непонятным, неожиданным, противоестественным, ибо противоречит его представлению об относительно легкой возможности построить новый мир». С точки зрения утопистов, представляется естественным, «что нормальные люди должны согласиться на план построения нового мира, обеспечивающего им „спасение“, разумную и блаженную жизнь, Эта извращенная, порочная воля немногих должна быть подавлена и уничтожена; отсюда – требование „тысячи“ голов. Но этот старый мир, несмотря на свою порочность и дряхлость, на все свое несовершенство, все же имеет некое сверхчеловеческое происхождение – и потому некую для утопизма неожиданную прочность, о которую разбивается всякая чисто человеческая воля.

⁵⁰ Франк С.Л. Ересь утопизма // его же. По ту сторону правого и левого. С. 100.

⁵¹ Там же. С. 100-101.

Поэтому никакое устранение „тысячи голов“ здесь помочь не может ... Дело разрушения безнадежно затягивается, и на этом пути утопизм роковым образом увлекается на путь беспощадного и все более универсального террора. Именно поэтому благодетели человечества неизбежно становятся его угнетателями, мучителями и разрушителями»⁵².

Где же корни утопического мышления?

Франк отвечает на этот вопрос так: «Ересь утопизма можно, ... ближайшим образом определить, как искажение христианской идеи спасения мира через замысел осуществить это спасение принудительной силой закона. Поскольку идея закона есть руководящая идея ветхозаветной религии, ересь утопизма оказывается искажением христианского сознания в направлении ветхозаветных представлений»⁵³.

Аналогичные тезисы отстаивали и другие русские религиозные философы. Так, Николай Бердяев в 1918 г. в своей книге «Философия неравенства», вызвавшей оживленные споры (от этой книги автор потом дистанцировался)⁵⁴, писал о социалистическом утопизме следующее: «Это смешение небесного с земным – типично еврейский феномен. Поэтому не удивительно, что Карл Маркс был евреем. Социализм – это форма укоренившегося в еврейской традиции апокалиптически-хилиастического движения безбожных антицерковных времен»⁵⁵.

Это объяснение происхождения ереси утопизма никак нельзя признать удовлетворительным. Как Бердяев, так и Франк, много раз указывали на то, что стремление к достижению рая на земле – это универсальный феномен. Это общечеловеческое заблуждение, выходящее далеко за рамки лишь еврейского или ветхозаветного мира.

⁵² Франк. Русское мировоззрение. С. 83; См. также Франк С. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. Париж, 1949; Кантор. Принцип «христианского реализма». С. 296, 301, 305-306.

Красной нитью через творчество Франка проходит проблема человеческой гордыни. Петр Элен пишет об этом так: «Оглядываясь в конце Второй мировой войны на ужасы революции, изгнания, войны и геноцида, Франк вновь пришел к пониманию того, что основной причиной заблуждений и трагедий XX века является высокомерие человека, его извращенная завышенная самооценка. "Вера в человека освободилась от веры в Бога. Человек поднял себя до равного Богу"». Ehlen P. Russische Religionsphilosophie im 20. Jahrhundert. Simon L. Frank. Das Gottähnliche im Menschen. Freiburg-München, 2009. P. 341-342.

⁵³ Франк С.Л. По ту сторону. С. 95; сравн. Ehlen. Russische Religionsphilosophie. P. 178-182; Митрофанов Г. Россия XX века – „Восток Ксеркса“ или „Восток Христа“. Духовно-исторический феномен коммунизма как предмет критического исследования в русской религиозно-философской мысли первой половины XX века. Спб., 2004. С. 37-40.

⁵⁴ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж, 1949. С. 248.

⁵⁵ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Париж, 1970. С. 154-156. См. на эту тему также Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. Париж, 1968. С. 141; его же. Смысл истории. Париж, 1970. С. 109. В книге *Смысл истории* Бердяев называет однако и другой источник социалистического утопизма – это материалистическое искажение средневековой теократической идеи (С. 174-175).

Франк искал, однако, и другие истоки утопического мышления. Независимо от Эрика Фёгелина, он указывает на другой источник утопизма, а именно - ранне-христианский гностицизм⁵⁶.

Как утописты, так и гностики внутренне едины в своем моральном ригоризме: и те, и другие, выступают против зла в этом мире. Они связывают зло не с грехопадением, а исключительно с внешними обстоятельствами, с демиургом-человеконенавистником, создавшим этот несовершенный мир, или же с бесчеловечными социальными условиями. Напрасно полагать, что зло будет побеждено либо уходом от мира в аскезу, либо восстанием против существующего общественного строя, пишет Франк. Так как человек не может искупить первородный грех, уйдя от самого себя; опять же, внешним механическим принуждением нельзя устранить ни одного атома зла.

Так как утопист нарушает замысел Создателя и выступает против человеческой природы, его намерения изначально обречены на провал, подчеркивает философ. И тому, и другому он объявляет войну, превращаясь из предполагаемого спасителя человечества в злейшего врага рода человеческого. Так что в конце утопического действия почти неизбежно разрушение и самоуничтожение личности.

Однако надо спросить себя, почему же сторонники утопического мышления в первой половине XX в. добились таких потрясающих успехов⁵⁷. Почему сопротивление многих европейцев этим непримиримым врагам европейской цивилизации было столь робким и неэффективным?

Тут нельзя забывать о том, что гитлеровский «новый порядок» удалось победить лишь подавляющей военной силой Антигитлеровской коалиции, а демонтаж сталинской системы начался лишь после смерти ее основателя.

С чем же был связан беспрецедентный триумф тоталитарных диктатур в XX веке? Соотечественник Франка писатель Василий Гроссман объясняет это факт распространенной в современном обществе склонностью к конформизму и покорности. В самом деле, торжество тоталитарных режимов в первой половине XX в. было бы немыслимо без готовности многих европейцев примириться с ними. Если учесть, что многие из этих людей, ставших сотворцами и пособниками тоталитарных систем, ранее ценили превыше всего свободу и отвергали патерналистские системы разных видов, мы вслед за Гроссманом должны при-

⁵⁶ См. об этом: Voegelin E. *Wissenschaft, Glaube, Gnosis*. München, 1959; см. также: Митрофанов Г. *Россия XX века*. С. 42-43.

⁵⁷ Николай Бердяев в 1924 г. писал в этой связи: «Социалистические утопии, которые слишком многим представлялись золотыми снами человечества, никогда не обещали никаких свобод. Они всегда рисовали картины совершенно деспотических обществ, в которых свобода была истреблена без остатка [...] Утопии плохо знали или забыли и слишком воздыхали о невозможности их осуществления. Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления». Бердяев Н.А. *Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы*. Берлин, 1924. С. 121-122; см. также Бердяев Н. *О рабстве и свободе человека*. Париж, 1939. С. 171; Степун. *Сочинения*. С. 527.

знать наличие удивительного человеческого свойства: «Большинство людей, внутренне ужасаясь массовым убийствам, скрывает свое душевное состояние не только от своих близких, но и от самих себя. Эти люди заполняют залы, где происходят собрания, посвященные истребительным кампаниям, и как бы ни были часты эти собрания, вместительны эти залы, – почти не бывало случая, чтобы кто-либо нарушил молчаливое единогласие голосования»⁵⁸.

Как же Гроссман объясняет эту антропологическую революцию, факт, что «Сверхнасилие тоталитарных социальных систем оказалось способным парализовать на целых континентах человеческий дух... Душа-предательница объявляет преступления совершенные фашизмом, высшей формой гуманности, соглашается делить людей на чистых, достойных и на нечистых, не достойных жизни. Страсть к самосохранению выразилась в соглашательстве инстинкта и совести. В помощь инстинкту приходит гипнотическая сила мировых идей... Насилие тоталитарного государства так велико, что оно перестает быть средством, превращается в предмет мистического, религиозного преклонения, восторга»⁵⁹.

И в самом деле, бесчисленные преступники на службе тоталитарных режимов считали уничтожение миллионов людей своего рода искуплением. Если иметь в виду, что это происходило через 150 лет после победы Просвещения и процессов эмансипации разного рода, этот отказ от всех моральных заветов и запретов последних тысячелетий кажется чем-то загадочным.

Разрушительный опыт первой половины XX в. привел к смене парадигм европейской политической мысли в направлении, заданном Семеном Франком и другими русскими мыслителями, такими как Владимир Соловьев. Они подчеркивали, что человек, из-за своей несовершенной природы, не способен создать земной рай. Но он обязан бороться против того, чтобы был создан «ад на земле».

(Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина)

⁵⁸ Гроссман В.С. Жизнь и судьба. Кн. 1. М., 2005. С. 211-212.

⁵⁹ Там же. С. 213.

Против левого и правого тоталитаризма – эмигрантский журнал *Новый Град* о европейском кризисе 1930-х годов

а. Общественно-политическая программа группы Новый град

В конце 1931 года, когда мировой экономический кризис уже третий год потрясал основы западного общества, в Париже появился первый номер русского эмигрантского журнала *Новый Град*. Уже в этом названии отражается программная квинтэссенция издания.

Русские эмигранты – без родины и так же, как правило, без средств к существованию – представляли, пожалуй, самое слабое звено в социальной системе западного общества. Экономические и социально-политические волнения в странах, в которых они пребывали, затронули их особенно сурово. В мире, полном неопределенностей, они жаждали в особо сильной мере твердого фундамента под ногами, который мог бы стать им опорой не только в материальной, но и духовной нужде. Такую духовную опору «новоградцы» пытались предоставить своим читателям.¹

Редакторы журнала принадлежали к тем эмигрантским кругам, которые отказывались от политического радикализма и утопизма любого рода, – как левого, так и правого толка – и которые продолжали идеи русского религиозно-философского ренессанса начала 20 века, который олицетворял сборник *Вехи*. Некоторые авторы *Вех* также были создателями *Нового Града*, так, к примеру, Николай Бердяев и Сергей Булгаков. Однако особое влияние на программу журнала оказал один из его основателей Георгий Федотов.

Федотов, который изучал историю в Йене и Санкт-Петербурге и закончил университет за несколько лет до начала Первой Мировой Войны, покинул Советский Союз только в 1925 году.² Таким образом, он со значительным опозданием начал принимать участие в эмигрантском дискурсе, который уже велся годами, однако, он сразу же зарекомендовал себя как один из важнейших публицистов эмиграции. Самые влиятельные журналы русской диаспоры – *Современные Записки* и *Путь* – регулярно публиковали его статьи.

Итак, почему Федотов и его единомышленники, в первую очередь Федор Степун и И. Бунаков-Фондаминский, считали необходимым создание нового жур-

¹ См. об этом также: Raeff M. „Novyj Grad“ and Germany: A Chapter in the intellectual History of the Russian Emigration of the 1930s // Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert / Ed. I. Auerbach, A. Hillgruber, G. Schramm. Freiburg, 1985. P. 255-265; Мень А. Возвращение к истокам. <http://www.vehi.net/men/fedotov2.html>; Георгий Петрович Федотов (1886 – 1951) / Федотов Г. Лицо России. Сборник статей (1918 – 1931). Париж, 1967. С. I-XXXIV; Степун Ф. Г.П. Федотов / его же. Сочинения. М., 2000. С. 747-761.

² Мень. Возвращение. С. 4; Георгий Петрович Федотов. С. XX.

ла? Американский историк Марк Раэфф объясняет это следующим образом: Редакторы *Современных Записок*, в отличие от «новоградцев, не стремились ни к какому основополагающему обновлению западной социально-политической и экономической системы [несмотря на глубокий кризис, в котором она находилась – Л. Л.]. Кроме того, *Современные записки* были в первую очередь литературным журналом. Напротив, журнал *Путь* занимался в первую очередь богословскими вопросами. Он скорее дистанцировался от политической активности "новоградцев" [хотя многие авторы *Пути* также публиковались в *Новом Граде* – Л. Л.]».³

Уже в своем первом, вышедшем в 1931 году номере журнал *Новый Град* однозначно сформулировал свою политическую и идеологическую позицию. Защита свободы – по мнению редакторов, важнейшего наследия 19 века – была для них центральной задачей времени. Поэтому *новоградцы* провозгласили непримиримую борьбу коммунистическим и праворадикальным ненавистникам свободы. Однако они также резко критиковали европейский либерализм. Они упрекали либеральные группировки в недостаточном интересе к социальным вопросам. Труд, а не капитал должен был стать важнейшей основой «нового общественного строя», к которому стремился *Новый Град*. *Новоградцы* обвиняли либеральное государство также в духовном эклектизме и релятивизме. Не в последнюю очередь по этой причине у него не было достаточно энергии оказывать сопротивление тоталитарным фанатикам: «парламентская демократия западно-европейского образца представляет собой политическую систему не только равнодушную к вопросам мирозерцания, но и защищающую это равнодушие как свое *мирозерцательное credo*», – пишет один из основателей «Нового Града» Федор Степун: «Свое безразличие к вопросам истины (истины, а не отдельных правд и правильностей) современная политическая демократия ощущает как защиту *идеи свободы*. Эта терминология не точна», – продолжает Степун: «*Идея свободы* (идея в платоновском метафизическом смысле слова) в отрыве от истины не познаваема. Свобода, в смысле идеи, то есть в смысле высшей духовной реальности, есть *путь истины в мир и путь мира к истине*».⁴

В своих вышедших после войны заметках к кредо «Нового Града» Степун добавляет: «Правда всегда побеждает, надо только видеть, что она побеждает на двух, весьма различных путях. В случае ее признания, ее победа превращается в живое и творческое устройство жизни, в случае ее отрицания – ее победа оказывается разрушением жизни. К этой второй форме победы мы, люди XX века, подошли совсем близко».⁵

Общественный строй *Нового Града* должен был строиться не на эклектически-релятивистских, а на христианских основах. Однако на христианстве, которое значительно чувствительнее реагирует на социальный вопрос, чем это дела-

³ Raeff. *Novyj Grad*. P. 256.

⁴ Степун. Сочинения. С. 356.

⁵ Старые – молодым. Мюнхен, 1960. С. 98.

ют традиционные церкви.⁶ Как уже было сказано, *новоградцы* хоть и продолжали в некотором роде идеи сборника *Вехи*, однако одновременно прокладывали и совершенно новые пути. Их программа олицетворяла как разрыв, так и преемственность.

б. Группа *Новый Град* о кризисе западной демократии

Тот факт, что «первая» русская демократия, возникшая после свержения династии Романовых, не смогла справиться с большевистским вызовом, связывали многие западные наблюдатели с незрелостью русского общества к демократии, с его стремлением к новому патриархальному строю, который должен было заменить место царскую монархию.

Авторы «Нового Града» были в свою очередь удивлены неспособностью западноевропейских демократий, дать отпор своим тоталитарным противникам – это несмотря на столетия правовой традиции, которая была укоренена в этой части Европы в отличие от России. *Новоградцы* подробно занимались кризисом Веймарской республики начала 1930-ых годов. Что их в этой связи потрясло, было не «стремление к власти» радикальных противников республики, а беспомощность демократов – не в последнюю очередь социал-демократов – которые были фундаментом немецкой системы, воздвигнутой в ноябре 1918 года: «Она [социал-демократия] пала так же бесславно, как монархия Николая II», – писал Федор Степун в 1933 году в своей статье «Германия проснулась»: «Прекрасно организованная и дисциплинированная, располагавшая массами очень высокого культурного уровня, опытная в делах государственного управления и гордая своими спортивно-боевыми организациями, немецкая социал-демократия сдалась на милость победителя, не только не успев поднять вооруженной руки, но не успев даже громко крикнуть о своей гибели».⁷

Это поражение СДПГ Степун объясняет тем, что ей «не хватало воли к борьбе и веры в свою собственную победу». Не иначе обстояли дела и с другими демократическими группировками Германии, не в последнюю очередь с католическим центром – добавляет Степун. Одновременно он предостерегает от идеализации национал-социалистического «обновления», к которому склонялись некоторые русские эмигрантские группировки, говорившие о начале новой «органичной» эпохи по примеру европейского средневековья: «[Победа] национал-социализма является [...] не шагом к новому средневековью, а прыжком в некое новое варварство».⁸

⁶ Федотов Г. Новый Град // Новый Град. 1931. № 1; Федотов Г. Россия, Европа и мы. Сборник статей. Т. 2. Париж, 1973. С. 135-141.

⁷ Степун Ф. Германия проснулась // Новый Град. 1933. № 7; Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 481-495. Указ. соч. С. 482.

⁸ Там же. С. 486.

Федотов считал, в свою очередь, крайне тревожным тот факт, что падение Германии в тоталитарную пропасть не разбудило остальные европейские демократии. Свою статью, которая вышла в том же седьмом номере *Нового Града*, в котором также была опубликована статья Степуна «Германия проснулась», Федотов назвал «Демократия спит»: «Вот уже третье предостережение» – продолжает Федотов: «Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы». Однако наводнение все больше приближается и также угрожает до настоящего времени еще уцелевшему крайнему западу континента унести в пропасть. И там Федотов диагностировал слабование, кризис идентичности и пассивность: «Нигде не видим ни новых идей, ни сильных партий, ни больших вождей. Нигде нет ни плана конструктивной реформы. Все недовольство, накапливающееся в массах, канализируют партии революции, и их энергия (некогда один из главных моторов социального движения) пропадает для гражданского общества».⁹

Однако Федотов не был детерминистом и не верил, что закат европейской демократии неизбежен: «Мы верим в свободу человеческого самоопределения. Любой момент падения может быть сделан исходной точкой возрождающего подъема».¹⁰

Федотов радикально отмежевывался от тех авторов, которые считали, что у европейской культуры нет шансов оказать сопротивление напору «новых варваров», и поэтому она обречена на смерть. Это было тенором статьи поэта Юрия Иваска «Апология пессимизма», которая была опубликована в 1939 году. По словам Иваска, многовековая гуманистическая и христианская Европа находится в своей последней стадии развития, ее гибель неизбежна. Задача времени состоит исключительно в замедлении этой гибели, чтобы «написать» «некролог» в честь ушедшего величия европейской культуры. Александрийская библиотека, византийский церковный ритуал или китайский шрифт являются надгробным памятником уже погибших культур, европейской культуре не хватает, однако, этого последнего аккорда.¹¹

Отчаяние Иваска вызвало резкое возражение со стороны Федотова. Вера в неизбежность судьбы – *amor fati* – чужда христианству. Гибель христианских культур не предначертана судьбой, а является следствием греха, а против греха можно и нужно бороться. Те, кому недостает большой идеи или веры, во имя чего они могли бы побороть царящий хаос, должны отправиться на поиски этого. Вера – это чудо дара и свободы. И как раз как свободные люди мы обязаны искать такую веру, которая нам будет помогать найти выход из кризиса.¹²

⁹ Федотов Г. Демократия спит // Новый Град. 1933. № 7; Федотов Г. Тяжба о России (статьи 1933 – 1936). Париж, 1982. С. 103-115. Указ. соч. С. 103, 112.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Иваск Ю. Апология пессимизма // Новый Град. 1939. № 14. С. 89-101, указ. соч. С. 96.

¹² Федотов Г. К смерти или к славе? // Новый Град. 1939. № 14. С. 101-111, указ. соч. С. 107-111.

Этот призыв Федотова к борьбе против пассивности был скорее исключением в лагере как русских, так и западных демократов того времени.

в. Реакция *Нового Града* на Сталинскую революцию сверху

Время победоносного шествия правого экстремизма на Западе, в СССР было временем побед сталинизма. Обе катастрофы потрясли *новоградцев* одинаково. Они быстро поняли, что Сталинская революция сверху, начавшаяся в 1929/30 годах, является более глубоким переломом в истории России, нежели большевистская революция 1917 года. В 1930 году, незадолго до основания *Нового Града*, Федотов отреагировал в журнале *Современные записки* на одну из важнейших составляющих этой революции – на коллективизацию сельского хозяйства: В настоящее время в России проходит не продолжение октябрьской революции, а новая революция, которая хочет уничтожить важнейший результат «октября» – земельную реформу: «Сейчас решается судьба России – быть может, на столетия. Если народ не отстоит себя в этой последней борьбе, значит, он перестанет быть субъектом истории.¹³

Коллективизация сельского хозяйства – неслыханный процесс экспроприации собственности у более чем 100 миллионов людей – являлась первым испытанием для нового, «более жесткого» поколения большевиков, которые сменили поколение революционеров-романтиков. Большевистский тип меняется, – писал Федотов в 1932 году. Теперь для руководства партии стало намного важнее безусловное выполнение «генеральной линии», чем добровольное признание большевистских идей.¹⁴

О ментальном различии между старым и новым поколением большевиков писал также Николай Бердяев, который в 1931 году в *Новом Граде* рецензировал автобиографию Льва Троцкого, вышедшую в эмиграции. Троцкий – типичный революционер высокого стиля, а не типичный коммунист, – писал Бердяев. Троцкий не понял самого важного для типичных коммунистов, а именно мистики коллектива. Троцкий придает еще очень большое значение героическому индивидууму, он – революционер старой школы, которая берет начало еще в 19 веке. По этой причине этот организатор государственного переворота и организатор Красной Армии не вызывает такого ужаса, как настоящие коммунисты, которые искоренили все индивидуальное из своего сознания и полностью отдались коллективу.¹⁵

¹³ Федотов Г. Проблемы будущей России // *Современные записки*. 1930. № 43. С. 406-437.

¹⁴ Федотов Г. Правда побежденных // *Современные записки*. 1932. № 51. С. 360-385, указ. соч. С. 381.

¹⁵ Бердяев Н. Л. Троцкий – Моя жизнь // *Новый Град*. 1931. № 1.

Федотов критиковал в свою очередь иллюзии некоторых эмигрантских группировок, которые в 20-ые годы – во время НЭПа - придерживались мнения, что возникшая в период НЭПа «новая буржуазия» в союзе с русским крестьянством будет в состоянии притормозить революционный напор большевиков. Сталин лишил эту надежду любой основы, ликвидируя как буржуазное, так и крестьянское сословия. Надежды, которые некоторые русские эмигранты возлагали на уже побежденные буржуазные и крестьянские слои, а также на крайне пассивный рабочий класс, – напрасны. Федотов, однако, предостерегает эмигрантских политиков также от попыток делать ставку на другую советскую формацию, а именно на молодых коммунистических функционеров – важнейших исполнителей Сталинской революции. Перенаправление коммунистического фанатизма в фашистское или сектантско-религиозное русло весьма возможно, говорит Федотов. Однако это, никоим образом, не обновит Россию. Приверженцы абстрактных доктрин, все равно правого ли или левого толка, склоняются одинаковым образом к беспощадному разрушению образовавшихся структур. Не новые идеологии, а отказ от примата идеологии может возродить Россию.¹⁶

Эту статью Федотов писал в 1932 году, когда коллективизация сельского хозяйства еще была в полном разгаре, а большевистская партия мнила себя своего рода демиургом, который пытался молниеносно приспособить многовековые экономические структуры страны к большевистской доктрине.

Примерно пять лет спустя многие организаторы этой жестокой и в истории России, пожалуй, беспримерной революции сверху сами стали жертвами сталинской кампании на уничтожение, направленной против них. Этот процесс Федотов комментировал следующим образом в 12-ом номере *Нового Града* в 1937 году: «Совершается это под флагом борьбы с троцкизмом, но истребляется то, что всегда составляло самую суть русского марксизма в его ленинской транскрипции. От Маркса и Ленина остается лишь имя. Для послушных сталинских перьев поставлена нелегкая – точнее, неразрешимая – задача: оправдать новую национал-социалистическую идеологию от имени убиваемого марксизма».¹⁷ Главная цель, которую отныне преследует гигантская сталинская машина террора, – это не ликвидация остатков буржуазных классов, а ликвидация большевизма.

Что побудило Сталина к обезглавливанию советской правящей элиты, которая являлась главной опорой системы? Несмотря на частичный доступ к русским архивам после распада СССР, этот вопрос остается до настоящего времени для историков загадкой. Как Федотов ответил на этот вопрос? По словам Федотова, Сталин пытался национализировать коммунизм. Он хотел править не от имени партии, а от имени русской нации. «Оправдывая подвиг св.Владимира, Дмитрия Донского, Петра Великого, Сталин чувствует себя продолжателем их историче-

¹⁶ Федотов Г. Падение советской власти. Над книгой С. Дмитриевского // Новый Град. 1932. № 5; Федотов. Россия, Европа и мы. С. 307-319, указ. соч. С. 318.

¹⁷ От редакции // Новый Град. 1937. № 12. С. 15.

ского дела. Кажется, что он предпочел бы быть русским царем, чем вождем мирового пролетариата».¹⁸

Федотову не хватало временной дистанции, чтобы увидеть, что Сталин хотел объединить оба главных направления русской истории: как царскую автократию, так и революционный утопизм. Он хотел овладеть историей революции, подобно, как и историей России, и представлял свое правление как вершину обеих линий развития.

Федотов многократно комментировал также московские показательные процессы против ближайших соратников Ленина с их абсурдными обвинениями и не менее абсурдными признаниями обвиняемых. После первого показательного процесса в августе 1936 года Федотов писал следующее об унижительных выступлениях бывших героев большевистской революции во время процесса: «Мне стыдно за них. Я не радуюсь их унижению. Я унижен вместе с ними. Ибо их позор – тоже, в конце концов, позор России. Ведь эти люди когда-то победили Россию. Они оказались сильнее всех ее вождей. Они кичились своей несокрушимой "большевистской" волей. И эта сила и эта воля оказались мнимыми. Когда воздух революции вышел из этих пустых резиновых шаров, они свернулись в жалкие тряпочки».¹⁹

Главным виновником того, что обвиняемые вели себя во время процесса столь недостойно, Федотов считал Ленина: «За Сталиным и Зиновьевым, за всем разнообразием личных характеристик большевистских вождей, маячит зловещая фигура Ленина, который воспитал это поколение, который своим принципиальным аморализмом, своим отрицанием личной чести, правдивости и достоинства убил в зародыше возможность большевистского благородства. Растил палачей, но не героев. И по образу этих растленных, на все готовых слуг творил новую Россию – рабыню Сталина».²⁰

г. Возрождение идей группы *Нового Града* в Советском Союзе и в постсоветской России

Во время сумерек советской империи идеи «новоградцев» попадали многими окольными путями в СССР. В основном это касалось работ Николая Бердяева и Георгия Федотова. Еще в 60-ые годы они начали оказывать влияние на мышление некоторых советских диссидентов и тем самым вносили вклад в изменение духовного климата в стране. Правда, их стремление к духовной свободе, их нонконформизм и отказ от коллективистских идеологий любого рода сначала оказы-

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ Федотов Георгий. Шестнадцать // его же. Защита России. Статьи 1936 – 1940 из «Новой России». Париж, 1988. С. 53.

²⁰ Там же.

вали влияние лишь на небольшие оппозиционные круги. Однако в период горбачевской перестройки эти идеи начали охватывать также более широкие интеллектуальные слои. Подобное можно сказать и о европейской идее, сторонниками которой безоговорочно признавало себя большинство новгородцев. Иначе чем некоторые антизападно настроенные русские эмигрантские группировки, которые ставили под сомнение принадлежность России к Европе, редакторы *Нового Града* были глубоко убеждены в европейском характере России. Они сами олицетворяли тип «русских европейцев» – синтез между западной научностью и русско-православной духовностью (кстати, также как и авторы сборника *Vexi*). Более того: уже в 30-ые годы, то есть в период, когда национальные эгоизмы превращали Европу в еще большей мере чем до 1914 года в пороховую бочку, *новгородцы* были сторонниками идеи европейской интеграции, которая в Европе того времени играла абсолютно незначительную роль. Так, Федотов в 1931 году – во время разгара мирового экономического кризиса – высказал следующие мысли: есть только три варианта решения настоящего кризиса: «разрушение цивилизации, мировая империя победителя и вращение государств-народов в мировое сверхнациональное государство. Разумеется, только в эту третью сторону могут быть направлены сознательные усилия моральной и религиозной воли. Организация мирового хозяйства, мирового права, мировой полиции безопасности отнимает у наций почти все государственные атрибуты. Нация сохраняется, как организация духовно-культурного общения, как малая родина. [...] Из лона бессознательного, оплодотворенного Логосом, нация продолжает творить все самое глубокое и прекрасное, что дано человеку. Лишь страшное право меча, *jus gladii*, отнимается у нее и возвращается Кесарю».²¹ Наднациональное государство, за которое выступал Федотов, должно было лишать отдельные национальные государства многих атрибутов их политического суверенитета, их духовное и национальное своеобразие должно было, однако, оставаться неприкосновенным.

Эта модель во многих отношениях похожа как две капли воды на модель Европейского Союза. Третье решение глобального и/или европейского кризиса, которое фаворизировал Федотов, однако только тогда осуществилось, когда два первых предполагаемых Федотовым сценария были испробованы: насильственное объединение Европы Третьим Рейхом, который почти что овладел целым европейским континентом от Атлантики до Москвы. Это, в свою очередь, привело к предсказанному Федотовым неслыханному разрушению европейской цивилизации. Лишь после этого трагического опыта сторонники европейской интеграции начали побеждать в европейском дискурсе.

Европейские идеи, пропагируемые *новгородцами* уже в 30-ые годы, начали приобретать широкую популярность в России лишь во время горбачевской перестройки, когда московские реформаторы начали мечтать о возвращении России в Европу.

²¹ Федотов Г. Сумерки отечества // Новый Град. 1931. № 1; Федотов. Россия, Европа и мы. С. 153.

Однако некоторые из постулатов *новоградцев* обновленная Россия конца 80-ых – начала 90-ых годов не смогла реализовать. Это касалось не в последнюю очередь пропагируемой редакторами Нового Града идеи «оборонеспособной демократии». Федор Степун размышлял в 1934 году о том, какая демократия нужна постбольшевистской России: Это должна быть демократия, которая не допускает «демократической борьбы против демократии. [...] демократия и может, и должна быть лишь *демократией для демократов*. Против ханжества своих врагов ей приличествуют все формы действенной самообороны. Нельзя забывать, что демократия обязана защищать не только свободу мнения, но и *власть свободы*. Если эта власть не защитима словом, то ее надо защищать мечом».²²

Эти строки Степун писал под впечатлением гибели Веймарской республики, которая оказалась не в состоянии, укоренить принципы оборонеспособной демократии. Подобное можно также сказать и о постсоветской России. Не в последнюю очередь, поэтому возникшая в 1991 году «вторая» русская демократия была лишь девять лет спустя заменена «управляемой демократией». Причины эрозии демократической и европейской мысли в постсоветской России, которые можно считать своего рода завещанием *Нового Града*, не могут быть освещены в данной статье. Эта проблематика выходит за ее временные рамки.

(Авторизованный перевод с немецкого: Наталия Афанасьева)

²² Степун Ф. *Идея России и формы ее раскрытия // Новый Град. 1934. № 8; Степун. Сочинения. С. 496-503, указ. соч. С. 501.*

Парадоксы Сталинграда – *Жизнь и судьба* Василия Гроссмана (1905-1964)*

Роман умершего в 1964 году русского писателя Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» нередко называют романом века, и с полным на то основанием.

В этом произведении, в центре которого находится битва под Сталинградом, с необычайной выразительностью отражается двойная катастрофа 20-го столетия, выраженная в таких понятиях как Освенцим и «Архипелаг ГУЛАГ». Почему эти катастрофы оказались возможны? Что обеспечило как национал-социализму так и сталинизму их временное торжество? Все эти вопросы обсуждаются в книге Гроссмана.

Когда Гроссман в начале шестидесятых годов завершил свой роман, в котором он беспощадно критиковал гитлеровскую и сталинскую тиранию, он надеялся, что ему удастся опубликовать книгу в Советском Союзе. Это было все-таки время XXII съезда КПСС, на котором Хрущев клеймил сталинский террор не в секретном докладе, как на XX-м съезде партии за 5 лет до этого, а открыто. Это было время, когда московский журнал «Новый мир» опубликовал повесть Александра Солженицына об одном дне из жизни заключенного ГУЛАГа («Один день Ивана Денисовича»).

Несмотря на это роман Гроссмана вызвал ужас у советских функционеров от партии и культуры. В беседе с писателем главный идеолог партии Суслов заявил, что для советской власти этот роман еще вреднее чем «Доктор Живаго» Пастернака.¹ Один из номенклатурных работников, категорически отказавший в публикации романа, сказал, что эта книга хотя и отражает определенные стороны сталинской действительности, но с публикацией надо бы подождать еще лет 250.² Манускрипт романа был конфискован КГБ. Это похоже на чудо, что книга, несмотря на все попытки власти спрятать ее на 250 лет, т.е. бесследно и навсегда, в конце концов все-таки дошла до читателя. Для автора же это произошло слишком поздно. Лишь 16 лет спустя после его смерти роман был опубликован в «Тамиздате» (в эмиграции).

Хотя роман в первую очередь рассказывает о битве под Сталинградом, описание этого военного противоборства сопровождается также и впечатляющим и

* Опубликовано ранее в: Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2005. Vol. 9. P. 271-279 - расширенная редакция.

¹ Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М., 1990. С. 68; Лазарев Л. Дух свободы // Гроссман Василий. Жизнь и судьба. М., 1990. С. 655 и сл.; Garrard J., Garrard C. The Bones of Berdichev. The Life and Fate of Vasily Grossman. N.Y., 1996. P. 279f., 375-360.

² Липкин. Жизнь и судьба. С. 63-65; Лазарев. Дух свободы. С. 655; Garrard, Garrard. Bones of Berdichev. P. 355.

глубоким анализом тогдашнего переломного момента истории. Потому что в Сталинграде решалась, пожалуй, судьба всего мира. Если бы вермахт выиграл эту битву, то это наверняка закрепило бы оккупационный режим национал-социалистов на европейском континенте на многие годы, и это означало бы временный конец европейской цивилизации, как мы ее знаем. Василий Гроссман пишет:

«Фашизм и человек не могут сосуществовать. Когда побеждает фашизм, перестаёт существовать человек, остаются лишь внутренне преображённые человекообразные существа. Но когда побеждает человек, наделённый свободой, разумом и добротой, - фашизм погибает и смирившиеся вновь становятся людьми.» (Жизнь и судьба, книга первая, М., 2005, с. 86-87)

Парадоксальность Сталинграда состояла, однако, в том, что здесь интересы всего цивилизованного человечества защищал именно режим, построенный на не меньшей горе трупов, чем национал-социалистический режим, который, как и Третий рейх, являлся олицетворением тиранического произвола. В связи с этим можно было бы перефразировать слова Гроссмана и сказать: сталинизм и человек не могли сосуществовать вместе. Если бы победил сталинизм, человек прекратил бы свое существование.

Между тем в битве за Сталинград наряду с обеими бесчеловечными системами участвовало еще одно действующее лицо, которое, подобно сталинской диктатуре, боролось за свое выживание и которое также оказало решающее влияние на характер этой судьбоносной битвы – это был русский (российский) народ и другие народы советской империи. И никоим образом не было соответствия между ним и системой, которая его представляла для других стран. В 30-е годы сталинский деспотизм вел беспощадную войну с собственным народом, которая была направлена сначала против сельского населения, а потом – во время Большого террора – распространилась на все слои общества. При этом границы между преступниками и жертвами были условными. Также и бесчисленные палачи попадали под колеса созданной ими же самими машины террора. Таким образом, посреди мирного времени, режим объявил войну своему собственному народу, и многие грани этой истребительной кампании, ломающей общество не только физически, но и морально, точно отражены в романе Гроссмана.

Если мы учтем все это, то итог Сталинградской битвы покажется еще более поразительным. Нация, до крайности замученная и униженная в тридцатые годы, смогла, несмотря на беспрецедентное сокрушительное военное поражение в первые месяцы немецко-советской войны, во второй раз, и даже еще более основательно чем в битве под Москвой (в декабре 1941), нанести привыкшему к победам вермахту чувствительное поражение. При этом нельзя забывать, что к тому времени в распоряжении Третьего рейха и его союзников находился весь беспощадно эксплуатируемый экономический и людской потенциал почти всего европейского континента. Кроме этого, немецким войскам удалось захватить около 2 миллионов квадратных километров советской территории, на которой перед вой-

ной проживало более 80 миллионов человек (40 % населения) и производилась примерно половина советской промышленной продукции.³

Почему тогда оставшаяся не оккупированной часть Советского Союза в течение кратчайшего времени была в состоянии произвести столько же военной продукции, как Третий рейх и все его сателлиты вместе взятые?⁴ Почему Красная Армия была способна, несмотря на беспрецедентные поражения летом-осенью 1941 и летом 1942, к концу 1942 – началу 1943 выиграть, наверное, самую решающую битву этой войны? Одни только материальные, поддающиеся измерению факторы никоим образом не могли бы в достаточной мере объяснить эту победу. Еще более важную роль играл здесь, пожалуй, моральный компонент.

После нападения Германии на Советский Союз русский народ заключил своего рода перемирие с его, пожалуй, величайшим врагом — своим собственным режимом. И тут выяснилось, что он столкнулся с еще более страшным – что сначала трудно было себе представить – противником. Ибо целью Гитлера было не только значительное сокращение и порабощение подвергшейся нападению нации, но и полное разрушение ее государственности. Когда это стало ясно, ни о каком коллаборационизме с Третьим рейхом для подавляющего большинства русских уже не могло быть и речи. Коллаборационисты представляли собой в течение всей войны только периферийное явление внутри общества. По сути дела, у народа не оставалось никакого другого выбора, кроме как поддержать собственный режим. Но это, правда, не была безоговорочная поддержка. Режим должен был несколько ослабить механизмы контроля общества и признать определенную степень личной инициативы. В 1941-42 годах в России происходил процесс, названный московским историком Михаилом Гефтером во время горбачевской перестройки «стихийной десталинизацией»,⁵ и который наглядно отражается в романе Гроссмана. Многие его герои острейшим образом критикуют террор 30-х годов, плановое хозяйство и пропагандистскую ложь и мечтают о ликвидации колхозов и свободе слова. Один из них говорит:

«Вы представляете себе, что такое свобода печати? Вот вы мирным послевоенным утром открываете газету, и вместо ликующей передовой, вместо письма трудящихся великому Сталину [...], – вы находите в газете, знаете что? Информацию! Представляете себе такую газету? Газету, которая дает информацию!» (Жизнь и судьба, книга первая, с. 285)

«О, чудная, ясная сила откровенного разговора, сила правды!» (там же, с. 298), пишет Гроссман о разговорах подобного рода, которые тогда велись не только в вымышленном мире романа, но и в советской действительности.

³ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1982. Т. 1-2, зд.: Т. 2. С. 109; Boog Н. и др. Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt/Main, 1996. P. 867f.

⁴ Ср. Кулешов С.В. и др. Наше отечество. М., 1991. Т. 1-2, зд.: т. 2. С. 415; Boog и др. Der Angriff. P. 869f.

⁵ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 418.

Так, например, известный польский поэт Александр Ват, бывший в военное время в Советском Союзе, описывает атмосферу тех лет: «Не было ни пропагандистских призывов, ни лозунгов, ни коммунизма. [...] Все] верили, что когда те миллионы героев и мучеников вернутся с фронта, тогда уже никакой Сталин не сможет ничего сделать, тогда Россия изменится, изменится коренным образом.»⁶

«Защитить родину ... могли только свободные люди», комментирует московский литературовед Лазарь Лазарев центральную мысль романа «Жизнь и судьба».⁷

Общество, которому сталинская клика практически сломала хребет в 30-е годы, теперь, в час смертельной угрозы не только для сталинского режима, но и для русского государства как такового, отвоевало по меньшей мере крупицу своего достоинства.

«Такими мы счастливыми бывали. Такой свободой бурною дышали», писала поэтесса Ольга Берггольц зимой 1942 в блокадном и подкошенном голодом Ленинграде.⁸

У режима, столкнувшегося 22 июня 1941 с беспрецедентной опасностью, не было другого выбора, кроме как терпеть эту частичную эмансипацию своих подданных, которые теперь, как защитники своей родины, оказавшейся в опасности, обрели новое чувство собственного достоинства. Развитию этого самосознания способствовал и тот факт, что они на пороге Москвы, Ленинграда и Сталинграда защищали не только свою собственную землю, но и весь мир, над которым нависла угроза национал-социалистического варварства. В день нападения Германии на Советский Союз Уинстон Черчилль сказал: «Борьба каждого русского [...] это борьба всех свободных людей и всех свободных народов во всех уголках земного шара».⁹

В Сталинграде произошло столкновение чувства морального превосходства защитников и чувства расового превосходства нападающих, которое национал-социалистические пропагандисты и некоторые немецкие военачальники пытались привить солдатам вермахта. Так, например, генерал-фельдмаршал Рейхенау, командующий 6-й армией, которая позже под командованием Паулюса сражалась под Сталинградом, заявил в октябре 1941:

«Солдат на Восточном фронте это не только воин по всем правилам военного искусства, но и носитель непреклонной национальной идеи и мститель за все зверства, причиненные немцам и родственным им народам. Поэтому солдат дол-

⁶ Wat A. *Jenseits von Wahrheit und Lüge*. Frankfurt/Main, 2000. P. 586, 591. Ср. тж. Липкин. *Жизнь и судьба*. С. 48-51; Garrard, Garrard. *The Bones of Berdicev*. P. 159-166.

⁷ Лазарев. *Дух свободы*. С. 665; ср. тж. Липкин. *Жизнь и судьба*. С. 48-51; Garrard, Garrard. *The Bones of Berdicev*. P. 159-166; Zarusky J. *Vasilij Grossmans Leben und Schicksal – zur Entstehung und historischen Konzeption eines Jahrhundertromans // Deutschland, Rußland und das Baltikum. Beiträge zu einer Geschichte wechselvoller Beziehungen. Festschrift zum 85. Geburtstag von Peter Krupnikow / Ed. F. Anton, L. Luks. Köln, 2005. P. 245-276, зд.: p. 266-270.*

⁸ Цит. в: Лазарев. *Дух свободы*. С. 668.

⁹ Churchill W. *Der Zweite Weltkrieg*. Bern, 1951. Vol. 3, 1. P. 443f.

жен проявлять полное понимание необходимости жесткого, но справедливого возмездия еврейским недочеловекам.»¹⁰

Национал-социалисты презирали слабость и пытались искоренить любое сочувствие слабым, с их точки зрения расово несовершенным. Ликвидацию так называемой «жизни, не достойной жизни» (*lebensunwertes Leben*) они считали своей основной задачей. Как раз в то время, когда бушевала битва за Сталинград, их машина уничтожения развила беспрецедентную эффективность. Тогда была проведена так называемая «Операция Рейнхардт» - массовое умерщвление евреев газом в лагерях уничтожения Трешлинка, Собибор, Белжец, Хелмно и Аушвиц-Биркенау (Освенцим-Бжезинка). Казалось, нацистский режим в течение кратчайшего времени приблизился к своей цели «окончательного решения еврейского вопроса», сформулированной в январе 1942 года на Ванзейской конференции. Видение мира без евреев развивает в романе Гроссмана Адольф Эйхман. При этом нужно отметить, что свой роман Гроссман завершил в 1960 году, то есть за год до судебного процесса над Эйхманом в Иерусалиме, сделавшего этого «эксперта» по окончательному решению еврейского вопроса известным на весь мир.

Гроссман вкладывает в уста Эйхмана следующие слова: «Представляете, через два года мы вновь сядем в этой камере за уютный столик и скажем: "За двадцать месяцев мы решили вопрос, который человечество не решило за двадцать веков!"» (*Жизнь и судьба*, книга вторая, с. 177)

Исполнители Холокоста, хотевшие революционно перекроить миротворение по расовому принципу, упивались своей силой, они считали себя богоподобными. Польский теолог и публицист Павел Спешак пишет по этому поводу: холокост должен был положить конец не только еврейскому народу, но и христианской Европе в целом. Он был вторым грехопадением:

«Через уничтожение евреев, через уничтожение создателей иудаизма и христианства, национал-социалисты хотели освободиться от всех заповедей Божьих. Они отвергли как Ветхий так и Новый Завет. [...] Молчание Бога [...] перед лицом их преступлений они воспринимали как признак его слабости, даже его несуществования, его бессилие давало им чувство всемогущества. [...] Теперь они чувствовали себя новыми богами — свободными, независимыми, независимыми от голоса совести, независимыми от тех, кто напоминал им о моральных заповедях. Со смертью евреев был заочно казнен и Бог.»¹¹

В Сталинграде однако оказалось, что перед чувством морального превосходства чувство расового превосходства устоять не могло. И именно в аду Сталинграда, в час поражения Третьего рейха, в Германии начал происходить процесс, описанный Гроссманом следующим образом:

«Притихли спесивые и надменные; хвастуны перестали хвастать [...]. Но имелись особые изменения, начавшиеся в головах и душах немецких людей, оккупированных, зачарованных бесчеловечностью национального государства [...]. Кто из

¹⁰ Boog и др. *Der Angriff*. P. 1246.

¹¹ Śpiewak Paweł. *Shoah, drugi upadek* // *Więź* 1-8. 1986. P. 3-13, зд.: p. 10f., 13.

гибнущих и обреченных гибели мог понять, что это были первые часы очеловечивания жизни многих десятков миллионов немцев после десятилетия тотальной бесчеловечности!» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 134-135)

Парадоксально сложилась, правда, не только судьба проигравших под Сталинградом, но и судьба выигравших. Ибо они своей победой способствовали не только выживанию своей нации, но и режима, угнетающего ее. О противоречивости Сталинграда Гроссман пишет:

«Решалась судьба оккупированных Гитлером Франции и Бельгии, Италии, скандинавских и балканских государств, произносился смертный приговор Освенциму, Бухенвальду и Моабитскому застенку, готовились распахнуться ворота девяносто созданных нацистами концентрационных и трудовых лагерей. Решалась судьба немцев-военнопленных, которые пойдут в Сибирь. Решалась судьба советских военнопленных в гитлеровских лагерях, которым воля Сталина определила разделить после освобождения сибирскую судьбу немецких пленников. Решалась судьба калмыков и крымских татар, балкарцев и чеченцев, волей Сталина вывезенных в Сибирь и Казахстан, потерявших право помнить свою историю, учить своих детей на родном языке. Решалась судьба Михоэлса и его друга актера Зускина, писателей Бергельсона, Маркиша, Фефера, Квитко, Нусинова, чья казнь должна была предшествовать зловещему процессу евреев-врачей, [...]. Решалась судьба Польши, Венгрии, Чехословакии и Румынии. Решалась судьба русских крестьян и рабочих, свобода русской мысли, русской литературы и науки.» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 39)

Победа над Третьим рейхом, казалось, придала сталинской тирании дополнительную легитимность. Одновременно с этим она осложнила управление нацией, столь гордой своей победой. Один из лучших знатоков сталинской системы, Абдурахман Авторханов, пишет по этому поводу: Сталин понимал, что народ, после всех принесенных им жертв, «захочет жить по-человечески, будет ждать перемен. ... И вернувшиеся были грозны в своем молчании. Собственных солдат Сталин боялся не меньше чем солдат Гитлера в начале войны».¹²

В новом порабощении общества, его новом превращении в простой винтик тоталитарного механизма, сталинское руководство видело теперь свою наиглавнейшую цель. И оно, казалось, достигло этой цели в кратчайшее время. Оно соединило усиление государственных механизмов контроля населения с гротескным прославлением русской национальной идеи. Это развитие наблюдалось уже в дни Сталинграда, и снова осознается противоречивость, парадоксальность этого переломного момента войны:

«Жизнь советской державы отнесла пробуждение национального сознания к тем задачам, которые стояли перед государством в его послевоенной жизни, - его борьбе за идею национального суверенитета, в утверждении советского, русского во всех областях жизни. [...] Логика развития привела к тому, что народная

¹² Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Франкфурт-на-Майне, 1976. С. 16 и сл.

война, достигнув своего высшего пафоса во время сталинградской обороны, именно в этот, сталинградский период дала возможность Сталину открыто декларировать идеологию государственного национализма.» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 60)

Но этим никоим образом не исчерпывается значение Сталинграда. Эйфория от победы, вспыхнувшая после Сталинграда, облегчила власть имущим закручивание гаек в обществе. Однако желание жить достойно, жить «как в сказке», все еще оставалось. Гроссман пишет: «Сталинградское торжество определило исход войны, но молчаливый спор между победившим народом и победившим государством продолжался. От этого спора зависела судьба человека, его свобода.» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 51)

Границы между режимом и народом были, конечно же, условными. Сталинская деспотия без частичного или полного отождествления значительных частей общества с ней была бы нежизнеспособной. Распространяемые режимом русско-центрические иллюзии многие принимали за чистую монету, то есть они искренне верили, что величайшие открытия и изобретения в новейшей истории человечества были сделаны русскими, что «Россия — родина слонов». Так критически мыслящие русские интеллектуалы пародировали шовинистическую кампанию режима.

Но несмотря на все это, сохранялась разделительная линия между режимом и народом, которому правящая клика до конца не доверяла. Она предпринимала чрезвычайные усилия, чтобы полностью его контролировать. Этот направленный вовнутрь навязчивый контроль сталинской тирании связывал значительную часть ее сил и не давал ей так безгранично расширяться внешне, как это делала национал-социалистическая диктатура.

(Авторизованный перевод с немецкого Антонины Зыковой)

V. Миф о «еврейском большевизме»

О книге Александра Солженицына *Двести лет вместе (1795-1995)*, два тома, Москва, Русский Путь, 2001-2002 гг.

Отождествление русской революции и большевизма с еврейством — один из любимых тезисов русских правых. При помощи этого тезиса стараются «де-русифицировать» 1917 год. Крушение царской монархии истолковывается как результат злокозненных действий «ненавистников России», прежде всего евреев. Это они будто бы отравили богобоязненный русский народ революционной пропагандой, подстрекательски настроили его против начальства. Добро и зло, таким образом, тщательно разграничены по расовому критерию.

Какую же роль на самом деле играли евреи в русской революции? Насколько велико было их участие в свержении царского режима, насколько тесной - связь еврейства с большевизмом? Все эти вопросы находятся в центре внимания автора этой двухтомной монографии.

Книга представляет собой нечто вроде гибрида защиты и обвинения. В первом томе Солженицын страстно защищает «униженную и оскорблённую» империю Романовых от «предвзятости» тех, кто её критикует, причём с особым пылом клеймит еврейских критиков. Во втором томе автор занят главным образом обвинением евреев.

В апологетической части книги автор вновь и вновь старается релятивировать политику притеснений, которую царские правительства последовательно проводили в отношении еврейского населения страны. Он стремится представить эту политику как можно безобидней. Даже в изображении еврейских погромов прослеживается всё та же релятивирующая тенденция. Так, например, Солженицын решительно выступает против часто выдвигаемого в литературе тезиса о том, что погромы подогревались некоторыми представителями царских властей с целью переключить недовольство социально ущемлённых низших слоев на старинного и традиционного козла отпущения. Мысль эта, по мнению автора монографии, не имеет ничего общего с действительностью. Это попросту выдумка ненавистников России разного пошиба, и прежде всего - самих евреев. На самом деле, утверждает он, еврейские погромы были выражением стихийного народного недовольства. Первая большая волна погромов, прокатившаяся после убийства либерального царя Александра II, - убийцами были члены террористической

организации «Народная Воля», в которой евреи не играли сколько-нибудь заметной роли, - была якобы вызвана яростью крестьян в западных губерниях России, где крестьянство, по мнению автора, издавна угнетали еврей-арендаторы. Без всяких комментариев Солженицын цитирует в этой связи высказывание писателя Глеба Успенского: «Евреи были избиты именно потому, что наживались чужою нуждой, чужим трудом, а не вырабатывали хлеб своими руками» (Т. 1, С.193).

Исключительно жестокий кишинёвский погром 1903 года, согласно Солженицыну, был тоже результатом внезапной вспышки народного гнева. Поводом якобы послужил слух о «ритуальном еврейском убийстве». Что касается погромов в Киеве и Одессе (1905 г.), то тут народную душу всколыхнуло, как утверждает автор, то обстоятельство, что евреи, настроенные революционно, оскорбили священные для народа религиозные и политические символы.

Итак, для каждого погрома у Солженицына находится объяснение.

Он даже считает необходимым подчеркнуть, что после убийства председателя Совета министров Петра Столыпина не было ни одного еврейского погрома. То, что еврейские газеты не отметили этот факт достойным образом, автор считает непростительным упущением.

Правительственным силам общественного порядка Солженицын даёт весьма снисходительную оценку. Он может их от случая к случаю упрекнуть в несостоятельности - но уж никак не в злой воле. А те, кто это делает, кто обвиняет власти в злонамеренности, зачисляются в категорию «ненавидящих Россию».

Но постепенно тон Солженицына меняется. В главах, описывающих историю русской революции, апология сменяется гневным обвинением. Жертвенная участь евреев в империи Романовых ставится автором вновь и вновь под сомнение. Но тем настойчивей подчеркивается их якобы особая роль разрушителей основ, на которых покоилась дореволюционная Россия.

Уже в своём анализе погромов в Киеве и Одессе автор монографии рисует картину верноподданных и богобоязненных народных масс, которые с возмущением реагируют на святотатство еврейских революционеров, замахнувшихся на священные для народа религиозно-политические ценности. Отвечает ли эта картина действительности? Едва ли. Революция 1905 г. показала, что династия Романовых в значительной степени утратила свою укоренённость в сознании беднейших слоев общества. Теперь эти массы двинулись по пути, которым шли уже несколько поколений образованных слоев России. Вера в царя оказалась подорванной и в простом народе; образовался вакуум, который заполнила квазирелигиозная вера в целительную силу революции. От революции, а не от царя ожидало теперь большинство русских крестьян устранения всех социальных несправедливостей и прежде всего решения аграрного вопроса. На выборах в Первую, а ещё больше - во Вторую Государственную Думу (1906 и 1907 годы) крестьяне,

якобы преданные трону, чуть ли не сплочёнными рядами отдали свои голоса революционным партиям, а вовсе не консервативным. Опьянение революционной идеей охватило в начале XX века широкие слои русского населения. Охранительные силы стремительно теряли поддержку в обществе.

Почему же Солженицын, невзирая на все эти факты, всё внимание сосредоточил в первую очередь на еврейскую составляющую русской революции? Почему внутрироссийские причины революции упоминаются лишь мимоходом? Ответ на этот вопрос даёт сам автор. Он жалуется на безграничный идеализм наивной русской интеллигенции, на её чрезмерное чувство солидарности с евреями, населяющими империю: «Не получили евреи равноправия при царе, но – отчасти именно поэтому – получили руку и верность русской интеллигенции. Сила их развития, напора, таланта *вселлилась* в русское общественное сознание. Понятия о наших целях, о наших интересах ... мы слили с их понятиями» (Т.1, С.475).

Иначе говоря, речь идёт у Солженицына не об обрусении еврейской интеллигенции, не об ее увлечении идеями Чернышевского, Писарева, Андрея Желябова, а о том, что объевреилась русская интеллигенция. В то же время полное отождествление евреев с русским народом, с рускостью для него, по-видимому невозможно: «Могли ли они чувствовать себя вполне, без остатка русскими по духу?» - задает он риторический вопрос и добавляет: «Могли ли интересы государственной России в полном объеме и глубине – стать для них сердечно близки?» (Т. 1, С.454).

Правда, время от времени Солженицын отступает от упомянутых выше постулатов. Например, он указывает, что из семи авторов сборника «Вехи» (1909 г.), сыгравшего ключевую роль в духовной истории России, трое были евреями. Но подобные высказывания мало что меняют в основном направлении книги - отношении автора к российским евреям как к чужеродному телу, по существу не поддающемуся интеграции. Вот почему он выставляет мнимое самоотождествление русской интеллигенции с евреями как своего рода измену национальным интересам России.

Солженицына не смущает тот факт, что, по убеждению таких русских мыслителей, как Бердяев, Федотов, Степун, равно как и преобладающего большинства западных историков, подлинная драма русской революции разыгралась внутри основного населения - русского народа. Вообще книга «Двести лет вместе» - не «классическое» научное исследование, но скорее идеологическое выступление, цель которого, видимо, прежде всего - обосновать некоторое умозрительное построение. С помощью частичной «дерусификации» русской трагедии, переложив главную вину на инородцев, автор хочет, судя по всему, укрепить потрясённое самосознание нации. Сомнительно, достигнет ли этой цели созданная им схема, чрезвычайно упрощающая весьма сложные исторические процессы.

Во втором томе своей монографии Солженицын ещё энергичней старается представить русскую революцию как «нерусскую». Он согласен называть русской только демократическую фазу начавшегося в 1917 году переворота - Февральскую революцию. Но и в этой ранней фазе он констатирует зловещую роль евреев-социалистов, будто бы использовавших могущественный Центральный Исполнительный комитет Петроградского совета (ЦИК) для того, чтобы повернуть революцию на путь растущего радикализма. Он подчеркивает, что наряду с евреями в комитете заняли непропорциональное место другие инородцы - кавказцы, литовцы и поляки. Губительную для России радикальность этого органа власти Солженицын объясняет преимущественно нерусским составом руководства советами.

Это утверждение автора книги ставит реальное положение вещей с ног на голову. Ведь именно этот, якобы нерусский ЦИК в первые месяцы Февральской революции прилагал усилия к тому, чтобы утихомирить радикально-революционный порыв, который охватил тогда широкие слои именно русского народа. Ради того, чтобы, действуя совместно с буржуазно-либеральными силами, ввести в определённые рамки эту волну анархии, умеренные руководители советов даже вступили в начале мая 1917 г. во Временное правительство. Потому-то Петроградский совет и утратил популярность в массах. Они всё меньше прислушивались к уговорам умеренных социалистов, призывавших к сдержанности. «Массы испытывают нечто вроде инстинктивного страха, что революция окончится слишком рано, - пишет в этой связи первый министр иностранных дел Временного правительства Павел Милюков. - У них такое чувство, что революция окончится ничем, если верх одержат одни лишь умеренные элементы».¹ И отнюдь не случайно такие ленинские призывы, как «грабь награбленное» или «немедленно прекратить империалистическую войну», нашли у русских крестьян и солдат куда более сочувственный отклик, чем предостережения умеренного руководства советов от чересчур радикальных требований, от слишком радикальной тактики.

«Открытостью души навстречу всем вихрям революции, Ленин до конца слился с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс», - пишет философ, активный участник тогдашних событий Фёдор Степун.² Это наблюдение Степуна совпадает с высказываниями многочисленных свидетелей той поры. Оно показывает, что «русской», вопреки тезису Солженицына, следует называть не только Февральскую революцию, но и Октябрьскую.

После захвата власти большевиками ситуация, по-видимому, основательно изменилась. Под лозунгом «пролетарского интернационализма» большевистское руководство установило режим жестокого террора. От этой политики отшатнулось подавляющее большинство населения страны. Но почему же тогда больше-

¹ Miljukov P. Rußlands Zusammenbruch. Stuttgart, 1925-1926. Vol. 1. P. 25.

² Степун Ф. Сбывшееся и несбывшееся. N.Y., 1956. Т. 2. С. 104.

вики оказались в конечном счёте бесспорными победителями в Гражданской войне, почему им удалось сломить сопротивление «белых», боровшихся от имени России с «красной» диктатурой? Убедительное объяснение такого исхода событий дал один из лидеров меньшевиков Федор Дан непосредственно после окончания гражданской войны: Вопреки глубокому недовольству советской властью, «[крестьяне] все силы отдают на то, чтобы отразить самую возможность возвращения старого помещика и старого царя». Это и послужило, по мнению Дана, решающим фактором победы большевиков.³

Однако не только большинство русских крестьян видело в большевиках меньшее зло по сравнению с Белыми армиями; точно так же были настроены национальные меньшинства (составлявшие в начале XX века около 56 процентов населения империи), в том числе и многие евреи. Белые, боровшиеся за «единую и неделимую» Россию, решительно отвергали какие-либо уступки национальным меньшинствам. В этом отношении они были даже категоричней большевистских доктринёров. И за эту свою категоричность белым антагонистам красной диктатуры пришлось дорого заплатить. Но не менее трагичной была судьба тех социальных слоев, народностей и группировок, которые восприняли большевиков как «меньшее зло». После поражения белых они оказались целиком и полностью отданными на произвол большевиков. Новый режим не подлежал никакому общественному контролю. Да и у самой партии, которая в октябре 1917 года установила первую тоталитарную диктатуру в новейшей истории, двадцать лет спустя, в годы Большого террора (1936-1938 гг.), был переломлен хребет. Ещё через десять лет, во время кампании по «борьбе с космополитизмом», коллективной персоной нон-грата были объявлены евреи. В результате большевистского переворота Россия знала лишь проигравших. Один социальный слой за другим, одна национальность за другой использовались режимом с тем, чтобы в конце концов быть вышвырнутыми на «мусорную свалку истории»: крестьяне-бедняки, среднее крестьянство (середняки), промышленные рабочие, кронштадские матросы, царские офицеры, евреи, латыши, грузины и т.д.

Ответственность за эту трагическую главу российской истории в большей или меньшей степени несут все игравшие сколько-нибудь важную роль социальные слои и народности Российской империи, и попытка Солженицына возложить вину за эту трагедию в первую очередь на «антирусски настроенные» группы и, в частности, на евреев, имеет мало общего с трезвым историческим анализом. Значительно ближе к истине был эмигрант и идеолог в других отношениях небесспорного сменовеховского движения Николай Устрялов, когда в 1921 г. следующим образом охарактеризовал переворот 1917 года и его последствия: «Нет, ни нам, ни «народу» неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис ... Он наш, он подлинно русский, он весь в нашей психологии, в

³ Наше отечество. М., 1991. Т. 2. С. 67.

нашем прошлом ... И если даже окажется математически доказанным, как это ныне не совсем удачно доказывается подчас, что девяносто процентов русских революционеров – инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергает чисто русского характера движения. Если к нему и прикладываются чужие руки, душа у него, «нутро» его, худо ли, хорошо ли, все же истинно русское – интеллигентское, преломленное сквозь психику народа. Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, внешне или внутренне приобщившимися «русскому духу» в его нынешнем состоянии».⁴

(Перевод с немецкого Бориса Хазанова)

Опубл. в *Вестнике Европы*, 13-14, 2004-2005.

⁴ Устрялов Н. Патриотика / Смена вех. Сборник статей. Прага, 1921. С. 46.

Мифы о причинах и следствиях большевистской революции

О книге Йоханнеса Рогаллы фон Биберштейна „*Jüdischer Bolschewismus*“. *Mythos und Realität* [„Еврейский большевизм“. Миф и реальность]. С предисловием Эрнста Нольте. Изд. «Антей» Дрезден 2002.

15 ноября 1879 года Генрих фон Трейтчке писал в статье «Наши перспективы»: «Ныне раздаётся единодушный глас: Евреи – это наше несчастье!». Этим заявлением известный учёный в значительной степени поспособствовал тому, чтобы придать антисемитизму видимость приличия. «Респектабельность» Трейтчке, казалось, сообщала распространённым в то время антиеврейским мифам своего рода дополнительное правдоподобие, например, мифу о «еврейской прессе», якобы разлагающей нравственность, или мифу о «еврейских богохульниках», подбивающих якобы благочестивых христиан отказаться от их традиционной веры, или же, наконец, легенде об «еврейском социализме», подстрекающем будто бы «верноподданные» социальные низы к борьбе против сословных привилегий и социальной несправедливости. После 1917 года наряду с мифом о «еврейской» социал-демократии возник и миф об «еврейском» большевизме. Несмотря на то, что социал-демократы решительно выступали за права рабочих, большевики же как раз лишили рабочих их прав и непримиримо боролись с социал-демократами, многие антисемиты зачислили оба движения в одну категорию – «еврейских».

Какое отношение имеют все эти клише к реальности? Этот вопрос и является предметом исследования рецензируемой работы.

Пытается ли автор распутать этот клубок из предрассудков, зависти и враждебности? Ни в малейшей мере. По сути дела, он преследует прямо противоположную цель. Он пытается доказать, что мифы о «еврейском» социализме, атеизме и большевизме вовсе не являются мифами; по его мнению они в общем и целом соответствуют действительности.

Автор открывает свои рассуждения сомнительными попытками доказать свою чуть ли не филосемитскую установку. Чтобы показать, сколь дифференцированным было отношение к евреям в той среде, из которой он сам происходит, он опирается на следующее высказывание Якоба фон Юксюлла: На благочестивого и соблюдающего законы еврея можно и сегодня положиться, остерегаться следует неверующего, отколовшегося от веры предков еврея. После чего автор находит даже нужным упомянуть, что двоюродный брат его матери был женат на полуеврейке.

После всех этих в высшей степени курьезных предварительных замечаний автор переходит к собственно «анализу», и здесь изумленный читатель узнает, что в секуляризации западного мира в первую очередь повинны «еврейские богохульники», чьи враждебные по отношению к церкви высказывания автор неоднократно цитирует. То обстоятельство, что бесчисленные христиане отошли от церкви без всякого участия евреев и причем еще в то время, когда евреи никак не влияли на внутренние христианские распри, остается в этой книге без внимания.

«Анализируя» миф о «еврейском социализме» автор также искажает историческую реальность. Так, он пытается свести обострение конфликта между промышленным пролетариатом и классами собственников в первую очередь к воздействию «мессиански» настроенных социалистов еврейского происхождения. На самом деле он безмерно преувеличивает роль евреев в возникновении рабочего вопроса, являвшегося независимо от евреев наиболее взрывоопасным социальным вопросом Западной и Центральной Европы 19-го века.

Верно, что многие евреи, поколениями борющиеся за собственное равноправие, отличались особенной чувствительностью в отношении угнетений любого рода. Однако за права рабочих они боролись бок о бок с бесчисленными христианами. Кроме того, не следует забывать, что в этой борьбе много евреев стояло и по другую, капиталистическую сторону баррикады.

Впрочем, автор отнюдь не довольствуется «разоблачением» еврейских корней секуляризации и социал-демократии. Он преследует куда более честолюбивую цель – найти «рациональное» обоснование холокосту, который, по его мнению, тесно связан с «мифом» о «еврейском большевизме». С тезисом Клода Ланцмана, согласно которому вопрос «почему?» применительно к холокосту кощунственен, автор не соглашается.

Поэтому он направляет свое внимание на очевидно мало знакомую ему область, на русскую историю, в частности на историю русской революции – здесь, по его мнению, спрятан «ключ» к «рациональному» объяснению национал-социалистического убийства евреев.

В поисках причин русской революции автор в основном опирается на идеи, распространенные в русских правых кругах, вновь и вновь пытающихся «дерусифицировать» русскую революцию. Революция оказывается в их глазах результатом заговора вражеских государств и нерусских народов в составе Российской империи, в первую очередь евреев. Это они, якобы, отравили преданный государю и глубоко верующий русский народ своей революционной пропагандой и возмутили его против власть предержащих.

В действительности все было гораздо сложнее. Драма разыгралась в первую очередь внутри самого русского коренного населения, и ее пролог приходится на ту эпоху, когда подавляющее большинство евреев еще было заперто в так называемой «черте оседлости» и почти не участвовало в процессах, происходивших вообще в России. «Сто лет русское общество грозило монархии революцией» пи-

сал в 1927 году Марк Алданов. «Быть может Николай и не верил предупреждениям оттого, что их было так много.»¹

Уже восстание декабристов обнаружило глубину пропасти между наиболее активными частями образованных сословий и царским режимом. В течение девятнадцатого века эта пропасть постоянно расширялась. В начале 20-го столетия на этот путь, по которому до тех пор шла лишь европеизированная элита, вступили и низшие слои общества. В них тоже поколебалась вера в царя, и возникший вакуум был заполнен почти религиозной верой в целительную силу революции. Не от царя, но от революции большинство русского крестьянства ожидало теперь устранения всех социальных несправедливостей, и прежде всего решения земельного вопроса. На выборах в Первую, особенно же во Вторую Государственную Думу (1906 и 1907 гг.) русские крестьяне, якобы преданные царю, почти единогласно проголосовали за революционные, а вовсе не за консервативные партии. Вот так, значит, выглядит хваленая консервативность русского крестьянства, издевался в то время премьер-министр Сергей Витте, в отличие от своих коллег по кабинету не питавший иллюзий в отношении преданности царю русских низших сословий. Именно в это время русские евреи, в течение поколений ведшие обособленное существование, начали интегрироваться в русское общество. Это общество было взбудоражено, охвачено революционным брожением, охранительные силы почти не находили в нем опоры и боролись, в общем, за уже безнадежное дело. Многие евреи, как и представители других нерусских народностей, почти неизбежным образом оказались втянуты в это брожение, охвачены оппозиционными настроениями господствовавшими в стране.

То обстоятельство, что большая часть русского общества в начале 20-го века находилась в революционном угаре, почти не отражено в рецензируемой книге. Автор в основном сосредотачивает свои усилия на поисках еврейских корней русской революции, эти поиски становятся его навязчивой идеей. Если ему не удастся вскрыть еврейское происхождение того или иного ведущего революционера, он приводит в доказательство «еврейского мировоззрения» этого революционера то обстоятельство, что он был женат на еврейке – как, например, один из основателей российской социал-демократии Георгий Плеханов. У тех же революционеров, по отношению к которым и это доказательство не срабатывает, он отыскивает дальних родственников-евреев, чтобы таким образом объяснить их несогласие с царским режимом.

Так, он всерьез объясняет осуждение Лениным еврейских погромов тем обстоятельством, что дед Ленина был еврей, крещенный еще в детстве. Как если бы для осуждения еврейских погромов обязательно нужен был еврейский дедушка.

Как правильно отмечает автор, партийные функционеры еврейского происхождения играли важную роль как в большевистском, так и в антибольшевистском

¹ Цит. по: Московские новости. 27 сентября 1992. С. 21.

революционном лагере (меньшевики, эсеры и др.). Почему же он в таком случае сосредотачивает свое внимание прежде всего на деятельности «еврейских большевиков», а деятельность их многочисленных противников-евреев практически, за некоторыми исключениями, не рассматривает? Почему он не тематизирует тот факт, что в советских органах террора при Ленине было непропорционально большое количество латышей, а в конце сталинской эпохи – грузин? Ответ на этот вопрос относительно прост. Мыслительный конструкт под названием «еврейский большевизм» весьма полезен ему в его поисках «рационального» объяснения холокоста, с помощью же «латышских» или «грузинских чекистов» обосновать свою псевдотеорию он не может. Таким образом круг замыкается, и приведенное в начале этой рецензии высказывание Трейтчке «Евреи – это наше несчастье» обретает в связи с тематикой этой книги исключительную релевантность. Не следует забывать, что Трейтчке написал эту фразу за 38 лет до большевистской революции, когда евреев еще невозможно было обвинить в причастности к какому бы то ни было террористическому режиму.

То же относится и к рассуждениям Хьюстона Стюарта Чемберлена, который уже в 1899 году, в своих «Основах 19го века», предложил «окончательное решение» еврейского вопроса, почему Гитлер и Геббельс и считали его своим предшественником. Древний Рим, «решивший» «финикийский вопрос» путем разрушения Карфагена, вызывает у него восхищение:

«Если бы финикийский народ не был уничтожен, ... человечество никогда не имело бы этого 19 столетия, на которое мы теперь, при всем смиренном сознании наших слабостей... оглядываемся с гордостью. При ни с чем не сравнимой живучести семитов, достаточно было бы малейшего проявления милосердия – и финикийская нация бы воскресла. ... В евреях мы видим другую и не менее опасную разновидность этого яда, разъедающего все благородное и творческое. Только слепец или лицемер откажется признать, что проблема еврейства среди нас относится к сложнейшим и опаснейшим проблемам современности.»²

Способ решения этой «сложной проблемы» косвенно намечается Чемберленом. Не случайно говорит он так подробно о судьбе Карфагена. Суровость Рима импонирует ему гораздо больше, чем наивное с его точки зрения великодушие современных европейцев.

Программа Чемберлена, по сути дела сводящаяся к уничтожению евреев, была сформулирована за 18 лет до захвата власти большевиками. Таким образом Чемберлен, как и Трейтчке, не мог обосновать свою демонизацию евреев тем, что они несут ответственность за установление тоталитарного режима. Он упрекал их лишь в пропаганде якобы антигерманских, или просто чуждых германской расе идей. Биберштейн же, что не лишено пикантности, превозносит Чемберлена

² Chamberlain H.S. Die Grundlagen des Neunzehnten Jahrhunderts. Muenchen o.J. T. 1. P. 162-163.

как пророка, предупреждавшего об опасностях, которые несет с собой деятельность «еврейских атеистов».

Высказывания Трейтчке, Чемберлена, как и многих их единомышленников, показывают, что миф о «еврейском большевизме» непригоден для объяснения холокоста. Ненависть к евреям почти никогда не бывает связана с конкретными действиями самих евреев. Действия объекта ненависти, как правило, используются лишь выборочно для оправдания уже существующих клише.

В противоположность утверждениям автора, как и тезисам его наставника Эрнста Нольте, в своем предисловии осыпающего похвалами сей сомнительный труд, уничтожение евреев национал-социалистами было не реакцией, но акцией, самостоятельным действием нацистского режима. «Третий Рейх» лишь осуществил мечты многочисленных антисемитов об уничтожении евреев – мечты, которые возникли задолго до большевистской революции.

Однако чтобы холокост из теории стал практикой, нужна была атмосфера массового психоза, характерная для «эпохи крайностей» (Э. Хобсбом), эпохи, начатой «пракатастрофой 20-го столетия» (Дж. Ф. Кеннан) – первой мировой войной. Сложившийся в течение многих столетий под воздействием Ветхого и Нового Завета европейский образ человека погиб в оргиях большевистского и национал-социалистического насилия. Архипелаг Гулаг и Освенцим явились следствием этой цивилизационной катастрофы.

Россия и Германия оказались в центре этого разрушительного восстания против традиционных европейских ценностей, однако его влияние распространилось на весь европейский континент и за его пределы. Бесчисленные не-немцы и не-русские были заморожены нацистскими и большевистскими планами создания «расово-чистого» или же «бесклассового» общества. Второе обладало исключительной притягательностью и для многих евреев, о чем подробно говорится в рецензируемой книге. Однако и многочисленные французы, итальянцы, чехи, испанцы и представители других национальностей были охвачены ленинистским или сталинистским безумием, точно также как миллионы немцев поддались безумию гитлеризма.

Насколько характерной, однако, была вера в спасительные силы коммунистической идеи для еврейского населения как такового? Этот в высшей степени сложный вопрос занимает и нашего автора, как, кстати, и вопрос о том, в какой мере немцы поддерживали национал-социализм. Он решительно протестует против тезиса об ответственности немцев как нации за преступления национал-социалистов и установление нацистского режима. И в самом деле, до тех пор, пока у немцев еще была возможность свободного выбора, свободного голосования, нацисты ни разу не получили поддержки большинства населения. Своего самого крупного успеха на свободных выборах они добились 31-го июля 1932 года, когда за них проголосовало примерно 37 процентов избирателей. На период после захвата власти национал-социалистами уже, разумеется, нет надежных цифр, которые могли бы показать степень поддержки режима населением. Настоящие вы-

боры или, например, опросы уже не проводились. Себастьян Хаффнер считает, что, к примеру, в 1938 году большинство населения поддерживало правительство. Можно предположить, что после неожиданной победы над Францией в мае-июне 1940 г. эта цифра еще возросла. Однако все эти данные основываются в сущности на предположениях.

А как обстояло дело с поддержкой евреями большевизма и коммунизма? Тот факт, что в руководстве многих компартий было непропорционально большое количество евреев, автор рассматривает как доказательство своего тезиса, согласно которому большевизм в своей сущности имеет «еврейские» черты. Однако достаточно ли этого «доказательства» для подобных обобщений? Оставаясь последовательным, автор должен был бы объявить «еврейскими» также и банковское дело или такие научные дисциплины, как теоретическая физика или психоанализ, поскольку и в них евреи играли непропорционально большую роль. И наконец, не следует забывать, что число немцев в национал-социалистическом руководстве было все-таки значительно больше, чем число евреев в руководстве коммунистических партий. Тем не менее, автор решительно возражает против тезиса о том, что национал-социализм это типично немецкий феномен. Столь же дифференцированный подход к понятию «еврейский большевизм» в книге, за немногими исключениями, отсутствует.

Насколько популярен был коммунизм среди еврейского населения в действительности? Точный, основанный на конкретных цифрах ответ на этот вопрос чрезвычайно труден, поскольку до 1948 у евреев не было собственного государства. Выяснить, сколько евреев голосовало за коммунистические партии в странах еврейской диаспоры, не легко. Лишь после основания государства Израиль ситуация изменилась; начиная с этого момента мы можем оперировать достоверными цифрами. Как же выглядят эти цифры? На первых выборах в кнессет в январе 1949 года израильская компартия получила меньше 4 % голосов. И это несмотря на то чувство благодарности, которое многие евреи испытывали по отношению к Советскому Союзу после победы над «Третьим Рейхом», а также за ту поддержку, которую СССР оказывал государству Израиль в период его основания.

Об этих неутешительных для коммунистов результатах израильских выборов в книге не сказано не слова. В самом деле, упоминание о них подорвало бы основной тезис книги, согласно которому большевизм это преимущественно еврейский феномен. Из этого также видно, что рецензируемая работа представляет собой не основательное научное исследование, а, по существу, тенденциозный памфлет.

(Перевод: Алексей Рыбаков)

VI. Тоталитарные вызовы в неустойчивых демократиях

Демократия, которая не сумела себя защитить – к 95-тилетию Февральской революции

У Февральской революции, попытавшейся построить первое в истории России демократическое государство, – мало защитников. В своей книге *Двести лет вместе*, посвященной русско-еврейским отношениям, Александр Солженицын говорит о зловещей роли главного органа революции – Центрального Исполнительного комитета Петроградского совета (ЦИК), который, якобы, пытался повернуть революцию на путь растущего радикализма. Эту губительную для России установку Солженицын объясняет преимущественно нерусским составом руководства советами, где инородцы (евреи, кавказцы, поляки и другие) играли непропорционально большую роль.

Это утверждение Солженицына ставит реальное положение вещей с ног на голову. Ведь именно этот, якобы нерусский, ЦИК в первые месяцы Февральской революции прилагал усилия к тому, чтобы утихомирить радикально-революционный порыв, который охватил тогда широкие слои именно русского народа. Ради того, чтобы, действуя совместно с буржуазно-либеральными силами, ввести в определенные рамки эту волну анархии, умеренные руководители советов даже вступили в начале мая 1917 г. во Временное правительство. Потому-то Петроградский совет и утратил популярность в массах. Они все меньше прислушивались к уговорам умеренных социалистов, призывавших к сдержанности. «Массы испытывают нечто вроде инстинктивного страха, что революция окончится слишком рано, – пишет в этой связи первый министр иностранных дел Временного правительства Павел Милюков. – У них такое чувство, что революция окончится ничем, если верх одержат одни лишь умеренные элементы»¹. И отнюдь не случайно такие ленинские призывы, как «грабь награбленное» или «немедленно прекратить империалистическую войну», нашли у русских крестьян и солдат куда более сочувственный отклик, чем предостережения умеренного руководства советов от чересчур радикальных требований, от слишком радикальной тактики.

«Открытостью души навстречу всем вихрям революции, Ленин до конца слился с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс», – пишет

¹ Miljukov P. Rußlands Zusammenbruch. Stuttgart, 1925-1926. Vol. 1. P. 25.

философ, активный участник тогдашних событий Федор Степун². Это наблюдение Степуна совпадает с высказываниями многочисленных свидетелей той поры.

Не менее радикально чем Солженицын критикует Февральскую революцию и блестящий русский публицист П.Б. Струве. Струве, по существу, не делает качественных различий между демократической фазой русской революции (февраль-октябрь 1917 г.) и начавшейся после большевистского государственного переворота тоталитарной фазой: «духовно, морально-культурно и политически, революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс»³; он отмечает «реальный большевистский дух всей революции»⁴ как народного движения.

Это смешение демократических и тоталитарных аспектов русской революции едва ли оправдано. Февральская революция представляла собой кульминацию начавшейся в декабре 1825 г. борьбы русского общества против государственного патернализма (восстание декабристов). Она завершила начавшийся в 1905 г. процесс превращения России в плюралистическое государственное сообщество, основанное на разделении властей и признании основных прав. Она устранила все сословные привилегии, гарантировала полную религиозную свободу и свободу слова, устранила неравноправие полов и ввела, раньше, чем многие страны Запада, избирательное право для женщин. То, что этот праздник свободы окончился в октябре 1917 г. печально, было связано со многими ошибками и неиспользованными возможностями молодой русской демократии, с беспрецедентным предательством ее врагов-большевиков, с недалекостью германского военного руководства, которое, чтобы прекратить войну на два фронта, поддерживало большевиков – своих «классовых врагов». Но такой конец «первой» русской демократии не был ни коим образом предопределен – существовали и иные возможности разрешения тогдашнего кризиса. Но это, однако, совсем другая история.

В этой связи намного важнее тот факт, что большевистская фаза русской революции, в отличие от утверждений Струве, основывалась на качественно противоположных принципах, чем Февральская революция. Самый свободный за всю русскую историю общественный строй, существовавший очень недолго, сменился самым несвободным.

Итак, аргумент тех критиков первой русской демократии, которые объясняют ее поражение чрезмерной радикальностью ее вождей, явно неубедителен. Правы ли тогда те авторы, которые обвиняют защитников Февраля в недостаточной решительности? В том, что они не решились провести немедленную земельную реформу и таким образом легализовать «черный передел», который крестьяне, согласно с ленинским лозунгом «грабь награбленное», начали осуществлять сра-

² Степун Ф. Сбывшееся и несбывшееся. N.Y., 1956. Т. 2. С. 104.

³ Струве П. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России / Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 320.

⁴ Там же. С. 323.

зу же после падения монархии; в том, что они не вывели Россию немедленно из «империалистической войны», к чему призывал Ленин, т.е. не решились бросить союзников на произвол судьбы и обеспечить таким образом кайзеровской Германии гегемонию в Восточной и Центральной Европе? Почему же умеренные социалисты, которые до корниловского мятежа в августе 1917 были стержнем февральской системы, не предприняли требуемых Лениным и сегодняшними критиками Февраля шагов, и это несмотря на то, что в их рядах было немало сторонников радикальной аграрной реформы и острейших противников войны? Связано это было не в последнюю очередь с тем, что вожди Февраля сомневались в своей легитимности и решение важнейших вопросов, касающихся переустройства страны, хотели предоставить всенародно избранному Учредительному собранию.

Тот факт, что выборы в Учредительное собрание, провести которые обещало Временное Правительство уже в первом своем манифесте, весной 1917 г. не состоялись, был, как справедливо заметил один из самых ярких вождей Февраля из лагеря умеренных социалистов, Ираклий Церетели, наверно самой главной ошибкой первой русской демократии⁵.

Каждый революционный разрыв с прошлым, который приводит к смене политических парадигм, нуждается в легитимации нового политического строя – в эпоху народного суверенитета такую легитимацию может предоставить только всенародно избранная конституанта. Трагедией Февраля было то, что эти выборы запоздали и произошли лишь после крушения первой русской демократии.

Но не меньшей ошибкой Февральской революции был тот факт, что она с недостаточной решительностью боролась против своих самых опасных врагов, которые, к всеобщему изумлению ее защитников, угрожали ей не справа, а слева. Что дело обстоит именно так, осознавали тогда, однако, только немногие. Когда Ираклий Церетели в июне 1917 года заявил, что «контрреволюция может проникнуть только через одни двери – через большевиков»⁶, слова эти были для большинства умеренных социалистов святотатством.

Они рассматривали большевиков как неотъемлемую составную часть «революционно-демократического фронта». Поэтому разоружение большевиков казалась им ослаблением своего собственного лагеря, изменой делу революции. Ю.О. Мартов, один из вождей меньшевиков, сказал, что в том случае, если руководители Советов применят против большевиков силу, они, по примеру генерала Кавеньяка, превратятся в «преторианцев» буржуазии⁷. (В 1848 году Кавеньяк был военным министром революционного правительства Франции и в июне 1848 года жестоко подавил восстание парижских рабочих).

Церетели беспощадно критиковал эту позицию Мартова и других левых социалистов. В своих воспоминаниях он писал, что небольшевистское большинст-

⁵ Церетели И. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. С. 403.

⁶ Pipes R. Die Russische Revolution. Berlin, 1992. Vol. 2. P. 141.

⁷ Церетели. Воспоминания. С. 214.

во Совета не желало власти, чтобы не быть вынужденным не на словах, а на деле применять ее против большевиков. Небольшевистские левые считали аксиомой, что «революция не знает врагов слева». Призрак генерала Кавеньяка удерживал социалистов – противников большевиков от энергичной борьбы против левого экстремизма, ставшего главной угрозой для Февральской революции.

Даже события 3–5 июля 1917 г., когда большевики попытались силой свергнуть существовавший порядок, не привели к их исключению из лагеря так называемой «революционной демократии». Социалистические противники большевиков и в дальнейшем рассматривали их в качестве неотъемлемой составной части солидарного социалистического сообщества. Не в последнюю очередь именно поэтому представители большинства в Советах отказывались от слишком жесткого обращения с большевиками. Так как Временное правительство и в дальнейшем нуждалось в поддержке Советов, его буржуазные министры были вынуждены учитывать соображения социалистов – своих партнеров по коалиции. ЦИК Советов непрерывно клеймил позором кампанию травли, развязанную буржуазной прессой против большевиков, и выступал против утверждений об их сотрудничестве с немцами. Многие арестованные большевики уже через несколько недель были освобождены. Несмотря на их участие в попытке путча в июле 1917 года, они не были обвинены в антигосударственной деятельности. Относительную терпимость демократического государства по отношению к его радикальным врагам большевики воспринимали как проявление его слабости. Позже Ленин сказал, что в июле 1917 года большевики сделали ряд ошибок. Их противники вполне могли бы использовать эти ошибки в своей борьбе, но они «тогда не имели для этого ни последовательности, ни решительности»⁸.

Как же обстояли в действительности дела в революционной России 1917 года с так называемой контрреволюционной «правой опасностью»? Требовалась ли для ее преодоления мобилизация всех левых сил, даже таких агрессивных антидемократов, как большевики?

Каким на самом деле было соотношение сил, можно проследить на примере «корниловского мятежа» в августе 1917 г. Мнимая контрреволюционная опасность в итоге обернулась фарсом.

Провал путча однозначно подтвердил тезис, что армия больше не годится для борьбы против собственного народа. Так что русская демократия никоим образом не нуждалась в помощи левых экстремистов, чтобы успешно отразить опасность справа. Однако страх умеренных социалистов перед контрреволюцией был так велик, что они совершенно недооценивали свои силы и переоценивали силы противника. Не в последнюю очередь поэтому они и вернули оружие большевикам, разоруженным после провала июльского путча. Это, вероятно, было самое значительное и роковое последствие «корниловского мятежа».

⁸ Pipes. Die Russische Revolution. Vol. 2. P. 177.

После «корниловского путча» Временное правительство и связанные с ним умеренные социалисты почти полностью утратили политическую инициативу. Они, будто парализованные, наблюдали за решительными и целеустремленными действиями большевиков, которые мастерски показали, как следует использовать демократические свободы для устранения демократии. Большевистская партия получила возможность диктовать правила игры. Британский посол в Петербурге Бьюкенен в сентябре 1917 года писал: «Одни лишь большевики, составляющие компактное меньшинство, имели определенную политическую программу. Они деятельны и организованы лучше других групп... Если правительство не окажется достаточно сильным, чтобы подавить большевиков силой, остается только одна возможность – приход большевиков к власти»⁹.

Временное правительство сдалось практически без боя, так как почти не имело в своем распоряжении верных ему войск. Так, почти бескровно, совершился большевистский государственный переворот, ознаменовавший одну из самых радикальных революций в истории, переворот, с которого началось становление первого тоталитарного режима современности.

Крах первой русской демократии многие ее западные критики объясняли своеобразием политической культуры России, неспособностью общества к самостоятельному, независимому от государства развитию, патриархальными навыками и пр. Глава свергнутого большевиками Временного правительства, Александр Керенский, описывает в своих воспоминаниях разговор, который он в 1923 г. провел с одним из вождей немецкой социал-демократии, Рудольфом Гильфердингом. Гильфердинга поражало то, что русские демократы так легкомысленно выпустили из рук власть, которую они захватили после падения монархии. Такое в Германии было бы невозможно, утверждал немецкий политик: «Ваш народ просто не в состоянии жить в условиях свободы»¹⁰.

Десять лет спустя, пишет Керенский, Гильфердинга ожидала та же участь как и российских демократов. Он должен был бежать из своей страны, которая так же как и Россия попала в тоталитарное рабство.

И действительно, гибель демократии в России предвосхитила всего лишь на несколько лет гибель демократии во многих других странах Европы, и этот факт подтверждает тесную связь между Россией и Западом, которая наблюдается по крайней мере со времени петровских реформ. В эпоху между двумя мировыми войнами не только в России, но и на Западе многие демократии не сумели себя защитить.

Непосредственно после падения веймарской республики живущий тогда в Германии Федор Степун опубликовал в эмигрантском журнале Новый Град статью с ироническим названием «Германия "проснулась"», в которой он писал: «Самое

⁹ Buchanan Sir George. My Mission to Russia and other Diplomatic Memories. Boston, 1923. Vol. 2. P. 188-189.

¹⁰ Die Kerenski-Memoiren. Russland und der Wendepunkt der Geschichte. Wien-Hamburg, 1966. P. 540.

потрясающее во всем происшедшем в Германии – это не сила фашистского натиска, а бессилие немецкой демократии ... В борьбе против своего врага она не обнаружила и сотой доли того героизма, что проявила наша молодая февральская республика в дни октября [sic]. Она пала так же бесславно, как монархия Николая II.»¹¹.

В том же номере журнала Новый Град появилась и статья главного редактора журнала, Георгия Федотова, с тревожным названием «Демократия спит». Федотов пишет: «Еще обвал – и большая, живая страна, выносившая на своих плечах около половины культуры Запада, провалилась, если не в небытие, то за пределы нашего исторического времени ... В тот век, где меряют достоинство человека чистотой крови, где метят евреев желтым крестом ... где жгут ведьм и еретиков. Костров еще нет – для людей (пока репетируют на книгах), но до них осталось недолго ждать».

Федотова поражает тот факт, что ни русская, ни итальянская, ни германская катастрофы не послужили оставшимся свободными странам «крайнего Запада» толчком для развития стратегии борьбы против дальнейшего триумфального шествия тоталитаризма: «Отсутствие идей, отсутствие воли ... – такова формула кризиса демократии, вскрывающая не порочность учреждений, а нечто худшее: одряхление демократической культуры»¹².

Предостережение Федотова, как мы знаем, не было услышано. Триумфальное шествие фашизма и национал-социализма продолжалось и в 1940 их владычество распространилось почти на всю западную часть Европы за исключением одиноко сражающейся Англии и нескольких нейтральных островков. Когда же демократия «проснулась»? Произошло это только после Второй мировой войны, когда на руинах Европы начала зарождаться идея «защищающей себя демократии». Идея эта была фундаментом, на котором строилась «вторая» немецкая демократия, которая во что бы то ни стало хотела избежать участи ее веймарской предшественницы.

Главным уроком, который создатели второй немецкой демократии извлекли из поражения первой, заключался в их выводе, что демократия должна уметь себя защищать. Член парламентского Совета, который разрабатывал Основной Закон будущей демократической Германии, социал-демократ Карло Шмидт, говорил в сентябре 1948 года о нетерпимости, которую демократия должна проявлять по отношению к тем, кто использует демократические свободы для того, чтобы уничтожить демократию, а коллега Шмидта из партии ХСС, Швальбер, критиковал Веймарскую конституцию за то, что она врагам свободы давала чуть ли не больше свобод, чем ее защитникам, что в конце концов и привело к уничтожению немецкой демократии легальным путем¹³.

¹¹ Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 482.

¹² Федотов Г. Тяжба о России. Париж, 1982. С. 103, 113.

¹³ Там же. С. 132-133.

Стоит здесь вспомнить слова Федора Степуна, который уже в 1934 году, будучи свидетелем уничтожения Веймарской республики, пришел к тем же выводам, которые сформулировали 14 лет спустя «отцы» немецкого Основного Закона. Степун писал: «Демократия ... должна быть лишь демократией для демократов. Против ханжества своих врагов ей приличествуют все формы действенной самообороны. Нельзя забывать, что демократия обязана защищать не только свободу мнения, но и власть свободы. Если эта власть не защитима словом, то ее надо защищать мечом. Это, по нашему времени положения элементарные и очевидные»¹⁴.

Извлекла ли возникшая после неудавшегося коммунистического путча в августе 1991 г. «вторая» русская демократия какие-либо уроки из опыта ее февральской предшественницы или же из опыта веймарской демократии? И да, и нет. Защитники второй русской демократии постоянно помнили о коммунистической или же фашистской угрозе, которые привели к краху первой русской и первой немецкой демократии. КПСС была запрещена, кроме того, в демократическом дискурсе появилось понятие «веймарской России», т.е. постоянно проводились аналогии между постсоветской Россией и веймарской республикой, в первую очередь для того, чтобы предотвратить повторение немецкого опыта на русской территории. Но к всеобщему удивлению, самой большой угрозой для проведенных в 90-ые годы демократических преобразований оказались не левые и правые экстремисты, требующие социального и имперского реванша и отождествляющие ельцинскую систему с оккупационным режимом «мировой закулисы», а силовые структуры, являющиеся сердцевинной созданной после свержения КПСС системы. Это они восстановили, в особенности после добровольной отставки Ельцина, «вертикаль власти», не нарушая даже при этом принятой в декабре 1993 года конституции, которая предоставляла возглавляющему эту вертикаль президенту такие полномочия, о которых не могут и мечтать главы других демократических государств.

Сценарий плавного перехода постсоветской России от открытого к полузакрытому обществу радикально отличался от сценария крушения первой русской и первой немецкой демократии и был возможен только потому, что демократические идеи, переживавшие в августе 1991 апогей своей популярности, в кратчайшее время были дискредитированы в глазах большинства общества. После августа пришел декабрь (ропуск Советского Союза), январь (шоковая терапия), октябрь (расстрел Белого Дома). Все эти процессы ассоциировались с понятием «демократия», которое для многих превратилось чуть ли не в бранное слово. Способствовал этой дискредитации, конечно, тот факт, что правящие демократические группировки недостаточно энергично боролись против повсеместной коррупции, прониканию мафиозных структур в административные и экономические сферы, против «криминальной революции», воспользовавшейся размывани-

¹⁴ Степун. Сочинения. С. 501.

ем границ между дозволенным и недозволенным вследствие ослабления и разрыхления созданного коммунистами полицейского государства. Но с другой стороны нельзя забывать, что даже если бы победившие в августе 91 г. демократы являлись олицетворением всех возможных добродетелей, выход огромной страны из того тупика, в который ввели ее в октябре 1917 г. большевики, ни в коем случае не был бы безболезненным.

Но начиная с декабря 2011, после частично сфальсифицированных выборов в Госдуму, страна вновь переживает смену парадигм. Демократические идеи, казалось бы вытесненные из сознания россиян в связи с потрясениями 90-х годов, переживают новый ренессанс. Все большее количество людей осознает, что власть, полностью освободившаяся от общественного контроля, лишенная конкуренции, принуждающей ее к компромиссам, теряет со временем и контроль над собой, способность исправлять сделанные ею ошибки. Только система сдержек и противовесов, последовательного разделения властей и общественного контроля над властью имущими может такому развитию противостоять, а у этой системы есть определенное название – демократия.

Начиная с массовых демонстраций на Болотной и на Сахаровском проспекте критики путинской системы подробно обсуждают вопросы тактического и стратегического противостояния «вертикали власти» в борьбе за эмансипацию общества. Все это, конечно, вопросы первостепенной важности, но при этом нельзя, однако, забывать, что общественные изменения происходят главным образом не на улицах, а в умах. Поэтому требующая демократических перемен оппозиция только тогда достигнет существенных успехов, если ей удастся в общественном дискурсе вернуть понятию «демократия» его первоначальный смысл и освободить его от того одиозного привкуса, который ему придали ненавидящие демократию демагоги всякого толка, утверждающие, что так называемые «лихие» 90-е годы, годы торжества демократов, являлись чуть ли не самым ужасным периодом в истории России, забывая при этом и годы «красного» и сталинского террора.

Опубл. в журнале *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры* 2/2011.

Призрак фашизма в посткоммунистической России

После краха коммунистического эксперимента в России там бродит теперь другой призрак новейшей истории – призрак фашизма. Политическая сила, вдохновляемая человеконенавистническими идеями и уже однажды превратившая в руины европейский континент, почуяла новый шанс – на этот раз на Востоке. К идеям в России, как правило, относятся всерьез. Столь типичная для Запада «игра в идеи» России почти неведома.

В посткоммунистической России нет больше господствующей идеологии и неприкосновенных авторитетов, нет и общепризнанных вождей. Многие не в силах вынести этот вакуум. Они тоскуют о новой всеспасающей идее, и на этом строят свои расчеты демагоги самых разных оттенков, вплоть до поклонников Муссолини и Гитлера.

В свое время Муссолини и Гитлер всплыли на волне страха правящих слоев перед «большевистской опасностью». Этот страх едва ли имел под собой основания. Революционная волна в Италии после краха забастовочного движения в сентябре 1920 г. явно шла на убыль, а в Германии начала 30-х годов конфликт между социал-демократами и коммунистами, спровоцированный в первую очередь из Москвы сталинским руководством, парализовал рабочее движение, практически лишив его всякой дееспособности. Несмотря на это, правящие круги Италии и Германии панически боялись «восстания масс», т.е. независимого рабочего движения. Этим страхом воспользовались фашисты и нацисты. 23 июля 1921 г., выступая в итальянском парламенте, Муссолини назвал фашистское движение важнейшим защитником государственных устоев, той силой, которая сумела предотвратить коммунистический переворот в Италии.¹ Десять лет спустя, во время встречи с немецкими промышленниками в Дюссельдорфе, в этом же духе высказывался Гитлер: «Если бы не мы (нацисты. – Л.Л.), средний слой в Германии был бы уже уничтожен. А вопрос о власти большевики давно бы решили в свою пользу».² И хотя аргументы фашистских вождей носили вполне демагогический характер, им в конце концов удалось убедить власть имущих, что спасти расшатанный господствующий строй в обеих странах можно лишь опираясь на правый экстремизм.³

В отличие от своих «классических» предшественников, нынешние российские фашисты, как правило, мало говорят об опасности слева. Больше того, в борьбе против существующего строя они часто оказываются по одну сторону баррикад с коммунистами. «Красно-коричневый союз», лишь спорадически возникавший в

¹ Mussolini B. Opera omnia. Firenze, Roma, 1951. Vol. 17. P. 65-66.

² Domarus M. Hitler, Reden und Proklamationen 1931-1945. München, 1965. Vol. I. Hbd. I. P. 87.

³ См. Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie: Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935. Stuttgart, 1985.

веймарской Германии накануне прихода Гитлера к власти, в нынешней России – постоянный феномен. Свое боевое крещение этот союз получил при защите Верховного Совета, распущенного Ельциным 21 сентября 1993 г. Генерала Руцкого нисколько не смущало то, что Белый дом обороняли, между прочим, и боевики руководимой Александром Баркашовым организации «Русское национальное единство», чья программа имеет поразительное сходство с программой гитлеровской партии (Национал-социалистическая рабочая партия Германии). Например, в программе РНЕ содержится требование «искоренения всех проживающих в России евреев и цыган в кратчайшие сроки», тюркские народы и выходцы из Средней Азии должны будут проживать только на своих «исторических территориях», причем предполагается «резкое снижение их рождаемости». В России РНЕ хочет ввести законы, похожие на законы фашистской Германии. Например: «Смешанный брак или связи, наносящие ущерб генофонду Русской нации и ведущие к ее размыванию, будут преследоваться в уголовном порядке».⁴

И после этого генерал Руцкой берет под защиту своих союзников. Он считает обвинение сторонников Баркашова в фашизме «упрощением» и клеветой.⁵ А коммунистический орган «Советская Россия» славит Баркашова, который сам себя гордо называет нацистом, как некоего «спасителя чести» страны.⁶

Эта мешанина «правизны» и «левизны» в сегодняшней России, конечно же, связана с аморфным, расплывчатым партийно-политическим ландшафтом в посткоммунистической России, что, в свою очередь, объясняется аморфностью общества, в котором нет классов в общепринятом смысле этого слова. В годы гражданской войны большевики экспроприировали и физически уничтожили высший слой. Во время коллективизации сельского хозяйства они сломали хребет крестьянству. Общество, таким образом, было пролетаризировано и атомизировано. Неудивительно, что 70-летний процесс разрушения отрицательно сказался на политической культуре страны, что в этой стране то и дело возникают причудливые политические конфигурации, которые вызывают недоумение у западных наблюдателей.

Но есть и другие причины все большего стирания, смазывания различий между правыми и левыми, а современной России. Дело в том, что российские коммунисты, пожалуй, впервые после 1917 г. потеряли веру в непрерывный общественный прогресс. Прежде они проповедовали ее где только можно. Они воображали, что история на их стороне, и эта уверенность как-никак помогала им до поры до времени преодолевать самые опасные кризисы.

Напротив, правые экстремисты всегда воспринимали идею прогресса не иначе как с насмешкой. Они никогда не желали и не желают плыть в потоке истории,

⁴ См. Остросветов В. Русский порядок Александра Баркашова // Моск. Новости. 1994. № 15. С. 7.

⁵ Руцкой А. Надеюсь, что на этот раз мой парашют раскроется // Комс. Правда. 1994. 27 мая. С. 5.

⁶ Турченко С. Встреча с Александром Баркашовым // Сов. Россия. 1994. 5 марта; См. также: Баркашов А. Слава России // Завтра. 1994. № 12. С. 1-2.

наоборот, пытаются любой ценой задержать его и повернуть вспять. Повсюду им мерещатся симптомы упадка и разложения, козни могущественного всемирного заговора. Они считают, что предотвратить «закат Европы» можно лишь насильственным уничтожением носителей этого заговора – евреев, масонов, «плутократов» и марксистов.⁷ Фашистский идеал находится в прошлом. Фашизм апеллирует к так называемому «биологически естественному» человеку. Он хочет возродить «белокурую бестию», человека, не искаженного цивилизацией, не извращенного христианской этикой с ее призывом любить ближнего и сострадать ему. Золотой век фашизма – это языческая, дохристианская эпоха. Пафос же коммунизма устремлен в будущее, где произойдет прыжок «из царства необходимости в царство свободы».

Однако этот исторический оптимизм теперь ушел в прошлое. После развала Советского Союза у коммунистов почти не осталось веры в прогресс и светлое будущее. Внезапное исчезновение второй великой державы, внушавшей страх и уважение всему миру, кажется им непостижимым событием, они отказываются видеть в нем историческую необходимость. За кулисами горбачевской перестройки и вызванных ею процессов они усматривают гигантское предательство. Еще в 1990 г., до окончательного распада СССР, один из проповедников имперской идеи, писатель Александр Проханов, утверждал: «Впервые не только в истории отечества, но и мира мы видим, как государство рушится не в результате внешних ударов, а в результате целенаправленных действий вождей».⁸

Четыре года спустя Проханов пояснил свою мысль: «Советский Союз продала элита, продали лучшие люди. И какую бы Россию ни строили в дальнейшем – будь это монархия, будь это президентская республика, будь это патриотическая диктатура, опять это все будет построено на песке, если страной будут править чиновники, если не будет настоящей элиты».⁹

Эта мечта о новой, здоровой элите не имеет ничего общего с коммунистической идеей пролетарского авангарда. Целью коммунистического «авангарда», по крайней мере в изначальном смысле, было уничтожение элит и введение равноправия. Идея элиты у Проханова и его единомышленников имеет явно другое, правое происхождение. Заметим, что сейчас российская общественность впервые начинает впитывать запрещенное при коммунистах идейное наследие европейских правых. Следует особо подчеркнуть тот факт, что правоориентированные публицисты веймарской республики, такие как Карл Шмитт, Эрнст Юнгер, Меллер ван ден Брук, неожиданно приобрели запоздалую известность в сегодняшней России. Российские поклонники этих авторов преподносят их как последнее слово западной мысли. В действительности там, на Западе, их идеи давно обветшали и обанкротились. Однако уже не первый раз России пытаются навязать ретроградную идеологию, выдавая ее за последнее достижение. Так было

⁷ См. Luks. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie.

⁸ Проханов А. Идеология выживания // Наш современник. 1990. № 9. С. 3-9.

⁹ Диалог Александра Проханова и Станислава Терехова // Завтра. 1994. № 29. С. 1-2.

в 1917 г., когда большевики начали широко пропагандировать свою наивную веру в науку и прогресс, наивный материализм – все то, что и в Западной Европе, и в интеллектуальных кругах России («Вехи») уже в начале века было преодолено.¹⁰ Ныне, как и в 1917 г., стране угрожает запоздавшая, патологическая европеизация с помощью вытасненных из чулана, безнадежно устаревших идей.

Подобно немецким правым веймарского периода, российские коммунисты не могут примириться с тем, что государство утратило статус сверхдержавы вместе с территориями, где проживают их соотечественники. Как и в Германии 20-х годов, крах империи изображается как результат иноземных интриг – вмешательства западных демократий. В открытой «честной» борьбе западные державы – так утверждали немецкие правые, и их слова повторяет нынешняя русская «непримиримая оппозиция» – оказались не в состоянии одержать верх над своими противниками. Поэтому им пришлось прибегнуть к вероломным средствам психологической войны. Путем пропаганды так называемых западных ценностей они выхолостили советского колосса и довели его до гибели.

При этом, однако, ни словом не упоминают о том, что Советский Союз со своей стороны десятилетиями пытался подорвать западные демократии с помощью коммунистической пропаганды. Эта двойная бухгалтерия опять-таки напоминает аргументы правых в веймарской республике. Они тоже клеймили психологическую войну западных держав, прежде всего их антивоенную пропаганду. И при этом словно забывали, что высшее военное командование райха пользовалось точно таким же методом, когда в 1917 г. разрешило Ленину проезд через Германию, а затем поддерживало антивоенную агитацию большевиков.¹¹

Консервативный немецкий публицист, критик Гитлера, Герман Раушнинг утверждал, что общество времен Веймарской республики находилось в состоянии клинического безумия. Национальное самолюбие было уязвлено версальским договором, и немцы перестали адекватно реагировать на действительность. Словно в истерике общество металось из одной крайности в другую.¹²

Как и немцы в 1918 г., многие россияне чувствуют себя сегодня «побежденными победителями». Вспомним, что в 1918 г. Германия отказывалась называть себя побежденной нацией. Чрезвычайной популярностью пользовался тогда лозунг „Im Felde unbesiegt“ («На поле боя не побеждена»). Намекалось, что победа в последний момент была кем-то украдена. Сходное чувство «украденной победы» распространено сейчас и в России. Поэтому не стоит удивляться, что иммунитет коммунистов к идеям правых экстремистов неуклонно ослабевает. Неудивительно и то, что радикальные антидемократы слева и справа легко находят общий язык. К примеру, лидер Российской коммунистической рабочей партии Виктор Анпилов, в отличие от классиков марксизма-ленинизма, считает величайшим

¹⁰ См. Luks. Entstehung. P. 197-199.

¹¹ Halweg W. Lenins Rückkehr nach Rußland. Leiden, 1957; Zeman Z. Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918. L., 1958.

¹² Rauschning H. The Conservative Revolution. N.Y., 1941 P. VIII.

врагом трудящихся не финансовый капитал, а «мировой сионизм». По его словам, «сионизм угнетает весь мир, и особенно он ненавидит Россию и русский народ, стремится погубить их».¹³ Совершенно так же объясняют происхождение мирового зла правые экстремисты. «Сионизм – это враг всего мира», – заявляет лидер движения «Память» Дмитрий Васильев.¹⁴

Руководитель Московского антифашистского центра Евгений Прошечкин говорит о том, что «произошла страшная вещь, произошел перелом в общественном сознании: фашизм – это хорошо. Выглядеть фашистом, нацистом – приятно, убедительно».¹⁵ Итак, табу нарушено.

Член президентского совета Юрий Карякин сообщил недавно о результатах социологического опроса: 30% россиян назвали Гитлера выдающейся личностью. По различным данным, в России выходит сейчас более 150 периодических изданий откровенно фашистского толка.¹⁶

Все это свидетельствует о том, что в посткоммунистической России демократия еще далека от умения защищать себя. Здесь тоже очевидна параллель с Веймарской республикой. И все же маловероятно, чтобы организации, почти в открытую копирующие нацистов, оказались способны прийти к власти. Ведь страна потеряла в войне против третьего рейха 27 млн. жизней. Больше шансов в борьбе за власть, по-видимому, имеют праворадикальные партии нового типа. Такова «либерально-демократическая» партия Владимира Жириновского.

И личность, и политическая карьера этого лидера кажется парадоксом. Ведь для большинства шовинистических и неоимпериалистических группировок в России неотъемлемым и едва ли не основополагающим признаком является истерический антисемитизм. Естественно, что еврейское происхождение Жириновского воспринимается ими как скандальное клеймо. Именно поэтому они ведут против него яростную борьбу. Крайне шовинистическая организация Русский национальный собор именует Жириновского «агентом сионизма». Такого же мнения придерживаются неофашисты Александра Баркашова и коммунистическая партия Виктора Анпилова. Писатель Лимонов, прежний соратник Жириновского, считает недопустимым, чтобы еврей выступал выразителем национальных интересов России: «Нерусский русский националист – извращение. Это уж слишком... Отчего бы человеку, намеревавшемуся сделать карьеру в еврейском движении, не стать главой русского национального движения, а там, глядишь, и президентом России националистической? Но нет, мы не пустим его. Нельзя».¹⁷

Но публика осталась глуха к заклинаниям Лимонова. Партия Жириновского – единственная праворадикальная партия в России, которой удалось осуществить прорыв к широким массам.

¹³ Сироткин В. Национал-большевизм // Моск. Новости. 1994. № 20. С. 11.

¹⁴ Москва – Иерусалим. 1994. № 5. С. 5.

¹⁵ Респектабельность фашизма // Москва – Иерусалим. 1994. № 4.

¹⁶ Фашистам пока спать спокойно // Моск. Новости. 1994. № 23. С. 7.

¹⁷ Лимонов Э. Извращения национализма // Новый взгляд. 1993. № 34. С. 1.

В то время как «патриоты» не могут примириться с происхождением Жириновского, демократы считают смертельной опасностью его политическую демагогию. Они подчеркивают, что новый геополитический передел мира, прокламируемый Жириновским, приведет к очередной опустошительной войне.¹⁸ Эти предостережения тоже остаются без ответа. В стране, всего лишь полвека назад пережившей самую ужасную войну в новейшей истории, около 12 млн. избирателей проголосовали за поджигателя новой войны.

Выходит, что Жириновский – фашист? Национал-социалист? Сам он решительно отвергает подобные обвинения. Когда Егор Гайдар назвал его фашистом, Жириновский подал в суд – и выиграл процесс. Сам он повторяет, что никто не должен подвергаться дискриминации из-за своей национальности и что не существует низших и высших рас. Гитлера вождь ЛДПР подвергает суровой критике за экстремизм: по его словам, Гитлер дискредитировал положительную в своей основе идею национал-социализма своим расизмом, равно, как и стремлением к мировому господству.¹⁹ В то же время Жириновский, никак этого не подчеркивая, повторяет отдельные пункты гитлеровской программы, а также некоторые тактические приемы национал-социалистов. Он, к примеру, подобно Гитлеру, не выступает как ревизионист старого стиля, он хочет не просто восстановить былые границы империи, но держит наготове новую геополитическую программу. Его концепция «последнего броска на Юг» сильно напоминает гитлеровскую программу завоевания жизненного пространства на Востоке, а злобные тирады против тюркских народов перекликаются с презрительными высказываниями Гитлера о славянах.

Структура Либерально-демократической партии России приближается к структуре Национал-социалистской рабочей партии Германии. Жириновский превратил ЛДПР в вождистскую партию классического праворадикального типа. И в программах, и в тактических вопросах решающее слово – за председателем партии. И наконец, пожалуй, самая опасная параллель: после провала Мюнхенского путча а ноябре 1923 г. Гитлер понял, как легче всего победить молодую, еще не окрепшую демократию – не прямым насилием, а с помощью избирательного бюллетеня. Некоторые радикальные антидемократы веймарского периода высмеивали намерение фюрера осуществить «легальную революцию» путем выборов.

Итальянский писатель и публицист Курцио Малапарте – горячий приверженец Муссолини – в 1931 г. назвал Гитлера карикатурой на дуче. Завоевание государства для Гитлера означает лишь завоевание рейхстага, иронизировал Малапарте, полагая, что отказавшись от насилия, вождь национал-социалистов изменил революционному духу своих соратников.²⁰ Малапарте не сумел распознать разру-

¹⁸ Гайдар Е. Ставка на негодяев // Известия. 1994. 17 мая. С. 3.

¹⁹ Жириновский В. Последний бросок на Юг. М., 1993.

²⁰ Malaparte C. Technik des Staatsreiches. Leipzig, 1932.

шительную силу этой тактики. На самом деле Гитлер выбрал наиболее действенное средство, чтобы нанести парламентскому государству смертельный удар.

Сходным образом критикуют Жириновского «за легализм» некоторые представители так называемой «непримиримой оппозиции». Но после полного провала двух попыток, путча – в августе 1991 г. и в октябре 1993 г. Жириновский осознал, что есть куда более действенные методы для того, чтобы пустить под откос действующую систему. Он полностью сосредоточил все силы на предвыборной борьбе, причем выяснилось, что как демагог он намного превосходит своих соперников, включая коммунистов, – еще одна устрашающая параллель с Гитлером.

Только демократия дает фашизму возможность всплыть на поверхность, расцвести. Однако фашизм угрожает лишь неопытной и нестабильной демократии, которой еще не удалось укорениться в собственном сознании. В созданной на руинах гитлеровского рейха Второй германской республике появилось понятие „wehrhafte Demokratie“ («обороноспособная демократия»). Для такой демократии борьба с экстремизмом является своего рода категорическим императивом.

Посткоммунистическая Россия весьма далека от такой модели. Демократия здесь все еще воспринимается как режим неограниченной свободы и терпимости по отношению к самым непримиримым антидемократам. Еще больше беспокоит тот факт, что демократическая идея, недавно казавшаяся непобедимой, почти полностью утратила свою привлекательность и ее поборники судорожно ищут новое лицо, новую идентичность. При этом они все чаще обращаются к идее сильной государственности, нередко прибегая к лексике своих экстремистских оппонентов. Демократы явно утратили инициативу в политическом споре, и этот факт не менее тревожен, чем развал экономики и поляризация общества. Соседям и партнерам России особенно, после начала войны в Чечне, все труднее отличить высказывания представителей правительства от заявлений «непримиримой оппозиции». Нелишне вспомнить еще раз опыт Веймарской республики. Не только нацисты твердили тогда, что Германия ущемлена, что версальский «диктат» отдаст ее в рабство державам-победительницам. Подобными выражениями уснащали свои заявления почти все политические группировки страны.²¹ Пронацистские идеи витали в воздухе совершенно так же, как сейчас идеи Жириновского в России. Гитлер сумел найти могучих союзников в правящей элите. Ведь правым экстремистам еще никогда не удавалось прийти к власти собственными силами. Им всегда нужны влиятельные союзники из правительственных кругов. Именно поэтому Владимир Жириновский без устали предлагает себя в союзники российскому президенту.

Расширенная версия статьи опубл. 19. 11. 1994 в газете *Франкфуртер Альгемайне Цайтунг*

²¹ Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968; Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993.

«Веймарская Россия?» – заметки об одном спорном понятии*

Все аналогии «хромают». Это правило касается и сравнения между постсоветской Россией и веймарской Германией, которое пустил в обиход в начале 90-х годов Александр Янов. Но несмотря на это между двумя государственными образованиями видны поразительные сходства, на которые я хотел бы указать в первой части статьи. Во второй части я перейду к различиям.

I. Аналогии между веймарской республикой и постсоветской Россией

1. Легенда о «внутреннем враге»

Политическую культуру веймарской республики с самого ее возникновения отравляла легенда об „ударе ножом в спину». Сочинили ее представители господствующих кругов, которые в годы первой мировой войны диктаторски правили страной и после неудачи весеннего наступления 1918 г. прекрасно понимали, что военная мощь Германии полностью исчерпалась, что без немедленного прекращения военных действий страну ожидает катастрофа. Но чтобы не нести ответственности за поражение, правящая верхушка передала власть бессильному до сих пор рейхстагу. Таким образом произошла не завоеванная снизу, а подаренная сверху парламентаризация страны.¹

И вот этот неожиданно оказавшийся у власти парламент должен был расплачиваться за военный крах рейха, ответственность за который лежала в первую очередь на военном командовании, которое своей политикой тотальной мобилизации довело страну до полного изнеможения.

Генерал Эрих Людендорф – негласный диктатор рейха в течение последних двух лет войны – утверждал в своих воспоминаниях, что Германия проиграла войну не на внешнем, а на внутреннем фронте. Пацифистские и пораженческие настроения демократической оппозиции якобы разложили боевую мораль ар-

* Эта статья была завершена в начале 2008 г. Ее сокращенная версия была опубликована в журнале *Вопросы философии* (2008. № 4).

¹ Gurian W. *Um des Reiches Zukunft*. Freiburg, 1932; Nipperdey Th. *Deutsche Geschichte 1866-1918*. Vol. 2. *Machtstaat vor der Demokratie*. München, 1992. P. 858-876; Winkler H. A. *Der lange Weg nach Westen*. Vol. 1. *Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik*. München, 2002. P. 361-377; Мисухин Г. Россия в Веймарском зеркале, или Соблазн легкого узнавания // *Pro et Contra*. 1998. № 3. С. 111-123; Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 10-11.

мии.² То есть не всемогущее военное командование, а лишённые во время войны какого-либо политического влияния партии рейхстага были главным виновником поражения. Так родилась легенда об «ударе ножом в спину», вера в то, что стремление Германии к мировой гегемонии рухнуло не вследствие неосуществимости этой мечты, а из-за измены маленькой кучки внутренних врагов.

Эта «теория» поразительно напоминает аргументацию имперски настроенных российских кругов в последние годы перестройки и в постсоветской России. Певец империи Александр Проханов писал в марте 1990 г.: «Впервые не только в истории отечества, но и мира, мы видим, как государство рушится не в результате внешних ударов [...] или стихийных бедствий, а в результате целеустремлённых действий [его] вождей».³

Тон был задан. Все становилось понятным. Крушение советской империи происходило, оказывается, не из-за того, что партия не доверяла народу и душила его стремление к самостоятельности, не потому, что Советский Союз в эпоху третьей (электронной) промышленной революции превратился в живой анахронизм, т.е. в рай бюрократов, построенный на регламентации и подавлении творческой инициативы общества. Нет, виновны во всем были враги косности и застоя, пытающиеся вернуть страну, оторванную от стремительно развивающегося «1-го мира», в мировое сообщество. Однако модернизация страны была невозможной без ослабления патерналистских номенклатурных структур, скреплявших в единое целое и «внешнюю» советскую империю (соцлагерь) и «внутреннюю» (СССР). Но сердцевинной империи был не управленческий «новый класс», а вдохновляющая его идеология – идея пролетарского интернационализма. Эта идея, т.е. «надстройка», была «базисом» СССР. Ведь в названии СССР нет и намёка на то, что страна эта является преемником империи Романовых. Союз Советских Социалистических Республик мог бы существовать в любой части мира, на любом континенте. Важнейшей предпосылкой существования этого государства была вера в непогрешимость партии и ее идеологии. Но ведь уже в брежневские времена в «светлое коммунистическое будущее», за исключением может быть Сулова и ему подобных, не верил никто. Существовала лишь игра в веру, маскарад, в котором участвовало наряду с партией и большинство населения – за исключением диссидентов. Но во время перестройки этот камуфляж рухнул под напором гласности. И у Горбачева не оставалось другого выхода как отказ от 6-ой статьи конституции, закреплявшей ведущую роль партии в стране. Советская империя нуждалась теперь спешно в новом идеологическом фундаменте, скрепляющем ее в одно целое. Но лихорадочные поиски такого фундамента, как известно, не увенчались успехом. Уже в 1927 подобные события с необычайной

² Ludendorff E. *Meine Kriegserinnerungen 1914-1918*. Berlin, 1919; Weimar Russia: Is there an Analogy. <http://globetrotterberkeley.edu/pubs/james.html>; Hanson S.E., Kopstein Je.S. *The Weimar/Russia Comparison // Post-Soviet Affairs*. 1997. Vol. 13, 3. P. 256.

³ Проханов А. *Идеология выживания // Наш Современник*. 1990. С. 3-9; см. также Янов А. *После Ельцина. «Веймарская Россия»*. М., 1995; Hanson, Kopstein. *Weimar*. P. 266.

проницательностью предвидел основоположник евразийского движения князь Николай Трубецкой. Он писал тогда, что время единовластного господства русских в России в связи с растущим национальным сознанием нерусских народов ушло безвозвратно. Большевики хорошо это поняли и нашли нового носителя российского единства: вместо русского народа – пролетариат. Но это лишь кажущееся решение вопроса, продолжает Трубецкой. Национальные чувства рабочих куда сильнее их классовой солидарности. Если Россия хочет оставаться единым государством, она должна найти нового носителя своего единства и таковым с точки зрения Трубецкого может быть только евразийская идея, подчеркивающая общность между народами России-Евразии.⁴

Слабостью евразийской идеи – и в прошлом и в настоящем – является однако то, что она так и не смогла добиться широкого признания, «овладеть массами» и таким образом предотвратить распад СССР.

Всем этим глубинным историческим процессам, которые привели к тектоническим сдвигам на всем пространстве между Эльбой и Владивостоком, ностальгически настроенные круги в постсоветской России не придают никакого значения. Для них дезинтеграция советской империи была всего лишь результатом заговора кучки «внутренних врагов».

2. Отрицание Запада

Кроме легенды об «ударе ножом в спину» многие национал-патриотические круги в постсоветской России объединяет с веймарской правой радикальное отрицание Запада.

После поражения якобы «не побежденной на поля боя» нации в первой мировой войне немецкие националисты все настойчивей демонизировали как победителей, так и отстаиваемые ими демократические ценности. Суровость Версальского договора, по своему характеру, кстати, не слишком сильно отличавшегося от заключенного немцами победоносного мира на востоке в марте 1918 года (Брест-Литовский мир) поборники национального реванша считали вполне достаточным основанием для того, чтобы смести существующий европейский уклад. Оскорбленное национальное самолюбие стало господствующим мотивом их образа мыслей, определяло их тактику; соображения касательно общеевропейского и христианского наследия уже не играли никакой роли: «Мы – притесняемый народ», – писал в 1923 г. один из провозвестников так называемой Консервативной революции Артур Меллер ван ден Брук: «Скудная территория, на которую нас отгеснили, таит в себе огромную опасность, от нас исходящую. Не следует ли нам строить нашу политику на основе этой опасности?»⁵

⁴ Трубецкой Н. *Общеевропейский национализм* // *Евразийская Хроника*. 1927. № 7. С. 28-29.

⁵ Moeller van den Bruck A. *Das Dritte Reich*. Hamburg, 1931. P. 71-72.

Заимствованный у Запада либерализм был провозглашен сторонниками Консервативной революции и других националистических группировок смертельным врагом немцев. Для Меллера ван ден Брука либерализм был «моральным заблуждением нации», свободой от каких бы то ни было убеждений, выдаваемой за убеждения.⁶

Характерная для консервативных революционеров псевдоэтическая установка проявляется здесь особенно отчетливо. Те, кто из-за допущенной в Версале несправедливости были готовы разрушить весь европейский порядок, кто готов был насмехаться над гуманизмом, не задумываясь бросали либерализму упрек в равнодушии к морали. Неудивительно, что этот морализаторский имморализм, заранее отпускавший грехи своим единомышленникам, но изображавший своих противников неисправимыми преступниками, многим казался весьма заманчивым.

Установление либеральной системы в Германии представлялось немецкими критиками Запада следствием коварных интриг западных демократий. Запад обладает иммунитетом против либерального яда, он не принимает всерьез либеральные принципы, утверждал Меллер ван ден Брук. Напротив, в Германии либерализм был воспринят буквально. Поэтому его разлагающие принципы сумели привести страну к гибели. Западные государства, неспособные одолеть немцев на поле брани, пытаются сделать это путем либерально-пацифистской пропаганды. И наивные немцы позволили отравить себя этим ядом.⁷

Жалость сторонников Консервативной революции к самим себе была столь же безгранична, как и их мания величия. Получалось, что единственным средством способным облегчить страдания немцев, было мировое господство. Меллер ван ден Брук разъяснял: «Власть над миром – единственная предоставленная перенаселенной стране возможность выжить. Наперекор всем препятствиям порыв людей в нашей перенаселенной стране направлен туда же, его цель – пространство, которое нам необходимо.»⁸

Парламентская демократия представлялась ее немецкими недоброжелателями как «лишенная рыцарских начал». Ноябрьская революция 1918 г. не была в состоянии защитить страну от внешнего врага, пишет Эрнст Юнгер. Поэтому от нее отвернулись солдаты. Эта революция, по мнению Юнгера, отвергла такие понятия как «мужество, отвага, честь».⁹ Освальд Шпенглер в свою очередь говорит о «неописуемой мерзости ноябрьских дней»: «Ни одного властного взгляда, ничего вдохновляющего, ни одного значительного лица, запоминающегося слова, дерзкого преступления».¹⁰

⁶ Ibid. P. 69-71.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 63, 71-72.

⁹ См. Bastian K.-F. *Das Politische bei Ernst Jünger*. Diss. Heidelberg, 1963. P. 66.

¹⁰ Spengler O. *Preußentum und Sozialismus*. München, 1920. P. 11; К теме «консервативная революция» в Веймарской республике см. также Rauschnig H. *The Conservative Revolution*. N.Y., 1941; Mohler A. *Die Konservative Revolution in Deutschland. Der Grundriß ihrer*

Демонизация западных ценностей характерна также и для многих национал-патриотически настроенных кругов постсоветской России. Своего рода рупором и идеологом этих сил является уже многие годы Александр Дугин. Издаваемый Дугиным в 90-е годы журнал «Элементы» рисует либерализм как «наиболее последовательную и радикальную форму ... европейского нигилизма», как воплощение духа антитрадиции, цинизма и скепсиса. Либерализм якобы разрушает любую духовную, историческую и культурную непрерывность, он просто враг человечества. Как роковую ошибку рассматривают «Элементы» то, что «либерализм» и «демократия» зачастую выступают синонимами. На самом деле либерализм не имеет ничего общего с демократией – властью народа. Защитники либерализма представляют собой небольшую, одержимую жаждой власти и никем не избранную элиту, которая использует демократическую риторику только затем, чтобы создать у народа иллюзию его причастности к политическим решениям верхушки.¹¹

Также как и веймарская правая, российские национал-патриоты отрицают пропагируемый Западом универсализм и являются страстными защитниками культурного партикуляризма и особых национальных путей. Прозападно настроенные круги обвиняются в недостаточном патриотизме. Такого рода обвинения прямо-таки обезоруживали и немецких и российских «западников». Они пытались во что бы то ни стало доказать, что судьба отечества им не безразлична. О «непобежденной на поле боя армии» заговорил впервые глава немецких социал-демократов Фридрих Эберт приветствуя от имени возникшего в Германии в ноябре 1918 революционного правительства возвращающихся с фронта солдат. Но все эти заверения в любви к отечеству не помогли ни социал-демократам, ни другим демократически настроенным политикам реабилитировать себя в глазах

Weltanschauung. Stuttgart, 1950; Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968; Sontheimer K. Der Tatkreis // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1958. Vol. 6. P. 229-260; Kuhn H. Das geistige Gesicht der Weimarer Republik // Zeitschrift für Politik. 1961. Vol. 8. P. 1-10; von Klemperer K. Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1962; Stern F. Kulturpessimismus als politische Gefahr. Bern, 1963; Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993; Luks L. „Eurasier“ und „Konservative Revolution“. Zur antiwestlichen Versuchung in Rußland und in Deutschland // Deutschland und die Russische Revolution 1917-1924 / Ed. Gerd Koenen, Lew Kopelew. München, 1998. P. 219-239.

¹¹ Элементы. 1994. № 5. С. 5; К идеологии Дугина и журнала *Элементы* см.: Янов. После Ельцина; Геополитическое положение России. Представления и реальность. М., 2000; Люкс Л. «Третий путь» или назад в Третий Рейх? О «неоевразийской» группе «Элементы» // Вопросы философии. 2000. № 5. С. 33-44; Luks L. Eurasien aus neototalitärer Sicht – Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Rußland // Totalitarismus und Demokratie. 2004. Vol. 1. Heft 1. P. 63-76; Mathyl M. Der „unaufhaltsame Aufstieg“ des Aleksandr Dugin // Osteuropa. 2002. Vol. 52. Heft 7. P. 885-900; Umland A. Postsowjetische Gegeneliten und ihr wachsender Einfluß auf Jugendkultur und Intellektuellendiskurs in Rußland. Der Fall Aleksandr Dugin (1990-2004) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2006. Vol. 10. Heft 1. P. 115-147; Уmland А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные интерпретации современного русского ультранационализма // Русский национализм: идеология и настроение. М., 2006. С. 223-262.

правых. Для последних демократы оставались изменниками родины, внутренним врагом, служившим интересам внешнего врага, т.е. Запада.

И здесь видно определенное сходство с судьбой демократов в ельцинской России.

Когда Ельцин и его единомышленники устранили в августе 1991 года коммунистическую диктатуру, они выступали не только под демократическими знаменами, но и под национальными русскими. Настроение подъема, царившее в Москве сразу после поражения коммунистического путча, очень напоминало атмосферу франкфуртской Паульскирхе в 1848 году (там заседало Национальное Собрание), когда идея свободы и национальная идея соединились в одно целое. Нельзя, однако, забывать, в каком направлении пошло развитие немецкого национального движения, так как целью, к которой оно стремилось, была не только свобода, но и великодержавная мощь. Характерным признаком этого поворота в немецком национальном движении была дискуссия в Паульскирхе в июле 1848 г. по польскому вопросу. До тех пор солидарность с угнетенной Польшей была своего рода проверкой для либерально настроенных кругов в Европе и Германии. Однако это чувство солидарности заметно ослабело после начала революции 1848 года.¹²

Похожая ситуация складывалась в России после отстранения КПСС от власти. Победившие демократы все чаще говорили о национальных интересах России и все реже о солидарности с малыми народами. Многие демократы, выступавшие еще до августа 1991 г. за «возвращение России в Европу», после августовских событий заговорили «об особом пути России». Сторонники прозападной ориентации в российской политике, в первую очередь министр иностранных дел А. Козырев, выставлялись их критиками как политики, лишенные корней, далеко отошедшие от традиций своей страны. Вскоре после победы демократов один из советников Ельцина Е. Кожокин заявил: «Придя к власти западники должны перестать быть западниками. Западником можно быть только в оппозиции».¹³

Национально настроенные круги демократического лагеря упрекали прозападные группировки в правительстве в безмерной уступчивости по отношению к Западу, а также по отношению к ближайшим соседям России. Так, политический советник Президента России С. Станкевич заявил: «Наши соседи зачастую рассматривают Россию не как государство, а как грудку, своего рода реликт, от которого можно отрезать ту или иную часть».¹⁴ Председатель Комитета внешней политики Верховного Совета Е. Амбарцумов добавил, что понятия национальной

¹² Kaehler S.A. Realpolitik zur Zeit des Krimkrieges – eine Säkularbetrachtung // Historische Zeitschrift. 1952. Vol. 174. P. 418; Gollwitzer H. Europabild und Europagedanke. Beiträge zur deutschen Geistesgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts. München, 1964. P. 262. Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1800-1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983. P. 627-630; Wehler Hans Ulrich. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vol. 2. Von der Reformära bis zur industriellen und politischen „Deutschen Doppelrevolution“. München, 1987. P. 743-744.

¹³ Московские Новости. 16.8.1992.

¹⁴ Россия 1992-й // Комсомольская правда. 26.5.1992.

гордости, национальной принадлежности и национальных интересов являются на Западе совершенно естественными. Почему же они не должны распространяться и на Россию?

Однако эта борьба российских демократов в защиту национальных интересов не реабилитировала их в глазах «непримиримой оппозиции». Для национал-патриотов демократы – это в первую очередь разрушители великой империи и агенты западных победителей в холодной войне, создавшие на российской территории антинациональный режим. Так что российским демократам не удалось, несмотря на их

национальную риторику, также как в свое время и их единомышленникам в веймарской Германии, преодолеть пропасть отделяющую их от их радикальных оппонентов. Но с другой стороны тот факт, что демократы в обоих случаях в какой то мере приспособились к аргументации своих противников, привел к тому, что они утратили инициативу в политическом дискурсе.

3. Новая диаспора

После первой мировой войны Германия потеряла 1/7 своих территорий. В первую очередь присоединенные к рейху в 1871 г. Эльзас и Лотарингию на западе и часть территорий с польским большинством на востоке. Особенно потеря польских территорий возмущала немцев, так как они должны были уступить 46.000 кв. км. территорий и проживающее там немецкое меньшинство государству, которое возникло всего лишь после первой мировой войны, т.е. в отличие от Франции не принадлежало к державам-победительницам. Стремление к пересмотру германских границ на Востоке было аксиомой внешней политики веймарской республики. Американский историк Харальд фон Рикхоф пишет, что это стремление приняло почти мистические черты и добавляет: Тот факт, что после 1918 года определенная часть немецкого населения попала под польское господство, в Германии считали своего рода патологией, а то, что до этого в течение многих поколений немалая часть поляков жила под немецким господством, считался чем-то естественным и само собой разумеющимся.¹⁵

Не меньшим шоком и для россиян был тот факт, что после распада СССР Крым, Донбас, Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия с проживающим там русским меньшинством оказались за границей. Те авторы, которые проводят параллели между постсоветской Россией и веймарской Германией указывают не в последнюю очередь на проблему «новой диаспоры» и на попытки обоих государств

¹⁵ von Riekhoff H. German-Polish Relations 1918-1933. Baltimore, 1971. P. 265; см. также Weimar Russia: Is there an Analogy. <http://globetrotterberkeley.edu/pubs/james.html>; Hanson, Kopstein. Weimar. P. 256; Brubaker Rogers. Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge, 1996. P. 125-126.

повлиять на судьбу соотечественников, превратившихся из привилегированного слоя населения нередко в ущемляемое в своих правах меньшинство.

Позиция Москвы по отношению к 25 миллионам русских, проживающих за российскими границами, вызывает озабоченность на Западе и Востоке. При этом нередко проводятся параллели с демагогическим использованием проблемы немецких национальных меньшинств после 1918 года. Американский политолог Фрэнсис Фукуяма сразу после распада СССР посоветовал московским политикам воспользоваться опытом Турции после первой мировой войны. Благодаря реформам Кемаля Ататюрка Османская империя в кратчайшие сроки стала современным национальным государством. Новая Турция отказалась от панисламистских и пантурецких претензий и предоставила проживающие за границей тюркские народы своей собственной судьбе.¹⁶

Советник российского президента Станкевич критически отнесся к совету Фукуямы. Судьба турок или тюркских народов, проживающих за границей, ни в каком случае не оставила Анкару равнодушной, заявил он. Об этом свидетельствует интервенция на Кипр в 1974 году, предпринятая, по утверждению правительства Турции, для защиты турецкого меньшинства на острове. Как полагает Станкевич, нельзя также забывать о том, насколько интенсивными были усилия Турции по включению в сферу своих интересов ставших независимыми тюркских государств на территории бывшего Советского Союза. Подобная позиция, с точки зрения Станкевича, абсолютно естественна: «Нормальность» Турции проявляется в том, что она имеет собственные геополитические интересы и стремится их обеспечить. Таких же прав Станкевич добивался и для России.¹⁷

4. Переход от полузакрытого к открытому обществу

Веймарская республика, т.е. «первая немецкая демократия», была самым свободным государственным образованием в истории Германии за исключением ФРГ. Об этой свободе мечтали немцы давно, чуть ли не со времен освободительной войны против Наполеона в 1813 году. Девизом немецкой революции 1848 года были «Свобода и государственное единство!». Однако революция не смогла осуществить ни того, ни другого.

Правда, четверть века спустя Бисмарку удалось объединить Германию, но сделал он это авторитарным путем. Полной свободы немцы смогли добиться лишь вследствие ноябрьской революции 1918 года свергнувшей правящие династии и передавшей всю полноту власти обществу. Но эйфорических настроений эта неожиданно завоеванная свобода почти не вызвала, что и неудивительно. Установ-

¹⁶ Фукуяма Фрэнсис. Неясность национального интереса // Независимая газета. 16.10.1992.

¹⁷ Станкевич С. Россия уже сделала антиимперский выбор // Независимая газета. 6.11.1992; см. также Weimar Russia: Is there an Analogy. <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/melville.html>; Brubaker. Nationalism. P. 107-109, 135-147; Ларюэль М. «Русская диаспора» и «русские соотечественники / Демократия вертикали. М., 2006. С. 185-212.

ление демократического строя ассоциировалось в Германии с поражением в мировой войне, с унижительным версальским договором, потерей территорий, репарациями, а также с глубочайшим экономическим кризисом, который достиг своего апогея в 1923 году небывалой в истории Германии инфляцией.

Все эти процессы напоминают то, что происходило в России после краха советского режима и в период зарождения «2-й русской демократии». Правда «2-ая русская демократия» не была, в отличие от веймарской республики, самым свободным государственным образованием во всей предыдущей истории страны. Строй, возникший в России после февральской революции 1917 года, был не менее свободным.

В апреле 1917 года Ленин назвал Россию «самой свободной страной в мире из всех воюющих стран»,¹⁸ и он же, несколько месяцев спустя, попытался обуздать эту свободу, что ему после большевистской победы в гражданской войне в конце концов и удалось. «Самая свободная страна мира» превратилась в первое в мире тоталитарное государство. Правда, после смерти Сталина характер коммунистической диктатуры существенно изменился. Власть имущие отказались от массового террора и тоталитарный строй превратился в полутоталитарный или даже патерналистски авторитарный. Но общество как таковое оставалось марионеткой в руках правящей номенклатуры и лишь во время перестройки оно перешло из «закрытого» в «полуоткрытое» состояние. Окончательное его освобождение произошло в августе 1991 года на баррикадах у Белого дома. Но также как и в веймарской Германии, это освобождение только на короткий срок вызвало эйфорическое настроение. Ведь после «августа» наступил «декабрь» (распад СССР), «январь» (шоковая терапия, которая в первые годы была связана с гиперинфляцией, с сокращением валового продукта в 1992 на 23%, и понижением уровня жизни населения чуть ли не на половину).

Очень быстро российские реформаторы растратили свой капитал доверия. Дискредитации демократической идеи способствовала и конфронтация между исполнительной и законодательной властью (президент/Верховный совет), завершившаяся роспуском парламента и обстрелом Белого дома.

Все эти события нанесли глубокую травму общественному сознанию, и одним из ее последствий было сокрушительное поражение демократов во время думских выборов в декабре 1993 года. Россия оказалась перед дилеммой, перед которой стояла когда-то веймарская Германия, когда радикальные антидемократы одержали неожиданную победу на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 года. Эту дилемму один из лидеров СДПГ Рудольф Гильфердинг сформулировал так: «Утверждать демократию против воли большинства, которое отвергает демократию, и причем утверждать ее, действуя на основе политических средств, предостав-

¹⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1958-1965. Т. 31. С. 114-115.

ленных демократической конституцией – это почти что решение квадратуры круга».¹⁹

5. Реванш свергнутых элит

Начавшаяся 9 ноября 1918 г. революция в Германии качественно отличалась от французской революции 1789 и русской 1917 года. В отличие от двух последних она не переходила от умеренной к более радикальной стадии, а наоборот: радикально начав, она становилась все более и более умеренной. Ее главной политической силой была социал-демократическая партия, которая во что бы то ни стало хотела предотвратить развитие революции по русскому образцу 1917 года. Поэтому социал-демократы беспрерывно боролись против своего леворадикального крыла, замороженного опытом большевистского Октября. Влияние этих экстремистских группировок на традиционно умеренный рабочий класс Германии было маргинальным. 80% депутатов избранных на берлинский съезд Советов состоявшийся в середине декабря 1918 г. отвергало советскую модель и высказалось за преобразование Германии в парламентскую республику.²⁰ Но несмотря на все это, социал-демократическое большинство в Совете народных уполномоченных (СНУ), который правил в Германии начиная с 10-го ноября 1918 г. видело главную угрозу для немецкой демократии не справа, а слева.

Кульминацией хаотических попыток левых экстремистов вызвать в Германии революцию по «русскому образцу» было начавшееся 5-го января 1919 г. восстание в Берлине. СНУ удалось без труда подавить это восстание, однако он воспользовался при этом не только регулярными войсками, но и праворадикальными корпусами добровольцев. Как отмечал в середине 30-х годов хронист Веймарской республики Артур Розенберг, использование крайних противников демократии для защиты республики было непростительной ошибкой правительства.²¹

На самом деле, восстание в Берлине было подавлено уже через несколько дней, 12-го января. Но социал-демократическое правительство утратило контроль над военщиной, которая теперь своими силами стала вершить самосуд. Жертвами расправ стали также и вожди созданной 31-го декабря 1918 г. Коммунистической партии Германии Карл Либкнехт и Роза Люксембург, которые были убиты 16 января.

¹⁹ Hilferding R. In Krisennot // Die Gesellschaft. 1931. Vol. 7. P. 1.

²⁰ Winkler. Der lange Weg nach Westen. P. 385-386; Blasius D. Weimars Ende. Bürgerkrieg und Politik 1930-1933. Göttingen, 2006. P. 17-18; Weimar Russia: Is there an Analogy. <http://globetrotterberkeley.edu/pubs/feldman.html>.

²¹ Rosenberg A. Geschichte der Weimarer Republik / Ed. K. Kersten. Frankfurt/Main, 1961; Не иначе оценивают тогдашнюю ситуацию и некоторые современные авторы. Берлинский историк Генрих Август Винклер в 1990 г. писал: «[Социал-демократы] прежде всего стремились предотвратить экономический и политический хаос; они переоценивали опасность слева и недооценивали опасность справа (Winkler H.A. Die Revolution von 1918/19 und das Problem der Kontinuität in der deutschen Geschichte // Historische Zeitschrift. 1990. Vol. 250. P. 307).

Острая реакция социал-демократов на действия бывшего левого крыла их собственной партии была вызвана не только преувеличенным страхом перед анархией, но и тем, что социал-демократическое правительство хотело продемонстрировать свой патриотизм, тождество своих интересов с внутренними и внешними интересами германского государства. Германские социал-демократы, которых правые годами обвиняли в том, что они совершенно не привязаны к своему отечеству, хотели доказать, что судьба Германии им не безразлична.

Итак, ноябрьская революция, свергнувшая монархию и внесшая вначале панику в ряды правящих консервативных элит, ограничилась в борьбе со старым режимом всего лишь полумерами. Его управленческие, экономические и даже военные структуры (несмотря на ограничения версальского договора) остались почти нетронутыми. Все предпосылки для реванша свергнутых в ноябре 1918 г. элит были налицо. Но это стремление к преемственности, к преодолению возникшего вследствие революции разрыва охватило со временем и широкие слои населения. Символизировало этот рост ностальгических настроений избрание в 1925 году престарелого фельдмаршала Гинденбурга, который никогда не смирился с республиканским строем и оставался убежденным монархистом, президентом рейха.²² При этом надо добавить, что это избрание произошло именно в тот момент, когда Веймарской республике удалось преодолеть послевоенный кризис, стабилизировать экономику, в период, когда демократические партии так называемой веймарской коалиции достигали наибольших успехов в парламентских выборах.

Эта двойственность показывает, каким хрупким государственным образованием была Веймарская республика, в которой демократические правила игры все еще не превратились в „the only game in town“, по выражению современных политологов Х.Линца и А.Степана.

Так как президент был своего рода гарантом веймарской конституции и мог в кризисных ситуациях вводить в стране чрезвычайное положение (48-ая статья конституции), антидемократические установки Гинденбурга угрожали строю, который он призван был защищать. Его предшественник Эберт, будучи убежденным демократом, пользовался чрезвычайными полномочиями, особенно во время Рурского кризиса 1923, но только для того, чтобы бороться против врагов демократии и справа и слева (и против коммунистической и против нацистской попытки государственного переворота). Такой последовательной борьбы на два фронта от Гинденбурга нельзя было ожидать. Консервативные круги, влияющие на престарелого президента, видели существенную разницу между коммунистами и нацистами, Последних они считали своими потенциальными союзниками. Эта их установка и привела в конце концов к передаче власти Гитлеру и к уничтожению Веймарской демократии.

²² Winkler. Der lange Weg nach Westen. P. 458-461; см. также: Гайдар. Гибель империи. С. 15.

И в постсоветской России, как и в Веймарской Германии, происходит своего рода реванш свергнутых элит.

Августовская революция 1991 г. носила, так же как и ноябрьская революция в Германии, половинчатый характер. Многие русские демократы не желали рассматривать августовские события после подавления путча как революцию, потому что с революцией ассоциировались такие понятия как массовый террор и диктатура. Именно поэтому они отказались от расправы с побежденными в большевистском духе. С точки зрения одного из ведущих представителей демократического лагеря, Г. Попова, это решение имело чрезвычайное значение не только для России, но и для всего мира.

Позднее Ельцин вспоминал, что в сентябре-октябре страна буквально балансировала на краю пропасти. И все же удалось спасти Россию от революции, а человечество – от ее катастрофических последствий. В течение года не стихали призывы к решительной конфронтации, говорил президент. Но ни один из этих призывов не нашел отклика в сердцах русских людей. Именно это Ельцин считал общей победой.

Галина Старовойтова, принадлежавшая к самому решительному крылу в лагере демократов, считала, напротив, непростительной ошибкой демократов то обстоятельство, что они не в полной мере использовали свою победу в августе 1991 г. Именно тогда существовала уникальная возможность радикально обновить аппарат власти, пока он находился в шоке. Но этого не произошло. Прежние силовые и управленческие структуры получили временную передышку, которую использовали для консолидации своих рядов.

В России до сих пор идут споры о том, совершили ли в августе 1991 г. Ельцин и его сторонники ошибку, встав на путь компромиссов, а не революционной борьбы. В этой связи, однако, нельзя забывать, сколь скромной была организационная база Ельцина и его команды в момент их победы. Кроме того, надо добавить, что после победы над общим противником большинство демократических группировок перешло в оппозицию к новому руководству страны. Чтобы не исчезнуть с политической сцены, правительство Ельцина было вынуждено искать компромисс с прежними структурами, готовыми смириться с реформами. Здесь видно определенное сходство с поведением большевиков после 1917 года. Хотя большевики считали свою революцию самым радикальным переворотом в истории, им через несколько месяцев после прихода к власти пришлось искать поддержки у «буржуазных специалистов», т.е. у представителей «старого мира», который большевики хотели полностью разрушить. Иначе режим просто не смог бы обеспечить свое существование. Однако у большевиков было в распоряжении одно чрезвычайно действенное средство, чтобы заставить «классовых врагов» работать на себя – «красный террор». Таким средством победители в августе 1991 года не располагали. Чтобы склонить к сотрудничеству наиболее гибкие элементы прежних структур, им пришлось апеллировать к их интересам и одно-

временно убеждать их в том, что реставрация старого режима не может быть осуществлена ни при каких обстоятельствах.

Но частичная реставрация все же произошла. В декабре 1992 г., на 7-ом съезде народных депутатов, Ельцин, под давлением парламента должен был отправить автора «шоковой терапии» Гайдара в отставку. Его преемник, Черномырдин, представитель промышленного лобби, дистанцировался от радикальной рыночной концепции предшественника. Оправившись от августовского, а потом и от октябрьского (1993 г.) шока, управленческие группировки начали контрнаступление против зародившегося уже во время перестройки гражданского общества, против вырвавшихся на свободу субъектов федерации и против накопивших баснословные суммы олигархов. Пока Ельцин был у власти, это контрнаступление не принимало характер реставрации рухнувших в 1991 г. порядков. Будучи убежденным реформатором, Ельцин, несмотря на сближение с управленческими структурами старого режима, был, как в свое время Эберт в Германии, помехой для такого поворота колеса истории вспять. При его преемнике положение изменилось. «Управляемая демократия» Путина не только усилила контрнаступление управленческих структур на гражданское общество, начатое уже при Ельцине, но также и качественно изменила характер государственной системы. Парламент, федерационные структуры, СМИ, олигархи, которые были противовесом силовым ведомствам, в значительной мере потеряли свою самостоятельность и превратились в большинстве случаев в инструменты госаппарата. Россия начала возвращаться на круги своя, когда «государство пухло, а народ хирел» (Ключевский). Такого свертывания гражданского общества и плюралистических институтов, которое наблюдается в путинской России, не было в Веймарской Германии – даже в эпоху президентского правления начиная с 1930 года. И здесь я хотел бы перейти к различиям между Веймарской республикой и постсоветской Россией.

II. Различия между веймарской Германией и постсоветской Россией

1. Предыстория

То что путинской «управляемой демократии» «удалось» на много более основательно демонтировать гражданское общество, чем созданному в 1930 году президентскому правительству в Веймарской республике показывает, что общественное развитие в обоих государственных образованиях существенно отличалось друг от друга. Плюралистические структуры в Веймарской Германии находились

на более высокой ступени развития чем в постсоветской России,²³ и эти различия тесно связаны с различной предысторией обоих государств. Предшественник Веймара – созданный в 1871 году 2-ой немецкий рейх – был, несмотря на его полufeодальный и патриархальный характер, правовым государством с многопартийной системой, независимыми общественными организациями и более или менее свободной прессой. Хотя оппозиционные партии, особенно социал-демократия, и некоторые конфессиональные и национальные меньшинства (католики, поляки) периодически преследовались, однако у дискриминированных групп всегда оставались правовые лазейки, которые им позволяли пережить периоды наиболее интенсивных гонений и со временем вернуться в прежней силе на политическую или общественную сцену.

Ничего подобного не существовало в предшествующем «2-ой русской демократии» Советском Союзе, за исключением горбачевского периода. Гражданское общество, построенное в России после революции 1905 года и полностью освободившееся в феврале 1917 г. от государственной опеки, было уничтожено большевиками, а вместе с ним и институт частной собственности (особенно в сталинский период), который гарантирует обществу определенную степень независимости от государства. Итак, «вторая русская демократия» входила на политическую сцену почти без опыта конкурентной политической борьбы и организованного отстаивания прав и интересов отдельных общественных групп. То, что демократам с такой легкостью удалось в августе 1991 года разгромить правящий аппарат, связано было не с их силой, а со слабостью противника, который из-за эрозии коммунистической идеологии переживал чрезвычайно глубокий кризис идентичности и поэтому потерял способность к сопротивлению. Когда же управленческий аппарат оправился от шока поражения и начался уже описанный бюрократический реванш, оказалось, что гражданское общество в России еще не успело выйти из своего аморфного состояния и не в силах оказывать хорошо организованному управленческому классу эффективное сопротивление. Эти поражения демократов были связаны, не в последнюю очередь, и с тем, что они переживали кризис идентичности. Дискредитация демократических идей в глазах широких слоев населения в связи с трудностями перехода от «закрытого» к «открытому» обществу, лишила демократов той уверенности в себе, которая была для них характерна в последние годы советской власти. Они плыли уже не с течением, а против него. И действительно, постепенный демонтаж плюралистических структур при помощи методов «управляемой демократии» не вызвал особых протестов населения. Наряду с дискредитацией демократической идеи такой реакции общества способствовал и факт, что эти процессы происходили параллельно с экономической стабилизацией (в первую очередь благодаря высоким мировым ценам на нефть и другие энергоносители). Кроме того, стремле-

²³ См. Hanson, Kopstein. Weimar; Hanson Stephen E. Postimperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia // East European Politics and Societies. Vol. 20. Nr. 2. P. 343-372.

ние путинской команды к «огосударствлению» общества соответствовало традиционным представлениям многих россиян о роли государства как гаранта общественной справедливости и благосостояния нации. Бунты и революции происходили в России в первую очередь из-за того, что государство не справлялось с этой ролью, а не потому, что общество пыталось перетянуть эти функции на себя.

2. Угроза справа и слева

Веймарская демократия постоянно боролась с двумя угрозами – справа и слева. Гитлер всплыл на волне страха правящих слоев перед большевистской опасностью. Этот страх едва ли имел под собой основания. В Германии начала 30-х годов конфликт между социал-демократами и коммунистами, спровоцированный в первую очередь из Москвы сталинским руководством, парализовал рабочее движение, практически лишив его всякой дееспособности. Несмотря на это правящие круги Германии панически боялись «восстания масс», т.е. независимого рабочего движения. Этим страхом воспользовались нацисты. Выступая в январе 1932 г., во время встречи с немецкими промышленниками в Дюссельдорфе, Гитлер утверждал: «Если бы не мы (нацисты – Л.Л.), средний класс в Германии был бы уже уничтожен. А вопрос о власти большевики давно бы решили в свою пользу».²⁴

И хотя аргументация нацистского вождя носила вполне демагогический характер, ему в конце концов удалось убедить власть имущих, что спасти расшатанный господствующий строй в Германии можно лишь опираясь на НСДАП.²⁵

В отличие от своих немецких предшественников нынешние российские правые экстремисты, как правило, мало говорят об опасности слева, более того, в борьбе против установленного в августе 1991 строя они часто оказывались с коммунистами по одну сторону баррикад.²⁶ «Красно-коричневый союз», лишь периодически возникавший в веймарской Германии, в постсоветской России постоянный феномен.²⁷ Эта мешанина «правизны» и «левизны» связана не в по-

²⁴ Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945. Wiesbaden, 1973. Vol. 1. Erster Halbband. P. 87.

²⁵ См. Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935. Stuttgart, 1985. P. 158-161, 193-194; Luks L. Bolschewismus, Faschismus, Nationalsozialismus – verwandte Gegner? // Geschichte und Gesellschaft. 1988. Vol. 14. P. 100-103.

²⁶ Говоря об угрозе постсоветской демократии и «справа» и «слева», некоторые авторы не учитывают в достаточной мере это обстоятельство. См. Hanson, Kopstein. Weimar. P. 267-268.

²⁷ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994; Люкс Л. Призрак фашизма в посткоммунистической России // его же. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М., 2002. С. 256-266; Shenfield S.D. Russian Fascism. Traditions, Tendencies, Movements. Armonk, 2001; Allensworth W. The Russian Question: Nationalism, Modernization and Post-communist Russia. Lanham, 1998; Соколов М. Национал-

следнюю очередь с аморфным, расплывчатым партийно-политическим ландшафтом в посткоммунистической России, что, в свою очередь, объясняется аморфным состоянием общества, в котором нет классов в общепринятом смысле этого слова. Но есть и другие причины все большего стирания различий между правыми и левыми в современной России. Дело в том, что российские коммунисты, пожалуй впервые после 1917 года, потеряли веру в непрерывный общественный прогресс и в то, что история и ее законы на их стороне.

Напротив, правые экстремисты всегда воспринимали идею прогресса не иначе как с насмешкой. Они никогда не желали и не желают плыть в потоке истории, наоборот, пытаются любой ценой задержать его и повернуть вспять. Повсюду им мерещатся симптомы упадка и разложения, козни могущественного всемирного заговора. Они считают, что предотвратить «закат Европы» можно лишь насильственным уничтожением носителей этого заговора – евреев, масонов, «плутократов», марксистов. Золотой век фашизма – это языческая, дохристианская эпоха. Пафос же коммунизма устремлен в будущее, где произойдет прыжок «из царства необходимости в царство свободы».

Однако этот исторический оптимизм теперь ушел в прошлое. После развала Советского Союза у коммунистов не осталось веры в прогресс и светлое будущее. Внезапное исчезновение второй великой державы, внушавшей страх или же уважение всему миру, кажется им непостижимым событием, они отказываются видеть в нем историческую закономерность. Их «золотой век» находится теперь, также как и у правых радикалов, в прошлом.

Кроме смешения правых и левых позиций постсоветскую Россию отличает от веймарской Германии и то, что в России не наблюдается постоянная радикализация общества и размывание центристских группировок и установок. В России наоборот, радикальные группировки и слева, и справа (КПРФ с одной, ЛДПР с другой стороны), становятся все более «центристскими» и находят общий язык по крайней мере с частью правящих группировок. Этот процесс срастания «непримиримой» оппозиции с государственными структурами усилился после прихода Путина к власти, который в глазах многих национал-патриотов является новым «собирателем земли русской». Создается миф, распространяемый также и рядом официозных публицистов, о ельцинском периоде развала и унижения России и о путинском чуде возрождения российской государственности. В действительности же, если и говорить о «политическом чуде», то надо это понятие применить скорее к ельцинскому периоду. Ведь тогда страна в кратчайшие сроки перешла от плановой экономике к рыночной, от империи к национальному государству, от псевдофедеративного к подлинному федеративному устройству, от коммунистической диктатуры к конституционной системе. И все это произошло без гражданской войны, которую многие предсказывали, не по румынскому или югославскому сценарию. Исключением здесь является чеченская трагедия. Но

большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль // Русский национализм: идеология и настроение. М., 2006. С. 139-164.

вспомним, как болезненно происходило расставание с империей и в западных демократиях (Франция, Англия, Голландия). Так что предпосылки для выхода страны из чрезвычайно опасного переходного периода созданы были уже при Ельцине, и его преемник продолжил лишь процесс консолидации нового государства, начавшийся в середине 90-х годов.

Сравнивая постсоветскую Россию с веймарской Германией надо подчеркнуть, что и последняя пережила процесс консолидации и стабилизации, начавшийся в 1924 году и завершившийся 5 лет спустя в связи с крахом нью-йоркской биржи в октябре 1929 и началом мирового экономического кризиса. Сможет ли постсоветская Россия выдержать подобное испытание на прочность, которое в свое время разрушило Веймарскую республику? Вопрос этот остается открытым.

3. Роль Запада

Возникновение Веймарской республики было неразрывно связано с Версальским договором, который морально осуждал Германию, называя ее главным виновником мировой войны. Территориальные, экономические и военные рестрикции Версальского договора не воспринимались немцами так болезненно, как это моральное осуждение. Все это усиливало уже описанные антизападные настроения, демонизацию Запада в стране.

Отношения между постсоветской Россией и Западом развивались по совершенно другому сценарию. Хотя Советский Союз *de facto* проиграл холодную войну, *de jure* эта война не знала ни победителей, ни побежденных. Послевоенный экономический кризис в веймарской Германии был не в последнюю очередь связан с тем, что победители требовали от нее уплаты репараций. Лишь после Рурского кризиса 1923 г. Запад изменил свою политику ультиматумов и нажимов и предоставил Германии кредиты для восстановления ее экономики (план Дюуса). Постсоветская Россия же с самого начала могла рассчитывать на кредиты международных финансовых организаций, а также и отдельных западных стран, которые пытались ей помочь преодолеть последствия «шоковой терапии».²⁸

Ожидания связанные с окончанием холодной войны только частично осуществились. «Общий европейский дом», о котором мечтали во время перестройки, не был построен. В связи с событиями в бывшей Югославии и с расширением НАТО на восток отношения между Россией и Западом вновь обострились. Но это почти не остановило процесс интеграции России в мировые экономические и политические структуры. Несмотря на антизападную риторику в Москве и на массивную критику политики Путина в Вашингтоне, Лондоне или в Берлине, сегодняшняя Россия, в отличие от веймарской Германии, это не страна изгой, а равноправный партнер Запада.

²⁸ Hanson, Kopstein. Weimar. P. 270.

Это обстоятельство влияет, конечно, на то, что антизападные настроения в России, особенно в правящем истеблишменте, не достигают такого накала, как это было в Веймаре.

4. Дух времени

На трагическую судьбу веймарской демократии существенно повлиял характер эпохи, в которой она возникла. Это было время обожествления «священного» национального эгоизма (*sacro egoismo*), отрицания политики компромиссов в межнациональной борьбе. Такие политики как Густав Штреземан или Аристид Бриан, пытавшиеся примирить Германию с победившими ее державами, не смогли справиться с шовинистическими настроениями в своих странах, принявших чуть ли не стихийный характер. Уже первая мировая война показала, к каким катастрофическим последствиям приводит такая установка. Но эта война была всего лишь первым этапом саморазрушения Европы, которое достигло своего апогея во время развязанной Гитлером второй мировой войны.

К каким выводам пришли европейцы после опустошительного опыта этой катастрофы? Одним из таких выводов был процесс европейской интеграции, создание Европейского Сообщества, а впоследствии Союза. Принципом ЕС является добровольный отказ членов Союза от некоторых прерогатив национального суверенитета. Почему же многие европейские страны отказываются от части своего суверенитета, которым они так дорожили в течение многих веков? Связано это с трагическим опытом двух мировых войн, которые наглядно показали, к каким ужасающим последствиям приводит обожествление национальных интересов, стремление отдельных государств к гегемониальному господству. Без этого опыта интеграционные процессы, начавшиеся в Европе во второй половине 20-го столетия, были бы немыслимы. Принцип, на котором зиждется ЕС – это бесконечный поиск компромиссных решений, а этот поиск связан с непрерывными кризисами и конфликтами. Однако все эти конфликты решаются за столом переговоров, а не на полях сражений, как в прошлом. И уже один этот факт показывает, как невероятно изменилась политическая культура континента, в истории которого мирные эпохи были, как правило, всего лишь короткими передышками между двумя разрушительными войнами. Эти процессы не могли не коснуться и России, теснейшим образом связанной с ЕС. И в Москве прагматически настроенная часть правящего истеблишмента приходит постепенно к выводу, что за столом переговоров, путем компромиссов с западными партнерами, можно достичь намного большего, чем политикой ультиматумов и конфронтаций. Эта установка в отношениях Запад-Восток не влияет однако на внутреннюю политику страны, на отношения между государством и обществом. Хотя Путин и многие его соратники считают, что Россия «есть европейская держава», при этом они, однако, подчеркивают и самобытность страны, которая с их точки зрения нераз-

ривно связана с этатистским (т.е. с авторитарным) типом правления, якобы единственно возможным в российских условиях. Критиков этой установки власть имущие упрекают в незнании России. Однако для большинства европейцев «европеизм» сегодня неразрывно связан с идеей гражданского общества, правового государства и прав человека. Своим походом против этих идей, который особенно ярко выразился во время предвыборной кампании и парламентских выборов в декабре 2007 г. правящая бюрократия пытается бороться против «духа времени». Такого рода борьба, как известно, редко завершалась успехом. Каковы будут ее результаты в постсоветской России? Вопрос этот, как и многие другие затронутые в этой статье, остается открытым.

Коротко о книге

Два облика тоталитаризма. Сравнительные очерки об истоках и характере большевизма и национал-социализма

Эта книга посвящена параллелям между историческими путями России и Германии, которые особенно наглядно проявились в XX столетии.

И в России, и в Германии вследствие Первой мировой войны впервые в истории этих государств возникли демократические системы, которые вскоре стали жертвами двух противоположных тоталитарных идеологий и партий. Цели, которых эти партии пытались достичь, были уже сформулированы некоторыми радикальными мыслителями XIX в., однако вообще по характеру своему эти цели были совершенно утопическими. В XX в. выяснилось, однако, что эти утопии не столь далеки от жизни, как это представлялось вначале.

Аналізу причин успехов и поражений тоталитарных режимов в России и Германии, их сходствам и различиям, а также их историческим истокам посвящены статьи данного сборника.

Коротко об авторе

Леонид Люкс родился в 1947 году в Свердловске (ныне Екатеринбург) и спустя некоторое время переехал в Польшу. В 1965 году окончил среднюю школу в Щецине. Изучал историю и славистику в Иерусалиме и Мюнхене. В 1973 году защитил кандидатскую, а в 1981 докторскую диссертацию в Мюнхенском университете. Преподавал историю в университетах Мюнхена, Бремена, Кельна, а с 1995 до 2012 года возглавлял кафедру Центральной и Восточноевропейской истории в Католическом университете г. Айхштетт, с 2011 года директор Института по изучению Центральной и Восточной Европы в Католическом университете. Главный редактор журнала «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры»

Важнейшие публикации

1. *Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Kommintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935* [Возникновение коммунистической теории фашизма. Споры о фашизме и национал-социализме в Коммунистическом Интернационале . 1921-1935]. DVA, Stuttgart 1985.
2. *Katholizismus und politische Macht im kommunistischen Polen 1945-1989. Die Anatomie einer Befreiung* [Католицизм и власть в коммунистической Польше 1945-1989. Анатомия освобождения]. Böhlau, Köln 1993.
3. *Россия между Западом и Востоком. Сборник статей. Московский Философский Фонд*, М.1993.
4. *Geschichte Russlands und der Sowjetunion. Von Lenin bis Jelzin* [История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина]. Pustet, Regensburg 2000.
5. *Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе*, Московский Философский Фонд, М.2002.
6. *Der russische „Sonderweg“? Aufsätze zur neuesten Geschichte Russlands im europäischen Kontext* [Российский «Особый путь»? Очерки о новейшей истории России в европейском контексте]. ibidem, Stuttgart 2005.

7. *Zwei Gesichter des Totalitarismus. Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich. 16 Skizzen* [Два лика тоталитаризма. Большевизм и национал-социализм в сравнении. 16 очерков]. Böhlau, Köln 2007.
8. *История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина*. РОССПЭН, М.2009.
9. *Freiheit oder imperiale Größe? Essays zu einem russischen Dilemma* [Свобода или имперское величие? Очерки о русской дилемме] *ibidem*, Stuttgart 2009.
10. *Западничество или евразийство? Демократия или идеократия? Сборник статей об исторических дилеммах России*. *ibidem*, Stuttgart 2011.
11. *Zeithistorische Streitfragen. Essays und Repliken*. LIT Verlag, Münster 2012.